

Centre for applied ethics Charity Foundation
Tyumen Scientific Centre «Tyumenethnos»
(SB AS USSR)

Social Development
Foundation of Russia
(«Revival») Tyumen Branch

«ETHICS OF THE CIVIL SOCIETY» PROJECT
ON THE WAY TO THE CIVIL SOCIETY: moral oppositions. Materials of the expert poll. Edited by Prof. Vladimir I. Bakshtanovsky. Moscow: «Prometeus» Publishers, 1991.

Академия наук СССР
Сибирское отделение

Благотворительный фонд
"Тюменьэтнос"

Президиум Тюменского
научного центра

Фонд социального развития
России "Возрождение"

Центр прикладной этики

Тюменское областное отделение

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
«ЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»

НА ПУТИ
К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ:
НРАВСТВЕННЫЕ ОППОЗИЦИИ

Материалы экспертного опроса

Под редакцией В. И. БАКШТАНОВСКОГО

Москва
Прометей
1991

ББК 60.556.56
Н12
УДК 361

На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Издание Центра прикладной этики при Президиуме Тюменского научного центра СО АН СССР, Благотворительного фонда "Тюменьэтнос" и Фонда социального развития России "Возрождение", Тюменского отделения. - Москва: Прометей, 1991, 334с.

В книге представлены результаты консультативного опроса экспертов, инициированного исследовательским проектом "Этика гражданского общества". Специалисты в различных отраслях человекознания дают экспертные заключения по двум условным группам ценностных суждений, связанных с моральной критикой и моральным обоснованием рынка ("рынкофилия" и "рынкофобия") в ситуации переходного периода.

Диагностика конфликтного состояния современной нравственности и прогноз путей разрешения сложнейшей ситуации морального выбора составляют основное содержание коллективного поиска исследователей.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Ряд заголовков дан ответственным редактором.

Научно-организационная работа: **Н.В.Колотова, М.В.Логинова, В.Н. Бородин.**

Спонсор издания - АО "Тюмень - Этнос - Инвест".

Заказное издание.

Проект "Этика гражданского общества", 1991.

АНКЕТА

Уважаемый эксперт!

Временный научный коллектив исследовательского проекта "Этика гражданского общества" просит Вас принять участие в консультативном опросе экспертов на тему: "На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции".

Мы осознаем Вашу занятость, а потому избрали форму заочного "полилога", материалы которого участники получают в форме отдельной книги.

Сама задача заочной консультации коллектива Проекта с экспертами диктует определенный алгоритм, предусматривающий последовательное движение по заложенным в предполагаемом документе этапам научного поиска. Разумеется, документ дает лишь общую конструкцию текста Вашей консультации и не претендует на педантичное следование ему в ответах экспертов.

В стране началось формирование гражданского общества. На этом долгом, сложном и мучительном пути встают барьеры идеологического, культурного, морально-психологического планов. Их преодоление предполагает вытеснение множества стереотипов и предубеждений, требует становления новых принципов и норм духовно-нравственной жизни. Нужна и новая этика, теория "общества свободного сотрудничества и свободного антагонизма людей". Этика гражданского общества - это утверждение ценностей свободы и ответственности, успеха и "игры по правилам", гармонии конкуренции и сотрудничества, динамического сочетания индивидуализма и коллективизма. Ее основными направлениями являются: предпринимательская и менеджеристская этика, трудовая и профессиональная мораль, этика потребления и досуга, этизация гражданского конфликта, этос добрососедства и благотворительности.

На стадии становления гражданского общества, в переходный период, самой "болевым точкой" оказывается проблема морального отношения к рыночной экономике.

Как в массовом, так отчасти и в специализированном научно-теоретическом сознании, отсутствует достаточно четкий и вместе с тем «желанный образ» гражданского общества и рыночной экономики. Хотя переход к последней на уровне политического решения и считается признанным, он не стал актом морального выбора: в общественном сознании сильны фобическое неприятие и даже отторжение новых ценностных предпочтений. За теми образами гражданского общества, которые уже кристаллизуются, тянется длинный шлейф представлений о принципиальной несовместимости свободы и социальной справедливости, рыночной экономики и нравственных начал, предпринимательства, коммерческой деятельности и человеческой порядочности. Таков, увы, естественный (но безрадостный) итог семидесятилетнего эксперимента по формированию «нового человека».

Цель консультативного опроса экспертов: диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку; прогноз относительно возможностей и путей разрешения этой трудной ситуации выбора; обсуждение идеи морального консенсуса; формирование системы необходимой аргументации для обеспечения диалога между конфликтующими в отношении к рыночной экономике духовными структурами.

Первый этап консультации

Предлагаем Вашему вниманию материалы предварительной диагностики обыденного морального сознания в его отношении к рыночной экономике. В приведенной таблице даны характерные для современных речевых практик

ценностные суждения носителей двух условно выделенных позиций - «рынкофобов» и «рынкофилов». Их полярность отражает, на наш взгляд, реальность схизмы в моральном сознании общества, дух нетерпимости и недиалогичности, интонации и методы идейно-нравственной борьбы.

Ценностные суждения
против рыночного общества
(«рынкофобия»)

Ценностные суждения
в пользу рыночного общества
(«рынкофилия»)

Рыночное общество стоит на идее «всеобщей полезности». Оно ставит знак равенства между Добром и Пользой, при их конфликте побуждает делать выбор «в пользу Пользы». Тем самым беспринципная сила расчета оставляет Добру жалкий удел быть бессильным принципом общества чистогана. На долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает лишь равнодушие, в лучшем случае - унижительная жалость. Словом, «принцип пользы» губит совесть, душу человека, иссушает его нравственные чувства.

Вовлеченность в рыночную экономику изгоняет из человека устремленность к Идеалу, духовные Начала, тягу к Вечности. Тем самым заводит его в болото мещанства, мелкобуржуазной обывательщины. «Идеалом» здесь служат «доход», всего только «умеренность и аккуратность», отсюда - крохоборство, мелочные расчеты («даже нос должен иметь свой интерес, прежде чем он решится понюхать»).

Магистральная тенденция человеческой истории демонстрирует не просто ущербность, но архаичность самого принципа альтернативности выбора между Добром и Пользой. Инвективы против рынка были бы отчасти справедливы относительно периода первоначального накопления капитала и раннеиндустриальной цивилизации. Современная же история показывает, что именно насаждаемое казарменным социализмом «бескорыстие» в первую очередь глушит инициативу, губит душу человеческую, рождая множество форм показного и фальсифицированного и просто вынужденного бескорыстия.

В цивилизованных рыночных отношениях преодолевается кажущаяся несовместимость «Интереса» и «Идеала». Личный интерес все меньше воспринимается как элементарное своекорыстие. С другой стороны, снимается «очарование» жертвенности, аскетизма, ходульного «героического энтузиазма» и повышаются значимость повседневного существования, непреложное достоинство частной жизни. Ориентация на личный интерес оказывается полезной и для всего общества, благоприятствуя - через самореализацию - самосовершенствованию человека.

* * *

Частная собственность привязывает к себе человека таким образом, что разъединяет его с другими людьми

Обвинения частной собственности суеверно догматичны. Вопрос сейчас стоит об индивидуализации собственности

ми. Она порождает индивидуализм, эгоизм, ведет к росту аморализма, подрывает основы человеческой солидарности. Даже если частник и не станет рантье, выступает как человек работающий, но работает-то он лишь на себя. А потому, пусть даже и принося пользу обществу, в моральном отношении он имеет подозрительный статус. Если наше государство и стеснит экономическую свободу частного собственника, то это столь же морально оправдано, как и преследование наркомании, проституции, мошенничества и т. п.

ности, которая в смешанной экономике существует в разных и равных ипостасях: как общественная (акционерная, кооперативная и т. п.) и как частная. Только разгосударствленная и приватизированная (т.е. обретшая конкретного Владельца) собственность делает человека независимым, служит гарантом и условием его достоинства: хозяином нельзя командовать. К тому же индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и сотрудничество, служит противовесом как стадному коллективизму, казарменности, так и мелочной бюрократической регламентации.

* * *

«Героями рынка являются предприниматель, коммерсант, а вовсе не простой труженик. Их цель - богатство, их методы - «игра без правил», моральная вседозволенность. Предприниматель живет по закону сильного, он безжалостен к слабому. Его душа если и молится, то лишь идолам Успеха. Его кураж - риск, его услада - победа любой ценой. Стало быть, законы бизнеса - антипод законам морали. Конкуренция - борьба хищников.

Предприниматель, коммерсант, банкир, менеджер - пассионарии рынка, их ключевые фигуры. Но они отнюдь не мафиози, не спекулянты, не «теневеки», не коррупционеры. Требования рынка утверждают непреложные нормы честности, порядочности и доверия в качестве обязательных условий эффективности деловых отношений. А это в целом благотворно влияет на состояние нравов во всех сферах жизни. Конкуренция - воистину суровая борьба, но это «игра по правилам», соблюдение которых бдительно контролируется общественным мнением.

* * *

Рынок, с его обожествлением экономической свободы, несовместим с подлинным равенством, а потому рыночное общество по сути своей и антидемократично, и антинародно, как бы оно ни маскировалось под «ценности» формальной демократии. Равенство в бедности куда достойнее «свободного неравенства». Народная

Сокровенность демократии заключается, прежде всего, в свободе, а справедливость и уравнительность - не одно и то же. Ведь равенство в бедности неизбежно приводит к кризису общественной нравственности и порождает пороки (массовое воровство, лицемерие, лень, иждивенчество, показуха и т. д.). Необходима мораль-

<p>нравственность всегда выражает классовые интересы трудящихся: не тех, кто гребет прибыль с помощью предпринимательской изворотливости, а тех, кто честно живет на свою зарплату. Мораль - это особая свобода благодеяния, любви и альтруизма, а не рыночная «свобода», которая зиждется лишь на равенстве «эквивалентного обмена» по принципу «я тебе равно столько, сколько ты - мне». Именно этот принцип навязывает расчетливую «честность», выталкивает сокровенную суть морали: доброту без меры, любовь как неэквивалентное воздаяние.</p>	<p>ная реабилитация прибыли (которую нельзя смешивать с наживой) как продукта очень сложного и ответственного труда и богатства, приобретенного по законам правового общества. Бедность, разумеется, нуждается в социальной защите (как, впрочем, вся сфера культуры, здравоохранения, фундаментальной науки и т. п.), но в моральной и правовой защите, нуждается престиж, статус «сильных» - от подозрений в алчности, от зависти со стороны «ликующей» посредственности, от бюрократической ретивости.</p>
---	---

* * *

<p>Рыночное общество ведет к отчуждению. Люди относятся друг к другу лишь как к средству, функции, нарушая тем самым золотое правило нравственности, категорический императив. Однако непреложные законы морали требуют рассматривать человека только как цель. В товарной же цивилизации человек и самого себя привыкает рассматривать как средство, а его себялюбие тоже оказывается односторонним, побуждающим использовать свои силы и способности по бесчеловечным законам рынка.</p>	<p>В рыночном обществе, безусловно, «заложена» возможность отчуждения личности. С одной стороны, недопустимо в одностороннем порядке противопоставлять статус человека как цели практическим целесредственным отношениям в деловой практике. С другой - в развитом гражданском обществе существует множество норм, которые ограничивают функциональные, ролевые отношения между людьми. Это позволяет противостоять тенденции к абсолютизации отчуждения. В таком обществе вырабатываются способы погашения отрицательных последствий функционального подхода к человеку, их морально-психологической компенсации.</p>
--	--

* * *

Прежде чем сформулировать наши вопросы, подчеркнем вновь условность выделенных культурно-нравственных «лагерей» - «рынкофобов» и «рынкофилов». Более того, активные борцы с рынком и его адепты вряд ли сегодня образуют значительную часть населения страны. Однако уже проявившегося размежевания достаточно для утверждения все усиливающейся тенденции к духовно-нравственной поляризации. Вероятно, надо иметь в виду изменения формы и акцентов ценностных суждений «про» и «контра», характерных для наших дней, по сравнению с предшествующими этапами исторического развития гражданского общества. **А теперь:**

а) просим Вас определить степень полноты представленной совокупности ценностных суждений. Мы будем благодарны за все внесенные Вами дополнения и коррективы. При этом мы меньше всего ждем от экспертов редакционных, стилистических и даже смысловых уточнений к предъявленным позициям. Нам важнее:

б) **анализ реальной силы**, влиятельности того или иного совокупного суждения и связанного с ним имиджа рынка (антирынка). Мы, разумеется, понимаем неравнозначность сил «фобии» и «филии» в восприятии их самим моральным сознанием: левая колонка таблицы дана в опыте каждого либо как система догматов, либо через личное знание извращений рынка, в то время как правая - почти не дана в непосредственном опыте советского человека и потому может восприниматься как сумма «измов»;

в) просим Вас также **дать комментарий** относительно тех ценностных суждений, в которых **сфокусированы наиболее острые грани современного нравственного конфликта**;

г) наконец, последний аспект нашей заявки на этот этап консультации: экспертам **предлагается** провести анализ **мировоззренческих оснований** (идеалов - ценностей - норм), детерминирующих **социальное бытие** предъявленных суждений.

Второй этап консультации

Вы, наверное, уже обратили внимание на разнотипность и многоярусность явных и неявных конфликтов в отношении к этике гражданского общества - реакцией на них и явились ценностные суждения каждой из сторон. Представляется, что попытка **классификации** нравственных конфликтов, связанных с ситуацией выбора при переходе к рыночной экономике, поможет объяснить специфику ситуации идейно-нравственной конфронтации в обществе, ввести момент конструктивности в разрешение нравственных конфликтов или, по меньшей мере, придать им цивилизованные формы.

Мы полагаем возможным предложить для экспертизы и консультирования один из вероятных вариантов такой классификации, в котором выделяем три типа конфликтов, инициируемых переходным этапом становления гражданского общества.

1. Конфликт норм и ценностей **моральной традиции**, нравственного опыта «гомо советикус» с характерным для него дорыночным образом жизни, формами общения, правилами делового поведения, с одной стороны, а с другой - **моральных инноваций**, обусловленных взрывом перемен: в отношениях собственности, трудовой мотивации, развитии предпринимательской деятельности, сферах потребления и досуга и т. п.

Особый пласт этого конфликта составляет столкновение идеологизированной морали, этической догматики и современной версии общечеловеческой морали, в основе которой лежат базовые ценности свободы и ответственности.

2. Конфликт **внутри самой нормативно-ценностной системы**, связан-

ной с рыночной экономикой, т. е. атрибутивный конфликт этики гражданского общества, который отражает - особенно в переходный период - несбалансированность этой системы (например, между свободой и ответственностью, индивидуализмом и солидарностью, ориентацией на прибыль и благотворительностью, подчинением кодексам организации и личной инициативой).

Особый пласт этого типа конфликтности встроен в процесс конкретизации общечеловеческих норм и правил — так называемых Абсолютов — в исторически изменчивый контекст этики гражданского общества, в противоречивый процесс морального творчества. В общем виде здесь уже выявляется (?) проблема «нового зла» (моральное отчуждение, фурии частного интереса и т. п.).

Еще один пласт - конфликт в так называемых пограничных зонах этики гражданского общества - с политической этикой, этикой семейно-бытовых отношений.

3. Конфликт, активирующий нравственные проблемы первых двух типов в ситуации их приложения к историческим, этнонациональным и политическим особенностям нашей страны («русская идея», «особый путь», регионы «мусульманской цивилизации» и т.д.).

* * *

Пожалуйста, **дайте экспертизу** предложенной классификации. Если Вы ее принимаете - целиком или частично, - приведите, пожалуйста, поддерживающие и развивающие аргументы. Возможно, итогом Вашей работы явится консультация в виде типологии, построенной на иных началах...

Третий этап консультации

Заключительный этап нашей консультации с экспертами посвящен возможностям сближения позиций, предъявленных на первом этапе, снятия атмосферы нетерпимости и взаимного раздражения, налаживания диалога противостоящих сторон. Предстоит поиск принципов, основываясь на которые можно преодолеть антирыночные «фобии» морального сознания, его неподготовленность и потому неприятие гражданского общества в целом, а также преодолеть рыночную эйфорию, идеализацию бизнеса, обожествление гражданского общества. Меньше всего нашей фиксацией конфликтной ситуации мы хотели бы обострить и углубить противостояние «западников» и «почвенников», «инноваторов» и «традиционалистов». Трудно переубедить любую из сторон, тем более если она считает себя единственным и безраздельным «депозитарием» и распорядителем моральных ценностей. Наша задача - стимулировать фундаментальное мировоззренческое и ценностное обоснование идеи и практики гражданского общества, опираясь на метод, который избавляет участников противостояния от изнуряющего упорства и жажды победы. Эффективным методом такого рода мы считаем аксиологию и праксиологию консенсуса с учетом ценностей гражданского согласия и этики ненасилия.

Для экспертной оценки и консультирования предлагаются варианты разрешения, точнее, алгоритм разрешения некоторых из обсуждаемых выше нравственных конфликтов посредством снятия взаимной подозрительности, выявления диалогового потенциала каждой из позиций, определения неустойчивых моментов, положений в ней, допускающих трансформацию, что открывает саму возможность налаживания честного диалога. Речь при этом должна идти для каждой из сторон не о пассивном механическом выборе из заданных альтернатив, но о консультативном, творческом выборе, создающем новые

альтернативы.

Ставя задачу «выращивания» морального консенсуса, мы видим проблему не только праксиологическую, организационно-технологическую и т. п., но и теоретическую: технология консенсуса морального аналогична ли консенсусу политическому? А если «да», искать ли точку согласия в «центре» (аргументами «одной лодки» или «баланса сил») или, понимая неизбежную поляризацию общества, именно в наши дни скептически отнестись к потенциалу «золотой середины»? А если «нет», то какие моральные аргументы сведут за «круглым столом» сторонников и противников рынка, когда каждая из структур конфликта оценивает другую только в черно-белом измерении?

В основе предлагаемых ниже вариантов конструктивного выбора лежит попытка гибкого симбиоза идеалов свободы и равенства, либеральных и демократических систем ценностей. Мотивацией разработки этих вариантов служит понимание недостаточности аргументов «логики выживания» (в одной лодке не может быть ни «своих», ни «чужих» и т. п.) и «обмена полезностями» (с которыми, конечно, нельзя не считаться) и осознание необходимости поиска и нахождения моральных оснований решения конфликта.

К фобии против «принципа полезности». Она связана с убежденностью противников рыночной экономики в том, что мораль только на их стороне, тогда как в нравственном багаже их оппонентов - лишь аморализм. «Предпосылке» консенсуса - апелляция к истории. Диалоговым потенциалом обладают прецеденты ранее предпринятых человеческой мыслью попыток морального оправдания гражданского общества, основывающегося на рыночной экономике. Возможно, консенсус в этом конфликте будет стимулирован преодолением ригористического отношения к утилитаризму, прагматизму, персонализму и их этическим системам. И вообще поиск консенсуса требует определить: из каких этических парадигм целесообразно исходить, для того чтобы «наводить мосты» между оппозициями (этика любви, солидаризма, общественного договора, этика долга, пользы, справедливости и т.д.).

Ясно, что особая задача в этом поиске - сделать предлагаемое поле консенсуса понятным и убедительным для обыденного морального сознания. И в этом помощь консультанта-гуманитария не менее важна.

К фобии против аморализма бизнеса. Возможное поле консенсуса здесь формируется вокруг сюжета о социальной (а не просто технологической или юридической) ответственности. Бизнес обычно ориентировался почти исключительно на прибыль. Однако современная этика предпринимательства и менеджериума, не отказываясь в принципе от этой традиционной ориентации, новую акцентирует на социальную ответственность. Соответствующая ей мотивация связана с принципом «собственность обязывает» (к учету близких и отдаленных последствий предпринимательской деятельности - экологических, воспитательных и т. п.).

Смежный - развивающий - сюжет поиска поля консенсуса связан здесь с идеей достижения социальной **гармонии**.

К фобии против конкуренции. Здесь возможное поле консенсуса - вокруг темы **культурного лица конкуренции**.

Конкуренция способствует развитию агонального (соревновательного) духа в обществе и тем принципиально меняет его культуру, опираясь на творческое, позитивное начало индивидуализма. При этом в «правила игры» вписана особая этика - этика успеха и поражения в конкурентной борьбе. «Игра по правилам» исключает бесстыдство победителя и унижение (и самоуничижение)

проигравшего.

Рыночная конкуренция - механизм, который обеспечивает **справедливое** распределение прав и обязанностей, базовых ценностей в обществе. Конкуренция сохраняет элемент саморегуляции социальной справедливости, стимулирует самореализацию дифференцированных индивидуальных потенциалов.

Снятие фобии возможно далее через обсуждение темы **«Конкуренция на основе достижений»** - технологических, интеллектуальных, организационных и т. д. Эти достижения ведут к росту общественного богатства и таким путем благотворно влияют на состояние общественной нравственности (повышают роль творческого элемента в трудовой деятельности, снижают агрессивность в межличностных отношениях, расширяют возможности для благотворительности и т. п.). Условия рыночной конкуренции, соревнования за лучшее удовлетворение потребностей потребителя цементируют расшатанную трудовую мораль, ограничивают возможности бесхозяйственности, наживы на ней, влияют на качество продукции и т. д.

* * *

Мы просим экспертов проанализировать предложенные подходы и, если возможно, продемонстрировать иные пути консенсуса.

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРИМ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

СПОР О КОРЫСТИ И БЕСКОРЫСТИИ

Аргументы сторон, разбросанные на два столбца, рельефны и вполне драматургичны.

— Вы, торгоши, беспринципны, для вас Добро - только материально.

— А вы, апологеты бескорыстия, - лицемерны, вы идеальным Добром только прикрываете свое бессилие.

— А вы, торгоши, мелочны и бескрылы, вы - обыватели.

— А вы, крылатые мечтатели, обманываете себя и других, ваш идеализм ложен, ходулен, выдуман.

— А вы, торгоши, видите в человеке только средство.

— А вы, апологеты высоких целей, вообще человека теряете, он для вас абстракция, мираж, ибо цель от средств неотделима, и если торговля - путь к реальному улучшению жизни, то здесь и путь к человеку... и т. д.

Хитрость в том, что эта «дихотомия» достаточно умозрительна и сугубо теоретична. Она существует лишь в столбцах уравнения. В реальности (в русской, российской реальности, исторической, современной, традиционной) два эти подхода всегда соединяются в бытии каждого человека. Но - тайно, лукаво, непредсказуемо. Скрытно. И в этой скрытности, в этой схороненности концов - вся специфика русской жизни (в отличие и от западной - с ее откровенной ставкой на «борьбу всех против всех», и от восточной - с ее откровенным растворением индивида в «солидарном целом»). У нас - все смешано, сопряжено, подменено, и чем громче кричат сегодня спорщики, разделяясь на «рыночников» и «антирыночников» (на сторонников «свободы» и сторонников «порядка» или «социалистического выбора», или «научного подхода», в зависимости от системы фраз), тем хитрее все это сплетается под коркой каждого отдельного человека, на всякий случай готового к любому обороту дела.

И так всегда в России.

Никакого «дорыночного» или «безрыночного» этапа не было и быть не могло. Всегда существовал рынок, тонкость только в том, что он более или менее загонялся за кулисы, во тьму - он существовал как черный рынок, но - существовал даже в самые «светлые», в самые «ослепительные» периоды наших диктатур.

Какой-нибудь трибун бескорыстия в эпоху гражданской войны не в теплушке же ездил агитировать на фронтах, в теплушках и на крышах поездов ездили как раз «мешочники», «торгоши», «обыватели» и прочие «рыночники», жаждавшие наживы или обогащения, а гражданин Троцкий и гражданин Сталин ездили в личных вагонах, окруженные охраной, и питались они, разумеется, не из «общего котла».

И такой же трибун в эпоху победившего социализма спокойно и уверенно пользовался пайками из распределителей, никак «теоретически» не связывая эти пайки из распределителя с идеями бескорыстного служения и вдохновенной диктатуры, - его быт, как бы изъятый из тьмы «корыстных расчетов», существовал в его искреннем сознании за скобками идей, - но в реальности-то все это было на балансе: и квартиры, и дачи, и пайки, и охрана; наиболее же трезвые из героев (Сталин например) отлично рассчитывали баланс сил. Это был всем рынкам рынок - то есть сначала в общем балансе сил обеспечивалось это, а уж в «остатке» - все прочее, включая идеи.

Даже в войну и сразу после войны, когда, казалось бы, действовали только убеждение и принуждение, а слово было оружием, и идеи безраздельно владели массами, параллельно жил мощнейший рынок, но опять-таки - в «зазеркалье», в сфере спекуляции, да, впрочем, и в «законе» тоже: в коммерческой сети - иначе и не выжить бы людям.

И теперь, в царстве командно-административной системы, которая усердно сама себя перестраивает, рыночная экономика работает, работает по всем законам Адама Смита, но она - «в нетях», она - **черная**, она - **теневая**. Да иначе наш командный социализм ни дня бы не протянул, концов бы не свел. Он потому и живет, что его все время тайно корректируют и подпитывают «спекуляция», подпольный бизнес и «незаконная» мафия; и это вовсе не отдельная сфера жизни, наглухо отрезанная от «работы партаппарата» или «советской власти», это две стороны одной жизненной схемы хотя бы потому, что жизнеобеспечение «аппарата и власти» есть первейший у нас экономический акт, связанный с черным рынком отнюдь не только в теории, а в самом прямом и элементарном смысле, и не только тем, что мафия участвует технически в обеспечении «верхнего слоя» пайками, но и тем, что «верхний слой» допускает мафию (то есть «свободный рынок») участвовать в тотальном производстве, потому что иначе все окончательно сядет на мель. «В магазинах нет, в холодильниках есть», - любой житель нашей страны знает действие этого парадокса на своем опыте, так что для него вопрос о противоречии рынка и антирынка чисто доктринальный.

Иными словами, консенсус между «рынкофилами» и «рынкофобами» не просто уже достигнут - он существует всегда, во все эпохи, в том числе и сегодня. И осуществляется он в тот момент, когда домработница секретаря обкома сторговывает для своей хозяйки заграничное платье у спекулянтки или когда простой, живущий на зарплату совслужащий перепродает (или перекупает) талон на водку (на сахар, на табак) или уступает место в очереди другому совслужащему за возможность достать новый унитаз или смеситель. В этот самый момент рынок благословенно осуществляется в нашей регулируемой жизни (правда, в странных формах), а противостояние «рынкофоба» и «рынкофила» в мозгу всех втянутых в эти дела советских людей снимается ходом вещей.

Кстати, советский человек, или, как его именуют авторы анкеты, «гомо советикус» - вовсе не новая вариация «дурака» или «винтика», выведенная в колбе за «70 лет эксперимента». "Эксперимент-то ставили те же люди, над которыми его осуществляли; если это эксперимент, то эксперимент на себе, и не 70 лет срабатывают в ходе этого опыта, а вся тысячелетняя история России: с «нестяжанием», отпадающим «за Волгу» в ответ на стяжание (собрание страны); с поиском Опоньского царства, за которым просматриваются вечное наше казакованье, скитанье и гулянки; с «Царством Божиим внутри нас», неотделимым (у того же Толстого) от переписывания Евангелия и от поисков законов и правил нравственного бытия. Чем рыхлее душа, чем податливее она внутренне - тем жестче внешние правила, тем страшнее диктатура, которую сооружает сам из себя народ, спасаясь от окончательного распада.

Только все у нас в словах перемешано - русская специфика. Свобода называется необходимостью, необходимость - свободой. Рынок называется спекуляцией. Предпринимательский концерн на высшем уровне может называться Третьим управлением, Четвертым управлением, Хозяйственным управлением (в прошлом веке сыск назывался Третьим отделением). Божье было частью той же Системы - так она сводила концы и слова. В 1917 году **базис слов** по-

менялся: традиционный русский «мир», поглощавший личность, перестроился, переговорил себя на Марксе. Сейчас опять меняется **базис слов** (от Маркса - ко Христу), потому что **базис дел** все тот же: «нищий» работник получает «социально справедливое» жалование (всем более или менее поровну), а затем **вчерную** прикупает «слева» все, на что оказывается способен. Прикупает - на рынке. На черном. На теновом.

Итак, вопрос в том, можем ли мы сделать тайное явным, сделать «черный» рынок «белым». А значит, лишиться себя утешительной тайны, двойной жизни, хитроумной анестезии достоинства, компенсации, прикрывающей неравенство «дураков» и «умных», сильных и слабых, честных и ловких?

Можем ли мы отказаться от традиционного, тысячелетнего русского способа сводить концы и отводить беду: от **сокрытости концов** - от лукавства, от юродства, от существования черной, тайной половины жизни?

Можем ли мы жить, называя вещи своими именами? Вот в этом-то я сильно сомневаюсь. Тысячелетний русский синдром - не результат теории и эксперимента, это горький плод проб и ошибок, опыт жизни сотен поколений, спасавшихся на евразийском блюдце, на равнине без естественных границ, где дули ветры и гуляли орды и где все огороженное, сделанное мог в любой момент потоптать или отобрать сосед или чужак.

Историки говорят, что у нашего предка, жившего в «доисторические времена», всегда было два - три запасных выхода из лесного убежища.

В замкнутом пространстве нужно договариваться: европейская ментальность начинается с греческого ощущения равновесия и римского ощущения пределов - эстетика и этика помогают оформиться юридическому обществу, юридическому мышлению. А Русь от века - пространство разомкнутое; договориться можно, но всегда можно и сбежать из «зоны договора»: «с Дону выдачи нет». Какую критическую массу надо было скопить (и какую империю сплотить), чтобы эта масса перестала распадаться, растекаться, рассеиваться? И какие бегущие силы загнаны внутрь имперским обручем; два - три выхода из норы - это самый невинный вариант спасения в непредсказуемой ситуации, а непредсказуемость - главная черта всех русских ситуаций - и бытовых, и исторических, в этих-то ситуациях русский человек и действует по-настоящему, ставя в тупик иностранцев.

Оттого и «империя». Оттого и «наука» в качестве религии. Оттого и «план» в качестве закона. Компенсация хаоса, противовес распаду и бунту, ошейник, чугунный котел для гремучей смеси народов.

Кто такие русские? - «Те, что здесь смешались». Русские - это не нация. Русские - это судьба.

Те, что не обрусели в этом котле народов, пытаются сейчас «отвалить», спастись, отбиться. Отсюда и национальный вопрос, совершенно, так сказать, абсурдный и безумный, с точки зрения происходящей во всем цивилизованном мире интеграции хозяйственных и культурных связей. Теоретически - да, абсурдный. Но практически национальная сфера - это та печень, куда веками сбрасывалось все, что не усваивалось, отторгалось общей «русской установкой». А установка эта - единство любой ценой. Однако **любая** цена - понятие, с рынком несовместимое. Рынок - это **разумная** цена. Поэтому империя, пытающаяся спастись через рынок, трещит по национальным швам.

Ставить проблему рынка «вообще» - не вполне корректно, ибо отношение к рынку в России - одно, в Прибалтике - другое, в Средней Азии - третье. Пути рынка и пути к рынку должны быть разные, но они могут реализоваться

только при условии распада империи. Она и пытается сейчас распасться (или переродиться, не распадаясь, - вопрос не решен). Что перевесит: страх распада или страх имперской давящей мощи?

Поэтому в общей форме рыночный консенсус практически неосуществим: слишком много сошлось и перепуталось тут разноуровневых и несводимых ценностей. То ли «рынкофоба» от «рынкофила» отделять, то ли эстонца от туркмена, то ли в городе Львове греко-католика от греко-православного, а еще - православного **этой** кефалии от православного **той** кефалии, и все - горлом, и все - с кровью.

Есть путь спасения? Наверное, есть.

Во всех нормальных странах (в том числе выжженных войной не меньше нашего) все начиналось с **малого** бизнеса. С малого, то есть с такого, когда человек может открыть лавочку или найти элементарное занятие «в своем квартале».

Если завтра наш советский человек сообразит, что в его «квартале» или в его собственном «доме», или в его «личном хозяйстве» дело устроивается так, что хоть на малейшую долю, хоть на волосок улучшается его жизнь от его усилий, и эта связь станет непосредственной и ощутимой, то тогда наш советский человек уйдет с митингов и из очередей, перестанет орать и сучить кулаками, ругать начальство и искать «жидов», писать жалобы в газеты и искать разоблачительные статьи о том, кто из начальников сколько наворовал; он перестанет заглядывать соседу в карман и, может быть, перестанет красть... Вернее, воровство вновь сделается воровством, то есть грехом, а не способом жизни, потому что у себя красть непрактично.

Это дробление экономики невозможно начать ни с гигантских военных сфер, ни с общегосударственных структур, ни с совхозно-колхозных левиафанов - его можно начать только с «улицы», с «махали», с «промежуточного пространства», в котором сейчас кипит безадресная злоба. Надо злобу откачать, переключить в деятельность; надо, чтобы у отдельного человека была возможность улучшать жизнь на микроуровне, надо людей занять, надо им вернуть элементарное, ощущение смысла жизни.

И только на этом **элементарном** базисе воздвигнется смысл **высший** (бескорыстие, идеал и проч.).

Рынок сам подскажет, что делать дальше.

Споры о корысти и бескорыстии только завершаются теоретически, а решаются они - практически: кто как и что сделает; кто у кого и почему купит тот кусок хлеба, который будет потом задарма и бескорыстно вручен одним «добрым человеком» другому «доброму человеку» во славу нашей всеотзывчивости.

Р. Г. Апресян

ЭТИКА СОЦИАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Первый этап

а) Думаю, представленная совокупность ценностных суждений принципиально неполна. Неполнота закономерна - в свете особенностей ценностного сознания, сформированного социализмом, социалистическим мировоззрением, - когда к ценностной сфере и идеологией, и массовым сознанием явно или не-

явно относились так называемые «высшие ценности», или духовные ценности; ценности же «практические», праксиологические, например: наслаждение, слава, польза, эффективность, целесообразность, успешность и т. п. - не рассматривались как таковые. Ценностный кризис нашего общества, помимо прочего, был запрограммирован игнорированием именно прагматических, экономических, праксиологических ценностей (что, если уж на то пошло, противоречило восхвалявшемуся материалистическому методу).

Упущенное ключевое суждение, потенциально самое сильное, с позиции «рынкофилии»: **рыночная система эффективна**. Это - наиболее существенный аргумент как с экономической, так и с ценностной точки зрения (с прагматически-ценностной точки зрения). Сведение ценностного к моральному, вторю, есть выражение ограниченности патриархально-романтического, в частности социалистического, сознания. Этот аргумент подтверждается всей практикой мирового развития.

Другой актуальный аргумент - политический: рыночная экономика является реальным базисом **демократии** (этот аргумент приведен).

Что касается моральных аргументов, то они, насколько я могу судить, не актуальны. Прагматик, если он/она не моральный философ типа Дж. С. Милля, достаточно равнодушен к моральным доводам.

Наоборот, «рынкофоб» упирает на псевдоморальные аргументы, то есть склонен к морализации популистского толка. Здесь на первый план выставляются лозунги справедливости, равенства, социальной защищенности трудящихся и т. п.

Для морального философа в этой дискуссии весьма интересна проблема «Добро и Польза». В частности, аналитическая расшифровка этих понятий могла бы внести ясность в предложенное столкновение мнений.

б) В том-то и дело, что суждения левой колонки также не даны в опыте, как суждения правой: и в том, и в другом случае нам предложены «измы». Приведенные в газете «Московские новости» (1990, №46) предварительные результаты опроса общественного мнения относительно рынка неожиданно показывают, что в советском общественном сознании естественные, стихийные установки в отношении рынка почти во всем совпадают с установками американского общественного сознания. Другое дело, что есть не «фобии», а страхи: дороговизны, безработицы, особенно у людей старше среднего возраста. Значит, «рынкофилы» должны также прибегать к популистской аргументации, а именно: указывать на возможность негосударственной и государственной помощи нуждающимся.

в - г) Точнее следовало бы сказать о **социальном бытии**, детерминирующем те или иные мировоззренческие ориентации. Реально за «рынкофобией» стоят следующие социальные силы: невежество и забитость; догматический, слепой коммунизм; патернализм властьпридержащих. Последнее - самое важное. Ведь тоталитарно-бюрократической системе сопутствовал такой интересный феномен, как выражающийся в патернализме **праксиологический априоризм**. В нормальном обществе меновую стоимость товаров и услуг определяет рынок, то есть свободная конкуренция товаров и услуг. Здесь же замечается действительная потребность общества в данных товарах и услугах. В нашем же обществе за разговорами об общественной собственности и партийной заботе о народных интересах фактически предполагался специфический механизм патернализма: государственные чиновники, руководствуясь народными интересами и линией партийного Олимпа, тщательно анализируя обще-

ственные отношения, делают выводы и закладывают эти выводы в государственный план, по которому все потребности общества и граждан благополучно удовлетворяются. (Не надо объяснять, что, кроме слов «госчиновники», «партолимп», «госплан», все остальные в этой словесной конструкции должны быть «закавычены» как мифологемы). Иначе говоря, в отличие от рынка, где ценность и полезность вещи или услуги определяются после ее поступления на рынок, в социальном обществе ценность и полезность вещи или услуги устанавливались до ее поступления на рынок, а подчас и до ее производства. Здесь фиксируется патернализм (который гротескно изобразил уже А. Платонов, в частности в романе «Котлован»). Однако за этим стоит и система властвования, система внеэкономического принуждения. Она имеет своих субъектов, агентов, клевретов, которые и выступают человеческой силой «рынокфобии». Кстати говоря, существующая система властвования и хозяйствования имеет соответствующую систему социальной помощи; однако последняя довольно легко может быть трансформирована в системы социальной помощи, адекватные рыночной экономике.

Из всего этого уже ясно (но стоит еще раз оговорить), что в вопросе о рынке мы меньше всего сталкиваемся с нравственным конфликтом. Это конфликт политический, социальный, а у него, конечно, есть нравственные, как и другие, грани. Но упаси нас Бог, в анализе социально-экономических проблем ориентироваться на нравственные категории; надо сначала объективно, позитивистски, с естественнонаучных позиций разобраться с социально-экономическими противоречиями, понять их в их объективности, в их естественности, а уже потом прикидывать плюсы и минусы в «нравственной жизни».

Второй этап

Предыдущими рассуждениями затронута и следующая рубрика.

Предложенная классификация нравственных конфликтов сориентирована на переход к рыночной экономике. Я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Дело в том, что социальные конфликты, развернувшиеся в перестроечные годы, это - не конфликты «бытия-к-рынку» или «к-гражданскому обществу», это - конфликты, спровоцированные детоталитаризацией, деэтизацией советского общества, его плюрализацией. Кстати говоря, многие из наших «мудрецов» смеялись над очередным изобретением социализма - «плюрализмом мнений». Но в обществе, в котором не было создано даже предпосылок плюрализма хозяйственных форм, ничего иного, кроме плюрализма мнений, и быть не могло, а, следовательно, плюрализма безответственностей, плюрализма волюнтаризмов (конфликт-3). Это конфликты, вызванные появлением новых субъектов, причем этнически и профессионально определенных субъектов общественной жизни. Экономическая «неприкаянность» этих субъектов провоцирует прикованность их внимания к идеологическим противоречиям, в то время как реальные экономические основы этих столкновений просто невозможно зафиксировать (при осознании экономических проблем намечается, скорее, конфликт «периферия - центр»).

Характерна формулировка конфликта-1, наиболее существенного, с нравственной точки зрения. Если под «дородным образом жизни» понимать не **предрыночный**, то надо сделать акцент именно на том, что с самого начала социалистическая мысль продолжила критику капитализма с позиций, порожденных внеэкономическим мышлением, в этом смысле традиционалистским, архаически-патриархальным мышлением, более того, инфантильными интуи-

циями стихийно-гедонического мышления, противящегося, протестующего против дисциплины, функциональности, взаимности, риска отношений, построенных на денежном расчете. И эта оппозиция капитализму (даже в самых гуманных его формах, которые подарил миру XX век на своем исходе) неизбывна.

Здесь интересно обратить внимание на такой аспект: ценности гражданского общества косвенно утверждаются в процессе критики реалий социализма и зримого кризиса идеологии, а также утверждаемых идеологией ценностей социализма. В этой критике социализма возможны союзы, например, радикалов и национал-фундаменталистов. Поэтому можно было бы как особый выделить общий конфликт, резко, хотя и условно, обозначив его: «коммунизм - антикоммунизм» (в самом лучшем смысле последнего).

Конфликт-2 атрибутирован «системе, связанной с рыночной экономикой». Думаю, пока такой системы нет. Точнее было бы говорить о тех противоречиях, которые возникают в ходе **предпринимательской** активности в условиях экономики, только начинающей свой переход к чему-то, что должно стать рынком. А предпринимательство несет в себе мощные противоречия. Оно является формой интенсивного социального творчества, созидания новых социальных форм. Но вместе с тем предпринимательство разрушает старые формы, которые так или иначе всегда персонифицированы, подрывает привычные человеку с детства личные отношения. Предпринимательство дает простор личной инициативе, личному самовыражению, но наиболее благоприятны последовательному предпринимательству такие условия, которые выражаются в отношениях взаимопользования (обмена). Иными словами, предпринимательство вовлекает предпринимателя в отношения, которые ставят жесткие пределы воле в творчестве, заставляют подчинять ее требованиям взаимовыгодности отношений обмена. Предпринимательство подводит к целям, которые могут противоречить общественному благу (например, прибыльными оказываются экологически опасные производства). В то же время я не вижу противоречия между ориентацией на прибыль и благотворительностью - это вопрос продуманной налоговой политики. Нам не грозит таким образом обозначенное «новое зло». Наше общество с лихвой познало и отчуждение, и произвол частного интереса. Скорее наоборот - в рыночных условиях частному интересу ставится определенный предел (отношениями взаимопользования, обмена); в тоталитарном же обществе частный интерес, как олигархическо-партийный, так и мафиозно-партийный, не знал окорота.

В связи со всем этим встает вопрос о типе морали, который затребуется отношениями взаимопользования, гражданским обществом и т. п. Это - «этика социального сотрудничества» с ее принципами справедливости, равенства, личной автономии и прав человека. То есть это та этика, которая обслуживает политико-правовые отношения. Я не вижу оснований для конфликта предпринимательской и политической этики. Другое дело - «семейная этика» (ошибочна ассоциативно-привычная связка «семейно-бытовая»). Семейные отношения располагаются в быту, и они могут быть совершенно обыденными, но по своему внутреннему пафосу они иные - здесь не обязателен баланс деяний и воздаяний, не обязательна эквивалентность, здесь доминирует служение в отношениях к детям или к престарелым родителям, но нередко и в отношениях между собственно супругами): предпринимательство, как уже было сказано, утверждает иные ценности и **установки, чем те, которые приняты в семейных, сугубо личных отношениях.**

Третий этап

В целом я согласен с предложенным подходом. Но есть и возражения. Разногласия в основном только принимают форму моральных разногласий. Консенсус необходим не сам по себе. В обществе всеобщего благосостояния моральный и идейный консенсус даже вреден. Консенсус необходим как условие, предпосылка возможной консолидации сил.

Я не верю в мирное утверждение рыночных отношений. Без силовых, авторитарных приемов - и наша жизнь это показывает - не обойтись. Другое дело, что метод «круглого стола» предпочтительнее. Первым решением «круглого стола» мог бы стать временный мораторий на моральные дискуссии; должен быть установлен запрет для сторон на взаимные этические квалификации, не говоря уже об оскорблениях или обвинениях. Но главное для консенсуса - это общее дело и компромиссы во имя общего дела. Эта политика кажется нереалистичной, но только она может способствовать выходу из тупика, в котором мы оказались.

Правда, стоило попытаться представить возможный социально-политический контекст такого «круглого стола», как стала ясной его трудноосуществимость в условиях продолжающейся монополии КПСС на власть. «Круглый стол» станет возможным, когда КПСС пойдет на компромисс; но когда возникнут предпосылки такого согласия, то есть когда КПСС не будет против проведения «круглого стола», с нею никто не захочет садиться за стол...

Итак, во-первых, проблема консенсуса - это далеко не сразу проблема для морали; во всяком случае, в настоящей критической ситуации поиск морального консенсуса должен быть обеспечен мерами социально-политического характера.

Во-вторых, «фобии» рыночных образов - полезности, бизнеса, конкуренции - могут быть преодолены в процессе их конкуренции с образами социалистического коммунизма - солидарности, коллективной взаимопомощи, безответственности вышестоящих перед нижестоящими. Что касается полезности, то надо показать, что она, при известном огрублении, обозначает потребительную стоимость - экономическую реальность, которая сохранила свою относительную значимость даже в политэкономии социализма. Надо провести различие (на понятийном уровне, но с показом соответствующих социальных реалий) между полезностью и корыстью, выгодой. Что касается бизнеса, следует признать, что его образ, поддерживавшийся в советской пропаганде, был позаимствован в основном из литературы эпохи свободного предпринимательства конца XVIII - начала XX века; при этом полностью замалчивался смысл анти-трестовского законодательства, гибкой налоговой политики, системы социального страхования; наконец, игнорировались идеи политического и экономического либерализма. Заслуживает внимания проект системы просвещения, раскрывающий истинный смысл богатой традиции либерализма во всех его современных вариантах. Многого можно добиться демонстрацией соответствующих западных кино-, теле-, видеофильмов, показывающих предпринимательство в социально и художественно привлекательном свете.

Наконец, важным принципом обработки массового сознания должен стать принцип полноты и разносторонности информации. Как уже отмечалось, «фобии» рынка питаются невежеством, «призраками пещер», их можно разрушить просвещением.

...ВСЕ МЫ ПЛЕННИКИ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЗНОСТИ

Авторы проекта, обратившись за консультацией к экспертам, предложили им конкретные вопросы и конкретный механизм поиска ответов. Полагаю, что возможен и мой способ консультирования процесса исследования проблем этики гражданского общества. Предлагаю в качестве материала для коллективной рефлексии тему базовых ценностей: некоторые соображения, связанные со сравнительным анализом «культуры полезности» и «культуры достоинства»¹. Полагаю, что анализ поможет и в постановке диагноза, и в прогнозе трудностей переходного периода, этапа становления гражданского общества.

Общество не выйдет из кризиса, если не осознает со всей отчетливостью и болью, что наша культура - это культура полезности, а все мы - пленники культуры полезности и носители религиозного сознания.

Весьма условно мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить у двух полюсов - полюса полезности и полюса достоинства. Тяжелые годы сталинщины, резко сдвинувшие чашу весов в сторону полюса полезности, были временем активного конструирования безличной общественной системы, системы, в которой у человека вместо сердца «пламенный мотор». Люди, как муравьи в муравейнике, стали оцениваться по своей служебной функции. Они приравнивались к винтикам единого безликого механизма. Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, к самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить. Ее единственная цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, - воспроизводство самой себя без каких-либо изменений.

Иное дело - культура, ориентированная на отношения достоинства. В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли получить от этой личности что-либо для выполнения того или иного дела или нет. И именно культура достоинства гораздо более готова, чем культура полезности, к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории.

Для того, чтобы сделать шаг по непройденному пути от культуры полезности к культуре достоинства, необходимо по меньшей мере прозреть и внимательно взглянуться в особенности той слепой веры, источник которой находится в административно-командной системе тоталитарного государства. Эти особенности присущи любому тоталитарному строю.

В чем же особенности веры, сформированной в сталинскую эпоху и устойчиво поселившейся в сознании людей? Вопрос этот нуждается в обстоятельном анализе. Здесь же я лишь штрихами попытаюсь наметить контур этого феномена.

С самого начала должен сказать, что это вера не в потусторонние силы, а в объективный ход законов истории, якобы подвластный сверхцентрализованной системе управления обществом. Кажущаяся сознанию естественной необходимость на вершине пирамиды центра управления обществом или миром,

¹ См.: А. Г. Асмолов. Психология личности.- М., 1990; он же: Непройдённый путь: от культуры полезности к культуре достоинства / Вопросы психологии. 1990. № 5.

который наделяется чертами всемогущества, всевидения, всезнания, непогрешимости, - первая и основная особенность веры сталинской эпохи. На поверхности все эти черты предстают как неотъемлемые характеристики личности Сталина (или Мао, или Ким Ир Сена). Но сами эти характеристики созданы централизованной системой управления. Они ее детище.

Культ Центра рождает культ личности, а возвращенная в сталинскую эпоху вера абсолютизирует черты характера Сталина. Историческая и психологическая правда о личности Сталина состоит в том, что именно его социальное положение как Центра управления административной системой определяло стратегию деятельности, выбор мотивов и идеалов, в то время как индивидуальные качества его личности продиктовывали лишь тактику достижения этих мотивов. Сталин мог быть или вспыльчивым, или невозмутимым, но он не мог не быть подозрительным к тем, кто затрагивал монополию его власти, предлагал иные варианты решений. Отклонение от подобных характеристик вступило бы в противоречие с требованиями к Центру управления административной системой. Вот почему в эти черты своей личности свято верил и сам Сталин и обязаны были верить все остальные. Ну а если они отступали от веры?

Если враг не сдается, его уничтожают. Кто не с нами, тот против нас. Лес рубят, щепки летят - вот далеко не полный набор умозаключений, отражающих еще одну важную особенность феномена веры сталинской эпохи — перманентное существование врага. Современная концепция управления говорит, что централизованное управление наиболее эффективно и необходимо Системе в критических ситуациях: в ситуациях конфликтов, кризисов, борьбы не на жизнь, а на смерть. Если же таких ситуаций нет, то Система, заботясь о своем самосохранении, искусственно создает их, тем самым оправдывая незаменимость и единственность сверхцентрализации в управлении обществом.

Охота на «врагов народа» преследовала по меньшей мере две цели. Первая - избавление от инакомыслящих, которое неизменно оправдывало необходимость существования всевидящего охраняющего Центра. Вторая цель - как бы в тени. Репрессии «врагов народа» били не только по ним, но и подспудно приводили к изменению социального характера народа, отливали в судьбах людей, в массовом сознании убежденность во второстепенности общечеловеческих ценностей и идеалов - ценностей свободы, человеческой личности, нравственности и гуманизма.

В обращении к этим общечеловеческим ценностям носители веры в Сталина видят схоластику этических категорий, отход от классовых позиций и, главное, покушение на ценность личности Сталина. Ценность Сталина, а, следовательно, и чрезмерной централизации управления обществом - превыше всего. Сомневающиеся в этом, колеблющиеся смущают покой, вносят хаос, толкают в мир, где приходится думать и действовать самостоятельно. Слепая вера страшится общечеловеческих ценностей, которые подрывают приказной, командный режим централизованного управления, и поэтому ее носителям неуютно, когда врагов слишком мало.

Все происходящее в наши дни не вписывается в сознание верующих сталинского времени, воспринимается ими как угрожающее социализму отступление от принципа «кто кого?», расходится с их стремлением жить без вариантов, всему давать однозначную оценку, не мыслить, а приспособливаться. Слепая вера исходно не приемлет нового мышления, центральным звеном которого являются общечеловеческие ценности. Поэтому она предпочитает забыть, что, например, наряду с другими общечеловеческими ценностями в ста-

линскую эпоху и годы застоя пострадала и ценность, весьма небезразличная для любого преподавателя, учителя, ученого, - ценность Знания.

Вера далеко не всегда находится со Знанием в добрососедских отношениях. Она, в отличие от Знания, не сомневается в своей монополии на истину, спешит объявить непокорные знания лженаукой, а их носителей - лжеучеными. Вера не аргументирует, а ниспровергает своих противников.

Для культуры полезности, идеалом которой является обезличенное общество исполнителей, любые направления человекознания, в том числе и культурно-историческая психология, и социология, и педагогика, были избыточны. В 1934 г., незадолго до смерти, выдающийся психолог Л. С. Выготский был подвергнут бичеванию, а сегодня мы со стороны наблюдаем, как ведется психодиагностика по построенным на его идеях программам в США и Голландии. Девальвация ценности Знаний в культуре полезности неизбежно оборачивается интеллектуальным расточительством. Существует ряд причин, по которым в нашем обществе были в свое время миниатюризованы и психология, и социология.

Если обратиться к истории, то можно увидеть следующую картину. Где-то к 30-м годам возникает «золотой век» человековедческих наук. Начинает развиваться культурно-историческая психология, то есть психология конкретного человека. В те же годы выходят журналы «Психология», «Психотехника». Могучими темпами развивается педология - наука о диагностике и помощи ребенку. Но в те же 30-е годы «на всем скаку» эти науки «срываются в пропасть». Произошло это, я думаю, потому, что командно-административной системе не нужны науки, ориентированные на личность и на то, что за ней стоит: вариативность, непредсказуемость. Эти науки опасны для такой системы, поскольку создают институт изменчивости, непредсказуемости в обществе и тем самым противятся командно-административному стилю управления. Аналогичная судьба постигла в те годы несколько, казалось бы, различных, но стоящих в одном ряду наук: социологию, психологию, генетику. В 1936 г. издается постановление партии о педологических извращениях, категорически запрещающее тесты. Тестирование, как таковое, надолго вычеркивается из теории и практики.

Лишь в 60-е годы отечественная психология начала просыпаться от ледяного командно-административного сна. Однако плоды тех мрачных времен мы пожинаем еще и сегодня. После погрома 30-х годов психология замкнулась на науке об отдельных психических функциях (память, восприятие и т. п.), превратилась в «психологию уха-горла-носа». Иными словами, перестала быть психологией развития изменяющейся личности в изменяющемся обществе. А ведь именно на этом пути мы сталкиваемся с такими системами отсчета, которые не снились даже Эйнштейну. Строго говоря, психологам еще предстоит создать свою психологическую теорию относительности, построить неклассическую психологию личности.

Итак, кризис невостребованности психологии, генетики, социологии был следствием неуместности этих наук в культуре полезности, девальвации ценности Знания в этой культуре.

Третья характеристика социально-психологического портрета сознания верующих, порожденного сталинской эпохой, откладывается в нашем лексиконе, проявляясь в высказываниях: «Я - человек маленький»; «Я - как все»; «Незаменимых нет»; «Сверху виднее»; «Сиди и жди, придумают вожди». Психологически точными мазками эту характеристику веры сталинского периода вы-

свечивает в романе «Новое назначение» А. Бек, описывая проводы сослуживцами снятого Н. С. Хрущевым главы черной металлургии: «Эпоха дала им свой чекан, привила первую доблесть солдата: исполнять! Их девизом, их «верую!» стало правило кадровика-воина: приказ, и никаких разговоров!». Следуя этому правилу, они знали, как должно и как не должно действовать, чтобы добиваться успехов.

Что же стоит за этой характеристикой обсуждаемого нами феномена веры? Думаю, не ошибусь, если скажу, что сердцевина этой черты — бегство от принятия собственного решения, от личного выбора в ситуациях, жестко регламентируемых командами Центра, и неприятие права других на выбор. Верующие могут быть и находчивы, и оригинальны, но лишь в рамках предначертанного административной системой плана действий. В этой системе сверхцентрализованного управления в сталинскую эпоху устанавливается безличный распорядок жизни, в котором шаг в сторону расценивается как побег.

В такого рода строго контролируемом распорядке жизни рано или поздно вырабатывается хорошо известный в психологии эффект «выученной беспомощности». Суть его состоит в том, что человек, раз за разом убеждающийся в неподконтрольности ситуации, в невозможности изменить своими действиями ход событий, в конечном счете, вообще отказывается от поиска. Неотъемлемыми чертами его характера становятся послушность и исполнительность. В результате человек начинает нуждаться в регламентируемом образе жизни, где высшей добродетелью является исполнительность, беспрекословное выполнение приказов. Он уже сам стремится избежать жизненных перемен, так как они сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а поиск атрофирован. Круг формирования социального характера верующих сталинского периода замыкается.

Почему носителей веры сталинской эпохи так смущает, если не сказать возмущает, и демократизация, и свобода выбора? Потому, что в этом случае за выбранное поведение ответственность несет уже сама личность, а не закон. Отсюда и страх быть личностью, страх войти в мир, где ты сам ответчик за свои решения, в мир, где мерой всех вещей является ценность, подчеркиваем, не самооценности, а ценности личности! Отсюда и стойкое социально-психологическое сопротивление принципу: «Можно делать все, что не запрещено законом», ожидание освящения каждого шага в вышестоящих инстанциях, мечты о жестком лидере, который избавит носителей веры сталинской эпохи от бремени выбора.

Особенно следует подчеркнуть, что социальный характер верующих в сталинскую эпоху активно конструировался. Свою лепту в формовку, лепку этого характера внесла и педагогика. Поскольку педагогика была встроена в культуру полезности, то в ней, естественно, преобладали командно-административная модель воспитания и обучения и ориентация на усредненного правопослушного учащегося. Не случайно в педагогике до сих пор бытует миф о среднем ученике. Кто такой средний ученик? Мастер подгонки под наше обезличенное образование. Средний ученик как бы находится в центре «бермудского треугольника» народного образования, углы которого отображают своеобразные зоны риска, повышенное внимание для педагогики - одаренные дети, дети с аномалиями развития и трудные дети с асоциальным поведением. Средний ученик рано усваивает истину, что шаг в сторону и в культуре полезности, и в образовании расценивается как побег. Он понимает, что одаренным ребенком быть сложно; дефективным - плохо; а трудным, асоциальным - весь-

ма рискованно. И средний ученик, подстраиваясь под адаптивно-дисциплинарную модель воспитания и обучения, старается идти только в ногу строем и становится средним советским человеком.

А если же он по тем или иным причинам не усвоит эту истину, то тоталитарные государства в истории человечества всегда располагают арсеналом средств, превращающих народ в строго контролируемую управляемую массу. Для достижения этой цели следует обеспечить поголовную занятость людей, особенно молодежи, включив их в тот или иной поднадзорный работающий конвейер общественного воспитания. Так, например, гигантские пирамиды в Древнем Египте, вовсе не необходимые для строящих их сотен тысяч людей, бросаемые вскоре после завершения строительства храмы древнеамериканских индейцев, Великая Китайская стена - все это, по мнению эстонского социолога Ю. Круусвала, средства обеспечения управляемого поведения людей, орудия обезличивания человека за счет ограничения через его занятость свободы выбора деятельности.

Прагматически все эти стройки вряд ли были нужны для общества. Но благодаря этим стройкам в культуре полезности осуществлялось управление людьми. На мой взгляд, именно социальный механизм обезличивания скрыт, прежде всего, за стройками типа Беломорско-Балтийского канала. А что предпринял Н. С. Хрущев? Для решения проблем молодежи он предложил осваивать Целину. Не берусь судить, насколько это было оправдано в экономическом плане, но один выигрыш для культуры полезности был несомненен - молодежь стала управляемой социальной группой. Л. И. Брежнев осознанно или неосознанно прибегнул к такому варианту решения проблемы молодежи, как занять ее на строительстве БАМа. Когда я слышу критику идеи поворота рек за ее экономическую расточительность и экологическую преступность, то всегда помню о том, что эта идея вполне укладывается в логику тоталитарных систем. Культуре полезности непременно нужны великие «воспитывающие» стройки, так как эти стройки - социальные рычаги, обеспечивающие максимум занятости населения и минимум свободного времени человека.

Социальный характер людей, живущих в культуре полезности, их видение мира - та тяжелая дань, которую приходится платить за годы сталинизма и застоя. Скоро ли эта дань будет оплачена сполна? Настанет ли день рождения строя общественного понимания, в котором образование обеспечит саморазвитие личности в постоянно изменяющемся мире и поможет пережить счастье поиска? Пророчествовать не берусь.

Ясно одно: путь от культуры полезности к культуре достоинства еще не пройден.

И. М. Ачильдиев

НРАВСТВЕННЫЙ ПРИОРИТЕТ СВОБОДЫ

В диагностике конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку я буду исходить из определяющей ценности свободы как единственного общечеловеческого идеала, присущего всем странам и народам в разные эпохи их существования. Все другие, так называемые Абсолюты, на мой взгляд, отражают весьма короткий отрезок истории. Кроме того, у разных народов и в разных конфессиях их ценность не столь уж очевидна, как

это нередко представляется монотеистическому сознанию. Идеал свободы, впрочем, тоже не одинаков у разных групп народов, о чем я напишу на втором этапе консультации. Пока замечу лишь, что я избираю свободу в качестве высшего критерия человеческого счастья (напомню пушкинское: «...счастья нет, а есть покой и воля») не в силу случайного выбора или перебора различных свойств человеческой «природы», а на основе проведенного мною исследования.

В 70 - 80-х годах я написал книгу «Власть предыстории», где пришел к достаточно определенному выводу, подкрепленному, на мой взгляд, убедительной аргументацией: «Стремление к ней (свободе) сделалось символом человечества как биологического вида. Всю Историю поэтому следует рассматривать как движение - порой противоречивое, с понятными ходами и возвратами - к свободе. Жажда социальной свободы - от пут личной зависимости человека от человека, от тягот пропитания, от иных связывающих нашу волю забот - вот, что обнаруживается в основе любых массовых движений на протяжении всех периодов Истории. Начало ее послужило заданному направлению. И хорошо ли оно или плохо, но мы следуем первоначальному вектору, определенному эпохой дивергенции людей и палеоантропов. В этом и состоит смысл прямого влияния наследства, оставленного нам неандертальцами: вот уже несколько десятков тысяч лет мы бежим от палеолита в сторону, ведущую к социальной свободе». [Власть предыстории. М.: Прометей, 1990, с. 155].

А теперь, после этого необходимого вступления, перейдем к самой экспертизе.

Первый этап. Есть ли у рынка противники?

Авторы Проекта представили полную и ясную картину этических оппозиций, существующих в обществе по поводу рынка. Развернутые суждения «рынокфилов» и «рынокфобов», выстроенные в два спорящих между собой ряда, на взгляд эксперта, хорошо отражают жизнь в ее жутковатой и в то же время осязаемой реальности. Я нашел лишь один аспект, которым дополнил бы приведенные оппозиции. Суть дополнения в следующем. Как правило, - и это бывает порой неосознанно - люди оценивают новое социальное явление, входящее в их жизнь, не в связи с конкретными интересами или даже тревожащими их перспективами, но с точки зрения привычных профессиональных рекомендаций. Большинство наших сограждан находится под влиянием христианской морали, которая двояко относится к рынку и рыночным отношениям. Это особенно подчеркивается в православии. Что я имею в виду конкретно?

Во-первых, осуждение тоталитарного рабства и сталинщины как царства зла и безбожия. Антирынок чреват плановым атеизмом, борьбой с церковью и заповедями христианства, репрессиями и т. п. С этой позиции рынок воспринимается как возвращение к христианской морали и ее ценностям, как воссоздание забытого христианского менталитета.

С другой стороны, и это, во-вторых, рынок, «торжище» и его ценности в православии (чего нельзя сказать об иудаизме) нередко осуждаются религиозным сознанием, сообщая всему «рыночному» некий отрицательный этический оттенок. Известный лозунг, выдвинутый в свое время А. Рыковым и Н. Бухариным по отношению к крестьянину: «Обогащайтесь!» был осужден не только партийными решениями, но и массовым религиозным сознанием, ибо легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому - в царствие небесное. Заметим, что это была одна из важнейших реалий, позволивших Сталину безнаказанно провести всеобщее объединение, то есть коллективизацию. Сегодня об

этом не говорят, но за данным суждением стоит какая-то часть истины, объясняющая, в частности, почему крестьянство не восстало в 1929 -1931 гг.

В остальном степень полноты представленных на оценку оппозиций вызывает чувство удовлетворенности, реальности оцениваемой ситуации в общественном мнении.

Анализ фактической силы, влиятельности совокупного суждения и связанного с ним имиджа рынка (антирынка) наиболее сложен для ответа в связи с неясностью, неотчетливостью критерия, который должен быть положен в основу такой оценки. Поскольку предлагается оценить силу, влиятельность (через запятую, как некое дополнительное разъяснение понятия «сила»), то, очевидно, авторы Проекта просят экспертов дать оценку степени распространенности, социальной «приземленности» оппозиций в тех или иных слоях общества. Здесь ответ можно было бы найти сравнительно легко, но задача осложняется тем, что стратификация нарождающегося гражданского общества до сих пор никем не исследовалась, так что выводы придется давать как бы на глазок, интуитивно. Возможно, в этом как раз и смысл того, почему авторы Проекта обратились к экспертам.

Во всяком случае и при любом отношении к оппозициям, приведенным в тексте, есть смысл выделить какие-то знакомые типы (образы, известные по литературе, по расхожим политическим оценкам и т. п.), которые, возникнув в сознании как целостные модели, не требуют детального описания.

Попробуем с этой точки зрения оценить силу, влиятельность оппозиций. Для удобства обсуждения примем некоторые сокращения, обозначив порядок оппозиций номерами, а ряды - левым («рынкофобы») и правым («рынкофилы»).

Оппозиция № 1. Я бы назвал ее оппозицией имени Чернышевского, поскольку тезисы обеих сторон достаточно полно обсуждались в известном его произведении «Что делать»? Правда, в несколько иных терминах, характерных для философско-политического словаря эпохи XIX века, где польза и чистоган подменялись понятиями эгоизма, а оппонирующие — разумным эгоизмом. На взгляд эксперта, обе позиции широко распространены в слоях технической интеллигенции, так называемых образованцев, затвердивших моральные понятия в средней школе, на уроках литературы.

Распространенность этой оппозиции, а, следовательно, и ее влияние велики, хотя и не имеют весомой силы в конкретных действиях. Как только наступает момент выбора между пользой и не-пользой, выгодой и не-выгодой, чистоганом и не-чистоганом, так все моральные доводы отходят на второй план и как бы стираются в памяти. На поверхности общественного сознания они появляются лишь при попытках принимать участие в обсуждении проблемы, в письмах в газеты и т. п. Здесь человек, находящийся в плену этой оппозиции, тотчас становится на ходули литературных реминисценций и, поклоняясь имени Н. Чернышевского, за которого он некогда в школе получил двойку, выдает его суждения за свои.

Сама терминология «чистогана» в этом случае заимствована из Коммунистического манифеста, который тоже был предметом постоянного вдалбливания в головы на уроках истории и лекциях по научному коммунизму. «Чистоган», «империализм», «капитализм», «эксплуатация человека человеком», «экспроприация экспроприаторов» и т. п. - все это термины марксистской философии и научного коммунизма, на которых привычно, без особого размышления воздвигнут менталитет рынка и антирынка. Русло обсуждения экономи-

ческих проблем в марксистской языковой среде проложено в терминах ленинизма. А поскольку в нашей газетно-журнальной печати, на телевидении и по другим каналам массовой информации полемика ведется в тех же терминах, то массовому сознанию (в том числе и сознанию формирующегося гражданского общества) ничего другого не остается, как согласиться с этим привычным языком. Но можно быть уверенным, что сознание формирующегося гражданского общества в скором времени превратит его в язык смеховой сферы, за каждым старым термином будет стоять ироническая формула, заимствованная у М. Жванецкого и его коллег. Хотя серьезных оснований для изменения этого языка до сих пор не существует и критика его ведется крайне слабо, новаций научного типа не выдвигается.

Если расценивать силу и влияние оппозиции № 1 в менталитете нарождающегося общественного сознания, то я бы определил их на сегодняшний день в 4 балла (из 10 возможных). Думается - и в этом заключается мой ответ на пп. «в» и «г» - конфликтная ситуация в данном случае исключается, поскольку за ней не стоят серьезные духовные интересы, а нравственность колеблется вокруг неясностей в терминологии Пользы и Добра.

Оппозиция № 2 в этом отношении куда более серьезна и чревата реальными конфликтами, которые будут опираться на нравственные критерии. Роль так называемых Абсолютов сегодня преувеличивается почти бессознательно, до сих пор они просто замалчивались, но за последние пять лет сделали как бы гражданской целью общества. Тяга к Вечности, к высшим духовным началам, к абстрактным идеалам противопоставляется всем иным интересам и устремлениям, снижая нравственную ценность последних. Как ни странно, но и эта оппозиция основана на марксистской терминологии и догматизме: «базис определяет надстройку», «материальное имеет примат над духовным» и т. п. Отсюда и стремление уйти от приземленности интересов, рассматривая их как образец мелкобуржуазной обывательщины (чего стоит сам термин «мелкобуржуазный!»). Противоположное суждение в данном случае предлагает не выход из логического круга марксистской методологии анализа общества, а лишь его либеральную интерпретацию.

Как это ни поразительно, но оба суждения оппозиции № 2 имеют хождение в одном и том же слое людей, который можно приближенно окрестить как современных потомков незабвенного Лоханкина, не добравшегося в гимназии до физики Краевича, но уже перелиставшего пудовые тома «Мужчины и женщины».

Несмотря на эту иронию, мне представляется, что именно слой городской интеллигенции, ощущающей себя как бы дворянством по отношению к выходцам из села, одержимым карьерой и современным бизнесом, создаст со временем один из самых серьезных нравственных конфликтов. В особенности по той причине, что суждения правого ряда оппозиции логически кажутся сомнительными и частенько опровергаются фактами обыденной жизни.

По 10-балльной шкале я установил бы для этой оппозиции 8 баллов, полагая, что она очень сильна и влиятельна сегодня в нарождающемся гражданском обществе.

Оппозиция № 3, на мой взгляд, имеет прямое отношение не столько к рынку и его основе (так как конкуренция на рынке предполагает не только единичного частного, но и коллективного собственника), сколько к извечному противопоставлению личных и групповых интересов в разных системах воспитания. Примат группы над личностью установлен и в опытах психологов, обоз-

начая в разных школах то нежелательный фактор группового давления на личность, то коллективную устремленность к достижению единой социально значимой цели (как у пролетариата).

Морально подозрительный статус частного будет всегда оправдываться в том случае, если общество по-прежнему будет ориентироваться на примат общественного над личным и, соответственно, при иной концепции - наоборот.

Мне кажется, что в данном случае в действие вступает не столько проблема формирующегося общества, сколько старый груз советского воспитания, подкрепленный колоссальным числом научных работ коллективистской школы психологов и кадров образования. Мы «коллективисты» не только и не столько потому, что человек возникал не из предличности, а из толповой массы, но и потому, что все воспитание «гомо советикус» шло под углом примата коллективизма над индивидуальными интересами.

Известно, что подобное воспитание привело к массовому конформизму, к созданию человека-автомата, который ни за что не отвечает и не думает о социальных последствиях коллективных действий. И это наиболее глубокий нравственный конфликт, который будет действительно сдерживать формирование гражданского общества на ближайших его этапах.

Разумеется, доводы оппозиции правого ряда достаточно весомы, но суть дела не в аргументах, к которым слабо прислушивается масса, а в реальности, снявшей защитную форму коллективизма с человека и не давшей ему никакой социальной защиты в новом обществе. Возникающее ощущение массовой тревожности сплачивает конформистов в единую угрожающую толпу, которая неустойчива в своих чувствах и намерениях. Именно она, легко переходя от агрессии к панике, от ярости к веселью, способна породить в обществе крайние и самые жесткие формы конфликтов, в том числе нравственных.

Доводы правого ряда оппозиции здесь действительно выглядят несколько умозрительными и малодейственными, что усиливает в нас тревогу за правопорядок. Думается, что конфликт в этой оппозиции наиболее силен и влиятелен из всех, предложенных на экспертизу, и достигает 10 баллов. Именно здесь заложен наиболее взрывоопасный участок формирующейся новой нравственности, здесь будет проходить скрытая, более того - тщательно скрываемая от посторонних глаз зона разрыва с нравственностью «рынокфобии». И конфликт этот будет затяжным, растянется на несколько поколений. Социальный слой его ясен: это низшая бюрократия, рабочая и колхозная аристократия, учительство, школа вообще (в том числе и высшая).

Оппозиция № 4 ориентирована на сознание малоквалифицированного рабочего слоя, который всегда - и при тоталитаризме, и при рынке - страдал и будет страдать от тяжелой эксплуатации и в силу собственной неразвитости. Термин «простой человек» всегда был связан с понятием неразвитой личности, не понимающей смысла этого классического обобщения фашистской прессы. И пока этот слой существует, пока он практически широко представлен в стратификации реального общества, нравственный конфликт здесь неизбежен. Причем конфликт суровый, жестокий, который должен быть достаточно высоко оценен. Я полагаю, в 7 баллов.

Оппозиция № 5 с самых первых слов левого ряда настраивает на повышение менталитета марксистских ценностей, что сегодня в народе явно не популярно. Идеи равенства и атеизма (связанные всегда в массовом сознании крепкими узлами) отходят на второй план и не выдерживают практической конкуренции с противоположными - из правого ряда. Но суть дела не в этом: дово-

ды оппозиции № 5 левого ряда сегодня частенько осмеиваются, становятся мишенью массового сознания, как бы смеховой моделью для сатириков эстрады. Честно жить на зарплату невозможно - это знает весь народ, все его слои. Сегодня многие понимают, что равенство антидемократично, более того - антигуманно. Именно идеи равенства завели страну в болото тоталитаризма и репрессий. Нет, на эту удочку в российской политической воде теперь никого не поймает! Отсюда, кстати, и резкий спад тиражей марксистских изданий.

Здесь интересно было бы проследить метаморфозу проблемы ценностного падения самой идеи равенства в глазах общества с 20-х годов по настоящее время. По сути дела, ценность ее резко пошатнулась уже в середине 50-х годов, стала круто понижаться в начале 60-х и далее - без задержки на склоне - «вкатилась» в наши дни. Сегодня едва ли можно говорить о силе этой оппозиции; скорее ее следует упоминать в ряду исчерпавших себя ценностей, чье влияние падает безостановочно.

Думается, что сила и влияние оппозиции № 5 сегодня приближаются к нулю, и по 10-балльной таблице экспертной оценки я бы присвоил этим суждениям всего 1 балл.

Оппозиция № 6 характерна, вообще говоря, для узкого круга философствующей интеллигенции, она обсуждается в сфере художочной марксистской мысли, среди преподавателей и аспирантов вузов, но никак не в широких слоях. В связи с этим данная оппозиция не способна создать нравственный конфликт в обществе (разве что - искусственный, раздуваемый кем-нибудь из движений типа СТК и близких к нему кругов).

За этой оппозицией, на мой взгляд, стоит не столько нравственный конфликт в обществе, сколько конфликт в научной среде, где сильны марксистские догматы об «отчуждении средств производства от человека при капитализме». Жизнь, однако, показывает, что западные экономические структуры более близки работающим в них, чем обюрокращенные советские предприятия. И поскольку бесхозяйственность и бессобственность надоели всем, споры здесь уже излишни, особенно после дебатов на Съезде народных депутатов РСФСР в декабре 1990 г. Там были высказаны и эти точки зрения, но обе - весьма тихо и без взрыва общественного негодования: подобный уровень полемики себя исчерпал.

На наш взгляд, сила и влияние оппозиции № 6 равны нулю и не приведут к каким бы то ни было заметным нравственным конфликтам.

Второй этап. Попытка классификации.

Предложенная авторами классификация при всей ее практической очевидности страдает, однако, пороком: в нее не заложен единый критерий, охватывающий деление как по вертикали, так и по горизонтали. Третий тип конфликта содержит, думается, более продуктивный путь классификации, но он требует развития, обсуждения, по каким историческим, этнонациональным и политическим позициям искать диалог конфликтующих нравственных оппозиций. Распадающийся политически и экономически Советский Союз имеет много шансов рассыпаться на конфликтующие слои, руководствующиеся разными нравственными ценностями. «Русская идея» здесь выглядит ничуть не хуже или не ниже, не безопасней, чем проповеди ислама (тем более, что Советский Союз занял сейчас позицию в Совете Безопасности, противоречащую устремлениям многих советских мусульман).

Суть проблемы, на мой взгляд, состоит в признании важности некоторых

факторов, играющих решающую роль на авансцене Истории в течение многих тысячелетий и активизирующих нравственные проблемы, доводя некоторые из них до конфликтов, лежащих в основе межрегиональных войн. Занимаясь исследованием этой проблемы, которая лежит на грани сурового реализма и трансцендентности, я пришел к выводу о различном понимании смысла основополагающего, природного чувства свободы у разных групп народов. Обоснование этой точки зрения заняло бы у нас много страниц и не входит в задачу эксперта. Укажу лишь на некоторые стороны идеала свободы, присущие разным историческим группам народов. Следует сразу оговориться, что регионы эти отнюдь не ограничены конфессиональными рамками, хотя во многих случаях они совпадают.

Регион первый можно охарактеризовать как западный образ мышления. Сегодня это самый сильный очаг, выдвинувший свой идеал свободы, связанный с обеспечением прав человека в стране и обществе. Суть этого идеала в том, что человек свободен и, следовательно, счастлив лишь тогда, когда общество и государство соблюдают его права, набор которых зависит во многом от степени продвинутости общества по пути технического, экономического и других аспектов прогресса. В целом можно заметить, что этот идеал свободы формирует человека западного стиля, который может быть лично ущемлен, но свободен, поскольку его права не нарушены. Конфессионально этот регион не ограничен, здесь мы увидим и христианство и иудаизм. В христианстве особенно можно выделить католичество, протестантство.

Регион второй более связан с так называемым восточным образом мышления, когда внешние обстоятельства и права человека занимают куда меньше места в представлении о свободе. Ее идеал состоит в культивировании внутреннего состояния свободы, в отречении и отвлечении от внешних факторов ее проявления. Нирвану человек может испытывать и в тюрьме. «Восточный» идеал свободы, как мы видим, явно замкнут на внутренний, духовный мир человека, освобождая его от пут внешней зависимости. Права человека для него второстепенны, поскольку они - внешние по отношению к духу и нравственности.

Ясно, что подобное понимание идеала свободы связано и с некоторыми конфессиями этой группы народов (буддизм, ламаизм, индуизм и т. д. В какой-то мере к ним примыкает и бытовой ислам).

Регион третий - собственно российский. Казалось бы, возможные дефициты идеала свободы исчерпаны дихотомическим делением на «внутреннюю» и «внешнюю» свободу; третьего в этой ситуации не дано, поскольку оно выходит за пределы логики. Но историческое созидание оказывается выше и запутаннее двоичной логики машинного образца! Группа славянских народов выдвинула свой исторический идеал свободы, заключающийся в достижении полной свободы и счастья через страдание и сострадание к другим. Нравственная позиция Пушкина и Гоголя, Достоевского и Чехова воплощена в этих нескольких фразах, отражающих известный афоризм: «Все мы вышли из рукава гоголевской «Шинели». Сострадание к малым мира сего, стремление выйти из несчастий всем вместе, а не через предоставление каждому свободы в виде прав или внутренней свободы - вот что практически определяет российское сознание на протяжении многих веков. Православие, «угадав» эту важнейшую характеристику нравственности, как бы вытянуло ее из огромной толщи идей христианства, став по сути дела идеологией свободы через сострадание. В этом и заключается «русская идея», если отвлечься от второстепенных и чисто

национальных моментов, окрашивающих ее порой в националистические тона.

Если обратимся теперь к предмету экспертизы, то, думается, нравственные конфликты, возникающие на почве противоречия различных идеалов свободы у разных народов, живущих на территории СССР, обретают единый критерий. Мы увидим, что народы Прибалтики, разделяющие идеал свободы первого региона, никогда не согласятся с идеалом «советского востока» - республик Средней Азии. И дело не в уровне их социально-экономического развития, а в различном понимании цели, к которой должно идти нарождающееся гражданское общество. Вот где истоки главных нравственных и политических конфликтов, раздирающих наше общество! И вот почему Союз обречен на временный распад, пока не устоятся его отдельные регионы, пока в них не выработаются единые критерии и цели, к которым они пойдут. Но - и на этот счет существуют солидные исследования зарубежных этнографов - каждый из этих идеалов по-разному трактует рыночные отношения, накладывая на них свой нравственный отпечаток.

Итак, как мы видим, есть несколько регионов (я назвал не все, а лишь те, что связаны с территорией нашей страны), в которых наиболее сложные и запутанные конфликты нравственности и духа находят свою основу в разных идеалах свободы. И это нетрудно проследить по оппозициям, которые предложены авторами Проекта.

Третий этап. Вечный диалог или временный консенсус?

Проблема, как кажется эксперту, состоит в поиске аналогии политического консенсуса технологии консенсуса морального. Думается, что такой подход и практически, и теоретически невозможен.

Интересно и то, что проблема эта поставлена в философии не впервые. Столкновение логически противоречащих друг другу точек зрения всегда вызывало некоторое недоумение у спорящих: как быть, если исходные позиции не дают оснований для диалога - спорить или не спорить? Ведь полное расхождение позиций превращает спор в бессмысленную и непродуктивную конфронтацию. Принято думать, что в подобных случаях лучше отказаться от спора, чтобы не разжигать страстей. Параллельные линии не сходятся, как бы далеко их не продолжали в пространстве.

В истории философии существует точка зрения, противостоящая этому соображению. В работе «Миф концептуального каркаса» К. Поппер рассматривает аналогичный тезис: «Рациональная и плодотворная дискуссия невозможна, если участники ее не имеют общего концептуального каркаса основных предпосылок или, по крайней мере, не достигли соглашения по поводу такого каркаса с целью проведения данной дискуссии». К. Поппер объявляет этот тезис мифом (в данном контексте «миф» понимается скорее как сказка или ложь), причем мифом опасным, имеющим в наше время серьезное политическое значение: если одна культура не в состоянии понять другую, иную по своим концептуальным подходам к объяснению мира, то это грозит человечеству уничтожением.

Свою правоту К. Поппер иллюстрирует примером из Геродота. У эллинов существовал обычай сжигать своих умерших предков. Этим обычаем они чрезвычайно гордились, полагая, что он отличает их от варваров. Дарий I решил преподать им урок. Он призвал греческих вождей и спросил, за какую цену они согласились бы съесть своих покойных родителей. Те отвечали, что ни за что не совершат такого кощунства. Тогда Дарий призвал к себе коллатиев, которые

обычно едят трупы своих предков, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных отцов и матерей. Те с плачем просили царя отступить от своего предложения.

По мнению К. Поппера, Дарий продемонстрировал эллинам и коллатиям вред мифа концептуального каркаса: ведь дискуссия между ними была невозможна, то был бы не мирный спор, а конфронтация идей. К. Поппер утверждает: «О некоторой дискуссии можно сказать, что она была тем более плодотворной, чем больше участники узнали в ходе нее; иначе говоря, чем больше интересных и трудных вопросов было задано участникам дискуссии; чем больше им пришлось обдумать новых ответов; чем больше пошатнулись их мнения; чем радикальнее изменились их точки зрения в результате дискуссии, короче говоря, чем шире стал их интеллектуальный горизонт. Понимаемая таким образом плодотворность дискуссии практически всегда будет зависеть от первоначального несовпадения мнения участников дискуссии» [К. Поппер. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983, с. 559-560]. Между прочим, К. Поппер не без основания полагал, что одна из причин возникновения Ренессанса в средних веках, взлет древнеримской культуры и даже великий культурный подъем у эллинов появился благодаря умению выслушивать диаметрально противоположные точки зрения.

Доводы К. Поппера представляются достаточно убедительными - все, кроме примера с эллинами и коллатиями. Одно дело научная дискуссия, где спор решается на основе аргументации, иное - следование обычаям, верованиям, традициям. Здесь споры бессмысленны, ибо в аналогичных случаях доверяют не доводам, а чувству, нравственной оценке, позыву души. Отсюда, кстати, нелепость научной аргументации на тему: есть ли Бог или его нет. Ясна и разница между политическим консенсусом и технологией морального диалога. Единственным моральным аргументом в столкновении типа «коллатии против эллинов» может служить не политический консенсус типа «гребцов в одной лодке», «баланса сил» и т. п., а призыв к уважению иных идеалов свободы, какими бы дикими, по мнению одной из сторон, они ни казались. При этом не следует ожидать от спорящих смены идеала, надеяться найти в этом споре моральный консенсус (он не существует в подобного рода дискуссиях). Не пытаться применить термины политической теории сосуществования и снятия конфликта, но идти путем признания самоценности иного идеала свободы и уважения ценностных ориентаций народа, живущего своей самобытной жизнью. Можно быть вполне уверенным, что, несмотря на столкновения по окраинам разных географических регионов, на особое понимание свободы, в целом эти регионы быстро найдут взаимоприемлемые подходы и наладят мирный и конструктивный диалог между собой, не доводя дела до крупных межрегиональных столкновений. И напротив, любая попытка установить хотя бы временный консенсус между противоречащими друг другу идеалами свободы приведет к взрывоопасным ситуациям в политике, к постоянным трениям и взаимной подозрительности между народами. При этом обществу следует, чутко прислушиваясь к разным идеалам свободы, расценивать требования равенства, либерализации, демократизации и т.п. как второстепенные, где действительно возможно устанавливать консенсусы в сфере ментальности. В этом отношении моральные конфликты, возникающие из «фобий» к «принципу полезности», «аморализму бизнеса», «конкуренции» и т. д., действительно возможно устранить путем обсуждения предложенных авторами Проекта оппозиций в прессе. Мне кажется, что сама по себе публикация этих оппозиций и обсужде-

ние их открыто, с привлечением ведущих публицистов страны, специалистов по экономике, этике, политологии и культурологии принесут в результате неплохие плоды. Здесь действительно возможен диалог, результатом которого будет «подвижка» (как любит говорить наш Президент) в общественном сознании. Возникающее гражданское общество постепенно начнет усваивать важность самоценности идеалов свободы в качестве высшего морального правила поведения, тем самым будут сняты и сами «фобии». Проект, начавшийся, казалось бы, с келейного и очень узкого обсуждения поставленных проблем, может оказать существенное влияние на ход самого формирования гражданского общества в нашей стране.

Г. С. Батыгин

ЭТИКА ДЕЛА И/ЛИ ЭТИКА ДОЛГА

Следует прежде всего обозначить топику, в пределах которой возможно судить о существовании нравственного выбора. «Рынкофобия», «рынкофилия» и сам «рынок» являют собой в данном контексте не просто общественное мнение о рынке, но парафраз архитипичного нравственного решения: чем руководствоваться в своих поступках - долгом или склонностью. Или иначе: есть два пути, широкий и узкий. Один ведет к зависимости человека от внешних обстоятельств («рыба ищет, где глубже...», «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»); другой - свободная воля - сам есть путь, и истина, и жизнь. Поэтому прежде, чем рассуждать о степени полноты и силы предложенных ценностных суждений «про» и «контра», об их мировоззренческих основаниях, следует разграничить, с одной стороны, вербальные и «смутные» образы рынка, бытующие в массовом сознании, где рыночная и антирыночная альтернативы переводятся на язык нравственно-оценочных установок и диспозиций, а с другой - формирование нравственного конфликта внутри каждого из этих двух (?) типов социальной организации. Здесь допустимо некоторое, на мой взгляд, простительное нарушение инструкции эксперту для того, чтобы поставить вопрос об основаниях отождествления оппозиции «рынкофилия - rynкофобия» с нравственным выбором. По крайней мере, такие основания сами нуждаются в основаниях.

В общественном мнении критерии нравственной оценки рынка формируются пред-рассудочно, примерно так же, как формировались схемы абстрактно-базарного вывода, приведенные Гегелем в статье «Кто мыслит абстрактно?»: если ты говоришь, что у меня яйца тухлые, то твоя мать проститутка, отец умер в канаве, и сама ты шлюха (прошу простить вольное переложение канонического текста). Аналогичным образом протекают нынешние дискуссии о мировоззренческих основаниях и последствиях рынка, в любом случае они оформлены в нравственно-идеологическую терминологию. Иное дело, разговор о том, как повлияет рынок на генезис и саморазвертывание нравственного выбора. Ведь не исключено, что присутствуем мы у основания очередного безумного метаморфоза: «Мы никогда не были так свободны, как во времена застоя». Тогда каждый был тем, кто он есть на самом деле, и фальшивый декор, в том числе нравственный, воспринимался как фальшивый декор. Рынок может внести дополнительные aberrации в уже искривленную оптику путем создания самых настоящих фантомов-фальшценностей. Рынок (или квазирынок) способен создать настоящие фальшивки типа «этика бизнеса» как разновидности мошенничества и блефа. Чтобы проиллюстрировать такого рода превращения,

я позволю себе реминисценцию из давнего новомирского «Очерка об очерке» Ю. Черниченко. Так вот: раньше на курортах Минвод всем и каждому можно было сфотографироваться в виде лихого джигита в белой папахе и черкеске, с шашкой и на боевом коне. Сзади, как и положено, белели отроги главного Кавказского хребта. Для получения такого впечатляющего изображения достаточно было сунуть физиономию в отверстие на листе фанеры, где были намалеваны джигит и конь на фоне отрогов, и смотреть на фотографа орлом. Сейчас ситуация кардинально переменялась. И конь, и белая папаха, и шашка, и орлиный взгляд, и вся физиономия псевдоджигита стали совершенно настоящие, без обмана. Можно только вспоминать о том наивном светлом очаровании, которое несли в себе изображения джигита и его боевого коня на листе фанеры - они были подлинными, потому что не могли, да и не хотели никого обманывать. Когда же все стало настоящим, замысел происходящего (то есть истина и правда вместе взятые) стал доступен только тому, кто сам знает, как эти штучки делаются. Так что по поводу нравственности рынка и безнравственности тоталитаризма бабушка надвое сказала (в данном случае под бабкой я разумею себя).

Первый этап экспертизы

Оценить степень полноты предложенных оппозиций для описания «рынкофобии» и «рынкофилии» можно как вполне достаточную. При этом все описания изложены в идеологем и в данном отношении получают осмысленность (идеологемы не переводятся и не транспонируются). Соотношение Добра и Пользы, Интересы и Идеала, индивидуализма и коллективизма, хищничества и порядочности т. п. можно обсуждать без особых сомнений в осмысленности такого занятия на съезде народных депутатов, в университетской аудитории, на митинге, в газетной статье. Идеологемы, кроме всего прочего, обладают удивительной способностью создавать превращенные формы социальной реальности: достоинство здесь просит подаяния, глупость предстает в маске мудреца-пророка, простота слывет глупостью, и сама праведность служит пороку.

Продолжим этот немислимый шекспировский ряд историческими наблюдениями: самые отчаянные борцы за свободу превращаются в оголтелых тиранов, высокоморальные люди становятся причиной неисчислимых бед, и самые последовательные теоретики рынка ввели недавно тотальную карточную систему. Подобного рода перевертыши означают даже не «превращение», а метаморфоз в том смысле, что Зевс не стал быком, а принял вид прекрасного белого быка, и Нарцисс, равнодушный к нимфе, сохранил свой самодовлеющий эйдос в белом цветке. Так, и добро, и зло, и «рынкофилию», и «рынкофобию» имеет смысл описывать не только в терминах идеологем, но и в терминах проективных ситуаций, демонстрирующих выбор стиля поведения в различных «игровых пространствах».

Попробуем проиллюстрировать возможности идеологического и проективного описания «рынкофилии» и «рынкофобии» - речь идет уже об оценке реальной силы, влиятельности того или иного совокупного суждения. Самая сильная из всех шести оппозиций - Добро и Польза. Данная оппозиция образует краеугольный камень этического менталитета. Добро обречено на то, чтобы оберегаться от Пользы. Действительно, «на долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает равнодушие, в лучшем случае - унижительная жалость». Спор этот длится по меньшей мере два с половиной тысячелетия, и с

тех пор ничего не добавилось к резюме Фразимаха Халки-донского, что самое лучшее - быть несправедливым, но прикидываться справедливым. Так и от врагов избавишься, и друзей благодетельствуешь. Во всяком случае, добро редко остается безнаказанным. Можно вспомнить разъяснения Дж. Милля на счет правильного понимания утилитаризма и «недовольного Сократа», веберовскую трактовку категорического императива как мирского служения и т. п. Но остается ясным, что все оппозиции «рынкофобии» и «рынкофилии» снимаются на уровне идеологем путем разъяснений, что такое добро, польза, интерес, идеал, свобода, индивидуальность, делец-пассионарий и т. п. Снимается и необходимость нравственного выбора, который, как правило, дает человеку шанс явить автономию воли, стать свободным и на рынке, и в лагере, и на необитаемом острове.

Нравственные оппозиции, по всей вероятности, лучше всего искать в критериях нормативности, принятых в той или иной системе координат, когда осуществляется проекция выбора линии поведения. В дополнение к предложенным оппозициям имеет смысл ввести еще одно измерение, которое можно назвать жизненной схемой. Жизнь человека, руководствующегося эталоном рыночной деловой морали, подчинена жестким дисциплинарным правилам, соблюдение которых легитимизирует его социальные роли. Эти правила обладают силой внутренних императивов, безразличных к внешним обстоятельствам, и, по существу, являют собой автономную волю, реализованную в «мирском служении». Человек должен неукоснительно соблюдать свои обязательства, тщательно калькулировать каждую минуту своего времени, никогда не тратя его на пустяки, то есть бесполезно. Каждый отвечает за себя, поэтому нельзя вмешиваться в дела ближних. Вряд ли возможно придумать правдоподобную противоположную версию - версию «антирыночного» жизненного стиля. Неправдоподобную же версию придумать можно: непрерывные размышления о последних причинах бытия, изматывающее безделье, постоянная борьба со злом в трудовом коллективе, в трамвае, на лестничной клетке, в обществе в целом. Я отвечаю за все. Если не я, то кто? Как правило, день начинается с вопроса «Что делать? Этот вопрос сопровождает человека всю жизнь и не дает ему покоя до тех пор, пока борьба за торжество идеалов не доведет до конца по пути самосожжения. Страданием все очищается. Конь блед.

Критерии нормативного соответствия эталонам того или иного типа социальности определяются не столько предметным содержанием действия, сколько тем, как оно делается. Человек антирыночного этноса может не просто хорошо работать - он может работать, как зверь. Он может и любить, как зверь, а потом каяться с ангельской кротостью и смирением. Царь и раб, червь и бог в одном лице...

Несколько проективных ситуаций покажут дифференциацию этических критериев в деле. Ночь. На улице - ни души. К пешеходному переходу приближается гражданин «рыночного» типа. Светофор являет красный сигнал. Автомобилей нет. Что делать?.. Этот хрестоматийно русский вопрос никогда не возникает у человека, чьи правила жизненной игры сформировались в рыночной системе поведения, потому что рынок - это не просто свободная купля-продажа, а прежде всего неукоснительное соблюдение правил даже тогда, когда, казалось бы, их можно нарушить без всяких последствий. Все равно нельзя. Запредельные вопросы, связанные с последними причинами, здесь отвергаются как нелегитимные. Не положено... Человек же, руководствующийся рефлексиями над вопросом «Что делать?» в плане судеб русской революции и

перестройки, даже не взглянет, какой сигнал горит на табло светофора. Этот сигнал для него не значим, значимы иные обстоятельства и императивы: милиционер, «с толпой можно...». Именно здесь начинается этика утилитаризма - можно все, что мне в данный момент кажется полезным, хотя в качестве всеобщего закона такая схема поведения неприемлема. То же самое: когда я ворую - хорошо, когда ты воруеть - плохо.

Другая ситуация. Пассажир едет один в купе, имея билет на не очень удобное место. Может ли он занять то свободное место, которое ему нравится? Рыночная этика безукоризненного выполнения обстоятельств запрещает это делать, поскольку куплено место, указанное в билете.

Третья ситуация. Ученики пишут контрольную работу. Один, который от природы плохо соображает, просит своего друга помочь в решении задачи. Отказать товарищу означает свинство в одной - коллективистской - системе координат и проявление честности - в другой. Американская школа регламентирует такую схему поведения технически: как правило, оценки выставляются не в балльной (уравнительной) системе, а в рангах - на первом месте один, на втором - один, на последнем месте один. Двое не могут занять одно место, и кто-то должен уступить сильному.

Преимущество «рыночных» целерациональных схем поведения заключается в их эффективности и технической машинообразности нормативного регулирования. Моральные - нерациональные - императивы воспринимаются здесь как экзотическое, не всегда только забавное юродство и патология. Беда в том, что такая схема исключает из себя не только положительные нравственные деяния, но и безнравственные: обманывать не плохо, а невыгодно, неэффективно. Каждый человек стоит столько, за сколько его покупают, потому что всякие разговоры о самодостаточности добра нелегитимны, например: толковать о том, что совесть не продается, бессмысленно, ее и так никто не купит.

Таким образом, в качестве главного измерения «рынкофилии» и «рынкофобии» я мог бы предложить оппозицию целерациональной и ценностно-рациональной схем поведения. Целерациональность интерпретируется, конечно, по Веберу, как техника, безразличная к моральным ценностям. Поэтому в расколдованном мире технических схем поведения нет и не может быть морали в том запредельном смысле, когда слова о блаженстве «плачущих, кротких, милостивых...» воспринимаются как подлинные.

Второй этап экспертизы

Вопрос о классификации нравственных конфликтов предполагает обсуждение оснований, на которых она строится. Вероятно, в советском обществе происходит конфликт двух способов нормативной регуляции поведения: их можно назвать традицией и инновацией - авторы Проекта в этом совершенно правы. Рыночные схемы поведения выступают в роли инноваций лишь в той степени, в какой они переходят из статуса маргинальных в статус институциональных. Например, спекуляцию (скупку и продажу с целью наживы) нельзя считать в нашем обществе инновацией - спекуляция известна со времен Анны Иоанновны, когда были предприняты первые попытки регулировать цены указанием начальства. Предстоящая декриминализация указанного состава означает, что запрещенная схема поведения легитимизируется. Таким образом, данный конфликт являет собой вытеснение традиционных схем нормативной регуляции маргинальными и нелегальными. Это можно было бы назвать деморализацией общества, но о морали как извечном столкновении дол-

га и склонности здесь говорить неправомерно. Один вид техники замещает другой, казалось бы, устаревший. Вообще, судить о большей моральности рынка и «рынкофилов» надо с большой осторожностью. Ничего хорошего в рынке, конечно, нет, разве только все остальные способы регуляции общественной жизни влекут несравнимо большее число бед. Конечно, можно возвысить склонность до долга, декларировать труд в качестве молитвы и объявить спасение души эквивалентным эффективному мирскому служению. Но все-таки в идее мирской аскезы положено некое замедленного действия противоречие. Аскеза «рыночного человека» не автономна, потому что привязана к своему предмету. Мирской аскет - бизнесмен - может вызывать симпатию и уважение, но смысл его служения заключается в эффективности преобразования мира. Такого человека нельзя, например, любить, потому что любовь (в христианском смысле) - не то, что входит в поле его преобразований. Ему нужна эффективная любовь, например, секс и дружба (говоря словами Лазарсфельда и Мертона, дружба для него - это социальный процесс). Д. Карнеги - эталон бизнесмена - демонстрирует стопроцентное попадание в суть проблемы: «Как приобретать друзей?..». До такой оптики нельзя дорасти, ее надо иметь изначально. Можно, конечно, в духе «Протестантской этики» объявить «гомо фабер» - человека преобразующего - моральным, но тогда мораль превратится в средство разрушения мира. Вместе с миром «бизнесмен» разрушает и самого себя — посмотрите на них, этих до омерзения счастливых людей! И не положена ли в «мирской аскезе» идея социализма, который, конечно же, вырастает из сект и партий, созданных реформационным менталитетом.

Третий этап экспертизы

Выработка консенсуса - коль скоро она возможна - означает победу целерациональной схемы поведения. Даже сам факт участия «почвенников», «традиционалистов» и вообще «партейцев» в консенсусе-сделке означает принятие ими этих ненавистных им правил игры. Компартия фактически разрушила себя, допустив свободные выборы и завоевав большинство мест - ее попросту обманули. Торговля «рынкофилов» и «рынкофобов» означает победу «рынкофилов» даже тогда, когда они будут кормиться с руки нуворишей-«рынкофобов». Бред какой-то!

В конструктивном плане наиболее оптимален диалог об «этике бизнеса» как технике делания денег. Аргумент заключается в том, что честная игра возможна здесь только при свободном рынке, насыщенном товарами. Тогда начнет выигрывать не оборотистый проходимец, а бизнесмен-профессионал, для которого обманывать невыгодно. Этика бизнеса создается не на пустом месте, а самим бизнесом, конкуренция справедлива при игре без блефа. Однако формирование делового менталитета проходит через коррупцию, девиантное поведение и массовую деморализацию. Маркс был прав по крайней мере в одном: на этом этапе один русский стоит трех евреев.

* * *

Однако не исключено, что оппозиция свободного рынка и тоталитаризма - видимость. Гитлеризм и сталинизм похожи на логическое завершение той линии развития европейской «сциенции», которая явила себя в идеологии Просвещения. Не случайно весь цивилизованный мир приветствовал успешное построение социалистического общества в СССР, «несмотря на отдельные недостатки», а затем замер от ужаса, как бы увидев свое отображение. Целера-

циональный «этик» расколдованного мира никогда не остановится в изумлении перед Его творением и не задумается над тем, имеет ли он право преобразовать действительность, какой бы несовершенной та ни казалась. У Христа нет ни слова о морали, зато цивилизация готова распространить моральные оценки на все, что ей показалось целесообразным. И не исключено, что человечеству еще придется расплатиться за «этику активизма», за мирскую аскезу, за Освенцим и еще много за что.

И. Э. Бекешкина, Е. И. Головаха

НЕЦИВИЛИЗОВАННЫЙ РЫНОК И НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

1. Авторы представленной классификации ценностных суждений, не смотря на кажущуюся беспристрастность, явные «рынкофилы», ибо выделенные парные позиции представляют тезис «рынкофоба» и его аргументированное опровержение «рынкофилом», высказать же свой антитезис противнику уже не дают. Поэтому и аргументы «рынкофила» выглядят убедительнее. Можно было бы включиться в эту увлекательную игру и придумать еще целый ряд «за» и «против», если бы в условиях задачи не ставилась репрезентация реального обыденного сознания нашего общества, а оно весьма далеко от представленной конструкции споров гуманитариев-теоретиков. Это - первое, но не основное замечание. А главное вот что: представленный спор «фобов» и «филов» носит абстрактный характер, он скорее о рынке ставшем, осуществившемся, но не о нашем, грядущем. У нас же в стране на первых порах (а в масштабах одной человеческой жизни это отнюдь не кратковременный период) рынок может быть только нецивилизованным (и это вовсе не специфика нашей страны, а общая закономерность). Поэтому и аргументы «против» будут иными.

Добро и Польза действительно не противоречат друг другу в системе развитой рыночной экономики, но противоречат, и довольно резко, на этапе перехода к ней. Думается, исходной противоположностью являются все-таки не ценностные суждения «фобов» и «филов», но противоречия двух сфер - нравственной справедливости и экономической эффективности, а самой «болевой» точкой будет такая категория нравственного сознания, как справедливость.

Вот некоторые возможные узлы сшибок экономической целесообразности и нравственных оценок ее.

Совершенно ясно, что для становления рынка недостаточно простой приватизации государственной собственности, что привело бы к монополизму наихудшего толка; подлинный рынок немислим без рынка капиталов и рабочей силы. В условиях нашей страны первоначальным капиталом могут быть лишь средства теневой экономики, а то и просто имеющие криминальное происхождение. (Безусловно, есть и честно нажитые крупные состояния, но их владельцы вряд ли сменят свое прибыльное ремесло и бросятся в бурные волны коммерции). Это опять-таки не отечественная специфика: в любой стране на этапе первоначального накопления капитала предпринимателями становились не феодалы с крупными состояниями (им это было не нужно), а всякого рода «чумазые» - купцы, а то и просто проходимцы. В странах, переходивших к рынку в более поздние и гуманные времена, этот процесс значительно облегчали иностранные инвестиции, но и здесь очевидна массовая реакция на «распродажу

Отечества». Денежная реформа, изъявшая часть наличности у дельцов теневой экономики, свершила акт нравственной справедливости, однако продолжила агонию вне рыночной экономики и поставила лишившихся крупных купюр перед необходимостью ограбить население вторично, что в условиях тотального дефицита легко осуществимо.

Подвергнется испытанию и приобретший статус незыблемой нравственной аксиомы принцип «оплаты по труду». В обществе уравнилельной экономики он никогда не работал, и вот теперь, при переходе к рынку, в массовом сознании возникают надежды на то, что он, наконец-то, заработает (во всяком случае, среди опрошенных жителей г. Киева 62% считают, что при расширении рыночных отношений в нашем обществе повысится справедливость в оценке результатов труда). Но принцип «по результатам» вовсе не совпадает с привычным для нашего общества «по труду»: результат образуется не только благодаря трудовым усилиям, профессионализму и умениям работника, но и вследствие конъюнктуры рынка, везения, удачных посреднических акций, а то и просто нахождения щели в неудовлетворенном спросе (а их у нас видимо-невидимо). Все это явно будет восприниматься как нравственная несправедливость. Уже сейчас антирыночные политические силы консолидируются, выдвигая утопический лозунг «Равную оплату за равный труд». Здесь в неявной форме проявляется и своеобразный нравственный патернализм - давняя вера и надежда на некую всесправедливую инстанцию: господ бога, Президента или Госкомтруда, которые точно взвешают вклад каждого и точно воздадут по заслугам. Подобные примеры можно приводить бесконечно.

В свете сказанного стоит критически воспринимать и видимое соотношение на общественной сцене «рынкофобов» и «рынкофилов». Судя по результатам социологических исследований (правда, проводились они преимущественно в крупных городах), рыночники явно преобладают. Так, по данным, полученным Центральноукраинским отделением ВЦИОМ, среди опрошенных в конце 1990 г. жителей г. Киева 77% полагают, что назрел необходимый переход к рыночной экономике (из них 28% - «как можно скорее», 49% - «постепенно»), лишь 13% - за укрепление централизованного руководства (10% определить свою позицию затруднились); 58% согласны работать на капиталиста, 24% - нет, 16% затруднились ответить. В целом оптимистична и самооценка респондентами степени личной инициативы: 35% опрошенных полагают, что они многое могут, но нет условий для самореализации; 9% ответили, что «пробивают любую стену»; хороших, но безынициативных исполнителей оказалось в исследовании 29%, 23% затруднились с ответом и 5% выбрали другой вариант ответа. В конце концов, для становления рыночной экономики было бы вполне достаточно и 9% «пробивающих стены» (если, конечно, помимо этой решимости они обладают и соответствующими знаниями и умениями), но вопрос в том, как отнесется к этому подавляющее большинство их сограждан.

Не стоит обольщаться. Некоторая рыночная эйфория - кстати, быстро проходящая, как и всякая другая - является следствием двух обстоятельств: с одной стороны, сформированного в значительной степени под воздействием средств массовой информации убеждения, что «так дальше жить нельзя», с другой - появившейся возможностью объективно сравнивать наш образ и уровень жизни с образом и уровнем жизни в странах с развитой рыночной экономикой. В известной мере завышенные ожидания традиционно присущи психологическим структурам советского человека - утопичность сознания, вера в

лучшее будущее, в возможность чуда и пр.

Для более реалистичной оценки отношения людей к предстоящей рыночной экономике стоит обратиться к данным, характеризующим отношение людей к неизбежным следствиям и спутникам рынка. Подавляющее большинство опрошенных (85%) обеспокоены ростом цен в связи с переходом к рыночным отношениям, только 31% считают себя психологически подготовленными к жизни в условиях рынка, две трети обеспокоены проблемой безработицы в будущем, хотя уже сегодня признают ее существование 85%. И как результат подобных опасений - 46% опрошенных считают, что положение большинства простых людей ухудшится, и только 24% - что оно будет улучшаться. С известной долей допущения можно утверждать, что, по крайней мере для г. Киева, силы «рынкофобов» и «рынкофилов» примерно равны, поскольку, по данным исследования, почти половина опрошенных киевлян (46%) предпочитает умеренные цены при карточном распределении товаров (сущность, предел антирынка) и чуть больше половины - 54% - обилие товаров при высоких рыночных ценах. Это означает раскол общества по признаку отношения к рынку.

Прогноз относительно того, чья чаша весов перевесит, можно строить только вероятностный, и зависеть он будет от такого понятия, как цена рынка. Ведь часто даже хорошую, нужную вещь мы не покупаем потому, что чрезмерно высока запрашиваемая цена. Увеличить число «рынкофилов» можно лишь за счет снижения цены рынка, однако социальные реалии сегодня таковы, что это вряд ли удастся. Социологические исследования фиксируют всеохватывающую и небезосновательную тревожность ситуации, связанную в первую очередь с неверием населения в возможность руководства осуществить переход к рынку без сильного социального стресса. Так, лишь 19% опрошенных киевлян надеются, что в условиях рыночной экономики руководство страны сможет предусмотреть меры защиты от безработицы, а 21% считает, что для них существует реальная угроза стать безработными, лишь 8% (!) опрошенных вообще верят в то, что в стране удастся осуществить экономическую реформу, 63% в это не верят, и 24% затрудняются ответить. Подобные массовые настроения неверия, апатии и выжидательной тревожности, с одной стороны, соединенные с нерешительными противоречивыми действиями руководства - с другой, делают будущее рыночной экономики, вообще говоря, проблематичным. Однако нерешительность и медлительность «верхов» тоже вполне понятны, в их основе боязнь социального взрыва, поскольку, как мы пытались показать, в обществе налицо явное противостояние тех, кого мы называем «рынкофилами» и «рынкофобами».

В целом это противостояние - лишь верхушка айсберга, у основания которого глобальный переход от общества традиционалистского типа с дорыночной экономикой и соответствующими типами политической организации, мировоззрения и нравственности к рыночному обществу, существенно отличающемуся и по типу политической организации, и по характеру сознания, в том числе и нравственного.

Мировоззренческим основанием рыночного общества является представление о самореализующейся свободной личности, обладающей правом собственности и находящейся в четких, определенных законом отношениях с государством. В основе дорыночных мировоззренческих форм находится та или иная общность (государство, община, бог, коллектив), в слиянии с которой индивид и обретает смысл существования. Таким образом, эти две мировоззренческие системы: дорыночная и рыночная - базируются на противополож-

ной иерархии ценностей: государство - класс (нация, род, коллектив и пр.) - семья - личность в патриархально-дворянских системах и противоположная - в обществах с развитой рыночной экономикой. Отсюда и различия в мотивации труда, признаваемой нравственной в различных типах общества, которые блестяще сформулировал в свое время Н. Бердяев: «В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь то, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правда. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности»¹.

Нравственное предпочтение, которое отдает Н. Бердяев принципу «служения» перед «личным интересом», вполне понятно, если учесть, что практически вся отечественная культура как дореволюционная, так и послереволюционная, была порождением дворянского патриархального общества с присущей ему нравственной моделью общинного индивида. Немудрено, что и сегодня, после многих лет ожесточенной борьбы с религией, фигура священнослужителя вписывается в массовое нравственное сознание гораздо органичнее, чем чужеродная данной культуре особь кооператора.

Представленные авторами данного опроса экспертов нравственные оппозиции репрезентируют две различные нравственные системы мировоззренческого сознания, и то, что является нормальным или вполне допустимым в одной системе, вызывает нравственное негодование в другой. Так, предпринимательская, посредническая деятельность в рыночном обществе признается вполне моральной, а в нашей системе нравственных координат она определяется как паразитизм. Или, скажем, ростовщичество, которое существовало во всех обществах дворянской экономики в силу необходимости, но воспринималось как деятельность аморальная (вспомним, что даже гуманист Ф. Достоевский не сомневался в аморальности старухи-процентщицы, и проблема заключалась в том, чтобы понять, морально ли убить даже такое аморальное существо). В буржуазном же обществе дача денег взаем под проценты — морально легальная сфера деятельности, которой занимаются государственные и частные банки.

2. Из сказанного ясно, что, на наш взгляд, многообразие современных нравственных коллизий по поводу рынка имеют, в конечном счете, единую фундаментальную основу - противоречие двух форм нравственного сознания, свойственных дворянским и рыночным обществам. В представленной экспертами типологии оно обозначено первым типом конфликтов (два прочих, на наш взгляд, производны от первого).

Мы предлагаем типологизировать это фундаментальное противоречие по форме и субъекту проявления. В нашей классификации первый тип - это четкое, идеологическое противопоставление двух форм нравственного сознания (что и сделали авторы экспертного Проекта на первом этапе консультиро-

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1937, с. 151.

вания. Реальными субъектами столкновения этих форм сознания являются философы, этики, писатели, одним словом - профессионалы-теоретики, а пространством битвы - страницы журналов, научные конференции и т. п. При всей кажущейся узости социальной базы этого типа конфликтов он репрезентирует важнейшую функцию самосознательной рефлексии массового нравственного сознания.

Вторая феноменологическая ипостась проявления фундаментального нравственного конфликта - конфликты различных социальных групп в обществе, репрезентирующих преимущественно тот или иной тип нравственного сознания. Очевидно, что рыночная экономика несет обществу отнюдь не сплошные блага, а некоторым социальным группам она просто невыгодна. Естественно, социальное противостояние будет осуществляться в первую очередь по экономическим интересам, однако оно непременно приобретет и моральную окраску в представлениях о нравственном и безнравственном. Ведь человеку трудно признаться, что он плохо приспособлен к существованию в новых социальных условиях или неконкурентоспособен на рынке труда, или ему просто не везет; проще и не столь обременительно для самооценки сослаться на безнравственность рыночной экономики и соответствующей предпринимательской деятельности.

Третья ипостась развертывания глобального нравственного конфликта двух форм нравственного сознания - сфера нравственности каждого отдельного индивида, в которой причудливо сочетаются составляющие принципиально различного менталитета. Эта мозаичность сознания, как показывают данные конкретных социологических исследований, зачастую проявляется в самых парадоксальных формах. Так, еще в начале 1990 г. большинство киевлян, в той или иной форме, поддерживало экономическую политику правительства, и в то же время среди сторонников правительства была значительная доля тех, кто считал в ближайшее время вероятной экономическую катастрофу. То есть одобрение получала политика, вероятным финалом которой была гибель экономики. Не менее впечатляющим является и тот факт, что около трети сторонников рынка и частной собственности, вместе с тем, считали, что защите интересов трудящихся при этом будет способствовать... усиление борьбы с буржуазной идеологией.

Однако во всей этой мировоззренческой «окрошке», сочетании несовместимого можно проследить вполне отчетливую закономерность: нравственным признается все выгодное, из вне рыночной и рыночной экономики хотелось бы взять все «хорошее». Так, рынок нравственен, если он обеспечивает широкий выбор товаров, ликвидацию очередей и дефицитов, но все эти товары должны иметь низкие цены и быть доступны всем. Общество должно обеспечить, с одной стороны, высокую зарплату, то есть резко снизить государственную эксплуатацию работника, снизить налоги, а с другой - максимально развивать социальную сферу «бесплатных» благ - жилье, здравоохранение и пр. Здесь в очередной раз проявляется такой феномен мировоззренческого сознания советского человека, как его идеалистичность, а вернее, нереалистичность. И это тоже не внушает надежды на «мирный» исход нравственного конфликта «рынкофоба» и «рынкофила» даже в одном «отдельно взятом» индивидуальном нравственном сознании без серьезных внутренних стрессов, мировоззренческих потрясений, ощущения смыслоутраты и пр.

3. Предлагаемый авторами экспертного опроса алгоритм разрешения нравственных конфликтов в действительности представляет собой «уговари-

вание» «рынкофобов», дабы противники рыночного сознания отказались от него и приняли иную систему ценностей, что, конечно, утопично. Здесь нет никакого творческого синтеза, консенсуса противоположных нравственных позиций, а есть уговоры перейти в иную систему координат. И это не случайно, поскольку консенсуса противоположных нравственных ценностей в принципе быть не может, в отличие от консенсуса политического. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить лишь о праксиологии консенсуса, но не аксиологии. Что касается «эйфории» рынка, то ее нет смысла преодолевать, она пройдет сама собой, как только начнут разворачиваться рыночные социальные реалии. Рыночные «фобии» могут быть преодолены тоже только практическим путем, в первую очередь за счет минимизации негативных последствий, снижения цены рынка.

Вместе с тем и этика может (и должна) внести свой вклад в мировоззренческую переориентацию общественного сознания, а для этого ей необходимо радикально пересмотреть свои собственные мировоззренческие основания, поскольку ведь и она сама является идеологическим продуктом дорыночного общества. К возможным направлениям ценностного обоснования гражданского общества можно отнести следующие:

а) признание правомочности различных этических систем, «разведение» их в пространстве функционирования (скажем, этика любви - в межличностных отношениях, этика общественного договора - в политических отношениях как основа правового сознания, этика полезности и целерационального действия - в деловых отношениях и т.д.);

б) нравственная реабилитация обывателя, того, которого у нас долго клеймили за «мещанство», «недалекий здравый смысл» и пр. (жизнь обыденными заботами и радостями, добросовестное выполнение своих ежедневных обязанностей, упорядоченный быт, вообще повседневность как содержание и осмысленность жизни).

Этика должна отказаться от убеждения, что у целой страны и каждого ее гражданина должна быть единая цель, которую все обязаны разделять и жить во имя ее осуществления.

Что касается согласия «фобов» и «филов», романтиков и прагматиков, радетелей за коммунистическую перспективу и сторонников деидеологизированного (а значит, буржуазного) рынка, «националов» и «интернационалистов» и пр., то здесь, кроме отвергаемого авторами опроса аргумента «одной лодки», вряд ли можно придумать что-нибудь новое. Это - общечеловеческие гуманистические ценности, в первую очередь - абсолютная ценность человеческой жизни, независимо от взглядов ее носителя, терпимость к разномыслию, неприятие насилия в любых его формах.

Л. С. Березин

КАК ПРИЛИЧНЕЕ СКАЗАТЬ О ВЕРЕВКЕ В ДОМЕ ПОВЕШЕННОГО

Принять конвульсии умирающего за родовые схватки может лишь тот, кто очень хочет обмануться. Не так ли и с нашим обществом, пытающимся в конвульсиях самодеструкции исторгнуть из себя нечто, возможно привлекательное лишь своей неопределенностью и гипотетической новизной. Барьеры «идеологического», культурного, морально-психологического плана», которые, согласно распространенной версии, делят эти родовые схватки, оказываются в

действительности зеркалами, где это нечто ново лишь тем, что является не первым (привычным массовому сознанию), а, как у А. Ахматовой, «сто первым отражением», но все того же отравленного идеалом всеобщего равенства общества. Интерес к его ощущениям, образам, ассоциациям на этом переломе выглядит чистой воды интеллектуальным садизмом, а попытки управлять процессом родов - явственно отдают большевизмом, сводящимся к насилию над естественноисторическим развитием.

Становление гражданского общества с присущими ему экономикой, политикой, культурой многие связывают с протестантской этикой, с ее переходом от подвига нищеты к подвигу успеха и богатства, индивидуализацией жизни и служения. Возможно, и даже наверняка, она оказала существенное влияние на формирование ныне процветающих западных демократий, счастливо сочетающих в себе идеи рынка и социальных гарантий, индивидуальной свободы и правового государства, развития культуры масс и элиты. Однако нельзя забывать, что к этому состоянию они пришли через «сверхгибкую» этику «чистого» буржуа и ужасы бирмингемской рабочей ночлежки, в равной мере стоявших на грани полного аморализма. Распространенные в среде советских модернизаторов надежды «вскочить на верхнюю ступеньку» этого эскалатора — такой же большевизм, как идея В. И. Ленина с помощью политики «доделать» в интересах грядущего социализма в России то, что не стало итогом ее естественноисторического развития (обобществление производства, индустриализация и т. д., словом, все то, что Н. Суханов, с которым В. И. Ленин полемизировал, объединял понятием «цивилизованность»).

Рыночная экономика стала у нас в стране «предметом политического выбора и решения». Но за этим стоит лишь сакраментальная фраза «так жить нельзя» и соблазны чужого процветания. Это «решение» не имеет поддержки в массовом сознании, не стало «актом морального выбора» общества. Налицо конфликт политики и экономики, социальной жизни, культуры и морали, где политика их вновь «опережает», пытается «формировать», а потому по необходимости является аморальной в глазах общества, которое, таким образом, вновь оказывается в «ситуации большевизма». К сожалению, эта ситуация разрешается рождением лишь «новых идеалов», но не модернизированных экономических, социальных, политических структур, построенных на основе здоровой прагматики.

Реальное видение процессов становления гражданского общества, базирующегося на рыночной экономике (и частной собственности), присущей ему в развитой фазе этики¹ («взгляд здравого смысла»), подсказывает нам, что оно пройдет ряд более или менее быстро сменяющихся этапов. На ранних из них общество, наряду с жестокими социально-экономическими и политическими потрясениями, подстерегает и «этический коллапс», тем более, что в религиозно-духовной истории России не было опыта западного протестантизма, а нормы общинно-корпоративной этики мало корреспондируются с развитыми рыночными структурами. (Именно это и стало одной из важнейших предпосылок резкой большевизации масс.) Отсюда реальной альтернативой существующей этике тоталитаризма и уравнительности может стать и, видимо, неизбежно станет тотальная деэтизация общества. Формирование рыночной экономики - безусловный приоритет в поиске путей модернизации советского общества; гражданское общество, правовое государство и этика свободного выбора и социального консенсуса также, несомненно, обладают всеми мыслимыми преимуществами перед тоталитаризмом и насильственным уравнительством. Од-

нако честность исследователя заставляет сказать согражданам: на пути к этим «сияющим вершинам» общество ждут тотальное разрушение существующих социальных связей и полный аморализм как неизбежная плата за «грех» прошлого самообмана. Отсюда вывод: цепь логически взаимосвязанных суждений, фиксирующих антиномию «чистых образов» рынокофобии и рынокофилии, - это не более чем интеллектуальный экзерсис, но отнюдь не ситуация реального морального выбора. История не дает шанса выбирать между дикостью и цивилизацией - слишком велика между ними временная и содержательная дистанция. Реальная же альтернатива современному советскому обществу и его морали весьма далека от образа развитой демократии и этики гражданского согласия западного образца. Принятие данного тезиса делает бессмысленным дальнейший разговор о полноте и внутренней иерархии суждений «за» и «против» рынка.

Попытка, при всех сделанных оговорках, выстроить «чистый образ» рынка как «социальный факт», оказывающий в той или иной мере реальное влияние на духовно-нравственный выбор общества, возводит, боюсь, лишь здание новой утопии, поскольку этот образ, во-первых, имеет негативистский импульс, а во-вторых, скалькирован с ситуации и опыта народов, удаленных от нас в социально-историческом пространстве так же далеко, как Утопия, Икаррия и Город Солнца - в географическом пространстве - от тогдашних Англии, Франции и Италии.

Подозрение к образу «рынокофила» как утопическому отнюдь не ставит под сомнение качество и достоверность суждений, которыми он обрисован. Проблема, по-моему, намного глубже и серьезнее. Под сомнение, скорее, может быть поставлен использованный способ логического вывода данного «образа», основанный на утверждении о том, что рынок и сумма его социальных следствий не даны в «непосредственном опыте советского человека». Вот с этим трудно согласиться: рынок «присутствует» в жизни и сознании нашего общества, но через его двойное отрицание. Советское общество концептуально замыслено и выстроено как отрицание прошлого (дореволюционного) и настоящего (западного) «рынка», каждой своей структурной клеточкой и принципом полагая их как «свое чужое», многими своими подробностями настаивая на упрямом желании сделать «вопреки», пусть даже и в ущерб своим прагматически понятным интересам. Возникновение в массовом сознании образа «рынка» констатирует лишь всеобщее разочарование в своем «антирыночном» опыте и обществе, одновременно переводя конфликт вокруг идеи рынка из формы политико-идеологической (антагонист - дореволюционный «буржуй» или «капиталист-толстосум» с Запада) в общегражданскую (антагонист - кооператор, «теневик» или просто «богач»). Негативистский импульс формирования «образа рынка», разрушая монолитность общественной «рынокофобии», делает не менее разрушительной и «рынокофилию», деструктивный потенциал которой явно превосходит созидательный. «Рынокофилия» здесь не более чем форма нарастающего социального нигилизма.

Возвращаясь к первоначальной постановке проблемы, рискну утверждать, что самой болевой точкой современной общественной ситуации является отнюдь не «моральное отношение к рыночной экономике», а дезориентация

¹ Ее отраслевая структура, впрочем, неизменна - это этика трудовая и профессиональная, этика семейных и межэтнических отношений, этика взаимодействия общностей демографических и конфессиональных, это экология и т. д.

массового сознания в вопросе о том, чем и насколько отличается советская экономическая модель от рыночной, в какой точке исторического пространства относительно идеи рынка находится наша страна.

Одни (вслед за западными экономистами) трактуют наше сегодняшнее состояние как «дорыночное», другие (вслед за «отцами-основателями») - как «пострыночное». Этот терминологический конфликт на самом деле глубоко содержателен, фиксируя политико-идеологический по преимуществу характер самой проблемы. Исходная «ситуация большевизма», когда дилемма свободы и равенства была разрешена в пользу последнего, воспроизводится и сегодня, имея исторический шанс получить противоположное решение. Итог зависит лишь от того, куда массовое сознание склонно переместить «довесок» в виде благоденствия. Итог, повторяю, может быть и другим, но общество, увы, остается тем же. Образ рынка, который оно почти готово принять, является его собственным отражением, но лишь в «сто первом зеркале». Мальчик упрямо вертит кубик Рубика, переданный ему Западом заманчиво многоцветным, но в его руках ставший вдруг уныло грязно-серым. Рецепт здесь, видимо, один - вымыть руки.

Вместе с тем раскол общества по поводу идеи рынка - реальность, в которой пугающе поражает сила ненависти ее антагонистов. Вряд ли можно объяснить такую остроту неприятия лишь мировоззренческими стереотипами и идеологическими фобиями. Причина, видимо, в том, что в нашем антирыночном обществе рыночные структуры, пусть в подавленной, извращенной, мимикрированной форме, но продолжали и продолжают существовать. «Рыночным» здесь будет все то, что находится (полностью или частично) вне сферы государственного регулирования. Это могут быть как крупные экономические структуры, целые сферы и отрасли хозяйства, так и отдельные социально-экономические отношения.

Что мы относим к области подавленных, ограниченных, но окончательно не уничтоженных рыночных отношений в советской экономике («рынок в антирыночном пространстве»)?

1. Неофициальная (негосударственная) экономика, которую принято называть «теневой», основанная, как правило, на коллективно-корпоративной собственности, с монопольными регуляторами в виде территориальных разделов и криминальном, по преимуществу, защитой «своих» границ. Она существовала, видимо, в течение всего периода «антирыночного» развития, во всяком случае - до принятия в последние годы мер по частичной либерализации экономики. Проводимая политика подавления рынка заставляла ее мимикрировать и превратила в итоге в сословно-клановую структуру с мощной партийно-государственной периферией и развитыми связями в нелегальной среде, этими двумя параметрами, которые - наряду с высокими доходами «теневиков» - в равной мере отталкивают обывателя, причем настолько, что он забывает, что его потребительское пространство во многом формируется экономикой неофициальной.

2. Рынок потребительских товаров и услуг как проекция в сфере распределения, во-первых, особого социально-экономического статуса личного подсобного хозяйства городского и сельского населения, а во-вторых - наличия сферы частного сервиса. Личное подсобное хозяйство при всех его государственных ограничителях - единственная сохранившаяся в стране легальная экономическая структура, построенная на иных, чем государственная экономика, принципах. А именно - на личной (советский аналог частной) собственности на

средства производства. Временами весьма жесткое и всегда недоброжелательное отношение государства заставляло эту структуру искать поддержки более мощных социальных сил и сейчас накрепко привязало (особенно в деревне) к пассионарным в советско-социалистической системе колхозно-совхозным партнерам.

Неофициальная (теневая) экономика и личное подсобное хозяйство - эти «пасынки» советской экономики, без которых, впрочем, она вряд ли в состоянии существовать, во всяком случае - обеспечивать процесс воспроизводства, являются единственными в стране элементами «рыночного производства», развивающимися в нелегальных и, по сути, полулегальных формах.

3. Рынок потребительских товаров и услуг как проекция в сфере распределения коррупции в государственной системе торговли и обслуживания. Это полулегальная, полужакрытая корпоративно-клановая экономическая структура, существование которой ранее было обеспечено наличием легальных нomenclатурных привилегий и которая сейчас действует практически автономно. К ней примыкает ее открытый сбытовой сектор - «черный» рынок потребительских товаров и услуг.

Вместе с личным подсобным хозяйством и частным сервисом она образует рынок товаров и услуг, находящийся полностью или частично за пределами антирыночно-ориентированного государственного регулирования экономики.

4. Рынок капиталов как проекция межрегиональных и межреспубликанских климатических (естественное плодородие почв), социальных (демографических, этнических и социокультурных) и политических (разная мера жесткости властей в отношении личных подсобных хозяйств и неофициальной экономики) различий. Рентное по преимуществу происхождение капитала обуславливает его концентрацию в южных регионах страны с более благоприятными природными условиями, наличием больших контингентов населения, не занятого в государственной экономике, относительно льготными для частного хозяйства условиями, господством в экономической, социальной и политической жизни сословно-клановых структур, ассимилировавших неофициальную экономику. Концентрирующиеся здесь свободные капиталы мигрируют по территории страны, формируя свою полу-и нелегальную периферию.

5. Рынок рабочей силы как взаимная конкуренция граждан и государства за относительно лучшие условия воспроизводства путем межрегиональной и межпоселенческой миграции и государственных приоритетов ее регулирования (весьма, впрочем, неэффективного). Здесь гражданин, не обладая юридически признанной собственностью на свою рабочую силу, фактически старается продать ее государству в лице ведомственно-отраслевых структур на максимально выгодных для себя условиях (платежным средством здесь выступает административно локализованное на определенной территории качество жизни). Государство же, частично регулируя региональные и отраслевые приоритеты, старается ее купить с максимальной экономией своего бюджета.

6. К рыночным структурам можно отнести и широко распространенную практику поиска и использования на индивидуально-групповой основе альтернативных государственным (точнее, предназначенных государством именно для этих граждан) источников и каналов жизнеобеспечения, направленных на достижение индивидуальной социально-экономической автономии от государства. Свидетельство этому - плохо ли, хорошо ли, но накормленные и одетые граждане при абсолютно пустых прилавках государственных магазинов, в чем,

по сути, резюмируется вся совокупность рыночных элементов в антирыночной советской экономике.

Выводы из предпринятого краткого анализа можно сделать следующие:

— советская экономика никогда не была полностью антирыночной, таковой выступала лишь ее официальная, пользовавшаяся государственным патернализмом часть;

— в сферу легальной, полу-и нелегальной рыночной экономики вовлечено все население страны;

— рыночные структуры в стране приобрели стойкий криминальный оттенок, благодаря и действительным связям в уголовной среде, и стойкому правовому подавлению государством, и политико-идеологическому манипулированию массовым сознанием. Находясь десятилетиями за пределами морально поощряемого поведения, они сформировали устойчивый стереотип аморализма.

Именно эти, в разной степени «рыночные» и близкие к нормальной рыночной модели, структуры и формируют в массовом сознании реальный «образ рынка». Именно они выступают основой суждений и поведенческих ориентаций, противостоящих в социально-политическом и моральном пространстве утопии коммунистического равенства. Существует ли здесь ситуация реального морального выбора - судить не нам.

Помимо перечисленных - данных в практической социальной жизни - факторов, образ рынка формируется:

— исторической памятью, существующей в форме устной традиции, информационных массивов, литературных и научных источников;

— негативным образом антирынка с его уравнилельной нищетой;

— имплицитными суждениями на основе абстрактно-концептуальных экономических, политологических и философских посылок и принципов;

— укоренившимися в массовом сознании утопическими идеями, где рыночная экономика предстает как перевернутый «Кокейн» бедняков (парадокс утопии);

— в известной мере - фольклором, многие сюжеты которого построены по рыночному принципу: индивидуальные усилия (достоинства) - индивидуальное воздаяние, добро в результате наделяется богатством, которое, возможно, и отличает его от зла.

Таким образом, рыночная ориентация в обществе достаточно устойчива, хотя, возможно, и не в состоянии конкурировать на равных с идеологической догматикой насильственного равенства. Задача в том, чтобы ее распрямить, развернуть в массовую установку, раскрыть согражданам глаза на то, что рынок, который большинством полагается как возможная перспектива, в значительной степени - уже реальность их сегодняшнего состояния. Как же все-таки приличнее сказать о веревке в доме повешенного?

И. В. Бестужев-Лада

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Возникают сомнения относительно корректности постановки вопроса о степени полноты представленных ценностных суждений «за» и «против» рынка. Во-первых, представлена лишь одна из возможных плоскостей («осей»?) подобного рода суждений. Во-вторых, представлен поверхностный, вербаль-

ный срез, под которым может находиться несколько более глубоких срезов, поддающихся анализу с онтологической и гносеологической точки зрения. Все зависит от парадигмы исследователя.

В качестве иллюстрации к сказанному может быть представлена альтернативная парадигма (и, наверное, не единственная), где те же самые и им подобные ценностные суждения приобретут характер, поддающийся принципиально иной оценке. Согласно одной из таких парадигм, которая представляется наиболее адекватной объективно сложившейся ситуации, проблема вовсе не в нравственном выборе «за» или «против» рынка, а в способе выхода общества из противоестественного состояния реализованной утопии (в данном случае - утопии «казарменного социализма», по Марксу), в которое (состояние) общество было ввергнуто преступной политической авантюрой горстки фанатиков, увлекших за собой народные массы заведомо демагогическими лозунгами, и которое (состояние) не только повлекло многомиллионные напрасные жертвы, но и привело к разорению народного хозяйства, нежизнеспособности экономики, массовой деморализации людей, их поголовной психической ненормальности, выражающейся в повышенной раздражительности, тотальном озлоблении, ожесточении и т. п., наконец, тотальному оболваниванию, оглуплению, своего рода аберрации интеллекта. И все это касается всех без исключения жертв авантюры - различие лишь в степени деморализации, психопатства и дезинтеллектуализации каждой личности.

Важно отметить, что при реализации утопии рынок во всех его чертах, проклинаемых в представленных суждениях «против», полностью сохранился, только, естественно, в уродливых, извращенных чертах, большей частью в «теневых» или даже открыто преступных структурах, как это и должно быть при любом противоестественном состоянии. Так что все приведенные суждения, с этой точки зрения, - не более чем проявления эмоций, так сказать, ругань, не относящаяся к сути дела и лишь скрывающая (прикрывающая) стремление одних социальных слоев и соответствующих им политических сил сохранить статус-кво, а других, противостоящих им слоев и сил, - изменить положение в направлении нормализации ненормального общества, дезутопизации утопии. При этом социально-политическое сознание людей в условиях тотальной аморальности, психопатства и оболваненности слабо структурировано, аморфно, противоречиво - нередко в рамках одной и той же личности, даже принадлежащей к так называемым интеллектуалам (хотя, строго говоря, каково быть интеллектуалом в обществе, доведенном до состояния поголовного сумасшедшего дома?). Это крайне затрудняет, - но не исключает - анализ «прорыночных» и «антирыночных» концепций, выдвигая на первый план проблему выявления сути при очищении от многообразной словесной шелухи.

Вот почему в рамках предлагаемой альтернативной парадигмы вопрос сводится не к реальной силе, влиятельности того или иного совокупного суждения и связанного с ним имиджа рынка (антирынка), а к выявлению тех социальных слоев и политических сил - хотя бы в принципе, отчленяя различные наслоения и искажения, - которые стоят друг против друга в позиции, сведенной к упрощенному «черно-белому» противостоянию «за» и «против» рынка. В такой предельно упрощенной схеме мы видим четыре социально-политические силы (повторяем, в жизни сложнейшим образом взаимопереплетенные и внутренне противоречивые):

1. Условно говоря, «бюрократия» и обслуживающие ее слои, то есть то весьма значительное меньшинство служащих (и обслуживающего их персона-

ла), которые имеют существенные привилегии и которым есть что терять при переходе к рынку.

Наиболее оголтелая, экстремистская их часть охотно использует «антирыночную» фразеологию, но это - не более чем обычное проявление ярости у хищника, опасющегося за добычу. Менее озверелая часть прибегает к той же самой фразеологии гораздо более осмотрительно, нередко чередуя ее с «про-рыночной», что крайне затрудняет контент - анализ. В общем и целом в верхах этих кругов преобладает понимание безысходности существующего положения в смысле угрозы потерять все, поэтому и начата очередная, уже шестая по счету, «перестройка». Но признание объективной необходимости перехода к рынку (прежде всего ради собственного спасения) замысловато сочетается с понятным желанием сохранить свое всевластие и связанные с ним привилегии. Отсюда кричащая демагогичность, противоречивость и лживость соответствующей идеологии.

«Бюрократия» в указанном ранее смысле составляет всего несколько процентов населения. Но с ней тесно связаны обслуживающие ее слои, а вместе с ними - это уже до одной пятой, может быть, даже до четверти и более населения. Главное же, это - единственно организованная политическая сила, опирающаяся на мощный госаппарат (включая армию, КГБ и МВД) и обладающая, за исключением некоторых крупных городов, почти всей полнотой фактической власти. Иными словами, подавляюще превосходящая политическая сила. И если бы она могла предложить хоть что-нибудь конструктивное - не просто очередную порцию блудословия в виде дымовой завесы полнейшей идеологической импотентности, - она была бы непобедима. А при существующем положении она обречена на агонию, и гибель ее - вопрос лишь времени.

2. Так называемые дельцы «теневой экономики». Это - очень пестрая в социально-политическом отношении группа, начиная от «прирабатывающих» рабочих и служащих и кончая воротилами «черного рынка» с миллионными оборотами капитала, канцеляриями, боевиками и прочими атрибутами мафии. Сюда же целиком относится весь чрезвычайно усилившийся за три последних десятилетия преступный мир. Напомним, что по «теневой экономике» проходит едва ли не каждый третий рубль нашего не во всех отношениях народного хозяйства, в ней активно работают десятки миллионов человек, ее услугами в той или иной мере пользуется практически все население страны. Добавим, что с ней намертво срослась коррумпированная часть партгосаппарата. Так что в совокупности это очень грозная политическая сила. Правда, аморфная, что - в отличие от «бюрократии» - резко ослабляет ее, зато чрезвычайно осложняет борьбу с ней.

Опыт последних лет показывает, что «теневая экономика» умелым саботажем и другими действиями способна играть очень существенную роль в политической борьбе. Но идеология ее представителей весьма противоречива. С одной стороны, они - «за рынок», и это находит отражение в выступлениях, выражающих соответствующие интересы, с другой - значительная часть «теневиков» (особенно связанных с коррумпированными «бюрократами») боится потерять ту прямо-таки благодатную ситуацию, которую создает для «теневой экономики» тупое хищничество «бюрократов», помноженное на постыдное бессилие агонизирующего госаппарата. Отсюда некоторая склонность к «антирыночной» фразеологии. Так что в каждом случае требуется специальный анализ, так сказать, ад хок.

3. Широкие массы обездоленного и оболваненного народа (подавляющее

большинство рабочих, колхозников, мелких служащих). Они ненавидят своих органических врагов - «бюрократов» и «ворюг», сильно привержены в этом плане «прорыночной» идеологии. Однако почти три четверти века оболванивания на протяжении нескольких поколений не могли пройти бесследно. Поэтому «прорыночный» пафос прекрасно уживается со стремлением сохранить все привлекательные черты реализованной утопии: гарантию занятости на выгодных и престижных рабочих местах (особенно для своего потомства) независимо от реальных потребностей экономики, то есть сохранение десятков миллионов синекур, висящих тяжелой гирей на экономике страны; гарантию фиксированного заработка при любых результатах труда, до нулевых или даже минусовых включительно, то есть запрограммированную инфляцию с запрограммированным товарным дефицитом; гарантию стопроцентного сохранения заработка при любой трудоспособности, вплоть до нулевой, что еще более усугубляет инфляцию и товарный дефицит, изначально подрывая к тому же всякие стимулы производительного труда. А на все это естественно наслаивается «антирыночная» фразеология, что создает крайне запутанные идеологические «гамбургеры», разобраться в сути которых можно тоже только посредством специального исследования.

4. Так называемые демократы - современный аналог «разночинцев» прошлого века - во главе с численно ничтожной частью интеллигенции, сохранившей способность к прогрессивному мышлению и, главное, хоть какие-то элементы совести, к которой (интеллигенции) примыкает наиболее активная, мыслящая и совестливая часть рабочих и мелких служащих (опять-таки меньшинство в общей массе, относящейся к предыдущей группе - впрочем, границы здесь довольно размыты). Эта группа не только уступает численно любой из предыдущих, но и плохо организована, погрязла в межгрупповых сваргах и столкновениях личных амбиций, к чему надо добавить понятную неразвитость политической культуры и первозданный хаос нарождающейся антиофициозной идеологии. Словом, сплошные минусы и только один плюс: эта социально-политическая группа - единственная, способная предложить хоть что-то конструктивное по выходу из кризиса. Поэтому за ней - будущее. Ясно, что отсюда громче всего доносятся «прорыночные» голоса, но, к сожалению, и они не так уж редко перемежаются диссонирующими нотами противоположной тональности (хаос есть хаос, идеология тут не может быть исключением). Стало быть, и эту группу нельзя безоговорочно относить к «рыночникам».

Наиболее острая грань нравственного конфликта в этом идеологическом «сражении всех против всех», которое выглядит посложнее, чем знаменитая «битва народов» при Лейпциге в 1813 г., - противоречие между сознанием объективной необходимости и даже неизбежности перехода к рынку (повторяем, присутствует у всех четырех перечисленных групп, кроме совсем уж оголтелой части «бюрократов») и страхом - отчасти пониманием, но преимущественно чисто инстинктивным ужасом перед катастрофическими последствиями такого перехода для подавляющего большинства населения страны, начиная с пенсионеров и многодетных семей и кончая основной массой рабочих и служащих с фиксированными доходами, полностью детренированных и деморализованных в смысле предпринимательства.

Чисто теоретически никаких катастрофических последствий быть не может и не должно. В принципе вполне возможно сохранить для всех определенный прожиточный минимум (вряд ли намного хуже существующего, потому что хуже - трудно), за рамками которого можно сколь угодно широко разворачивать

коммерческую деятельность, как это уже неоднократно было в современной истории отечества. В принципе нам, с нашей спецификой, не грозит даже массовая безработица, о которой столько шума загодя. Но на практике, коль скоро мы ухитрились поставить страну на грань массового голода при баснословном урожае 1990 г., нетрудно представить себе, что произойдет, когда будут брошены на произвол судьбы десятки миллионов пенсионеров и малообеспеченных, как будет обстоять дело с десятками миллионов безработных и что будет происходить при чудовищном отрыве зарплаты от гиперинфляционных цен, которым уже дан бездумный старт.

Вообще говоря, почти наверняка предстоит проходить между Сциллой нового издания пугачевщины народных масс, доведенных до отчаяния эгоистической борьбой узкогрупповых интересов, и Харибдой свирепой военной диктатуры (то и другое абсолютно неконструктивно и бесперспективно в смысле вывода страны из кризиса). Но создание всего этого сложного комплекса квазибезысходности как раз и делает проблему социальной защищенности беспомощных людей - жертв реализованной утопии «казарменного социализма» - средоточием нравственного конфликта. Он образует как бы вершину «дерева социально-этических конфликтов», так что нетрудно идентифицировать каждый из последних на определенном уровне конкретизации «дерева».

Надо добавить, что в принципе положение не безысходно. Все зависит от степени политической организации или - шире - от уровня политической культуры демократической оппозиции. Заработает «двухтактная политическая машина» - радикалы за более радикальный переход к рынку, консерваторы за менее радикальный, причем неважно даже, кто будет на первых порах правящей партией, а кто в оппозиции - есть шанс сравнительно безболезненно (точнее, менее болезненно) выбраться из кризиса, дезутопизироваться, нормализоваться. Нет - тогда колоссальные мучения народных масс и катастрофические социальные катаклизмы неизбежны. С соответствующим отражением этих процессов в морально-эстетической плоскости.

Что касается мировоззренческих оснований, то, на наш взгляд, важно избежать догматизма (включая «иероглифический фетишизм» абстрактных понятий типа «социализм» или «капитализм», за которыми может скрываться многообразное конкретное содержание, а также стремление по-обезьяньи копировать иноземный опыт, абсолютно нежизненный на опустыненной реализованной социальной утопией отечественной почве). Важно включиться в общемировой процесс развития современной цивилизации (которой предстоит в обозримом будущем неизбежные качественные Изменения) и идти по прото-ренному человечеством пути, используя все конструктивное, наработанное вековым опытом человечества, но обязательно модифицируя такой опыт применительно к нашей специфике. Идеал обязательно должен быть: без него любая цивилизация обречена на деморализацию и гибель. Но для обозначения идеала лучше не использовать (во всяком случае, пока) бывшие высокие понятия типа «социализм» или «коммунизм», донельзя испоганенные и дискредитированные политическими преступниками XX века, выступавшими под этим идеологическим знаменем. Невозможно, да и не нужно стремиться также к «капитализму»: сколько бы мы ни старались - капитализма западного типа нам все равно долго еще не видать (по указанным ранее причинам). Да и не надо к нему стремиться - там гнусностей тоже хватает.

Идеалом, по нашему убеждению, должна быть нормализация ненормального положения, переход из заведомо сумасшедшего дома в хотя бы чуть

менее сумасшедший - и то хорошо. Сообразно этому идеалу должны выстраиваться ценности - начиная с элементарной добросовестности в труде, быту, вообще в отношениях между людьми и кончая элементарным милосердием в отношении всего нуждающегося в защите: от ребенка или инвалида до земной флоры и фауны. А сообразно ценностям - и нормы, в принципе те же самые, что и общечеловеческие, но опять-таки с поправкой на нашу специфику, особенно учитывая упоминавшуюся тотальную деморализацию людей (наиболее яркое проявление - повальное воровство всего, что плохо лежит - от куска мяса до чужого текста), тотальное психопатство с ярко выраженным озверением едва ли не всех людей (что еще более подстегивается триумфальным шествием «контркультуры») и тотальную дезинтеллектуализацию общества, когда чуть ли не повсеместно царствует самая натуральная глупость.

В. С. Библер

РЫНОК, К СЧАСТЬЮ, НЕ СФЕРА МОРАЛЬНОСТИ...

Оппозиции проблемы и ее внутренние напряжения сформулированы четко, красиво, интересно. Но - все же...

Несколько соображений «у входа» в опрос.

1. Антиномичен исходный фразеологизм: «**этика... общества...**». Предполагаю, что этика (и в ее нравственном, и в ее моральном смысле) существует только у индивида, фокусируется в индивидуальном сознании. Общество этики не имеет и иметь не должно. Это я говорю не дотошности ради, но, как мне кажется, ради сути дела. В том-то и несчастье наших представлений об этике и самих наших этических реалий, что мы исходим - и на уровне подсознания - из некой деиндивидуализированной «общественной этики». Но это - уже в изначальном определении - не какая-то «разновидность» морали, не говорю уже о нравственности, но свидетельство **отсутствия** морали (в любом ее преломлении и смысле). Когда **за** меня и **сверх** меня этично общество, то, значит, **я** - **внеморален**, **вне-нравственен**. Но именно к такой «вне-меня и за-меня - морали» и приучало нас наше общество, наше социальное и идеологическое устройство. Сказанное относится и к «гражданскому обществу». Его этическая мощь не в том, что оно «морально», но в том, что оно отпускает индивида на волю индивидуального **выбора, решения, ответственности**. К сожалению, авторы опроса эту исходную антиномию не зафиксировали и безоговорочно говорят об «этике... общества». Но проблема уже в этой исходной формулировке.

2. Мне кажется сомнительной и исходная установка на **гармонию** «конкуренции и сотрудничества, индивидуализма и коллективизма» (в гражданском обществе). Речь может идти не о «гармонии», но о «контрапункте» или, если хотите, о творческой, конструктивной **дисгармонии**, столь парадоксально присутствующей современному (к античному и средневековому, каждый раз по-своему) этическому миру. Иначе исчезает сама проблема нравственного поступка — его трагедии и катарсиса.

Все это я уточняю только потому, что иначе будут непонятны многие дальнейшие соображения.

К «первому этапу консультации».

Впрочем, то, что я сейчас скажу, относится не только к первому этапу, но ко всей стратегии Опроса.

Очень точно и напряженно сведены оппозиции «рынкофобов» и «рынкофилов». Но только почему и на каких основаниях отождествлены прелести и мерзости **рынка и ... гражданского общества?!**

Думается, что в их разотождествлении весь корень проблемы и зарыт. Я имею в виду следующее. Сама детерминация рынка или, точнее, общества, в котором индивид - **хозяин**, собственник своей собственной плоти и воли, сама эта детерминация определяет освобождение индивида от чисто экономического детерминизма. И глубина ситуации - не в **рынке** (это - поверхность, пленка, оболочка), но именно в возможности отделяться от собственных сил и способностей, распоряжаться ими, быть свободным по отношению к самому себе. Такая экономическая детерминация (в сфере «чистой экономики») создает лауну между свободным и рабочим временем, позволяет вступить в свободные **договорные**, а не амебopodobные отношения с другим столь же отдельным и свободным индивидом. Возникает пространство собственно **гражданского** общения. Рынок, рыночные отношения не нравственны и не вне-нравственны. Это - о другом.

Нравственны те отношения и **те** мотивации, и **те** поступки, что возникают в свободных решениях и договорах гражданского общества. В анкете вопрос о «гражданском обществе» и «нравственности гражданина» (свободного - реально и юридически - субъекта всех своих связей) постоянно и без малейшей оглядки **подменяется** вопросом о «рыночном обществе» и «рыночной морали». Но уж во всяком случае, это не одно и то же; между тем во всех оппозициях эта проблема и это отличие даже и не намечены.

Если бы эта парадоксальная ситуация тождества и различия структур «рыночных отношений» и «отношений гражданских» была поставлена всерьез, то вся оппозиция «фобий» и «филий» выглядела бы иначе - глубже и точнее.

Вот, хотя бы, один момент.

Это именно в мембранах гражданского общества и отношений общественного договора осуществляется переход связей собственно экономических, **причинных** (вообще-то исключающих сами исходные определения нравственного подхода, ведь здесь я действую по внешней необходимости...) - в связи **смысловые**, культууроформирующие, и только в этих смысловых мотивах и целях «имеют быть...» нравственные перипетии. Иными словами, «капитализм» не нравственен и не безнравственен, его «круг нравственности» определяется **вне** отношений производства, обмена, распределения - в сферах свободного времени - и только оттуда проецируется на чисто производственные и рыночные связи. Вот тогда включатся все «фобии» и «филии», но уже совсем в ином виде и смысле. Веберовская пуританская этика и целевая установка значимы здесь не менее и не более чем рыночная детерминанта, но именно в ином - смысловом - «наклонении», без которого все разговоры о «морали рынка» просто не работают.

Вот как этот общий сдвиг темы сказывается на исходных оппозициях.

В первой «фобии» речь идет о том, что рынок изгоняет тягу к Вечности и Идеалу, развивает «крохоборство» и мелочный расчет; в первой «филии» говорится об архаичности самой альтернативы Добра и Пользы. Но - в преломлении через «двойное обращение», присущее Гражданскому обществу, все выглядит иначе. В общественном договоре, где причинные связи перенормируют-

ся в связи смысловые, и - затем в векторе, обращенном вниз, в стихиях рынка смысловые связи вновь оборачиваются связями причинными, в таком договорном общении Польза рынка действительно не должна иметь ничего общего с Идеалом, а идеал - с Пользой; путать две эти сферы нельзя, невозможно, бессмысленно. Но в нравственном сознании свободного гражданина «польза» и «расчет» уходят в нети, а Идеал приобретает форму не ценностного, вверх указующего перста, но - тайной свободы воли и творческой сосредоточенности. Иными словами, в новое время «идеал» обретает смысл нравственной причины самое себя... А в пределах собственно рыночных отношений антиномичность пользы и идеала должна - по определению должна - сохраняться и развиваться. Это - трудно, это - трагично? Да, конечно. Но жизнь вообще трудна, трагична и не надо ее упрощать. Перефразирую Черчилля: рынок - ужасная вещь, но ничего лучшего человечество не придумало.

И не надо делать из рынка нравственную конфетку. Еще раз скажу: не следует все человеческие деяния и просто дела — мазать медком нравственности. Да, нравственность (то есть поэтический образ личности — Эдип, Прометей, Гамлет, Обломов, наконец...) - это далеко не мед, но та безвыходность (полная и абсолютная), из которой рождается, каждый раз впервые, свободный и ответственный поступок.

В современной цивилизации это рождение происходит в такой пленке, «мембране» гражданского общества, затем свободный Поступок предельно уточняется и углубляется в сфере культуры (которая из анкеты выпала целиком), а в собственно рыночных отношениях столь же предельно упрощается и вырастает в здравый смысл.

И, конечно, ни в каких (даже самых цивилизованных) рыночных отношениях «несовместимость Интересов и Идеала» (см. оппозицию вторую) не преодолевается, просто потому, что в этой сфере нет никакой их несовместимости или совместимости, там царит только интерес - все более цивилизованный, умный, развитый, а все коллизии добра и зла совершаются совсем в иных «хронотопах» - во вселенной нравственного - поэтического - разумного сознания и мышления, в борении философского и религиозного начал духовной жизни человека. Этот нравственный «хронотоп» возникает (у индивида) в странной и парадоксальной жизни гражданского общества. Индивид, развитый в перипетиях этой гражданской жизни, и входит затем - уже иным нравственным субъектом, субъектом совестливым и ответственным, - в бурные воды рыночные конкурентных стихий. Безусловно, эти акты одновременны и однопространственны.

Более того, та антитеза рыночных «фобий» и «филий», о которой идет речь в оппозициях, порождена только внерыночными отношениями и особенно - отсутствием гражданского общества. И «за» и «против», как ни странно, существуют тогда, когда мы живем в страшноватом вакууме, в котором пушкинская «тайная свобода» индивида поглощена и разжевана произволом внешнего принуждения. А дальше - в зависимости от личных пристрастий - возникают оценки рынка со знаками «плюс» и «минус».

(Кстати, и в этом плане первая «филия» сформулирована не симметрично первой «фобии». Получился не голос за рынок, но голос против «казарменного социализма». Тогда весь опрос переведен совсем в иную плоскость.)

Все сказанное относится и к другим оппозициям. Феноменологически они сформулированы точно и остро, но каждый раз отсутствует схематизм переключения этих оппозиций через опосредование гражданского общества, и в

итоге - оппозиции «рынка - внерыночности» смешиваются с оппозициями «гражданского общества» и общества, организованного по схеме военно-партократической. А это, повторяю, не одно и то же. Хотя и «тепло», но еще не «горячо».

Особенно резко это несовпадение двух оппозиционных схематизмов сказывается в противопоставлении Пятом. Рынок еще не дает действительной сферы демократии. Без переключения и обращения в развитом гражданском обществе невозможно понять особую ступень (и степень) демократии в современной цивилизации, в частности насущную игру либерализма (личных свобод) и демократических институтов (власть, выражающая решение большинства). Конечно, рынок может быть привлечен для объяснения «генезиса» демократических, правовых форм современной политической жизни. Но только «генезис» - это еще не смысл демократии. Причинно (из экономики) этот смысл необъясним. Свободная сфера выбора и поступка к рынку не сводима, из рынка не выводима. Вольно или невольно в анкете представлен схематизм отношений «базиса» и «надстройки» по традиционной канве «экономического материализма», только иначе расставлены знаки восклицания и вопрошания. Как мне представляется, дело в том, что в анкете начисто исчезла сфера культуры, в которой внешняя детерминация реально переосмысливается в ключе самодетерминации. К этическим коллизиям это относится, если не в первую голову, то не меньше и не больше, чем к сферам искусства, философии, теории, религии.

Сложнее (и интереснее) и с проблемой «отчуждения». Предполагаю, что «современная (индустриальная, но еще не постиндустриальная) цивилизация», действительно - до предела - развивая отчуждение (отчуждение производства и общения от личности), - совершает важнейшее историческое дело: только отстранив наиболее полно и жестко все мои собственные определения и формы общения, я могу развить личное Я, несводимое ни к какому моему внешнему определению, ни к какой моей собственной «способности»; я оказываюсь наиболее целостно и сосредоточенно «самоустремлен», всеобщ в своей уникальности. Поэтому речь должна идти не о том, что в рынке есть и «противоядие» против излишней отчужденности, но о том, в чем заключается смысл такой предельной отчужденности в ее наиболее острых и непримиримых формах. Катарсис рождается на пределе, а не в промежуточных компромиссах (и рынок, дескать, теперь не совсем рынок, и отчуждение носит почти «косметический» характер).

Коротко - о втором и третьем этапах «экспертизы». Коротко потому, что все необходимое сказано в связи с «первым этапом».

1. Я уже говорил, что в основе всех оппозиций, по сути, лежит не оппозиция моральных навыков и назревающих инноваций, но - и в «фобиях» и в «филиях» - фокусируется жизнь в дорыночном, внерыночном состоянии, а главное, - не в гражданском обществе. Именно тогда, когда отсутствуют гражданские структуры (общественного договора), тогда возникают не только «фобии», но и «филии» означенного в анкете типа, в зависимости от меры устроенности человека в таком внерыночном социуме.

2. Так же повторю, что меня не устраивает поиск «сбалансированности», гармоничности «рыночной этики». Не в этом выход. Рынок, во-первых, ничего не балансирует, во-вторых, - это вообще к счастью - не сфера морали или аморальности, это - сфера... рынка. И все. В-третьих. Сама нравственность (я все время говорю скорее о нравственности, а не о морали. - См. обоснование в моей работе - Культура. Нравственность. Современность. М.. Знание, 1990)-

это не сфера «баланса» и «гармонии», не сфера внеисторического Абсолюта, но сфера предельных перипетий свободного (и ответственного!) поступка. Перипетий, исторически определенных и неповторимых, и сопрягающихся - как годовые кольца в стволе дерева - в душе каждого человека.

3. Отсюда, ясно, что - на мой взгляд - «консенсус», «симбиоз», «гибкость» и т. д. и пр., и пр. - это «не из той оперы». Это - из сферы политической жизни, социальных интересов, общественных компромиссов. Там - все это необходимо. Для нравственности любой «симбиоз» - это смерть, да еще без прав захоронения.

Но, в заключение - нечто, отвергающее, или, во всяком случае, смягчающее мой ригоризм.

В целом мне анкета понравилась - точностью избранных - пусть «не из той оперы» - оппозиций. Это - хороший материал для нравственных размышлений. И когда я представляю читателя и участника предлагаемой работы, то вижу всю **полезность** и **нравственность** затеянной экспертизы. Хотя, не буду скрывать, и мой философский «ригоризм» представляется мне насущной нравственной позицией в наших борениях за **гражданское общество**.

В. Т. Ганжин

...НО ТОЛЬКО НЕ ОТЧАЯНИЕ

Первый этап консультации

Представленная совокупность ценностных суждений «рынкофобов» является, во-первых, слишком статичной и, во-вторых, слишком узкой, неполной. «Рынкофобические» настроения усугубляются и крепнут в среде социально слабых слоев, социально слабо защищенных групп (пенсионеры; учащиеся и студенты; военнослужащие; низкооплачиваемые государственные служащие; работники госаппарата, подвергавшиеся длительное время критике за принадлежность к административно-командной системе; работники партийного аппарата, чьи надежды на индивидуальное благополучие были подорваны общественной критикой номенклатурной системы; малые этнические группы; жители поселений, удаленных территориально и в административном плане от центров принятия решений и центров экономической жизни; жители сел, деревень, слабо связанных с «материком»; и те, чья жизнь во многом обеспечивалась централизованными поставками).

«Рынкофобия» находит богатую питательную почву и в среде «новых недовольных» - работников, разочаровавшихся в различных моделях хозрасчета, натолкнувшихся на непреодолимые преграды при взятии аренды, при акционировании государственной собственности, всех хозяйственных новаций перестроечного периода, которые не дали однозначно положительного экономического результата. «Рынкофобами» выступают также представители большей части работников, занятых в той сфере, которая по старой терминологии называется непроизводственной. Это работники культуры, образования и науки, здравоохранения, физической культуры и спорта.

Прямо-таки панические настроения преобладают в среде сельской интеллигенции, а также среди работающих в сельских клубах и домах культуры, которые находились до сего дня на госдотации. Есть они и среди деятелей культуры, оказавшихся оттесненными «новой волной» ранее запрещенной или недоступной по вздорным идеологическим соображениям литературы.

«Рынкофилия» представляет большой интерес для науки и управленческой практики. В особенности надо обращать внимание на динамику аргументации «рынкофилов», ее обогащение и углубление. Аргументацию им составляет жизнь, ухудшающаяся потребительская ситуация внутри страны и перенасыщенность в рыночных обществах. Появляется аргумент: при коммунизме мы не жили ни одного дня, поэтому не знаем, что такое распределение по потребности (за исключением таких уродливых форм реализации этого коммунистического принципа распределения, как карточки, визитки и талоны); между тем весь мир, вся человеческая цивилизация уже три тысячелетия практикуют рыночное производство и распределение - и благоденствуют.

Но жизнь поставляет аргументацию и «рынкофобам», чутко замечающим аморализм и бескультурие в среде «новых богачей», болеющим за общее благо и страдающим от эрозии общественного здоровья (она во многом вызывается «теневой экономикой», организованной преступностью, межэтническим разладом и др.).

Альтернативность аргументов и позиций различных социальных сил обнаруживает тем самым реальный процесс «вползания» страны в рыночную ситуацию, процесс болезненного, практически обучающего новому образу мышления и новой рыночной культуре перехода от директивной к свободной (смешанной) экономике. Огромными издержками этого процесса являются, с одной стороны, преобладание «диких» форм предпринимательской деятельности и первоначального накопления капитала, что в особенности контрастирует с современными тонко регулируемым рынками; а с другой - запаздывание с созданием основ и властных структур действительно правового государства, создающего режим максимального правового благоприятствования отечественному предпринимательству, что является дополнительной питательной почвой для «рынкофобии». Народное хозяйство, «сидящее» в течение целой пятилетки между двух стульев - командной и свободной экономики, - пережило ряд фаз. Нынешняя фаза стагфляции в финансовом отношении и стагнации в производственном усугубляет структурную и социальную напряженность, а также обостряет противостояние социально-нравственных позиций, тормозит процесс экономических и социальных реформ.

Мы сейчас находимся на пути к перелому общественных настроений, после которого морально-психологические опасения должны смениться уверенностью в своих силах и аргументы «рынкофобов» приобретут конструктивно-критическую направленность. Они будут держать в моральных пределах рыночные аппетиты предпринимателей, а не отвращать общественное сознание от рынка, как сейчас. Переход от ситуации выбора правил экономического поведения к ситуации действий по рыночным и вместе с тем социально оправданным правилам общественной жизни - это и есть специфика текущего момента. «Вы должны набраться смелости и прыгнуть в холодную воду рыночной стихии». В этих словах английского лорда Гаури (председателя фирмы «Сотбис») содержится яркая характеристика данного момента. Ее дополняет «внутренняя» оценка ситуации, данная импресарио М. М. Жванецкого О. Л. Сташкевичем: «У кого есть товар, тот мечтает о рынке, а не страшится его».

Поэтому, говоря о реальной силе двух имиджей рынка - «фобического» и «филического», - я бы отметил как весьма вероятную тенденцию ослабление в ближайшем будущем первого из них и усиление второго. Но лишь при условии практического маркетингового обучения массы предпринимателей (через совместные предприятия, свободные экономические зоны, аренду, акционер-

ные предприятия, товарные биржи и т.д.).

Вопрос, однако, и в том, что «рынкофилы» зачастую не видят в «рынкофобах» своих соотечественников и ближайших партнеров, с которыми по необходимости надо находить общий язык или же всерьез конкурировать на одном и том же рынке. Их преимущественная установка на то, что оппонента убедит высокий хозяйственный результат («рынок нас рассудит»), закрывает дорогу к живому диалогу, к пониманию того, что сложившуюся систему трудовой мотивации, за которой стоит мировоззрение социальной иерархии и «доброто» государства - опекуна всех граждан, надо постепенно, но неуклонно заменять принципиально иной трудовой мотивацией: «Я - свободный экономический субъект, плачу государству налоги, а в остальном риск и ответственность - моя судьба и моя жизнь». Стало быть, пока «рынкофилы» не воспитают в себе активных рыночных субъектов, вовлекая в этот процесс и «рынкофобов», до тех пор нравственный конфликт будет разделять общественное сознание и разные слои населения на две неравные части. Естественно, что объект надежды в данном случае - это прежде всего молодые предприниматели (их ассоциации), в особенности те, кто готов и умеет сочетать предпринимательство с благотворительностью и меценатством (вспомним прекрасный образец российского предпринимательства такого типа - уральских заводчиков Демидовых, которые в нарушение петровских указов заводы окружали не кабаками, а школами, церквями, музеями, библиотеками, родильными домами, больницами... Ныне во Флоренции есть центр Демидовский, а на Урале еще нет, надо надеяться, что концерн «Большой Урал» поспособствует этому).

Вопрос также в том, что реальная сила «рынкофилов» ограничивается в весьма значительной степени их, как правило, абстрактно-доктринальной и недифференцированной «любовью» к рынку как таковому. Стране в целом, каждой республике и даже отдельному региону предстоит сформировать и осуществить свою модель движения к рынку. Надо решить, идти ли по пути США, объединяющейся Европы, южноазиатских «тигров» или же сочетать польский опыт с венгерским, испанским и турецким. Рыночная компетентность* точнее, рыночная культура нынешних «рынкофилов» все еще такова, что слова директора Английского национального банка Р. Ли-Пембертона о том, что банкротства не надо бояться, что его имидж из «Крошки Доррит» Диккенса явно устарел (оно лишь плата за риск, частичное уменьшение состояния, которое в иной ситуации риска может сильно возрасти), воспринимаются как истина прозрения в ситуации перманентной фрустрации.

Теперь о гранях нравственного конфликта. Сформулированные имиджи рынка, на мой взгляд, слишком прямолинейны и метафизичны. Они во многом уже устарели в связи с однозначным принятием рыночной перспективы на законодательном уровне Союза и республик. Вопрос теперь переместился в плоскость выработки социально взвешенной тактики движения к рынку. В нравственной оценке и социально-психологической критике (общественном контроле) нуждаются теперь действия исполнительной власти по пути к рынку, а в особенности нужна социальная поддержка свободного предпринимательства и его публичное (не хочется говорить - общественное) воспитание. Советский предприниматель, выросший из пут административно-командной системы, лишенный во многом изощренной науки маркетинга и менеджмента, задавленный дефицитом средств и условий производства, но избалованный пустотой и алчностью потребительского рынка, все же, хотелось бы надеяться, сможет, хотя бы в намерениях и мечтах, возвыситься над грешной отечественной рыночной

действительностью, а затем на своем примере малого бизнеса попытаться сформировать образец рыночной культуры XXI века!

Что касается мировоззренческих оснований, определяющих социальное бытие предложенных суждений, то искать их - это лишняя и, более того, вредная затея, навеянная логикой тоталитарного мышления. Мы привыкли думать, что верное мировоззрение порождает (обосновывает) верное поведение, а все вместе образует гармоничный, научно выверенный образ мыслей и образ жизни. Все это ловкая фикция и изощренный обман. Прав академик Д. С. Лихачев: «Без свободы мыслей не может быть никакой иной свободы». Деловой и - шире - жизненный успех - это еще не вся жизнь, как и рынок - это не вся общественная жизнь. Деловой успех может сочетаться и быть достижимым для верующего и атеиста, кришнаита и мусульманина, сторонника Демократической партии России и сторонника КПСС... Надо развести отношение к рынку, имеющее явный общественный смысл (в ситуации социального самоопределения), и отношение к миро- и самопониманию, имеющее личностно-интимный смысл. Человек волен выбирать и формировать любой образ мыслей, только бы он не вел к причинению вреда другим и ему самому.

Второй этап консультации

Классификация типов конфликтности в ходе конституирования гражданского общества в республиках, формирующих новую федерацию, называемую ныне СССР, будет, думаю, меняться не только в зависимости от угла зрения на состояние общества и нравов, но и в зависимости от темпов, а самое главное - неизменяемости направления движения к рынку.

Предложенная классификация представляется нам случайной и неполной. Нет, например, конфликтов, рождаемых полемикой двух социальных тенденций: централизации и децентрализации; конфликтов, порождаемых этнокультурным самоопределением регионов, отношением материнского тела этноса и диаспоры, в том числе зарубежной; конфликтов, возникающих в семье и между поколениями вследствие острейшего кризиса социальных институтов, в результате деградации и обструкции прежних органов власти и некомпетентности, квазирыночного поведения новых органов власти; нет разделения конфликтов на деструктивные и конструктивные и т. д.

На мой взгляд, классификацию социально-нравственных конфликтов стоило бы провести по двум, но различным основаниям: 1) насколько они находятся в оппозиции к устоявшимся тоталитарным традициям советского общества; 2) насколько они способствуют интеграции становящегося нового советского общества в мировой культурный и цивилизованный контекст.

Мне кажется, что некоторую помощь в построении классификации первого типа могла бы оказать моя книга «Социалистическая нравственность как система» [М.: Изд-во МГУ, 1987], если взять из нее сугубо концептуальные моменты и последовательно отбросить идеологические, а также снять печать социального конформизма. Только постановка актуальных моральных проблем и процесс их решения дают нравственное очищение общественных отношений и порождают нормальное состояние общества, формируют его как гражданское. Последнее нельзя создать доктринальным путем (ни «сверху», ни «сбоку» - советами из-за рубежа, ни «снизу», то есть сугубо инициативой одиночек). Гражданское общество вместе с присущей ему моралью будет возникать в ходе радикального самопреобразования тоталитарного общества, освобождения в нем населения из-под диктата властей, ведомств, создания свободного рыночного

пространства и трудного накопления традиций рыночной культуры (включая и восстановление добрых старых традиций старообрядческого купечества, заключавшего огромные сделки под честное слово, православного келарства, порождавшего чудеса хозяйствования в Соловецком монастыре, в монастыре на острове Валаам и других очагах духовной и хозяйственной культуры).

Классификация второго типа будет отталкиваться, думаю, не столько от поиска консенсуса, общественного согласия (люди психически истощены напряженностью, существующей в стране), сколько от реальных шагов в направлении к рыночной (смешанной) экономике с ее конкуренцией, экономическим и политическим плюрализмом, от тех надежд (и, соответственно, средств помощи), которые с будущим нашей страны связывают окружающий нас огромный и такой сложный мир на нашей маленькой и хрупкой планете.

На пути к гражданскому обществу нас ждут - по оценке многих экспертов высочайшего класса, сравнивающих наш путь с путями Японии и Германии, США и Голландии, Испании и Португалии, - многие испытания. Они будут иметь финансовый, организационный, политический, правовой или какой-то иной характер. Но все эти испытания, так или иначе, будут и нравственным испытанием советского народа, тех конкретно народов, из которых он до сих пор состоял. Никто из экспертов самого разного ранга и профиля не брался утверждать, что советскому народу переход к рынку не по силам. Видимо, способность нашего народа к испытаниям и в нем самом сегодня должна порождать надежду, а затем и уверенность в своих силах. Но только не отчаяние.

Третий этап консультации

Третий этап совместился у меня с первым. Добавлю лишь, что, на мой взгляд, изживание «фобий», как и эйфории по поводу рынка, является необходимым условием вхождения в него. Многим из нас придется еще пройти через ситуации национального унижения («Стану я есть эти собачьи консервы от тех, кого мы победили такой страшной ценой»; «Если мы отстали от высокотехнологичных стран навсегда, то и нечего рыпаться, рваться в сверхдержавы» и т.п.), но главное не в этом. Учиться лучшему и доброму никогда не поздно и не позорно. Позорно спастись перед трудным историческим испытанием и повернуть назад - к постылой, но до боли знакомой тоталитарной колее.

Пусть у нас будут образцовые социалистические хозяйства - совхозы, колхозы, заводы, - интересы которых защищает ОФТ. Пусть у нас появятся частные и акционерные предприятия, возродятся имения и усадьбы, о которых мечтает во имя славы Отечества Дворянское собрание, пусть будут различные фермерские и другие хозяйства, коммунитарные и иные общины. Страна наша велика и обильна, а народ - талантлив.

Л. Я. Гозман

НРАВСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОТНОСЯТСЯ К ЧЕЛОВЕКУ, А НЕ К СОЦИУМУ

Первый этап

Суждения в обеих колонках, на мой взгляд, роднит стремление обосновать справедливость защищаемой общественной системы, ее соответствие нравственным нормам. Я думаю, что порочным является само стремление к справедливому обществу. Мало того, что концепции справедливости было

принесено в жертву неисчислимо количество жизней; именно эта идея лежит в основе тоталитарного государства. Вера в справедливость, хорошо изученная в западной социальной психологии (см., прежде всего, работы М. Лернера), приводит к жестокости, оправданию любого насилия и, в конечном счете, к принятию несправедливости - в имманентно справедливом мире жертва физического насилия, экономических законов или чего-либо еще сама виновна в своем бедственном положении. Характерная для наших сограждан вера в имманентную несправедливость мира и, одновременно, справедливость собственной страны (ее общественной системы или людей, ее населяющих) служат одной из основ тоталитарного сознания (см. об этом: Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к власти людей // Нева. 1989, №7). Относительная справедливость внутри страны, даже если она базируется на представлении об особых нравственных качествах русского (советского) человека, делает ненужной, излишней активность по достижению справедливости в данном конкретном случае и неизбежно ведет к жестокости.

Выход из очерченной авторами нравственной коллизии состоит, по моему, не в дискуссии по поводу отдельных положений левой или правой колонок (каждое из приводящихся утверждений, безусловно, отражает какую-то часть реальности), а в отказе от самого стремления к справедливому, нравственному обществу. Задача человека - нравственное поведение, справедливость в конкретных ситуациях, в контексте индифферентных к нравственным понятиям, ориентированных на прагматические критерии социальных условий. Нравственные критерии относятся к человеку, отнесение их к социуму легко оправдывает безнравственность самого субъекта. Сказанное, разумеется, не означает игнорирование того факта, что стремление к справедливому обществу устройству является психологической базой многих общественных движений, в частности социальных изменений в СССР.

Второй этап

У меня вызывает сомнения сама концепция «гомо советикус». Она, кстати, существует в двух видах - диссидентском и апологетическом («моральный кодекс строителя коммунизма»). И апологеты режима, и их критики сходились на том, что системе удалось-таки создать «нового человека». Описания его были, в общем, одинаковыми с обеих сторон, отличалась лишь оценка качеств, само наличие которых сомнению почему-то не подвергалось. «Гомо советикус», превыше всего ценящий равенство, определенность и безопасность, не умеющий принимать решения, брать на себя ответственность, органически неспособный к жизни в условиях политической и экономической свободы, - это скорее идеал идеологических отделов и кошмарный сон интеллигенции, чем реальность. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к опыту адаптации наших эмигрантов в США - это чуть ли не самая успешная группа за всю историю Америки - и к поведению некоторых наших «новых богатых». Нет оснований и к тому, чтобы считать, что нечто вроде «гомо советикус» доминировало в дореволюционной культуре Российской империи. Наряду с «человеческим материалом», блестяще описанным де Кюстином, существовали люди, противостоящие социалистическим тенденциям, - купцы, изобретатели, путешественники, грабители, наконец. После семнадцатого года приоритетное развитие получил лишь один вектор российской культуры, который и представлен в общественном сознании в виде «гомо советикус». В соответствии с изложенным, я считаю, что нравственные конфликты перехода к рынку носят не столь-

ко советский, сколько общечеловеческий характер.

Так, конфликты 1 и 2 заложены еще ранним христианством («Легче канату пройти в игольное ушко...»). Это та дилемма, с которой человек сталкивается ежедневно в любой экономической системе: взять себе или дать другому, думать о «высоком» или о повседневном и т. д. Переход к рынку лишь обостряет эти конфликты, делает их более ясными, открытыми. А это, в соответствии с психотерапевтическими принципами, дает шанс на разрешение этих конфликтов, так как переводит их из подсознательного в сознание. Конфликты эти не имеют общего решения, каждый человек должен решать их для себя в каждом конкретном случае. Но ситуация рыночных отношений, по-моему, более способствует честному и откровенному решению.

Конфликт 3, о котором много говорят фундаменталисты в разных регионах страны, является, на мой взгляд, скорее пропагандистской уловкой, чем реальной проблемой. Мировой опыт показывает, что рыночные отношения органично сочетаются и с христианством, и с исламом, и с монархией, и с демократией. Право любого народа (или интеллигенции любого народа) искать свой особый путь, но в истории нет доказательств тому, что какая-либо особенность - русская, мусульманская или любая другая - может служить препятствием на пути развития экономики, основанной на здравом смысле.

Третий этап

Предложенные авторами варианты представляются разумными, целесообразными и, в общем, не нуждающимися в комментариях. Безусловно, демонстрация ограниченности, неполноты подхода «антирыночников», которая реализуется в апелляции к истории, принципам честной конкуренции, социальной ответственности и т. д., может помочь части носителей «антирыночных» настроений преодолеть свои предубеждения. Хотелось бы, однако, выразить одно сомнение.

Рациональные основания, которыми человек мотивирует ту или иную свою позицию, далеко не всегда являются подлинной причиной его взглядов. Даже бели не рассматривать случаев откровенной лжи (я говорю, что я против рынка по моральным соображениям, а на самом деле прекрасно понимаю, что я против, так как не хочу терять особую социальную позицию - секретаря райкома, например, которая в условиях рынка просто исчезнет). Среди тех, кто искренне апеллирует к безнравственности рыночной экономики, масса людей, которыми движут совсем другие, не осознаваемые ими мотивы. Можно предположить, что в основе неприятия рынка лежит не пресловутая уравнилельная психология, к которой часто обращаются руководители страны в попытках оправдать медлительность при проведении реформ, а неуверенность в собственных возможностях прожить в условиях рынка, продать что-то. За этим стоит низкий уровень самооценок и самопринятия, характерный, к сожалению, для многих наших сограждан. Ответственной за это можно считать сложившуюся в стране систему воспитания в школе и в дошкольных учреждениях.

Рынок представляется обществом сильных людей, где слабые страдают. Принципиально важным, с точки зрения преодоления страхов, представляется объяснение не нравственности рынка (уже говорилось, что, на мой взгляд, это понятие нерелевантно по отношению к социально-экономической системе), а того, что в условиях рыночной экономики государство, страховые системы и общинные связи гарантируют каждому человеку определенный минимум, не бросают его в беде. Страхи наших сограждан связаны больше всего с ситуа-

циями непредсказуемых или независящих от человека несчастий - аварий, болезней и т. д. Но именно от последствий таких несчастий и защищает гражданина общество, основанное на рыночных принципах. Имея защищенный тыл, человек может экспериментировать, пускаться в экономические авантюры, изобретать и в случае успеха выступать гарантом минимального благополучия и социальной защищенности своих менее удачливых соотечественников. То есть я считаю, что не менее важным, чем снятие моральных проблем, является коренное изменение образа капитализма (или рынка) в глазах общества.

Е. Ш. Гонтмахер

ДЕЛО В РЕАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ

Первый этап, а, б) Представленные ценностные суждения достаточно полно отражают полярные отношения к рынку, которые могут сложиться в советском обществе, но пока еще не сложились. Если рассматривать аргументы «левой» (как по расположению, так и по политическому наполнению) колонки, то она по силе своего воздействия на нынешнее общественное мнение не имеет себе равных. И дело здесь не только в десятилетиях идеологической антирыночной обработки масс, но и в их реальных условиях жизни. Рынок становится привлекательным для «обычного человека» лишь тогда, когда он обеспечивает ему достаточно высокий уровень благосостояния. Однако это не происходит само по себе, в первые же годы господства рыночных отношений. Наоборот, появление элементов рынка приводит к тому, что значительные группы людей вынуждены менять место работы, жительства, привычки, психологию. В силу консервативности, инерционности общественного сознания такие изменения вызывают распространенные и стойкие антирыночные настроения. Этим, видимо, во многом объясняется большой интерес к социалистическим идеям XIX века в Западной Европе. Но стоило рыночной экономике успешно преодолеть рифы циклических кризисов, государствам пойти на достаточно широкие социальные программы, а предпринимателям уступить профсоюзным требованиям о повышении заработной платы, оплачиваемых отпусках и т. п., как влияние социалистов (коммунистов) резко ослабло.

Нам еще предстоит пережить период жертв, связанных со становлением рыночной экономики, причем каждый день оттягивания перехода к рынку делает эти жертвы все большими. В связи с этим не приходится ожидать сколько-нибудь значительной популярности рыночной идеологии, более того - вполне естественно сопротивление - неизбежным переменам. Позиции «правых» (рыночников) имеют сейчас опору - и еще достаточно долго будут ее иметь - только среди узких общественных слоев: предприниматели (в основном нынешние «теневики», кооператоры), специалисты-экономисты, часть профессиональных политиков (народных депутатов). Однако у нас есть возможность, несмотря на всю сложность ситуации, переломить ход событий в пользу рынка. Это прежде всего: а) продуманное, дозированное введение рыночных отношений - в первую очередь в сфере обслуживания, торговле, мелком производстве, землепользовании; б) акционирование некоторых крупных предприятий, развитие хозрасчета на уровне цеха, участка, бригады, а лишь затем постепенная приватизация практически всех основных секторов экономики. Кроме того, позиции рыночников значительно укрепятся, если в страну будет допущен иностранный капитал, причем на достаточно благоприятных для него условиях (появятся но-

вые рабочие места с относительно высокой заработной платой, невиданным товарным обеспечением доходов, поездками за границу и т.п.).

в, г) Основной ценностью, вокруг которой строилась экономическая и политическая жизнь в России, всегда была социальная справедливость. Однако в разные периоды истории и разными политическими силами это понятие и трактовалось по-разному. Аналогичная ситуация сложилась и сейчас: как рыночники, так и антирыночники, отстаивая свои взгляды, апеллируют к принципам социальной справедливости. Первые из них настаивают на стартовом равенстве возможностей предпринимательства, вторые - на равенстве в потреблении. Здесь со всей очевидностью проявляется вставшая и перед нашим обществом давняя проблема совмещения экономической свободы и социальной защиты, которую уже десятки лет пытаются решить страны Запада. В общественном сознании нашего общества, кроме того, идет борьба между двумя ориентирами на пути в будущее: прозападным и своим, специфическим советско-российским. «Особость» России культивировалась веками, но стала чрезвычайно жизнестойкой после нескольких десятилетий движения по «социалистическому пути». На это накладывается огромная инерционность «имперского сознания», ощущение «сверхдержавности». В этих условиях переход к рыночным отношениям для многих означает признание превосходства Запада, с которым СССР столько лет соревновался не на жизнь, а на смерть. Отсюда среди некоторых слоев творческой интеллигенции возник во многом объяснимый всплеск «патриотических», шовинистических настроений среди определенной части «великорусского» населения, ностальгия по «соборной Руси», крестьянской общине. С другой стороны, появился и рыночный космополитизм, эйфория от успехов, достигнутых Западом, хотя переход к рыночным отношениям, как уже отмечалось, в наших условиях сопряжен с большими трудностями, которые не дают шансов на быстрый социальный прогресс.

Рыночная экономика с неизбежностью предполагает развитие индивидуалистических норм и ценностей, в то время как антирыночные отношения формируют ложный дух общности, коллективизма. Почему ложный? Потому что советский коллективизм строится на принуждении, на формировании связей между людьми «сверху», но никак не по горизонтали. В результате человеку отводится четко очерченная жизненная и общественная ниша, и он замыкается в ней в своем одиночестве, лишь по инерции (или по приказу) выполняя все предписанные ему «коллективистские» действия. Выплеснувшийся наружу этот «дикий» индивидуализм и составляет основу той «охлократии», которая грозит затопить все и вся.

Сказанное ранее позволяет перейти ко второму этапу консультирования - созданию типологии нравственных конфликтов, присущих переходу к рыночным отношениям.

Выделим несколько уровней конфликта: а) личностный; б) межгрупповой; в) культурно-этический; г) политический.

а) Лишь меньшинство советских людей уже отдало свои симпатии рынку или решило «не поступаться принципами». Внутренний мир обычного советского человека, как правило, раздвоен: с одной стороны, ясно, что «так жить нельзя», а с другой - сильна боязнь нового, неизвестного. Этот личностный конфликт включает в себя противоборство целого ряда нравственных установок и ценностей, о которых сказано во время первого этапа консультирования.

б) Противоборство групп с различными взглядами на будущее общества и экономики происходит и в сфере нравственности. Характерный пример -

конфронтация так называемого «пролетарского» (рабоче-крестьянского) и «интеллигентского» сознания, на которой пытаются сыграть противники рынка, искусственно противопоставляющие «здоровую трудовую мораль» тех, кто непосредственно производит материальные ценности, якобы нетрудовому образу жизни людей «непроизводственной сферы», особенно «яйцеголовым» интеллектуалам.

в) Но и среди тех, кто формирует культурный фон страны, нет единодушия в оценке последствий перехода к рынку. Налицо раскол и среди творческой интеллигенции, например среди писателей. Это приводит к обострению конфликта между двумя появившимися в стране культурами: ворвавшейся из-за границы (новые, вестернизированные ценности) и традиционной, связанной с ростом национального самосознания практически всех народов СССР.

г) Следствием этических конфликтов зачастую бывают и конфликты политические. В данном случае вокруг вопроса о целесообразности перехода к рынку возникли достаточно серьезные разногласия, сторонами которых стали политические образования и партии.

Третий этап. Основной путь достижения консенсуса между рыночниками и их оппонентами - это, на мой взгляд, широкая пропаганда и разъяснение накопленного на Западе опыта государственного экономического регулирования, реализация крупномасштабных социальных программ, обеспечивших высокий уровень благосостояния большинству населения. Убеждения многих антирыночников построены на элементарном незнании рыночных отношений, чем пользуются те, кто «не может поступиться принципами» или, иначе говоря, не может поступиться властью, так как рыночные отношения предполагают радикальную децентрализацию управления обществом и экономикой.

Второй путь достижения консенсуса связан, как это и предлагается авторами анкеты для экспертов, с историей, но не как простое обращение к ее опыту, а для привязки нынешних задач по переходу к рынку к конкретной точке исторической траектории. Очень важно показать антирыночникам, еще способным на компромисс и консенсус, что рыночные отношения — неизбежность, с которой надо примириться (таков ход истории), но можно смягчить тяготы перехода к ним (безработица, социальное расслоение и т. п.) за счет государственного регулирования.

Третий путь достижения консенсуса - разоблачение мифов, связанных с рынком. В частности, требуется снять тот огромный слой словесной шелухи, который окружает понятие частной собственности. Здесь следует обращать внимание на ее многообразные формы, несколько не противоречащие историческому опыту России (артели, бригады) и нынешним представлениям о социальной справедливости (коллективная, групповая, акционерная собственность)

Л. А. Гордон

ЭТО КОНФЛИКТ ВЕЛИКИХ ЦЕННОСТЕЙ С ОБЕИХ СТОРОН

Первое - о важности проблемы. Мне кажется, что авторы Проекта взяли действительно одну из коренных проблем перехода к рынку. Взяли чрезвычайно важную тему, которой, к тому же, уделяется очень мало внимания, хотя в действительности соотношение социально-экономических, политических про-

блем становления рынка, с одной стороны, и проблем этических - с другой, является одним из самых коренных условий успеха всех преобразований. Собственно исторический опыт, опыт классических работ М. Вебера показывают, что становление рынка в Европе проходило в русле как социально-экономических, так и религиозно-этических сдвигов. Одним словом, я поддерживаю замысел Проекта. В основном я согласен с версией противоречий, представленной в оппозициях, но думаю, что требуются некоторые уточнения и дополнения, на которые, вероятно, и рассчитывали авторы опроса.

Хотелось бы подчеркнуть то трагическое обстоятельство, что нравственные, этические противоречия, связанные со становлением рынка, носят в известном смысле антиномический, до конца не разрешимый характер. Мне кажется, что постановка вопроса, которая содержится в анкете, допускает некоторое упрощение, как бы невольно делающее взгляд на проблему более оптимистичным, чем он, по-моему, есть в действительности. В этом тексте, и это характерно вообще для всякого, кто начинает думать над такими проблемами, первый уровень заключается в противоречии между нравственностью, справедливостью, с одной стороны, и эффективностью, полезностью - с другой. Это в каком-то приближении верно, но при более внимательном рассмотрении дело оказывается более сложным. Как мне кажется, становление рынка связано с противоречиями внутри самой нравственности: дело не просто в том, что некий безрыночный порядок допускает неэффективное, но нравственное устройство жизни, а рынок дает возможность, благодаря, в том числе, безнравственности, добиться эффективности. Дело, мне кажется, в том (боюсь, это вообще коренится в самой человеческой природе), что невозможно полное осуществление требований нравственности в любой системе - рыночной или безрыночной. Мне кажется, что введение рынка связано с борьбой противоречий внутри морали: между ценностями свободы и равенства возможностей и ценностями братства и равенства результатов.

Следует подчеркнуть, что это конфликт великих ценностей с обеих сторон. Неверно утверждать, что все нравственное против рынка. Нет, рыночная экономика, экономика конкуренции и борьбы, несет с собой великие нравственные ценности. Ценности свободы, неотделимого от нее творческого самовыражения личности, ценности честности, долга, обязательств и так далее. То, что мы называем равенством возможностей, - самая величайшая этическая сторона равенства. Это отрицание врожденных привилегий, полученных от рождения или приобретенных какими-то неправыми средствами. Хотя с рынком действительно связаны многие стороны несправедливости, с ним же, с этой системой, системой борьбы и равенства возможностей, связаны и великие нравственные, этические ценности. И наоборот, безрыночная экономика, безрыночное строение общества, несомненно, также несут в себе величайшие ценности, ценности братства и единства человеческого рода, общества, нации и так далее. Но вместе с тем безрыночная экономика несет с собой и ужасающие антиценности, безнравственность, в конце концов сводящуюся к рабству и подавлению человеческой индивидуальности.

Крайним упрощением было бы думать, что на одной стороне - нравственность, на другой - эффективность. На обеих сторонах и нравственность, и безнравственность. И отсюда, как мне представляется, следует очень важный вывод для всего человечества и для нашего общества в особенности: это утопия - ставить перед собой цель создания общества, в котором все будет абсолютно нравственно и во всем будут существовать только светлые стороны. Это

невозможно. Попытки создать это здесь и сейчас есть утопия глубоко вредоносная. В этом смысле мы можем, скажем, в европейской культуре сослаться на гигантский опыт религии - важнейшего института человеческого - независимо от того, верить в Бога или нет. Я хочу напомнить, что так называемая хилиастическая ересь (представление о том, что можно построить царство Божие на земле, то есть добиться абсолютной нравственности и абсолютно идеального построения общества) была объявлена одной из первых ересей, одним из первых заблуждений христианства. И величие большинства религий (я говорю об их социальной стороне, а не касаюсь метафизической и мистической сторон, да и не хочу никак оскорблять чувства верующих), огромнейшая, с социальной точки зрения, мудрость и достижение религии - это разделение вопроса о земной жизни и райской жизни где-то вне человеческого общества, идея о том, что вот здесь и сейчас жизнь можно улучшать, но это не значит, что можно создать здесь и сейчас абсолютное благо. Эти же обстоятельства в наше время оборачиваются, может быть, в другой терминологии, теми же проблемами. Я думаю, что борьба ценностей капитализма и социализма, конкуренции и заботы общества о всех членах есть, в сущности, выражение разных сторон не только социального устройства, но и нравственности, и абсолютное торжество каждой из этих сторон или любой из них превращает жизнь в ад. Исходя из этого, считаю, что весь «пересмотр точки зрения нашей на социализм» должен заключаться в отказе от идеи существования социализма как некоторого строя, который полностью охватывает человеческую жизнь и наследует капитализму.

Я думаю, что гораздо правильнее, по крайней мере в обозримом будущем, думать о двух тенденциях: условно-капиталистической, связанной с конкуренцией, свободой и рынком, и условно-социалистической, связанной с братством и заботой общества о всех его членах. И наилучшие результаты достигаются при некотором компромиссе между этими тенденциями, не абсолютно полном воплощении каждой из них, а подвижном, динамическом равновесии их. И мы видим по западному миру последних двух поколений, что там этот механизм равновесия работает достаточно энергично. Когда общество имеет большой общественный пирог, большой доход, то на первый план выступает тенденция справедливого, братского раздела этого пирога, а когда пирог оказывается недостаточно большим или, скажем, растущим медленнее, чем растут потребности, то на первый план выступают ценности свободы и эффективности, которые обеспечивают рост самого пирога. Я думаю, что вот эта синусоида, эта смена тенденций является наиболее эффективным способом сосуществования двух начал, при этом не дай бог какому-нибудь из них восторжествовать абсолютно. Я полагаю, что эти противоречия общечеловеческие. Этическое их воплощение в нашей стране имеет свои особенности, связанные непосредственно с тем, что на протяжении четырех поколений у нас абсолютно воплощалась - или мы стремились воплотить - только одна из этих тенденций.

Если переводить дело в плоскость проблем этических, то, с моей точки зрения, для нас более актуально сейчас понять этическую ценность индивидуализма и свободы. Мы слишком долго говорили об этических - вполне реально существующих - ценностях коллективизма и братства. Это великие ценности, но не единственные. И на протяжении 70 лет всячески поносили мы ценности противоположные - ценности свободы, индивидуализма, равенства возможностей, творчества и так далее. Первая этическая особенность нашей ситуации - необходимость сейчас помочь обществу пестовать ценности свободы и индивидуализма. Но отсюда же вытекает и другая, как бы прямо против-

положительная особенность: у нас сейчас есть огромные массы, для которых еще очень важно понять, что коллективизм - это не единственная ценность, что индивидуализм - это не зло, а тоже нравственная, этическая, социальная и культурная ценность. Но беда заключается в том, что отрицание братства, отрицание социалистических ценностей грозит сейчас еще перейти в противоположную крайность. Грозит ситуацией, в которой будет вместе с грязной водой выплескиваться и ребенок - постоянное тяготение нашего общества к крайностям. Урок прошедших 70 лет должен был бы быть (надеюсь, он и будет) таким: порок заключается в принятии крайностей, в нашем случае этой крайностью было принятие ценностей братства и заботы об обществе, и ограничение крайностей индивидуализма. Боюсь, из этого опыта может быть сделан неправильный вывод. Правильный вывод, с моей точки зрения, в том, что не должно быть крайностей, от крайности принятия коллективизма надо перейти к средней линии, к соединению, насколько это возможно в человеческом обществе, индивидуализма и коллективизма, понимая, что при этом мы не можем до конца осуществить ни индивидуализм, ни коллективизм. А в реальности часто урок делается иной - столь же крайнего отрицания коллективизма, столь же крайнего принятия индивидуализма, как в прошедшие времена было принятие коллективизма. С этой опасностью также необходимо считаться.

Последнее, вероятно, самое грустное относительно разрешения этих проблем. Ученый (и политик) может - это его долг - поставить диагноз и показать глубокую, повторяю, почти неразрешимую противоречивость этих сторон нравственности. Но я не уверен, что возможен рациональный рецепт их решения. Полагаю, что, как бывало до сих пор, человечество решало такие противоречия все-таки с помощью людей, которых мы обычно называем пророками, харизматическими личностями, фигурами, способными внушать здравые этические идеи. С моей точки зрения, необходимость отказа от крайностей и сочетания двух противоположных рядов ценностей - умели внушать не просто рациональными средствами, а какими-то иными. К сожалению, и мы в этом на своем опыте тоже убедились, пророки способны внушать не только добро, но и зло (может быть, надо их в этом случае называть не пророками).

Вероятно, нашему обществу нужен Ганди, нужен человек такого типа. В прямом смысле я не думаю, что ученые и политики могут вызвать или создать такую фигуру. Но то, что мы можем и, по-видимому, должны делать, это - создавать атмосферу, которая будет благоприятствовать компромиссу и отказу от крайностей. Задача для нас заключается, во-первых, в рационализации того, что происходит сегодня в обществе, во-вторых, в попытке показать людям, что дело не в личной вине каких-то людей, а в трудности, почти невозможности создания «хорошей общественной организации». Это грустный вывод, но, думаю, он представляет собой какое-то средство против социально-политических страстей, ибо эти страсти, мне кажется, составляют главную опасность нашей ситуации.

В непосредственной жизни мы находим - и даже без большого труда - возможность сочетать ценности братства и свободы, в ближайшем окружении решаем эти проблемы. Так давайте решать их именно так!

НЕ ВСЕ СОШЛОСЬ НА РЫНКЕ!

Откликаясь на предложение авторов анкеты, хочу ограничиться тремя вопросами:

1. Что скрывается за всеобщими (охватившими все общество) размышлениями о целесообразности и путях перехода к рынку?

2. Насколько доказательны и убедительны аргументы сторонников и противников рынка?

3. Каковы моральные основания решения конфликта (какие моральные аргументы сведут за «круглым столом» сторонников и противников рынка, когда каждая из структур конфликта оценивает другую только в черно-белом измерении)?

1. Авторы исследовательского проекта, на мой взгляд, очень точно реконструировали состояние общественного сознания советского общества на рубеже 80-90-х годов в его отношении к рынку: проблема рынка оказалась важной для общественной самоидентификации индивидов, а отношения к ней полярны. Признавая известную ценность сравнительного анализа обозначившегося различия позиций и аргументов, нельзя согласиться с тем, что именно выбор среди них совпадает с поиском истины.

Раскол людей на «рынкофилов» и «рынкофобов», а еще больше их абсолютная уверенность в собственной правоте: первых - в том, что они могут ввести рынок, а вторых - в том, что они способны обойтись без рынка, свидетельствуют о непонимании природы рынка, о неготовности и неспособности общества к нему. Быть «рынкофилом» или «рынкофобом» - все равно, что быть, например, «зернофилом» или «зернофобом», «солнцефилом» или «солнцефобом». Рынок - это единственная нормальная форма общественных связей между людьми в условиях разделения труда. Нерыночной экономики просто не может быть. И составлять программы перехода к рынку - почти то же самое, что составлять программу созревания плода в чреве матери: в том случае, если женщина не зачала, такие программы смешны, а в том случае, когда она уже беременна, они излишни. Когда академики составляют всеохватывающие проекты создания рынка, они остаются в той же мыслительной и социальной парадигме, какой руководствовались красные профессора, разрабатывающие единые народнохозяйственные планы, с той только разницей, что применительно к рынку такое проектирование выглядит особенно нелепо. Рынок не складывается по теории, он развивается стихийно (об этом знал еще Пушкин, который экономическим мудрствованиям Евгения Онегина противопоставил здравый смысл его отца: «Отец понять его не мог и землю отдавал в залог»). Помощь рынку должна состоять прежде всего и главным образом в том, чтобы не препятствовать его естественному ходу, органическому созреванию, и надо вести речь не о том, как сделать всех собственниками, а о том, как открыть доступ к собственности тем, кто этого настойчиво добивается. Тотальное разгосударствление - еще большая бессмыслица, чем тотальное огосударствление.

Словом, сама замкнутость общественного сознания на проблеме рынка является болезненной, свидетельствует о патологии общественного сознания и служит препятствием на пути к гражданскому согласию. Консерваторы и либералы могут между собой договориться, но «тупоконечники» и «остроконечники» - никогда. Говорят, что идеологией нельзя командовать. Правильно. А эко-

номикой можно?

2. Если рассмотреть бытующие в обществе и предъявленные экспертам для оценки аргументы в пользу рынка и против него, следует признать, что и те, и другие основываются на большом количестве несомненных фактов и, расположившиеся симметрично - соответственно на правой и левой сторонах листа, являются одинаково истинными, как и вообще правое и левое. Когда говорят, что рынок - механизм выявления общественной полезности (производительности) труда, что он стимулирует личный интерес и утверждает достоинство частной жизни, что экономика оказывается процветающей в той мере, в какой она становится рыночной, и т. д., то спорить, возражать против этого невозможно. Но невозможно опровергнуть и утверждения тех, кто видит в рынке злую силу, соединяющую добро с пользой, дегероизирующую человеческий дух, привносящую в человеческие отношения недоверие, скрытность и т. д. Это приблизительно так же, как если бы кто-то утверждал, что солнце является источником энергии, а другой возражает ему, что оно порождает засуху. Правы обе стороны. Ошибкой (недоразумением, злым умыслом, иллюзией?) является столкновение и сталкивание «рынкофобов» и «рынкофилов», как и само существование этих позиций (больше чем позиций - социальных типов).

Решение, по-видимому, должно состоять в том, чтобы:

а) принять рынок так же, как мы принимаем любой природный процесс — скажем, весеннее половодье;

б) стремиться, где надо, способствовать ему, а где надо — ограничивать, нейтрализовать те его следствия, которые приходят в конфликт с ценностями добра и справедливости (оградить от рынка области духовного творчества, дополнить порождаемую рынком дифференциацию людей по уровню доходов разумной налоговой политикой, благотворительной деятельностью, через соответствующее законодательство блокировать рыночную разбой и т. п.).

Если исходить из того, что стремление к собственному счастью и нравственные обязанности по отношению к другим являются двумя атрибутивными характеристиками человеческого существования, то нравственные оппозиции, предметом которых является положительное или негативное отношение к рынку, представляют собой уродливо односторонние искажения образа человека. Можно сколько угодно сопоставлять этико-романтическую критику рынка и ее этико-утилитарную апологию, выявлять их вполне очевидные различия и скрытые детерминации, однако совершенно несомненно, что ни одна из этих позиций в конкретных условиях нашей страны не создает духовного пространства для возвышения общества, в том числе и прежде всего для его экономического развития. Нравственно обеспечить развитие рынка - вовсе не значит кричать на все голоса, что рынок - это хорошо, и воевать с теми, кто так не думает.

3. Нравственное самоопределение индивидов через отношение к рынку оказывается губительным для нравственности в такой же мере, в какой и для рынка. До тех пор пока сторонники и противники рынка оценивают друг друга в черно-белом измерении, какого-либо консенсуса между ними быть не может. Но, с другой стороны, в той мере, в какой отношение к рынку осмысливается в этических терминах, это взаимовосприятие не может не быть черно-белым.

Ключевой вопрос состоит в следующем: действительно ли выбор рынка является, вместе с тем, и этическим выбором? Не в том смысле, что рыночные отношения оказывают воздействие на нравственные связи людей и вообще включают в себе свою собственную мораль (наличие таких воздействий, как и особой «рыночной» морали, не вызывает сомнений), а в том смысле, что рынок

оказывается конституирующей основой этического мировоззрения и с переходом к нему вся мораль должна стать «рыночной».

Существует восходящее к М. Веберу мнение, будто развитие капитализма настолько жестко связано с протестантско-пуританской этикой, что именно в ней заключены его решающие духовные импульсы. Это, по меньшей мере, нуждается в конкретизации. Правда состоит в том, что там, где появление капитализма совпало с наличием пуританской морали, его развитие протекало особенно интенсивно и успешно. Но, как показала, в частности, Мария Оссовская в своем исследовании буржуазной морали, неверно отсюда делать вывод, будто именно пуританская мораль явилась причиной капитализма. Исторический опыт свидетельствует, что духовной, этико-религиозной предпосылкой капитализма могут быть и совершенно иные, непуританские, традиции. Здесь достаточно сослаться на опыт католической Италии, православной Греции, мусульманской Турции, не говоря уже об уникальном сочетании духовного традиционализма с технологическим модернизмом в Японии. Следовательно, духовно-нравственная история народа имеет свою логику и инерцию; она, разумеется, испытывает мощное воздействие со стороны рыночной, «свободной» экономики, но при этом остается вполне автономным (или, если употребить более привычную терминологию, относительно автономным) процессом.

Если уж говорить о моральных основаниях перехода к рыночной экономике, то они заключаются в том, чтобы десакрализировать рыночную экономику и рассматривать ее в качестве нейтральной зоны, оказывающей исключительно важное, определяющее воздействие на материальный базис жизни, но не меняющий ее фундаментальную ценностную структуру, духовную перспективу. Поэтому очевидную, всеми признаваемую задачу уточнения ценностных представлений в соответствии с потребностями рынка необходимо дополнить другой, значительно более трудной задачей - вписать рыночные отношения в существующую систему ценностных отношений.

Итак, на сформулированные нами в начале три вопроса можно дать три ответа:

1. Охватившее все общество (и экономистов, и философов, и политиков, и писателей, и кооператоров, и «простых» людей) коллективное размышление над целесообразностью рынка о путях перехода к нему свидетельствует о неготовности общественного сознания к рыночным отношениям, по крайней мере о совершенно неадекватной постановке этого вопроса.

2. Аргументы сторонников и противников рынка обладают практически одинаковой степенью доказательности, и нравственные оппозиции, имеющие своим содержанием различное отношение к рынку, являются ложными, социально деструктивными.

3. Этическое решение конфликта состоит в том, чтобы снять его в качестве этического, развести мораль и рынок как явления, у каждого из которых свои основания и свои сферы функционирования.

Е. Л. Дубко

«СОБЛАЗНИТЕСЬ ОБО МНЕ...»

Фрагменты оценочных суждений о рынке (за и против) «озвучивают» две нравственные позиции, находящиеся в состоянии конфликта и взаимоотторжения. И нравственные инвективы, и моральная апологетика рыночных отноше-

ний в обществе примыкают к определенному типу идеологии, культуры, социальной психологии. В них преломляется уже сложившийся менталитет с присущим ему риторическим орнаментом. Как нам представляется, оба оценочных ряда привносят в полемику архаический идеологизированный контекст, а именно: прорелигиозные, идеалистические морализации, с одной стороны, и нравственно-правовые утопии средних слоев буржуазии эпохи Реформации - с другой.

Обыденное моральное сознание быстро и однозначно реагирует на «упадок нравов», цепь моральных криминалов (бандитизм; убийства; взяточничество; издевательство над личностью и др.). Оно оперативно отражает качество нравов (нет уважения; всюду ругаются), а также тенденцию эмоционально-нравственного состояния (что-то грустно; все плохо; как прекрасен этот мир). Абстрактные нравственные принципы во многом являются заданными моделями. В значительной мере человек живет ими, не задумываясь всякий раз над их смыслом. Пожалуй, в морали есть один слой, состоящий из императивов и норм, который люди должны обязательно обсуждать и обдумывать. Здесь переплетаются общее и конкретное, надуманное и реальное, субъективно-личностное и общественное. К сожалению, в указанных оппозициях этот аспект показан плохо. Но менее всего люди знают самих себя. Поэтому, аттестуя других и восхваляя себя, они скорее всего бывают неточны.

В нынешней морали и ее фонограммах зияет мутная бездна на том месте, где должны были быть гражданские идеалы и общезначимые цели. Их нет. И это трагедия для людей, которая бросает их в сторону пессимистической медитации или в сторону мелочных сует. Один сосет «моральную карамель», а другой запасается «моральным макияжем». Странники рыночных отношений полагают, что общезначимые цели складываются как-то само собой, в конечном итоге - взаимодействия самостоятельных индивидов. А если что и не так, то всегда можно надеяться на какую-то компенсацию. Им не страшно оттого, что эти цели пропали из виду. Им кажется, что магическое заклинание «Богатство!» («Полные прилавки!», «Колбаса!», «Компенсация - социально незащищенным!») заставит сгнуть проблему исторически всеобщих идеалов.

Подход, который хорош и эффективен в борьбе за средства личного существования, совсем не годится для «существования в Истории», то есть в сфере высших человеческих устремлений. Человеческие проблемы могут решаться, на базе личного интереса лишь до какого-то момента, после чего индивид должен ориентироваться на другие ценности и исходить из других мотивов. Личный интерес не может обеспечить моральное самосовершенствование. Противники рыночных отношений некорректно, на наш взгляд, высказываются о моральном идеале. Они грешат абстрактностью. Недостаточно сказать, что добро превосходит пользу, а принцип добра отличается от принципа полезности, что идеал есть некоторая духовная, возвышенная сущность. Идеал и добро - это не просто слова, обозначающие самое высокое состояние моральности, ее апогей и местопребывание. Такой идеал только прикрывает нравственные конфликты в обществе, усугубляет морализаторство. В живой речи употребление поучительного тона и абстрактных понятий считается почтенным делом, но при ближайшем рассмотрении эти риторические упражнения отдадут бессмыслицей. Обязательно нужно раскрывать содержание определенного морального идеала, ставить его в политический, экономический, социальный, эстетический контексты, переводить на язык практической морали, императивов действия, разъяснять этапы его осуществления и возможные за-

труднения. Тут не помогут декламации типа «Мы верны нашим идеалам!», «Духовность - вот наш идеал!».

Рассматриваемые оппозиции, возможно, вследствие пропусков, совершенно не дали информации о том, как та или иная система (совокупность) ценностей включается в деятельность. Важно знать не только то, в чем состоят, с разных точек зрения, благородство, человеколюбие, великодушие и даже выгода, но и в чем состоит долг человека. Сторонники рынка подменяют вопрос о долге «правилами игры» и добросовестным исполнением деловых обязательств, данных обещаний, то есть профессиональным кодексом чести. Они совершенно безоружны в нравственном отношении вне своего корпоративного пространства. Им предоставляется возможность действовать «по закону», «по экономической необходимости», по обстоятельствам, по договоренности, «по логике своего капитала», а также рисковать. Наивно было бы думать, что все эти нормы поведения безупречны с моральной точки зрения, в высшей степени очеловечены и никогда не станут действовать против «человека» во мне или против «человека» в ком-то другом.

Хозяева собственности, или владельцы, заявляют о том, что бедность надо окружать социальной защитой, другими словами, сделать так, чтобы ее можно было терпеть. Бедность - это издержки. Справедливость не распространяется на бедных, они находятся под опекой. Нигде и слова не говорится о том, что бедный человек может быть талантлив, умен, нравственен, полезен обществу. Скорее наоборот, о бедном упоминают как о ленивом, завистливом (он любит считать деньги в чужом кармане), наружно бескорыстным, примитивном (он соглашается со всем, что ему внушают с трибун). Бедный якобы жить не умеет без того, чтобы им командовали, а не доглядишь, он враз казармы вокруг понастроит и начнет без зазрения совести жить-поживать в «равенстве нищих» и разведет такое массовое воровство и иждивенчество, что чертям тошно станет. Где бедность, там и бюрократы угнездились, а с ними и фундаментальные науки да здравоохранение, чтобы всякую посредственность тешить да крохами благодетельствовать. Именно бедные, а точнее, те, кто хочет равенства и братства, оказываются повинны в том, что их обманули, их руками жар загребали, их обобрали. Теперь их же пинают, называют стадом, изображают идиотами. И, соорудив на виду у них новые ворота в «цивилизацию», навязывают им в вожди людей независимых. Дескать, примите на веру, что не воры, не душегубы, а чудесным образом спасшиеся посереде нищенства и оскотинивания. Но не герои-подвижники то, не праведники-бессребренники, как кому-то грезилось, а добры молодцы, которые и себя не обидят, а коли тошно станет, так и вас от прибытков своих призрят. И все так сердобольно сказывается, что только диву даешься, чего народ злобится и свою мораль твердит: «по добру, да по совести, по труду, да поровну».

Глубочайшая ошибка состоит в отождествлении собственности с трудовыми накоплениями, товарной массой, стоимостью имущества. Это заблуждение можно отнести на счет наивности, но нередко оно проводится с целью обмана народа. Люди дали убедить себя в том, что собственность - это предметы пользования или их денежный эквивалент. На самом деле собственность есть общественное отношение, при котором одним принадлежат средства производства, а другим - только их рабочая сила. Соответственно, рынок - не место торговли («торжище») и не техника коммерции (предпринимательства). Рынок - это способ соединения средств производства (капитала) и рабочей силы. Именно в условиях рынка эти первоначально разъединенные стороны встре-

чаются. И если капитал стремится к рынку в предвкушении прибыли, то рабочую силу влечет необходимость существовать физически и нравственно социально-культурным способом. Не стоит изображать это встречное движение моральными красками как встречу «любящих сердец», «взаимопомощь и сотрудничество», «совпадение заветных чаяний». Слабым утешением будет и то, что рабочую силу не подгоняют плетью и не манят калачами. Не от предприимчивости и не от неутолимого трудолюбия возникает она на рынке, и не от очаровательной идеи «всеобщего благосостояния и полезности». Где есть отношения собственности, ситуация рынка необходима как начальная фаза производства, но не более того. Тут нет места для братства и разных моральных сантиментов. Встречаются просто независимые субъекты со своими личными интересами.

Сам рынок ничего не производит. На нем устанавливаются условия использования рабочей силы в процессе производства и ее цена. И опять-таки никакого отношения, возбуждающего моральный энтузиазм, мы здесь не усматриваем. Если вас в этом месте не надули да за шиворот не взяли, погодите образа ставить и челом бить. В определенном смысле у рынка нет какой-то особой морали, связанной именно с человеческими качествами. Ведь все равно, что продавать и покупать - устрицы, рабов, бетон, журналистов, губернаторов, спортсменов, математиков. Человека можно измерить там «в попугаях», но радоваться при этом способны только попугаи. Нам говорят, хорошо наверняка знать, что нужно и в каком количестве, а что никому не нужно. Вот, рынок и ответит: гляди и учись уму-разуму - бесполезный люд не востребован. Сколько разумников воспитаем на одном примере ненужного, «не купленного» человека. Пусть твердит, что он неподкупный, что к человеческому роду принадлежность имеет, трудиться не прочь, чему-то учился и жить хочется, а спросу нет - не неволь. Для худых у нас общество отдельное - «Милосердия общество». Приноровляйся там.

Ситуация рынка в моральном отношении оскорбительна для человека, который «вынес» свой труд. У него никогда нет уверенности, что он чего-то стоит. У крупного капитала такая уверенность есть, как есть и средства переломить обстоятельства (например, подавить конкурента, сбить цену, проверить аферу, скрыть мошенничество и т.д.). Человек, как он есть, в условиях рынка беззащитен.

Конкуренция капиталов, возможно, имеет благие последствия для общества, например в плане совершенствования технологии, освоения новой продукции, увеличения масштабов производства. Конкуренция же среди владельцев рабочей силы является одним из факторов деморализации общества. Именно здесь вполне ощущается, что отношения частной собственности разделяют людей, противопоставляют их друг другу. Э. Фромм не случайно назвал конкуренцию нео-каннибализмом. Борьба за средства личного существования искажает человеческий образ, характер, мировоззрение. Одно дело - стараться быть лучшим под влиянием «ждущего» общественного мнения, под влиянием благородного примера или, допустим, в силу логики личного развития. Другое дело, когда нужно постараться быть лучше других из-за их ненависти, из-за страхов, достающих в постели, ради того, чтобы избежать клейма неудачника. Конкуренция разогревает кровь капитала. Поэтому сторонники рынка видят в ней что-то романтическое и азартное.

Совсем по-другому конкуренция сказывается на трудящихся. И то, что она дает в интересах производства прибыли (дисциплину, квалификацию, ин-

тенсивность труда), оплачено принесенными в жертву такими качествами, которые образуют живую индивидуальность. Чтобы быть технологичным для производства и выгодным приобретением для коммерсанта, человек должен родиться на складе. Капитал, проигравший в конкурентной борьбе, не пропадет, его «подберет» победитель. Человек, в отличие от банковского счета и фондовой биржи, имеет живую душу. И пока что нигде нет страхования души, завещания душ и ломбарда для этого антиквариата. Поэтому не стоит удивляться, тем более строго выговаривать людям за то, что они конкуренцию не любят и не торопятся вступить на эту широкую дорогу самосовершенствования и развития. Чтобы осадить бездельников и некомпетентных работников, совсем не требуется сталкивать лбами всех.

Рынок и конкуренция еще не дают полного представления о моральных деформациях в сознании и образе жизни людей. Заметим лишь попутно, что в условиях рыночной конкуренции имеются самые благоприятные возможности для оглушения людей, воспитания в них инстинкта приспособления, а главное, они очень удобны для всякого рода «мировоззренческих опытов» над сознанием. Сознание конкурентов поглощает любое мракобесие, любую пошлость, любой коктейль из идей, фетишей, предрассудков, сентенций. Моральное сознание может дать такую реакцию, с которой мы уже встретились - неомистицизм, фиксированность на националистических фразах, подъем фантазий о личном скором обогащении, «ношение мертвых по улицам», отвращение к народной истории и т. п.

Моральная подоплека рыночных отношений обнаруживается не столько в ситуации рынка, которая на поверхности выглядит контрактом, накладывающим обязательства на обе стороны, не в самом производстве, где доминирует общественный элемент хотя бы в виде технологии, разделения операций, контроля за качеством и т. д. Она выходит на поверхность при распределении прибыли и совершенно зримой становится в качестве жизни участников производства. Тут-то кстати вспомнить, что сторонники рынка, не извиняясь, говорят о справедливом неравенстве, о распределении не только и не столько по труду, а и по другим основаниям (доле, акциям, процентам с вклада), о том, что общее - это ничье. И смело подчеркивают все преимущества состоятельной жизни. Понятно, что при распределении, которое обуславливается честностью собственника, богатство сосредоточивается у него (как вознаграждение якобы его заслуг), а остальные... тоже живут хорошо и ни на что не жалуются. Таким образом, чтобы проверить истинность оппозиций, надо анализировать разницу в уровне жизни.

А. Ф. Зотов

СЕГОДНЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОРАЛИ — СКОРЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ, ЧЕМ ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

1. По сути дела, в представленных Оппозициях речь идет непосредственно не о дилемме двух «обществ» (типов общества), а об оппозиции между представлениями о связи социального начала («общества») с одним-единственным вариантом регулятора экономической «базы» общества - рынком. Это можно понять как результат давления «марксистской традиции» трактовать материальное производство в качестве основы всей общественной жизни и всей

культуры, что всегда было чревато стремлением «редуцировать» общество к экономике, общественную жизнь - к экономической деятельности или, как минимум, к обслуживанию последней. Неявно в Оппозициях выражено - быть может, против воли авторов - мнение, что человек есть не что иное, как «хомо экономикус». На мой взгляд, развитие общества в целом (и даже европейского варианта общества) нельзя рассматривать как историю возникновения и смены общественно-экономических формаций. Вряд ли случайно К. Маркс так и не смог «освоить» восточную культуру в схеме своей «пятичленки» истории способов производства; свидетельство тому - сама терминология: прилагательное «азиатский» чуждо группе «первобытно - общинный», «рабовладельческий», «феодальный» и т. п. Не удастся и попытка рассматривать «азиатский способ производства» в качестве «смеси» формационных «элементов». Как, кстати, и «наш» социализм вряд ли можно трактовать как способ производства, как «экономическую» формацию, отличающуюся от капитализма «общественным» (якобы!) характером собственности.

Поэтому, на мой взгляд, не стоило бы говорить об оппозиции «рыночного» и «нерыночного» обществ. Есть оппозиция между (по преимуществу) саморегулирующейся экономикой и регулируемой (по преимуществу) административно.

Однако «так уж получилось», что наше массовое сознание различия между «экономикой» и «обществом», к сожалению, не проводит, и потому оппозиции в отношении рынка ему кажутся оппозициями между типами общества. Я бы в анкете на место термина «рыночное общество» поставил «рыночное хозяйство» или «рыночная экономика». А оппозиция стала бы такой: рыночная экономика - административная экономика.

2. Соответственно, на первом этапе обсуждения можно было бы сформулировать основные «за» и «против»: «рыночная экономика» делает человека элементом «производственного механизма»; открывает возможность эксплуатации собственником средств производства того, кто этих средств лишен; превращает человека в потребителя; удовлетворяет - или идет на поводу - всех, в том числе и извращенные желания потребителя; разрушает природу; создавая конкуренцию, сеет вражду между людьми, порождает зависть, оказывается причиной преступности и т. п. (почти по «Коммунистическому манифесту»).

Однако «рынкофил», для начала, мог бы возразить в отношении «административной» экономики примерно следующее: она не только делает человека «производительной силой», но и превращает его в «винтик» тоталитарного политического механизма; она рождает беспринципный карьеризм, подличанье в интересах начальства; приводит к власти дураков и бездарей; даже научно-академическую карьеру позволяет делать в постелях дочерей начальников или самих начальников; делает распорядителей материальных благ растлителями человеческих душ; рождает преступность не в меньшей мере, чем рынок: природу разрушает еще больше - включая и природу человека. Ко всему этому, она никак не ориентирована экономически на удовлетворение даже базовых потребностей человека и вырождается в «производство ради производства» или ради производства средств уничтожения или в осуществление «великих проектов» любого рода; оказывается отстающей в соревновании с рыночной экономикой по всем пунктам, неповоротлива в ситуации глобальных перемен, при усложнении хозяйственных связей становится по сути неуправляемой.

3. Поэтому на первом этапе оппозицию можно провести по принципу «кто

хуже» (или «сам дурак»). После этого сформулировать аргументы «за». «Рынок» скажет, что хозяйство, в конечном счете, следует за потребностями «массового» человека, удовлетворяя их вплоть до прихотей; оно в тенденции исключает внеэкономическое принуждение «гулаговского» образца; позволяет выдвигаться талантливым, работоспособным и дисциплинированным; «учит» повышению качества, удешевлению продукции, экономии сырья и т. п.; способно адаптироваться к переменам; делает истинной ценностью образование и т. п.

Сторонник «административной системы» может сказать, что его модель снимает с простого человека заботу о завтрашнем дне, обеспечивает пенсией, бесплатным образованием, дешевым жильем, бесплатным лечением и прочими «завоеваниями социализма»; кроме того, она способна объединить людей для достижения великих целей - короче, весь арсенал аргументов «школьного» научного коммунизма, который сегодня практически полностью дискредитирован.

4. Далее можно было бы перейти к обсуждению возможностей «компенсировать» пороки той и другой систем. Например, своекорыстие собственника ведет к необходимости удовлетворять максимально потребности «контрагента» в борьбе за рынок сбыта, рождает честность в отношении между людьми бизнеса; приводит к заботе о «человеческом элементе производства», о росте его квалификации, освобождает его от бездарной траты времени на транспорте и в очередях, заботится о его здоровье и хорошем настроении. Причем все это «завязано» на «частный интерес»! Кроме того, в демократическом обществе, органично связанном с рыночным хозяйством, существует правовое государство и государственные «рычаги» социальной ориентации экономики.

Компенсация недостатков «административной» экономики возможна, в конечном счете, теми же административными средствами, что неэффективно, если учитывать ее тенденцию к тоталитаризму в социальной жизни. Не могут быть прочными гарантиями «случайная» святость лидера, ни присущее ему чувство справедливости или приверженность к «неиспорченным» коммунистическим идеалам.

5. В разделе, посвященном «организации консенсуса», можно было бы показать, что оппозиция существует не столько между рынком и централизованным управлением вообще, сколько между их «вырожденными формами», которые и существуют-то, пожалуй, лишь в пропагандистской литературе «антирыночников». «Дикое» рыночное хозяйство становится «цивилизованным» с построением (не развитием — это не стихийный процесс!) демократического гражданского общества, с формированием правовых норм против монополизма, вредных производств, с разработкой мер социальной защиты, созданием политических и экономических регуляторов разного рода и масштаба. Все это делает «бесчеловечное», «антиприродное», «бесчестное» и «невежественное» поведение нежизнеспособным, поскольку оно невыгодно как экономически, так и социально. Появляется симбиоз разных форм собственности (акционерная, коллективная, индивидуальная, муниципальная, государственная, общественная), возникают благотворительные фонды, осуществляется государственная программа поддержки социально значимых проектов (здравоохранение, образование, экология, энергетика, фундаментальная наука, элитарное искусство и многое другое).

Со своей стороны, «дикая» административно-хозяйственная система (а

она естественно вырождается в дикую!) тоталитарного типа, проявив свою неспособность не только удовлетворять максимально индивидуальные и социальные потребности, но даже управлять экономикой (отсюда — «теневая» экономика, «дикая» торговля, взятки и пр.) и потеряв в условиях военной разрядки ореол «защитницы Родины», оказывается перед дилеммой — либо погибнуть, либо искать механизмы саморегулирования экономики и сегодня пытается (непоследовательно, с оглядкой, часто просто неумно) создавать такой механизм. Для этого тоже неизбежны антимонопольное законодательство, экономическое благоприятствование социально полезной деятельности, экономическая и неэкономическая борьба против бесчеловечных и разрушительных видов Деятельности, осуществление крупных проектов и пр. Но саморазвитие экономики немыслимо без заинтересованности в продукте, а не в цифрах плана - отсюда неизбежно возникают плюрализм форм собственности и политическая демократия.

Такой, на мой взгляд, могла бы быть «схема» представления оппозиций. Однако в какой мере оппозиции эти являются противостоянием моральных установок? Ситуация вообще сильно осложняется тем, что моральное суждение (массовое) всегда, а сейчас и у нас в особенности смыкается с традицией, и потому в переломные эпохи истории обременено невежеством, боязнью новаций и неумением мыслить. Поэтому в такие эпохи происходит деградация морального сознания, что наблюдается и у нас. Но это усугубляется еще и тем, что главным достижением нашей истории «после 17-го» стала ликвидация личности, то есть морального индивида. «Мы», «трудовой коллектив», «государство» не только обрели абсолютный приоритет в отношении «я», но привели к деградации самостоятельного мышления (даже в науке «личная скромность» стала главным достоинством (!), а вместе с этим гасила не только инициативность, но и чувство личной ответственности). Мы с печалью констатируем уровень правосознания нашего советского человека, но куда в большей мере деградировало сознание моральное (сохранившееся разве что в маргинальных формах этики преступного мира, «катакомбной» церкви, «диссидентской» интеллигенции). В остальных случаях оно почти нацело замещено автоматизмами «поведения в системе» и психологией «маленького» - и уже потому свободного от ответственности - человека. Это значит, что «массовые» моральные суждения на деле вовсе не относятся к сфере этики: они - плод «брака» невежества, неумения мыслить, привычки к рабскому (или, если угодно, «детскому») поведению.

В эпоху кризиса социальности (точнее, псевдосоциальности, ибо государственно-политический «монолит», поглотивший индивида, не стоит называть социальностью) суждение индивида относительно того, что ему выбрать и как поступить, теряет моральную почву. В «развитом социализме» нивелирован личностный импульс, личности превращены в «пыль человечества», «предмет статистики», в лучшем случае - в инобытие должности в номенклатурном списке. Поэтому место моральных суждений занимают «аморальные». Когда «квазисоциальность» административной системы начинает разрушаться и в сознании, на место прежних, тоже по сути «аморальных», установок, вытекавших из отождествления индивида с безликой «системой», становятся уже откровенно аморальные, даже если они высказаны в терминах моральных суждений (мораль - форма общественного, а не «государственно-хозяйственного» сознания). В их основе - шкурный и чаще всего недалекий расчет, подобного которому в «рыночной» экономике давно нет. Поэтому, кстати, «запад-

ный» индивидуализм обычно выступает как этическая позиция (и даже приобретает форму моральных концепций!) и сочетается с социальным сознанием, социальной ответственностью. И, конечно, выражается в моральных суждениях личности. «Наш» индивидуализм тождественен аморальности и ни в каких формах теоретического самопонимания выражен быть не может! Здесь источник органического непонимания даже нашей образованной молодежью смысла «метафизической вины» за грехи предков и ответственности за судьбу потомков, ее «неисторического» сознания. Поэтому основой «квазиморальных» суждений становятся не долг, а ощущение возможности получить личную выгоду, «сорвать куш», «пережить кайф» или просто выжить.

6. Таким образом, в предложенном тексте я не стал бы видеть инструмент мониторинга моральных оппозиций в нашем обществе: скорее это исследование «распределения случайных предпочтений», выраженных в форме моральных суждений, по сути чуждой этому содержанию.

Вместе с тем работа такого рода способна служить просветительским Целям, стать основой работы по ликвидации социального невежества (и этической «девственности»). Нам предстоит трудный путь к формированию «правового» общества — сначала, а на его основе и на основе воспитания личностного начала, в том числе и средствами «цивилизованного» рынка, формирование этического климата и личности в собственном смысле слова. Сегодня «восстановление морали» мне представляется, к сожалению, скорее стратегической, чем тактической задачей, скорее отдаленной перспективой, чем обозримым «завтра».

В. П. Киселев

ОТ ЭТИКИ КАЗАРМЫ — К ЭТИКЕ РЫНКА

Самое простое решение проблемы поисков путей и механизмов обретения нравственного и политического консенсуса при переходе к рынку - начать этот переход. Иначе говоря, довольно пытаться плавать в безводном бассейне. И все же надежды на автоматизм рыночной, саморегулируемой экономики разбиваются о трудности перехода к ней и абсолютно серьезные устремления ряда советских ученых и политиков сконструировать и воплотить в жизнь проект какого-то специфического «социалистического рынка», при котором нам достались бы только все плюсы капитализма без его минусов.

Достаточно привести высказывания М. Антонова, одного из лидеров «почвенников», чтобы ощутить неиссякаемую жажду «создать невиданный еще, нерыночный тип экономики, основанный на общинно-артельном начале». Признавая, что большинству наших соотечественников эта идея непонятна, он выступает «за национальный, просвещенно-патриотический рынок, за развитие отечественного предпринимательства, нацеленного не на извлечение прибыли как таковой, а на обеспечение выживания и возрождения России, подъема ее доведенных до руин экономики и культуры, решения экологических проблем» (Русский вестник. XII. 1990. С. 10).

Подобным публицистам невдомек, что руины как раз там, где почти век шли «особым путем», где были отброшены индивидуальная частная собственность и рынок, а вместе с ними гражданское общество и политическая независимость его членов. С уничтожением индивидуальной частной собственности исчез один из крупнейших источников буржуазного прогресса - автономия как

экономики, так и политики. Только благодаря обретению экономикой своей относительной свободы от притязаний власти оказалось возможным в конце концов подавить тенденции к тоталитаризму, заложенные в традиционных системах. Экономика в итоге многовекового развития частной собственности сбрасывает балласт внеэкономических форм развития, а политика становится полем борьбы различных политических элит, открытым пространством для демократии. Потому-то огосударствление экономики (как неизбежный шаг к ее «обобществлению») неизбежно толкает общество к тоталитаризму с его экономической централизацией и политическим деспотизмом, что и произошло, в частности, в бывшей России.

Благодаря огосударствлению производительных сил, возникли безликие, анонимные и даже отчужденные отношения, которые (в отличие от рынка) лишь разъединили людей, разрушили общественные связи, превратив общество в атомизированный суррогат социального единства, квазиколлективистский способ жизни. Товарно-денежные механизмы, торговлю вытеснила чудовищная система бюрократических отношений, тормозящая рост производительных сил, в основе которой - тотальная централизация управления всей общественной жизнью. В этих условиях исчезла свобода выбора потребителя, возникла аппаратная монополизация всех ресурсов жизни, а трудящиеся перестали быть хозяевами. Отношения собственности утратили свой фундаментальный смысл для общественной жизни, которая оказалась как бы политизированной. Однако такая политизация (заодно и идеологизация) всех общественных отношений, с одной стороны, устранила подлинную политику, свела ее к произволу и волюнтаризму одних и аполитичности других, с другой стороны, создала тупик на пути развития экономики. Реальные общественные отношения оказались загнанными в подполье, а на поверхности воцарилась имитация социализма. Подлинные экономические отношения с товарным, эквивалентным обменом, базирующимся на законе стоимости, стали действовать в области «теневой» экономики и там породили коррупцию, взяточничество, хищения и т. д. Внешне это выглядело лишь отклонениями от нормы, частными извращениями якобы планомерно регулируемой экономики в интересах трудящихся.

Рациональное планирование было бесплодным, ибо его объектом явились не реальные общественные отношения, а скорее их мифологические отражения в виде политических императивов и идеологических догм. Политика с ее силовыми методами, подмяв экономические механизмы, утратила свой сущностный смысл, поскольку занялась несвойственным ей делом - организацией хозяйства. Благодаря этому возникли не столько политические системы, сколько псевдополитические конструкции, не гражданское общество, а аморфный конгломерат социальных групп, не имевших способов выражения и защиты своих интересов. В области политики также произошло как бы «удвоение»: на уровне сущности действовали различные «невидимые» центры власти, стягиваемые в один узел вертикальным механизмом тоталитаризма; на внешней стороне общественного развития воцарилось декоративное подобие политической жизни. Подобное «удвоение» охватило и нравственную сферу - мораль для общества, ее публичная физиономия часто не совпадала с тем, что приоткрывалось для самых близких или загонялось глубоко внутрь, скрывалось даже от самих себя.

Такая маргинальная, искусственная система, в основу которой легла абстрактная доктрина «осчастливливания» народа, прервала естественноистори-

ческое развитие. Капитализм был не преодолен, а отброшен, заменен тоталитарным механизмом насильственного регулирования всех общественных отношений. Восторжествовала «логика безумия» (Н. Бердяев), логика борьбы за власть, подкрепляемая необходимостью решения задач модернизации, утвердилась коллективная частная собственность, при которой те, кто распоряжается ресурсами жизни «от имени и по поручению» народа, стали подлинными хозяевами жизни. Одновременно произошло отчуждение народа не только от средств производства, но и от власти.

К основным признакам утвердившегося тоталитаризма, традиционно выделяемым социологами (официально господствующая идеология, подавляющая все остальные; провозглашение своего общества совершенной и конечной стадией развития человеческого развития; монополюльно-исключительная массовая партия; монополюльно-вертикальная организация власти и средств массовой коммуникации; система террора и бюрократического контроля), добавились еще два - слияние экономики и политики в результате так называемого обобществления ресурсов жизни и социальная бесструктурность. В результате тоталитаризм получил свое абсолютное завершение, достаточную прочность, а зачатки гражданского общества, вызванные капитализмом, в России исчезли. Общество утратило экономическую, политическую и нравственную опоры, превратившись в «поголовного раба» (К. Маркс) относительно правящего слоя, называемого партократией, номенклатурой, бюрократией и т. д.

Подобная система возникает везде, где устанавливаются принципы социализма.

Оставляя в стороне вопрос о причинах первоначального воплощения и длительного существования этой системы в России, отмечу только, что абсолютное неуважение к частной собственности и негативное отношение к духу предпринимательства имели глубокие исторические социально-психологические основания у большей части народа. Отсутствие высокоразвитого личностного, индивидуального начала, гражданского общества, развитого правового государства, в центре попечений которого - права и свободы личности, доминирование психологии уравнительности и послужили предпосылкой для ренессанса «восточного типа развития» с его «коллективным деспотизмом». Поэтому возврат на столбовую дорожку мировой цивилизации, отказ от традиционных структур общества столь драматичны - если не трагичны - для большинства народов СССР, менталитет которых вдобавок несет в себе следы коммунистической утопии.

Без исторического подхода к выяснению причин «рынкофобии» нельзя понять причины остроты борьбы за наше будущее. Очевидно также, что рынок не может претендовать на социально справедливое качество общественного устройства. Попытки соединить рынок и социальную защиту населения наивны, если они носят лобовой характер. Как всего лишь механизм рынок относительно нейтрален к способу распределения общественных благ (как, кстати, и к морали), но зато решает главную проблему - обеспечивает стимулы материальной деятельности и, соответственно, эффективность экономики.

И только на этой базе - большей эффективности - создаются новые возможности для социально справедливого распределения создаваемого богатства. Здесь и будет простор для возрождения национальных традиций: благотворительности, артельности, взаимопомощи, солидарности и т. д. Правда, на данном этапе следует предпринять усилия для создания рынка на основе многообразных форм коллективной частной собственности - кооперации, акцио-

нерных предприятий, ассоциаций, других типов коллективных хозяйств, помимо частно-индивидуальной деятельности. В принципе наш рынок возможен как система связей многоукладной экономики. В этом случае главное основание для рынка - превращение коллективов предприятий в самостоятельных субъектов экономики, перенесение тяжести экономической зависимости граждан с государства на коллектив предприятия, на собственную деятельность. Но это требует не только отказа от части прежних функций государства как патерналистского по форме и эксплуататорского по сути, но и формирования новых отношений между ним и гражданами. Государство ограничивает свое вмешательство в частную жизнь, усиливая ответственность за общественную безопасность, в том числе экономическую, создавая систему минимальных гарантий. В свою очередь, рынок требует развития индивидуализма, развития энергии предпринимательства, творчества, самозащиты.

Именно поэтому становление рыночной экономики надо начинать с принципиального изменения системы воспитания и образования, к чему мы не приступали. Этика бизнеса есть следствие этики индивидуальной, формируемой в системе отношений, где конкурентная борьба в труде - норма, где не только помогают побежденным, но и гордятся удачником-победителем. В этом отношении этика бизнеса не только не противоречит простым нормам нравственности, другим этическим принципам, выработанным человечеством, но базируется на них.

Думаю, вряд ли есть основания рассматривать рынокофобию как плод нашей генетической непредрасположенности к товарно-денежным отношениям. Длительная историческая традиция, усугубленная коммунистическим насилием, - залог величайших трудностей перехода к новым ценностям, но трудности эти преодолимы. Ибо в глубинах индивидуального и общественного сознания всегда сохранялась жажда самоутверждения, инициативы, свободы. Может сыграть свою вдохновляющую роль и комплекс неполноценности, социальной ущербности в условиях открытого для сравнения мира, в условиях неизбежных космополитических тенденций. Знание о мире, признание несовместимости прежнего общественного строя с НТР (ее информационного этапа), биологические пределы тоталитарного насилия - стимулы стремления к модернизации, прорыва к новым формам общежития, неудавшиеся попытки которого были уже во времена Н. С. Хрущева.

Вступление в рыночную систему приведет к гражданскому обществу, появлению новых социальных слоев со своими ярко выраженными интересами - предпринимателей, фермеров, кооператоров, менеджеров, высококвалифицированных рабочих с высокими заработками, работников службы сервиса... Появится средний слой - опора стабильности и порядка, социальная база гражданского общества, без которого нет и быть не может политического плюрализма. Поэтому я не думаю, что можно говорить о реальной многопартийной системе сейчас, до появления рынка. Множество карликовых партий с почти идентичными программами еще не многопартийная политическая система. Если, конечно, не выдавать зеленую клубнику за спелую, пройдясь по ней кисточкой с краской. Разумеется, это не означает, что нет нужды в политической подготовке и электората, и рождающихся партий (протопартий) к оппозиционной деятельности и будущим многопартийным выборам. Поскольку суть многопартийности не в количестве партий, а в создании системы эффективной и постоянной оппозиции, то сегодня в условиях многочисленных слабых партий куда важнее создание союза демократических, антитоталитарных сил, объединяю-

щего всех противников коммунистических мифов и догм во имя эффективной экономики и свободы от государственной тирании.

Что касается достижения консенсуса в условиях многообразных конфликтов, раздирающих наше общество, то выбор социальных мостков друг к другу различных политических сил зависит от конкретного промежуточного этапа перехода от тоталитаризма к демократии и рынку. На мой взгляд, таких этапов несколько:

1) от антинационального тоталитаризма (коммунистического) - к национальному тоталитаризму. Здесь действует логика национального освобождения, и консенсус определяется им. Безрыночные механизмы в экономике и распад союзных связей заставляют новые республиканские силы (во всех республиках) сохранять на время тоталитарные методы регулирования общественных отношений;

2) от национального тоталитаризма - к национальному авторитаризму. Здесь сильная исполнительная власть, уравновешенная законодательными органами, под давлением необходимости создает предпосылки для многоукладности, приватизации рынка;

3) от национального авторитаризма - к национальной демократии. Это становится возможным при наличии рынка;

4) и, наконец, только после этого возможно вхождение суверенных республик в «единый европейский дом», в те или иные региональные или общечеловеческие ассоциации, свидетельствующие о прорыве к космополитическим формам жизни. Если Запад уже находится на этом этапе, преодолевая не без драм и противоречий национальную ограниченность, то нам предстоит еще несколько исторических вех национального возрождения.

Источники такого возрождения - национально-культурные и религиозные традиции и помощь того же Запада (в экономике, информации, образовании, управлении...). Очень важно, чтобы национальная идея-символ не послужила бы межнациональной розни, автаркии, не оказалась бы в руках реакционного «красносотенства» во имя сохранения прежней империи.

Изложенная схема - всего лишь схема, и элементы каждого этапа можно отыскать на любой стадии. Важно другое - основные противоречия и конфликты перехода к рынку еще впереди, потому что мы делаем лишь первые шаги в сторону от тоталитаризма. Если, конечно, делаем.

И. М. Клямкин

НАЧИНАЕМ ДАЖЕ НЕ С НУЛЯ, А С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Я уже не раз высказывался в общем виде по поводу проблем, поставленных авторами Проекта перед консультантами. Напоминаю свою точку зрения, изложенную в ряде публикаций.

«Все чаще слышатся голоса, что человечество не придумало ничего более гуманного, чем деньги, конкуренция, рынок. Тем самым снова отождествляются экономика и мораль и, по существу, отрицается возможность нравственного суда над экономикой (на этот раз не административной, а рыночной). Поменяв знаки на противоположные, мы просто выворачиваем тоталитарное мышление наизнанку. Но при этом целиком остаемся в его власти. Рыночная экономика, конечно, несравнимо гуманней лагерной. Но считать ее синонимом

добра - значит признать, что в условиях рыночного хозяйства мораль не нужна...

...История движется строго закономерно, но в ней нет ничего фатального, если под фатальным понимать нечто predetermined. И в этом весь ее драматизм, так как закономерность можно выявить только задним числом. Но и задним числом нельзя достоверно определить, был ли другой вариант развития, могло ли все пойти по-иному, хотя бы потому, что этого не проверишь. Прошлому я могу задать только один вопрос: почему история пошла так, а не иначе. Но это вовсе не значит - и это принципиальнейший момент! - что по отношению к современности я в том же положении. Тут я активно действую (или бездействую), подключаю свою волю (или пассивность) к тем или иным интересам и силам. Их равнодействующая определяет исход исторической ситуации, но он, повторяю, непредсказуем. Люди могут выбирать, какой идее служить или не служить (такой выбор всегда есть), но им не дано в точности предугадать, какая идея восторжествует и что из ее торжества получится...

История не имеет вариантов. Я понимаю, очень хочется верить, например, что в 20-е годы можно было избежать сталинизма. Однако доказать этого нельзя. Но как люди 20-х годов не могли знать, какая тенденция возобладает, так не знаем этого достоверно и мы. Отличаемся же мы, нынешние, как и наши предшественники, друг от друга различным представлением о происходящих процессах и разным отношением к опыту прошлого. У меня, скажем, пока нет серьезных оснований говорить, что мы избежим авторитаризма. Во всяком случае, прозвучавшие до сих пор доводы меня не убеждают. Когда, скажем, Л. Баткин в статье «Мертвый хватает живого» (Лит. газета. 1990. 20 сент.) говорит, что не надо, мол, тревожить тени Людовиков, Наполеонов, Александров, поскольку положение наше своеобразно и даже исключительно, то из этого, казалось бы, должно следовать, что у нас жесткая власть как раз вероятнее.

Мы переходим к рынку от тоталитаризма, который принципиально отрицал и до основания разрушил рыночные отношения и соответствующие им традиции и навыки, психологию, то есть начинаем даже не с нуля, а с отрицательной величины. Уникальность наша проявляется, таким образом, в том, что мы отличаемся от исторической нормы не в лучшую, а в худшую сторону, и логично заключить, что нам труднее будет переходить в новое качество сразу через демократию. Л. Баткин же делает вывод, так сказать, в лучшую сторону, как будто наша уникальность свидетельствует в нашу пользу. При этом не замечается, мягко говоря, странность такой логики. Думается, за ней стоит старый, тоталитарный тип мышления - мышление иллюзиями.

Годы догматизма посеяли в нашем сознании ложное, по существу, религиозное представление о закономерности: то, что исторически закономерно - нравственно и оправданно. Такой закономерности остается только поклоняться. Исторически закономерен переход человечества к коммунизму - мы строим коммунизм, поэтому все, что у нас происходит, служит добру, способствует его конечной победе над злом. Исходя из этой схемы и оценивается многими мое рассуждение об авторитаризме: если я говорю, что нам, быть может, не удастся избежать его, значит делается вывод - я призываю к его установлению, считаю его морально оправданным и готов за него на костер. Но в основе таких рассуждений как раз и лежит старый тип мышления, родственной в чем-то архаичному, синкретичному мышлению древних, в котором не расчленены наука и мораль, в котором экономика, этика и политика не автономные сферы, а нечто слитное. Для такого мышления характерна подмена объективного анализа

исторической конкретности морализированием: как это можно признавать такую «бляку», как авторитаризм, закономерной? А где начинается морализирование, там кончается научный анализ, там отбрасывается, по существу, сама идея закономерности. Это не что иное, как обратная сторона поклонения ей - проявление страха перед ее объективным характером и объективным исследованием...¹

Парадоксальность нашего послереволюционного развития ни в чем, может быть, не проявилась так ярко, как в уничтожении нравственности посредством весьма своеобразного ее возвышения, выразившегося в подчинении ей всех других сфер и измерений человеческой жизни. Было провозглашено, что нравственность не есть нечто отвлеченно-безжизненное, отличное от экономики и политики, как это имело место до сих пор, что «при социализме» экономика и политика впервые сливаются с нравственностью и тем самым впервые наполняются реальным гуманистическим содержанием, служат настоящему и будущему счастью человека и человечества. Как мы помним, это называлось конкретным гуманизмом и противопоставлялось гуманизму абстрактному - благородному якобы в своих устремлениях, но оторванному от задач практического облагораживания жизни и потому являющемуся в лучшем случае лишь ложным, иллюзорным гуманизмом, а в худшем - оружием в руках эксплуататорских классов.

Теперь вряд ли кому-то надо объяснять, что именно наш «конкретный» гуманизм оказался дальше от нравственности, чем какой-либо другой, что экономика, призванная стать самой человеческой, оказалась ни с чем не сравнимой по своей бесчеловечности, а политика, провозгласившая своей целью самоосвобождение от буржуазной и прочей лжи, стала политикой беспрецедентного цинизма. Теперь никому (или почти никому) не надо объяснять, что так называемый абстрактный гуманизм, апеллирующий к абсолютным общечеловеческим ценностям, - это и есть гуманизм конкретный, а то, что мы называли гуманизмом конкретным, - это не гуманизм вообще. Но если это всем или почти всем понятно, то отсюда еще вовсе не следует, что прежнее тоталитарное сознание, не расчленявшее экономику, политику и нравственность, сменилось «новым мышлением». Похоже, что «новое мышление» - это иной раз все то же тоталитарное сознание, поменявшее знак. Если раньше считалось, что нравственная экономика не может быть основана на товарно-денежных, рыночных отношениях, что нравственность - это нечто более высокое, чем деньги, то сейчас все чаще приходится слышать, что ничего более нравственного, чем деньги, человечество вообще не придумало. Перед нами тот же тоталитарный тип мышления, стремящийся отождествить вечное, абсолютное с преходящим и относительным, или говоря конкретнее, опять, хотя и на новый лад, отождествить экономику с нравственностью.

Конечно, рыночная экономика и экономическая мотивация несравнимо богаче по своему гуманистическому содержанию, чем рабский труд в сталинских лагерях. Но если мы провозгласим рынок и оплату по труду синонимом добра, то мы уничтожим нравственность еще раз. Это будет очередной вариант «конкретного» гуманизма, который, однако, в отличие от своего предшественника, не имеет никаких шансов на осуществление. Это очень важно понять: рыночная экономика вообще не может утвердиться сколько-нибудь основательно, если ее требования провозглашаются высшими ценностями бытия. Че-

¹Клямкин И. В исторической ловушке // Журналист, 1990, № 2, с. 26—27.

ловек не может и никогда не сможет примириться с тем, что весь смысл его существования сводится к тому, чтобы больше заработать (пусть даже самым честным трудом) и жить лучше соседа. Человеку нужен контакт с миром абсолютного, который (контакт) и обеспечивает такая «форма общественного сознания», как нравственность. В строгом смысле слова она и начинается лишь там, где возникает неудовлетворенность настоящим, т. е. временным и преходящим, как бы благополучно оно ни было, где сознание обнаруживает неустранимый зазор между временным и абсолютным или, что то же самое, между идеалом и действительностью. Этот зазор давно уже дает содержание едва ли не всему мировому искусству, которое без него попросту лишилось бы своего жизненного импульса. Свести нравственность к экономике - значит поставить под угрозу всю человеческую культуру. На таком духовном фундаменте немислимы общественное здоровье и стабильность.

Так что не будем, возмущаясь безнравственностью административной экономики, бросаться в другую крайность и провозглашать недоступную нам пока экономику рыночную синонимом нравственности. Экономика - это экономика, а нравственность - это нечто совсем другое, и отождествлять их (это после Канта-то!) - значит расписываться в безнадежном провинциализме...¹

Деньги - одно из самых великих, быть может, самое великое изобретение человека. Но оно же - одно из самых (если не самое) нечеловечных, противоземных, абсурдных изобретений. Для экономики на первом месте должно стоять его величие. Для литературы (искусства) - его абсурдность.

У Г. С. Лисичкина в очерке, опубликованном в журнале «Знамя» (1987, № 7), приводится потрясающий по выразительности факт. Крестьянин построил в деревне великолепный кирпичный дом. На свои честно заработанные деньги. Люди же, живущие вокруг, не стали брать с него пример, не бросились упорным трудом зарабатывать деньги, чтобы построить себе те же дома-красавцы. Многие из них пошли другим путем: стали писать на крестьянина клеветы.

С точки зрения экономиста (да и элементарного здравого смысла), факт этот оценивается однозначно: добросовестный труд - хорошо, зависть - плохо. А с точки зрения художника? Сразу все становится не так просто.

Не исключено, что при успехе перестройки эта ситуация будет воспроизводиться в массовом масштабе. Резко возрастет дифференциация доходов, причем не исключено, что значительная часть людей - не только из-за лени, но и в силу своей неспособности, неготовности, некачественности - окажется неконкурентоспособной. Надо ли доказывать, что оценки экономистов и художников могут при этом разойтись коренным образом?

Ничего страшного и противоестественного здесь нет. Этот возможный будущий конфликт не надо драматизировать. Надо отнестись к нему как к норме, а не как к аномалии. Пусть экономист занимается своим делом, пусть заботится об эффективности, рациональности, о создании материального богатства и материальных удобств человеческого существования, без которых людям хуже, чем с ними. И пусть художник находится в оппозиции к нему, представляя другую сторону жизни человека, изначальный и конечный смысл его исторического бытия.

Сегодня экономист и художник противостоят административной системе - это нормально. Падет она, займет ее место Экономическая система, и они будут уже противостоят друг другу. И это тоже нормально. Без этого великого

¹ Перестройка и нравственность. «Круглый стол» // Вопросы философии, 1990, № 7, с. 7—8.

противостояния хозяйственной рациональности и гуманизма, эффективности и добра общественное здоровье невозможно, по крайней мере в обозримом будущем¹.

«...Есть, однако, и другая сторона вопроса. Дело в том, что между вечным и преходяще-временным в сознании нельзя проложить изолятор. Более того, если они оказываются изолированными, то это равносильно катастрофическому духовному распаду. Любой конкретный тип деятельности требует осознания его как «богоугодного», как допустимого и оправданного с точки зрения существующих абсолютных этических ценностей, хотя и никогда не сводимого к ним полностью. Это означает, в свою очередь, что смена исторических типов деятельности (экономической в том числе) немыслима без глубоких духовных революций, без конкретной перестройки всей системы человеческой мотивации, - тема, блестяще разработанная в свое время М. Вебером.

Нет сомнения, что мы переживаем именно такую эпоху, когда старые идеологические ценности вытесняются из массового сознания с невиданной быстротой, а новые - пока выступают лишь как заимствованные у других народов и потому отторгаются широкими слоями населения. Эта смена ценностей тем более болезненна, что она, как я уже говорил, предполагает дифференциацию нерасчлененных до этого сфер экономики, политики и нравственности, к чему мы совсем не готовы. Схемы тоталитарного «монолитного единства» довлеют над нами и здесь (отсюда и попытки на новый лад отождествить экономику и нравственность).

Я говорю о болезненности и потому, что нельзя упрощать суть дела и сводить прежнюю систему ценностей к тотальному обману, осуществленному группой злоумышленников. Это был настолько же обман народа, насколько и его самообман, по крайней мере значительной его части»².

Революционная мораль классовой борьбы ради освобождения человечества трансформировалась в годы индустриализации в специфическую разновидность производственной мотивации, которая известна нам под именем трудового энтузиазма. Но эта мотивация, как и революционная мораль, осталась в прошлом. И сегодня, в период колоссального духовного кризиса, сравнимого разве что с кризисом в Древнем Риме на рубеже старой и новой эры, мы стоим перед проблемой глубокого самопреобразования как в смысле смены этических ценностей, так и в смысле формирования принципиально нового типа связи нравственности с другими сферами человеческой жизни, прежде всего - экономикой.

Переход к рыночному типу хозяйствования невозможен, если нет личности, духовно предрасположенной к этому переходу. История знает два основных способа «складывания» такой личности: или посредством формирования нового духовного уклада рядом с существующим и их последующей конфронтации, как было в Западной Европе (протестантизм и «протестанская этика»), или путем использования национальных культурных механизмов и приспособления их к требованиям современной экономики (классический пример - Япония). По какой дороге пойдём мы, сказать пока трудно. Во всяком случае, ясно, что культурные традиции большинства наших народов вряд ли можно считать благоприятными для перехода к товарно-денежным, рыночным отношениям. Скорее наоборот.

¹ Клямкин И. Нормы и аномалии // Литературное обозрение, 1988, № 3, с. 14.

² Перестройка и нравственность. «Круглый стол» // Вопросы философии, 1990, № 7, с. 8.

Отдавая себе отчет в приблизительности любого прогноза на сей счет, рискну все же высказать одно предположение. Не исключено, что новая духовность будет складываться по линии экологии, которая в наших условиях может сыграть несколько иную роль, чем на Западе. Там экологические ценности (ценности спасения природы и человека как природного существа) выступают альтернативой экономической «одномерности» ценностей общества потребления, основанного на рыночных регуляторах. У нас же нет ни рынка, ни избытка потребления, но есть административно регулируемое хозяйство, которое в принципе не способно справиться с экологическими проблемами и сохранение которого неизбежно приведет к экологической катастрофе. Избежать этого можно только посредством перехода к экономическим методам хозяйствования, которые, конечно, с экологической точки зрения, тоже не безупречны, но с административными - попросту не сопоставимы. Если учесть, что ощущение экологической опасности все стремительнее проникает в массовое сознание, то можно предположить, что это ощущение и станет той болевой точкой, в которой образуется завязь новой системы ценностей. Иными словами, нельзя исключать, что в отличие от Запада, где развитие, если можно так выразиться, идет от экономики к экологии, у нас оно будет осуществляться от экологии к экономике.

Такое предположение тем более оправдано, что речь идет о фундаментальной идее спасения человека как биологического и духовного существа, идее, по своей глубине и наполненности способной приблизиться к религиозной. Правда, надо отдавать себе отчет и в том, что ее глубина будет прямо пропорциональна степени экологической катастрофичности, а ощущение катастрофичности бытия способно привести к тому, что идея спасения трансформируется в идею «спасителя», в объятия которого может броситься оказавшаяся на краю бездны нация. И тогда переход к рыночной экономике (а он неизбежен) будет осуществлять политический режим диктаторского толка. Разумеется, фатальной предопределенности такого исхода нет - здесь возможны варианты, но, чтобы избежать этой опасности, надо по меньшей мере не закрывать на нее глаза¹.

С. И. Кордон

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НРАВСТВЕННОЙ АРГУМЕНТАЦИИ ПОЗВОЛЯЕТ...

Первый этап консультирования

В целом материалы предварительной диагностики охватывают все аспекты современного общественного сознания в его отношении к рыночной экономике. Однако приведенные фрагменты неудобны по своей форме к осуществлению дальнейшего анализа. «Рыночная» и «анти-рыночная» идеологии представляют собой относительно целостные концепции будущих рыночных отношений и их нравственных последствий. Поэтому их удобнее противопоставлять по отдельным, образующим их категориальным компонентам так, чтобы в основе каждого лежала одна определенная категория.

Анализ показывает, что такие компоненты делятся на две группы:

¹ Перестройка и нравственность. «Круглый стол» // Вопросы философии, 1990, № 7, с. 9.

- компоненты, в основе которых лежат категории, в равной степени используемые в споре между собой как сторонниками, так и противниками рынка; категории, естественно, получают при этом прямо противоположную этическую интерпретацию;

- компоненты, которые образуются категориями, используемыми либо только противниками рыночной экономики для доказательства нравственности до-рыночного общества, либо только сторонниками рынка для обоснования моральных импликаций последнего.

Рассмотрим сначала компоненты второй группы. Компоненты, которые встречаются в моральном обосновании безрыночных общественных отношений:

1) бескорыстие, альтруизм, любовь к людям, доброта, самоотверженность, принцип самоотдачи как противостоящие корысти, выгоде, мелочному расчету, торгашеству, принципам эквивалентного обмена, на котором основаны все товарные отношения;

2) стремление к идеалу, вечному, высшему, духовному как противоположным приземленности, бездуховности, филистерству, обывательщине;

3) сотрудничеству, солидарности и взаимопомощи людей рыночное общество противопоставляет конкуренцию, разъединение, отчуждение, эгоизм, принцип «война всех против всех», «каждый за себя, один Бог за всех» и т. п.;

4) честная жизнь на трудовую, отработанную собственными силами зарплату признается нравственным достоинством до-рыночного общества - в противовес изворотливости, стремлению нажиться, обогатиться за счет других, обмануть, схитрить; это неизменно приводит к разделению людей на бедных и богатых и само по себе аморально;

5) преобладание, приоритет общественного, человеческого интереса над частным, личным, узким; забота о благе всех людей, всего народа, а не только о своей мощи, как это диктуется законами рынка.

Эти компоненты лежат в основе тех обвинений сторонникам рыночных отношений, которым эти сторонники не могут ничего противопоставить, кроме оправданий. В свою очередь, «рыночники» выдвигают следующие аргументы в свою защиту, которые ставят «антирыночников» в позицию оправдывающихся:

1) активная, инициативная деятельная личность, способная преобразовать общество, сделать его цветущим, способная помочь другим, а не иждивенец, пассивно ожидающий помощи, совета, указания со стороны;

2) развитие личности через самостоятельность, самореализацию, раскрытие всех своих способностей и возможностей, а не прежняя нивелировка людей под одну гребенку, не превращение человека в «винтик», целиком предназначенный для выполнения узкого круга своих функциональных обязанностей;

3) прогрессивное развитие общества, его техники и технологии, подъем культуры и благосостояния всех людей как основной нравственный критерий человеческого поведения.

Компоненты нравственной позиции сторонников и противников рынка, совпадающие между собой категориально, но противоречащие друг другу в своем этическом толковании, следующие.

1. Человек как самоцель.

«Антирыночники». Рыночные отношения рассматривают человека как средство для получения прибыли, дохода. Ради них личность другого человека приносится в жертву. Даже сам товаровладелец, субъект рыночных отношений,

приносит себя в жертву соображениям выгоды и тем самым прекращает свое подлинно человеческое существование.

«Рыночники». Свободные равноправные товарно-денежные отношения дают человеку действительную самостоятельность, независимость и достоинство. Человек не зависит ни от кого, он свободен в выборе форм и характера своей деятельности, он и только он несет ответственность за ее последствия. Только в условиях товарно-денежных отношений можно определить: что стоит данный человек, насколько ценны его способности, знания, умения для окружающих.

2. Равенство.

«Антирыночники». Равенство людей - это, прежде всего, равенство их материального положения как основы жизни. Рыночные отношения неизбежно приведут к имущественной дифференциации общества, к противопоставлению людей друг другу, к зависти.

«Рыночники». Равенство людей следует понимать не в грубоуровнительном смысле как равенство карманов, а в подлинно человеческом смысле - как равенство стартовых возможностей. Пусть каждый покажет, на что он способен, чего он может и хочет достичь в жизни. Свободное общество - это общество раскрытых для всех возможностей. А уравнительность порождает ленивых, неспособных, ничего не умеющих, не желающих работать и учиться.

3. Коллективизм.

«Антирыночники». Товарно-денежные отношения, конкуренция разрушают коллективистские отношения, противопоставляют людей друг другу, приводят к зависти, конфликтам, ненависти.

«Рыночники». Так называемая «коллективность» - продукт исторически отживших отношений, корнями уходящих в общинные. Коллектив склонен к стадности, конформизму, неприятию отличающегося, необычного. Он использует свою силу, чтобы подавить всякие отклонения от стандарта, в какую бы сторону эти отклонения ни были направлены. Коллектив подменяет личную ответственность человека общей, «ничьей» ответственностью, что особенно опасно в моральном аспекте.

...5. Героизм.

«Антирыночники». Трезвый коммерческий расчет несовместим с героизмом, подвигом, душевным порывом. На место общества, где всегда есть место подвигу, приходит общество мелочного расчета, крохоборства, корыстного интереса - «что я буду с этого иметь?» Только бескорыстие, самоотдача, способность думать прежде всего о других, об обществе, могут стать психологической и нравственной основой героического поступка.

«Рыночники». Общество, в котором все время требуются герои и жертвы - опасное, бесчеловечное и негуманное общество. Потребность в героических поступках возникает благодаря небрежности и разгильдяйству, плохому выполнению кем-то своих повседневных обязанностей. На первое место должны выйти обеспечение нормальной жизнедеятельности людей, добросовестное и профессиональное исполнение своей работы.

6. Собственность.

«Антирыночники». Частная собственность является источником человеческого отчуждения. Собственник становится рабом своей собственности, она начинает занимать все его помыслы и стремления. Его собственное человеческое начало отступает на второй план. На месте отношений между людьми оказываются отношения между той собственностью, которой они обладают.

«Рыночники». Всякая собственность вселяет в человека чувство хозяина - чувство, которое отсутствует в плановой, централизованной экономике и которое так усиленно пытались в ней насаждать. Только обладая собственностью, человек может чувствовать себя действительно свободным, т. е. свободно определять цели и способы своей деятельности, только собственник несет действительно личную ответственность за результаты своей деятельности.

7. Конкуренция.

«Антирыночники». Борьба на рынке за получение большей прибыли делает участников рыночных отношений непримиримыми врагами. В этой борьбе допустимы любые приемы, в том числе и те, которые нарушают нравственные принципы. В борьбе за потребителя каждый непременно сознательно или неосознанно - наносит вред своему конкуренту, применяет приемы, которые даже в том случае, если не противоречат существующему законодательству, выходят за рамки морально допустимого.

«Рыночники». Конкуренция представляет собой разновидность соревнования, которое осуществляется по определенным правилам. При этом не предполагается нанесение прямого вреда своему противнику, тем более его уничтожение. Исход конкурентной борьбы зависит от способностей, знания рынка, уровня технологии, деловой сметки каждой стороны. Даже если одна из сторон терпит неудачу, большинство, т. е. общество в целом, выигрывает: оно получает более нужные и более качественные товары и услуги; техника и технология производства постоянно обновляются, становятся более современными; более способные организации и их руководство получают новые возможности для дальнейшего развития своей деятельности. Отсутствие конкуренции приводит к монополии, что также аморально. Прекращается всякое совершенствование в сфере науки, техники, технологии, организации производства, обслуживания, поскольку нет естественной потребности их совершенствовать.

8. Расчет.

«Антирыночники». Холодный и мелочный расчет, лежащий в основе всех рыночных отношений, заменяет меркантильными интересами все другие естественные человеческие отношения: любовь, дружбу, сочувствие, желание помочь. Аморальна прежде всего та холодность, та рациональность, с которой сторонник рынка подходит к решению человеческих проблем. Он не пошевелит пальцем, если это ему не сулит никакой выгоды или доходы не будут превосходить сделанных затрат. В условиях рынка рыночные отношения проникнут даже в обычные отношения между людьми: друзьями, супругами, родителями и детьми.

«Рыночники». Расчет в жизни человека означает прежде всего рациональность. Рациональность, разумность являются неизменным качеством истинно человеческого поведения, а потому не могут быть безнравственными. Безнравственным может быть только то, что человек принимает в расчет - сиюминутную, лежащую на поверхности выгоду или долгосрочные возможности разворачивания своей деятельности, а значит, и своей личности. Человек, который добился успеха, приобретя многочисленных врагов или потеряв в общественном мнении - одержал пиррову победу. Иррациональное поведение, основанное на сиюминутных настроениях, а не на точном анализе долгосрочных последствий, может толкнуть человека на благородный альтруистический поступок, но может привести и к таким действиям, которые, будучи совершены из самых благих побуждений, принесут неисчислимы бедствия окружающим и ему самому.

9. Рынок.

«Антирыночники». Рынок - это базар, толкучка, барахолка, где каждый норовит продать подороже и купить подешевле. Для этого в ход идет все: обман, подделка, спекуляция. Человек, попавший на такой рынок, либо хочет обмануть других, либо ждет, что другие начнут его обманывать, либо то и другое вместе. Поэтому рыночные отношения аморальны по определению.

«Рыночники». Базар - это вариант рынка в нерыночном обществе. Поэтому рыночные отношения там извращены в самом начале. На базар человек приходит и уходит, продавцы и покупатели остаются не известными друг другу. Продавец недоброкачественной продукции, сбыв ее с рук, бесследно исчезает, а покупатель, обнаружив дома подделку, не в состоянии ничего исправить. В нормальном цивилизованном обществе продавцы и производители присутствуют на рынке постоянно, они и их изделия хорошо известны покупателям. Имя халтурщика, обманщика сейчас же узнают все. Даже если его не будут преследовать по закону, не разоблачат журналисты, престиж его на рынке упадет, а товары его никто не станет приобретать. Конкуренция между производителями в сфере сбыта заставляет не только быть безукоризненно честным и добросовестным, но и стремиться к более качественному производству товаров и к снижению розничных цен.

10. Прибыль.

«Антирыночники». Прибыль - это тот бог, на которого молится член рыночного общества. Прибыль целиком определяет его деятельность, его направленность и его характер, все жизненные решения, которые ему приходится принимать. Естественно, все иные соображения, все иные ценности, в том числе и нравственные, приносятся в жертву прибыли. Ради высокой прибыли человек способен пойти на нарушение нравственных заповедей.

«Рыночники». Прибыль - это цена, общественная оценка, которой общество удостоивает деятельность, труд данного человека. При этом критерии оценки носят сугубо общественный характер: зависят от того, насколько продукты деятельности данного человека нужны и полезны всему обществу, насколько они качественны, насколько прогрессивны и современны способы их осуществления. Таким образом, прибыль представляет собой общественную оценку полезности человеческой деятельности - оценку в высшей степени объективную, поскольку она не зависит от каких-либо лиц или организаций.

Подобный категориальный анализ нравственной аргументации «за» и «против» рыночной экономики позволяет, на наш взгляд, наиболее полно охватить всю широту возможных нравственных суждений. В каждом из этих компонентов нравственной концепции рыночного общества сфокусированы, как в критических точках, наиболее острые грани современного нравственного конфликта. Каждый из этих компонентов четко указывает связь конкретной центральной для данного компонента категории с ее этической интерпретацией в контексте определенных ценностных, нормативных и мировоззренческих оснований.

Для того чтобы оценить влияние того или иного суждения или совокупность суждений, необходимо рассмотреть существующие различия внутри каждой из позиций по отношению к рынку как выражение внутренних конфликтов, которые естественно порождаются этой позицией.

Второй этап консультирования

Противники рынка. В их лагере существует конфликт между двумя не-

примиримыми позициями неприятия рыночной экономики, но неприятия по разным основаниям. Эти позиции могут быть обозначены как «коммунистические фундаменталисты» и «люмпены».

«Коммунистические фундаменталисты» отрицают общество с развитыми товарно-денежными отношениями, поскольку оно, по их мнению, представляет собой реставрацию капитализма, предательство интересов и идеалов социализма и коммунизма, допущение в стране существования частной собственности, эксплуатации человека человеком и возрождение эксплуататорских классов. Все это в соответствии с ленинской идеологией представляет собой политику, открыто противоречащую критериям и принципам коммунистической морали.

В связи с этим следует отметить внутреннюю непоследовательность позиции, отраженной в программных документах КПСС и Коммунистической партии РСФСР, в которых признание необходимости рынка механически сочетается с сохранением верности социалистическому выбору, коммунистической перспективе и делу защиты интересов трудящихся и верности идеям основоположников теории научного социализма. Нравственное основание такой очевидно противоречивой позиции оказывается весьма проблематичным.

«Люмпены». К ним относится значительная часть представителей самых разных слоев нашего общества, включая интеллигенцию, имеющих весьма низкую по современным требованиям квалификацию. Представители люмпенов не могут продать на рынке даже свою рабочую силу, поскольку не обладают достаточным уровнем навыков и знаний. Поэтому они выступают за сохранение равенства материального положения между людьми, требуют раздела имущества тех категорий населения, благосостояние которых оказалось выше среднего, социальной защиты их от безработицы и роста цен со стороны государства. Практическая мораль этой категории населения основана на эгоизме, иждивенческих настроениях, враждебном отношении ко всяким переменам в своей жизни, а также ко всякому начальству, которое, по их представлению, стремится решить свои и государственные проблемы за их счет, на полном равнодушии к общественным - производственным и региональным - проблемам, нежелании что-либо сделать для их решения.

Сторонники рынка. Сама внутренняя логика их позиции допускает существование двух прямо противоположных нравственных позиций.

«Торгаши»: ориентированы исключительно и главным образом на прибыль, доход, которые являются основанием всей их деятельности. Отсюда - погоня за сиюминутной выгодой, готовность нарушить любые правила и нормы рыночных и иных отношений, корысть, эгоизм, моральная вседозволенность, стремление сорвать куш, психология нэпмана и парвеню. Осознание временности, непрочности своего положения рождает специфический тип поведения не только в сфере производственной или торговой деятельности, но и в частной жизни - тип, связанный с временностью и эфемерностью успеха, а потому и начисто лишенный чувства социальной, прежде всего моральной ответственности.

«Менеджер»: индивид, для которого в его деятельности главное не прибыль, не доход, а коммерческий успех как успех свободного и компетентного профессионала. Прибыль является только общезначимой оценкой его профессионального успеха. Отсюда - забота о сохранении и повышении своей личной репутации и репутации своей фирмы в обществе, высокое чувство социальной ответственности, тщательное соблюдение этических принципов де-

лового человека, понимание своей роли как важной исторической миссии, стремление оказать влияние на развитие общества, техническое и социальное развитие своей сферы деятельности как приоритетная цель.

Кроме того, существенные коллизии в нравственном отношении к рыночному обществу возникают в отдельных культурных и политических группах. Об особенностях позиции Коммунистической партии было сказано ранее. По-видимому, нравственное переосмысление перехода к рыночным отношениям не будет связано с особыми коллизиями для ряда национально-религиозных и культурно-этнических групп. Последнее следует отнести и к сторонникам христианского вероисповедания: с одной стороны, упор на личную ответственность каждого за свою жизнь перед Богом, и с другой - сотворение милостыни как религиозный императив делает христианство внутренне сочетаемым с рыночной экономикой - человек, живущий в плановом обществе на зарплату, не может ни определять свою судьбу и отвечать за нее, ни заниматься благотворительностью. Христианская церковь не осуждает приобретения богатства, она против того, чтобы его владелец пользовался им только для своих личных целей.

Конечно, и в рамках христианской морали могут возникнуть определенные нюансы в оценке рыночных отношений, но все они не выходят за рамки естественной и необходимой для нее концепции осуждения суетности сего мира. Еще меньше проблем возникает в рамках мусульманской религии и связанных с нею национальных культур - поскольку мусульманство возникло, по преимуществу как религия торговцев.

Переход к рынку ставит моральные дилеммы перед «русской идеей» и близкими к ней духовными концепциями. С одной стороны, рыночная экономика и основанное на ней общество должны быть приняты как альтернатива семидесятилетнему пути России к социализму в условиях тоталитаризма и всеобщей планируемости. С другой - традиция славянофильства, в русле которой развивается «русская идея», не может принять таких вещей, как прибыль, конкуренция, предпринимательство и т. п., которые оцениваются как продукты западной, следовательно, глубоко чуждой России, культуры.

В заключение отметим еще одну тенденцию, проявившуюся в последнее время в сознании нашего общества и не отмеченную в диагностике, - противоречивое отношение к рынку морали групп творческих профессий: писателей, деятелей кино и театра, журналистов, ученых. Они признают необходимость создания рыночных отношений, которые дают им свободу, столь важную для успешного творчества, и условия, в которых могут на равных соревноваться таланты и дарования и в которых видно, кто чего стоит. В то же время эта категория людей протестует против рынка как среды, враждебной высокому искусству и чистой науке, без которых никакое развитие искусства и науки оказывается невозможным.

Третий этап консультирования

Возможны следующие пути достижения консенсуса:

1. Апелляция к некоторому жизненному материалу: историческому опыту, современному передовому мировому опыту, современной отечественной практике - удачной и не очень.

2. Вывод дискуссии в иную плоскость, сферу: обсуждение наилучших путей помощи категориям населения, которые в ней, безусловно, нуждаются; проблемы развития отечественной технологии и техники; совершенствование

организации производства и торговли; удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах. Дискуссия, неразрешимая в узких рамках моральных категорий и принципов, переносится в плоскость практической деятельности, имеющей, однако, серьезное социальное, а значит, и нравственное значение.

3. Попытка более расширенной трактовки той категории, которая находится в фокусе противоречий. В этом случае используется прием диалектической логики, показывающий внутреннюю взаимосвязь противоположностей, в которой каждое выступает как определяющее и предполагающее другое.

Продемонстрируем возможность использования этого последнего приема на ряде категориальных компонентов дискуссий вокруг нравственной приемлемости рыночных отношений:

1. Прибыль, принцип полезности.

Заработанная прибыль дает возможность выделить материальные средства для развития тех сфер общества, которые необходимы ему, но дохода не приносят: культуры, образования, здравоохранения, социальной помощи. Любая деятельность, даже самая бескорыстная, приносит определенный полезный результат для самого человека, для других людей, для общества. В то же время безнравственно для нормального, способного трудиться человека жить в нищете и все время добиваться для себя помощи со стороны, вместо того, чтобы улучшить свое положение своими собственными усилиями.

2. Имущественное неравенство.

Искусственное поддержание формального равенства, равенства в материальном положении приводит к поощрению ленивых, неспособных, безответственных. Равенство должно быть только в равенстве возможностей, одинаково открытых для всех. Конечно, есть люди - многодетные семьи, инвалиды, больные, престарелые, у которых эти стартовые возможности заведомо ниже, чем у других. Но тогда нужно специально решать проблему выравнивания возможностей для этих людей - специально помогать группам, находящимся в менее выгодном положении. При грубоуровнительном подходе разница между ленивым и больным стирается. Как правило, в развитом рыночном обществе богатства добиваются наиболее способные, образованные, а значит, и культурные люди. И тогда в их жизни происходит сдвиг целей: на первый план выдвигается уже не получение прибыли, а завоевание высокого положения в обществе, в общественном мнении посредством оказания содействия в решении серьезных социальных проблем.

3. Предприимчивость.

Всякое доброе дело, всякая помощь людям требуют энергии, активности, настойчивости, предприимчивости. Аморально культивировать в обществе пассивность, беспомощность, ожидание поддержки.

С другой стороны, предпринимательство, бизнес опираются на свою собственную мораль, которая в мире деловых людей соблюдается достаточно строго. В узком смысле эта мораль предполагает честность, доверие к партнеру, обязательность в выполнении обещаний, соблюдение коммерческой тайны и т. п. В широком смысле этика менеджмента включает представление о своей социальной ответственности, исторической миссии в деле развития общества, его техники, культуры и технологии, заботу о своих работниках и т. п.

4. Собственность.

Общество, которое не желает признавать собственность на продукты интеллектуальной деятельности наиболее способных своих членов - писателей, художников, ученых, изобретателей, право собственности работников на свои

профессиональные способности и квалификацию, - такое общество безнравственно, поскольку при этом из него вымываются наиболее творческие и квалифицированные личности, а на первое место выдвигаются личности серые и неквалифицированные. Человек, лишенный всякой собственности, в том числе и на свою рабочую силу, становится люмпеном, который ничем не дорожит, ни за что не отвечает, ничего не хочет. В то же время частная собственность - коллективная или частная - рождает у человека действительное чувство хозяина, действительную свободу, позволяющую ему самому определять, что и как делать, и нести личную непосредственную ответственность за свои действия. Хозяин заботится о своей собственности, человеку, лишенному ее, окружающее безразлично. Отсюда жалкое состояние наших городов, домов, памятников культуры, природы и т. д.

5. Доход. Полезность.

Если не думать о полезности, выгоде, пользе, то всякая деятельность может стать безнравственной, поскольку она может вылиться в неэффективную, бесполезную трату сил и ресурсов. Поэтому при любой деятельности, с любой целью надо думать о выгоде, пользе, соотношении затрат и доходов. Однако полезность в рыночном обществе понимается достаточно широко: это не только простой сиюминутный денежный доход. Это может быть долгосрочная перспективная выгода, включающая необходимость обновления техники, выпуск качественных и более дешевых товаров, забота о своих работниках, развитие культуры в регионе, решение экологических проблем, которые также приносят доход, но в более широкой и отдаленной перспективе.

С. Г. Кордонский

«...И ОТРИЦАНИЯ СМЕШНЫ И УТВЕРЖДЕНИЯ...»

С моей точки зрения, сама постановка проблемы несколько неадекватна. В ней (постановке) предполагаются рыночные общества и не- или вне-рыночные. Соответственно, есть разные типы морали и поведения и разные теории морали и обоснования поведения. Я думаю, что, может быть, где-то и когда-то так было. Но в нашей стране все (с точки зрения социолога) несколько по-иному. Само противопоставление «рынок - нерынок» у нас не работает. Дело в том, что в процессе строительства этого государства рыночные структуры (горизонтальные экономические связи) были интегрированы в государство и развернуты в вертикальные управленческие связи. Эта принципиально новая для истории организация экономической жизни получила сейчас в экономической теории название «административный рынок».

Рынок в нашей стране существует и имеет извращенные формы. Первичной реальностью этого административного рынка выступают взаимоотношения между субъектами рыночной деятельности, имеющими примерно равный административный статус - положение в системе номенклатуры. На каждом уровне административной иерархии есть свой всеобщий эквивалент и свои принципы организации рыночной деятельности. Институты социалистического общества, такие, как единицы административно-территориального деления, отрасли народного хозяйства и политические структуры, в первую очередь функционируют как элементы административного рынка.

Люди, действующие в этом рынке, могут осознавать (или не осознавать) свое положение и, соответственно, исповедовать то или иное отношение к не-

му и к административному рынку в целом. Мне кажется, что деление людей на апологетов существующей иерархии статусов и ее противников гораздо более адекватно отображает нынешнюю социальную ситуацию, чем деление на сторонников и противников рынка вообще.

Противопоставление рынофобов и рынофилов адекватно только для очень узкой прослойки обществоведов, которая десятилетиями занималась идеологическим обоснованием административного рынка как социальной системы, в общем-то не рефлектируя специфику своего занятия. Теперь, когда потребность в таком обосновании почти исчезла, они оказались без места в системе и заняты поисками какого бы то ни было дела.

В тексте тез и антитез достаточно полно представлена мифологема, характерная для времени, когда примитивный капитализм становился более или менее развитым. Марксистские постановки утверждений и отрицаний заданы явно и, как мне кажется, не нуждаются в дополнительном анализе.

У одного немецкого поэта XVII века (не помню фамилии) есть стихи: «И отрицания смешны, и утверждения. И даль, что светлою Вам кажется, темна. Учение и труд, вина и не-вина - все ни к чему для тех, кто слеп со дня рождения». Мне кажется, марксизм - это диагноз, который пересмотру не подлежит.

Я попытаюсь провести анализ мировоззренческих оснований, детерминирующих социальное бытие тех людей, которые проводят различия, легшие в основу Опроса.

Мне кажется, имеет смысл противопоставлять вовсе не рыночные социальные системы и нерыночные (таких не бывает), а обыденную и политическую деятельность, с одной стороны, и экономическую деятельность (в двух ее ипостасях - простого производства и расширенного воспроизводства) - с другой.

Те тезисы (и антитезы), которые представлены для анализа, впервые были сформулированы в Западной Европе тогда, когда исходное единство обыденной и политической жизни начало распадаться, диссоциировать на приватную жизнь и собственно политику. И в это же историческое время появилось расширенное воспроизводство и начал складываться современный рыночный механизм. Исходное единство личности и гражданина в соответствии с естественными процессами дифференциации также распалось, что и дало начало философии, кончившей марксизмом (в широком смысле). В рамках этого ретроградного направления осмысления реальности обосновывалось стремление к возврату, к первоначальному единству, где отсутствовало бы отчуждение производителя от потребителя и гражданина от личности.

В нашей стране эта философия в максимально оглуленном виде послужила основанием для социальных действий, в результате которых политика и обыденность, семейная экономика и расширенное воспроизводство вновь слились, - но в целостность административного рынка. Административный рынок представляет собой структуру, в которой горизонтальные отношения - собственно выявление стоимости вещей - вытянуты в вертикальные связи административных иерархий. Соответственно, все человеческие отношения в этой системе искажены, и в первую очередь способы осмысления реальности - наука, философия, технология.

Отчуждение понимания от людей и традиционных его институтов - необходимое условие для осуществления административного рынка и его идеологических и политических институтов. Это отчуждение понимания имело и имеет форму государственной науки и идеологии, в которых вещи и отношения, ясные любому непредубежденному исследователю (именно исследователю), за-

темняются, мифологизируются, авторитаризируются и теряют всякий смысл. Типичным примером этого может быть сама постановка темы нравственного противостояния «рыночников» и «антирыночников».

В нашей стране в ходе перестройки происходят вовсе не те процессы, о которых любят поговорить обществоведы. Рынок не уничтожим - и не уничтожен в нашей стране. Он извращен, мифологизирован, примитивизирован, но он есть. Двойственное существование человека в этой системе, с одной стороны, в рыночных отношениях и примитивном гражданском обществе, в административном рынке и тоталитарном государстве - с другой, действительно породило советского человека и новую историческую общность. Ценности и цели советского человека определяются тем, что он всегда в двух антагонистических мирах, где вещи тождественны себе только именами, но смысл имен и правила обращения с вещами (нормы) прямо противоположны.

Сейчас начинается мучительный процесс диссоциации единого советского человека на рыночно-гражданскую и на административно-чиновничью компоненты. Эти конфликты можно рассматривать как нравственные, но мне кажется, что они, скорее, онтологические. Советский человек должен все-таки умереть в прежнем своем облике, породив либо обычного человека, либо - чиновника-тоталитариста. Проблемы, которые возникают при таком разделении, носят скорее психиатрический, чем этический характер.

В связи с изложенным ничего не могу сказать по поводу второго этапа консультации - классификации конфликтов. Мне кажется, что только в донельзя мифологизированном сознании советских обществоведов могли родиться такие постановки проблем. Могу заметить, что для «хомо советикус» специфична не «дориночность» образа жизни, а гипертрофия негативных компонент рыночности - когда продается то, что продаваться, по сути, не может, что запрещает продавать традиционная этика гражданского общества: самого себя, свои ценности, цели, социальное положение, самоуважение и пр. Все советские люди носят на шее ценники на то, что не продается ни за какую цену (это, кажется, Ежи Лец сказал). И конфликты идут не между традиционными нормами гражданского общества и социалистическими инновациями, а между полной аморальностью (партийностью обществоведов, в частности) и нарождающимися и возрождающимися моральными нормами естественных отношений между людьми. Так что я не принимаю предложенную классификацию ни полностью, ни частично.

Особую настороженность вызывает у меня третья часть консультации - стремление найти систему или построить ее. Поиски алгоритма разрешения конфликтов в некотором роде сходны с поиском философского камня. Всегда, наверное, есть и будут люди, стремящиеся к «надпозиции», предполагающие за собой способность «видеть целое» и поэтому претендующие на роль учителей жизни. Мне глубоко неприятно стремление свести противников за круглым столом и помочь им выработать консенсус. Многие, если не все, наши беды связаны с тем, что находились «те, кто знает, как надо», в том числе и как надо разрешать конфликты. А. Галич убеждал не верить таким. Я уверен в том, что моральные нормы вырабатываются в совместной позитивной деятельности, но вовсе не профессорами марксистско-ленинской этики. Проблема состоит в сопряжении этих конкретных норм с объясняющими этическими учениями, коих очень немного. Попытки разработать объясняющие этические учения, исходя из правил социалистического или капиталистического общежития, особенно если они предпринимаются «питомцами гнезда Ильича» (как бы они от этого не

открещивались в последние пять лет), заведомо не могут быть удачными. Как люди, лишённые морали по определению своему (потому как они утверждали приоритет одних ценностей, безразлично каких, над другими), могут заниматься разработкой моральных норм и правил решения этических конфликтов? Вот, убей бог, не понимаю! Единственное объяснение - уходит почва из-под ног, и жалко терять кусок хлеба. Отсюда бешеная активность и стремление встроиться в новую, пока не существующую реальность, захватить в ней место в роли методолога и оценщика.

Одно из самых значительных впечатлений от моего общения с философами оставил отстаиваемый на полном серьёзе тезис о том, что специалисты копают ямы, зарылись в них, а философы ходят по верху и покрикивают на трудяг, что те, мол, копают не туда и не так. Это, конечно, очень удобная жизненная позиция, но какое она имеет отношение к морали, к этике и тем более к теории поведения?

Б. И. Кочубей

ПРИЗНАЕМ САМОЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖИТСЯ

Думается, лучше всего начать с самого наиглавнейшего: с проблемы консенсуса и, соответственно, с границ возможного консенсуса.

Таковой границей служит понятие личности, ее прав и ее места как ценности № 1. Является ли человеческая личность (единичная, единственная, неповторимая) сама себе конечной целью, или она только средство на пути реализации чего-то более высокого, чем человек - Государства, Идеи, Исторического прогресса и т. п.? Вот в чем вопрос.

С нашей точки зрения (точки зрения, принятой в современном цивилизованном мире), высшей ценностью является личность и ее свобода. (Правда, есть еще Бог, ценность которого может быть равна ценности единичного человека - но не выше!). На базе этого возможно согласие или нахождение компромисса по любому вопросу, возможно примирение любых без исключения точек зрения - если и только если обе точки зрения признают примат свободы личности. Мы можем (и должны) решить, какая из предложенных концепций (например, какой из вариантов Союзного договора; какой из предложенных планов перехода к рынку и т. д.) лучше с точки зрения обеспечения максимальной свободы человеческой личности и максимально благоприятных условий для ее развития.

Вне этой базы - в этом мое глубочайшее убеждение - никакой компромисс, консенсус и т. п. НЕВОЗМОЖНЫ В ПРИНЦИПЕ. Возможна только борьба до взаимного уничтожения. В этом коренное различие между моей точкой зрения и той, которая в настоящее время широко популяризируется в печати. Я считаю, что отказ от насилия в общественной практике невозможен и приведет к тяжелейшему насилию.

Как говорил покойный философ В. Кормер, отказ от принципа «зуб за зуб, око за око» ведет к торжеству принципа «зуб за звук и око за взгляд» (цитирую по памяти). Попробую это доказать, как теорему.

Если я считаю, что ценность идеи (идеологии) выше, чем ценность личности, развивающей эту идею, то я в конкретном споре вижу перед собой в первую очередь не собеседника, а носителя определенной идеи. Если эта идея

плохая (на мой взгляд), например, ведущая наше общество к катастрофе, то я должен всеми силами противостоять этой идее, уничтожить ее. Но поскольку ценность идеи выше ценности ее носителя, оптимальный путь для меня - уничтожение носителя (моего оппонента). Следовательно, **ЛЮБАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ИГНОРИРУЮЩАЯ примат свободной личности, может служить моральным оправданием для физического устранения оппонентов**, для перехода в любой дискуссии от слов к оружию.

Вот почему люди, считающие, что выше человеческой личности есть еще какая-либо ценность, сами вычеркивают себя из числа возможных субъектов консенсуса: ведь они и сами себя отрицают как высшую ценность, и сами превращаются в ценность относительную. Они как бы говорят о себе: я заслуживаю хорошего отношения лишь постольку, поскольку я служу великой (правильной) идее; если же моя идея оказывается ложной, моя жизнь как личности теряет смысл (в этом, между прочим - разгадка так называемой «загадки сталинских процессов»).

Подчеркнем, что никакого значения не имеет содержание идеи, ценность которой сравнивается с ценностью личности. Важно только, насколько «всерьез», насколько экзистенциально проводится такое сравнение. В истории философии было немало мыслителей, которые утверждали, что люди - это навоз истории, сырой материал для исторического процесса; что ценность человека определяется ценностью его места в этом процессе, его социальной ролью, его «прогрессивностью» или «реакционностью»; что личность должна оцениваться ценой тех идеалов, носителем которых она (волью или неволью) является. Многие об этом говорили, но никто не придерживался этого до конца на практике, в своей жизни, никто не убивал оппонентов, придерживавшихся «не тех» идей - ни Платон, ни Гегель, ни Ницше... **Только большевики** сделали все практические выводы из принципа примата идеи над человеком (всего в двух постулатах: «кто не с нами...» и «если враг не сдается...») - и в этом их колоссальная заслуга перед философией.

Итак: поскольку любая идеология, не базирующаяся на принципе примата личности как высшей ценности, в силу своей внутренней структуры не может быть включена в консенсус, с такой идеологией невозможно полемизировать, равно как и невозможно искать с ней компромисс. С ней можно только бороться - предпочтительно путем убеждения, хотя для защиты личности (и только для этого!) возможны и иные способы. Думается, одной из важнейших причин российской трагедии была неспособность русских бороться против растлевающих антигуманных идеологий, и, к сожалению, нынешняя проповедь ненасилия идет к тому же концу.

Следующий этап этих рассуждений - доказательство того, что свобода личности может существовать только на базе экономической свободы. «Деньги - это отчеканенная свобода» (Карамзин). Личность без собственности невозможна **как массовое явление** (хотя отдельные личности в собственническом обществе могут созревать и при отсутствии у них собственности, и - главным образом - при добровольном отказе от нее). Местоимения «я» и «мое» связаны неразрывно. Не уверен, что возможно чисто теоретическое (формальное) доказательство зависимости личности от частной собственности (никакой иной собственности не бывает, частная собственность - это масло масляное). К счастью, формальное доказательство уже не требуется, так как сегодня мы имеем достаточное число эмпирических аргументов.

(Любопытно посмотреть, на сколько десятилетий отстают в этом отно-

шении наши самые прогрессивные демократические парламентарии хотя бы от членов Великого Народного Хурала отнюдь не самой передовой в мире Монголии, которые на днях провозгласили частную собственность на землю **без ограничений**).

С этой точки зрения попытаемся ответить на предлагаемые вопросы. Описанный поединок «рыночников» и «антирыночников» - по сути дела спор о том, возможно ли Царство небесное в этом мире - здесь и теперь. Антирыночная идеология, как она представлена в анкете (а отчасти так оно и есть в обыденном сознании) - это идеология утопизма, веры в то, что можно сейчас же, при наличии доброй воли - хоть завтра, создать общество, где всем будет хорошо (**равно** хорошо!), где лев возляжет с ягнёнком и т. д. Против идеалов антирыночников нечего сказать, и этим идеалам поистине нечего противопоставить.

Единственная малость: для реализации этих идеалов необходимо ограничить свободу человека.

Ибо люди все разные, они не хотят, чтобы им было равно хорошо, а каждый думает прежде всего о том, чтобы было хорошо ему, его ближним и т. д. И способности у них разные, поэтому как только два человека вступают во взаимодействие, тотчас один оказывается в выигрыше, другой - в проигрыше, что несправедливо. А чтобы было справедливо, нужен аппарат регуляции этих отношений, аппарат насилия, который отбирал бы у более умного, хитрого, сильного, везучего и т. д. и отдавал бы более слабому, глупому, простодушному, невезучему... Иными словами, как писали в «Новом мире» И. Роднянская и Р. Гальцева, «помеха - человек». Человек, с его природными свойствами, несовместим с требованиями абсолютной уравнилельной справедливости и должен быть ограничен, а в пределе - устранен. Как это делается, мы знаем. Вот в чем смысл антитезы «рынок - не рынок»: несправедливость рынка возникает сама собой, справедливость же может поддерживаться только аппаратом террора.

Со сказанным непосредственно связана вторая из поставленных в анкете проблем: проблема нравственных конфликтов. Авторы анкеты очень точно заметили, что важнейшим является конфликт между двумя нравственными системами, **одна из которых сама внутренне конфликтна**.

Сами ценности рынка (они же ценности свободы) внутренне противоречивы, ибо они учитывают человека и как существо конечное, стремящееся к конкретному результату, к выгоде, пользе - т. е. как существо вещного мира, - и одновременно как существо бесконечное, существо потустороннего мира, которое в погоне за, казалось бы, преходящими ценностями только и может реализовать самое непреходящее, что в нем есть - творческую энергию, активность, инициативу, иными словами, то самое начало, которое делает человека Образом и Подобием.

В отличие от этого «антирыночная» мораль нацелена на бесконфликтность, на образ непротиворечивого мира и непротиворечивого человека. В этой - утопической системе человек как идеал «легко и свободно» (в теории, разумеется) реализуется в конкретной исторической ситуации, оставаясь там таким же идеалом - «не пачкая рук».

Недаром слово «тоталитаризм» происходит от слова «целостность». Тоталитарное нравственное сознание целостно, бесконфликтно. Если долг перед государством - то только перед государством, и нет никаких ограничителей, и для человека уже нет ни Бога, ни семьи, ни истины. Любая нравственная максима, уж если она принимается, принимается как Абсолют и тем самым раз и

навсегда снимает с субъекта бремя нравственного выбора. Лучший пример этого - существующая в наших УК (кажется, до каких пор?) возможность (при Сталине - необходимость) доноса на членов своей семьи.

Свободный человек, в противоположность тоталитарному, находится в постоянном конфликте с самим собой, ибо его социум не целостен, и ни одна из структур, в которые он включен, не подчиняет себе другие. С точки зрения интересующей авторов опроса в первую очередь этической системы рынка можно представить себе целый ряд перманентных нравственных конфликтов. Например, бизнесмена: конфликт между сиюминутной пользой и долговременным успехом, что толкает на прямо противоположные стратегии поведения; конфликт между свободным включением в торгово-промышленный процесс и необходимостью подчинения этому процессу (иногда настолько, что поведение становится вынужденным, детерминированным, что теряется возможность хоть как-то использовать для себя получаемую прибыль и т.д.).

Попытаемся, стремясь приблизиться к концу, как-то вывести эти достаточно абстрактные рассуждения в практическое русло. На основании сказанного можно попытаться дать следующие рекомендации.

1. Поскольку свобода человека самодовлеет, с несвободой не следует особенно считаться. Я понимаю, что эта мысль звучит очень недемократично, но **проблемы личности** (следовательно, см. выше - и собственности) не решаются большинством. Абсолюты нельзя ставить на голосование. Если один фермер хочет взять землю в собственность - он должен иметь на это право (других никто не заставляет). Немыслимо проводить референдум среди питекантропов по вопросу, хотят ли они становиться людьми. Столь же немыслимо ставить на голосование вопрос: не желает ли наш народ в полном составе отправиться в сталинские лагеря? Даже если желает - этого не должно быть, и невозможна сама постановка такого вопроса. Но точно такая же нелепость - решать большинством вопрос о рынке, об экономической самостоятельности производителей.

Отсюда - ответ на вопрос о реальной силе тех или иных суждений. Не следует преувеличивать силу «антирыночников», так сказать, «снизу». Категорические противники рынка, как правило - лица социально пассивные и обществу, прямо скажем, не очень нужные. Консерваторы чаще всего - женщины, пожилые, люмпены, преступники и т. д. Не они делают погоду. (Другое дело - «консерваторы сверху» - те могут быть очень опасны. Но с ними и другие методы борьбы). Вероятно, А. Янов сильно преувеличивает, когда он говорит, что наш народ сейчас - «западник», но в принципе он прав: активная масса народа устала от равенства и предпочитает сытость. С прочими на каком-то этапе можно не считаться.

2. Формулировки - в анкете - моральных оснований консенсуса в борьбе против разного рода «фобий» представляются весьма разумными. Однако они ни к чему не приведут в отсутствие общей базы, которая - см. первые страницы - во главу угла ставит человека, персону, его свободу, развитие и благополучие. Если же высшей ценностью объявить, например, государство (процветание державы) или расцвет нации, то все впустую, т. к. лозунги патриотизма или, например, самостийности быстро уничтожат как противоположную точку зрения, так и тех, кто пытается удержаться в центре и «наводить мосты». В этом смысле возможный путь согласия может быть только путем антигосударственным (только слабое государство дает возможность существования сильного общества и свободной личности). Что же касается таких общностей, как

нация, семья, культура и т. п., то все они должны занимать достойное - т. е. второстепенное - место, и тогда они сыграют свою роль в формировании человека.

3. Что же касается вопроса о сохранении традиционного и своеобразного в достаточно однородном «рыночном» мире, то этот вопрос представляется неразрешимым до тех пор, пока он решается чисто теоретически. Это - как езда на велосипеде: алгоритм ее невероятно сложен, но научиться ездить весьма просто. Как показывает пример народов Дальнего Востока, в процессе свободного включения нации в мировой процесс неразрешимый конфликт между всемирным и национальным, между традицией и модерном разрешается сам собой, без особых усилий со стороны теоретиков. Надо только (уж извините, возвращаюсь все к тому же) помнить, что, кроме общего и особенного, есть еще индивидуальное; кроме всемирного и национального, есть частное, есть отдельный человек - в нем все начала и все концы, и только он, один на белом свете, способен соединить несоединимое. Итак: признаем самоценность человека, и все остальное приложится.

4. Поэтому важнейший вопрос: существует ли в нашем обществе человек? Еще полгода назад я был склонен дать на него отрицательный ответ. Теперь думаю, что несмотря на обезчеловечивающую политику 3/4 века, происходит по неведомым мне законам «самозарождение» старого человека (конечно, не «нового человека», которым мы сыты по горло), человека со всеми его прежними недостатками: индивидуализмом, эгоизмом, стремлением к наживе и пр. Если это самозарождение действительно имеет место, есть шанс на возвращение нашего общества в мировой процесс - неважно, на какую его стадию: в феодальный период или в первобытнообщинный, важно оказаться хоть в какой-то точке этого пути, а не в далеком тупике, в котором мы прозябали до сих пор. Расстояние от коммунизма до «нормального» первобытного общества меньше, чем от первобытного до постиндустриального.

А это ставит вопрос: каким образом мы можем содействовать возрождению «старого человека»? В психологии это называется проблемой индивидуации: из архаического коллективистического сознания коммунистического типа следует вычленить (индивидуализировать) сознание человека как отдельности. Как это делать - огромный практический вопрос, выходящий за пределы настоящей консультации.

Н. И. Лапин

РЕАЛЬНА ДИХОТОМИЯ «ПЛАНОФИЛЫ — РЫНКОФИЛЫ»

Поддерживаю как тему, имеющую первостепенное теоретическое и прикладное значение, так и метод консультативного опроса экспертов по данной теме. Представляется удачной структуризация опроса на три этапа: диагностика состояния сознания, структуризация конфликтов, возможность консенсуса. Содержательны предложенные экспертам в качестве исходных материалы предварительной диагностики обыденного морального сознания в его отношении к рыночной экономике (шесть пар суждений «рынкофобов» и «рынкофилов»). Нет сомнения, что результаты экспертного опроса будут представлять значительный интерес.

Комплиментарную часть оценки можно было бы значительно расширить.

Но полагаю, что в этом нет необходимости, и перехожу к поставленным перед экспертами задачам.

Первый этап. Ценностные суждения «рынкофобов» и «рынкофилов»

а) Степень полноты представленной совокупности суждений

Этот вопрос провоцирует эксперта на «экстенсивный подход» к задаче, тем более что априорно можно считать любой список ценностных суждений неполным. Не вставая на этот путь, я с сожалением отмечаю принципиальную неполноту самой дихотомии «люблю - не люблю рынок». Неполнота ее в том, что эта дихотомия образуется через отрицание: как известно, позиция отрицающего всегда более ущербна, неконструктивна, чем позиция утверждающего. Особенно это сказывается, когда речь идет о ценностях. Поэтому предпочтительнее дихотомия, обе части которой позитивны; это не исключает наличия внутри каждой из них соответствующих негативных аспектов.

Современная наша экономика - не чистый лист, на котором предстоит написать «люблю» или «не люблю». В ней уже действуют определенные правила (назовем их «план»), и есть люди, которым эти правила нравятся. Но есть люди, которым нравятся другие, рыночные, правила. Значит, реальная дихотомия: «планофилы - рыночные», а то, что те и другие еще и «фобы» - вторично (разумеется, это «вторичное» также должно быть отражено в совокупности ценностей).

Пример относительно дихотомии №1 - Добро или Польза. «Планофил» приводит аргументы в пользу плана как инструмента Добра и против рынка, служащего лишь принципу Пользы. «Рыноффил» приводит свои аргументы, в том числе и против плана.

При таком понимании дихотомии становится возможной принципиальная полнота совокупности ценностных суждений за и против одного и другого типа экономики.

б) Анализ реальной силы суждений

Вопреки комментариям авторов, обе колонки суждений представляют собою суммы «измов»: и «фобам», и «филам» рынок не дан «в непосредственном опыте советского человека», а свой выбор они делают на основе противоположных догматов. И все же более сильные суждения заложены в правые колонки - «левые» суждения здесь так или иначе дезавуируются или синтезируются. Вот если бы слева был «план», то тогда, действительно, на этой стороне была бы убедительность опыта.

Коротко о силе конкретных пар суждений.

№ 1: Добро или Польза. Суждения правой колонки даны в более привлекательных идеологических формулировках. Реальная влияние среди населения суждений в обеих колонках невелика (хотя о природности человеку добра высказываются около 60%).

№ 2: Идеал или Интерес. И здесь правая колонка содержит более привлекательные идеологические формулировки, преодолевает кажущуюся несовместимость Интерес и Идеала. И реально она более влиятельна — интерес сегодня много весомее идеала.

№ 3: государственная или частная собственность. Идеологически формулировки обеих колонок близки по значению. Реально среди населения более влиятельны суждения левой колонки: хорошо, когда человек работает на себя или на общество, и плохо - когда он работает на другого или заставляет другого работать на себя.

№ 4: труженик или предприниматель. Идеологически формулировки правой

колонки изложены привлекательнее. Но фактически сильнее, распространеннее позиция левой колонки. Так будет всегда, потому что предпринимателей меньше (впрочем, уже сейчас в пользу предприимчивости как ценности высказываются около 45% респондентов).

№ 5: равенство или свобода. Думаю, обе колонки равнозначны, но в обоих случаях значения заметно выше 50%. Дело в том, что суждения не строго дихотомичны: одно дело - равенство источников дохода (у всех - зарплата, хотя бы и существенно разная), а другое дело - «равенство в бедности», и третье - свобода прибыли, в том числе за счет наёмного труда, а четвертое - рыночная свобода (эквивалентный обмен).

№ 6: гуманизм или отчуждение. Обе колонки равнозначны, но их значения могут оказаться ниже 50%, так как отчуждение представлено в абстрактной форме: человек - цель или средство. Другое дело, если бы речь шла об отчуждении человека от труда и его результатов, от участия в управлении, от своей безопасности и т. п.

в) Комментарий к наиболее конфликтным суждениям.

Наиболее острые грани современного нравственного конфликта представлены в суждениях № 3, 4, 5.

О частной собственности. Проблема не в том, допускать ее или не допускать, а узаконивать ли использование частными лицами или их группами (кстати, акционерная, кооперативная собственность - это разновидности частной, а не общественной собственности) наемного труда с помощью частной собственности. Другое дело, использование наемного труда государством как безличным институтом - к этому настолько привыкли, что даже не спрашивают, какой процент прибыли извлекает государство.

Предприниматель - «пассионарий рынка»? Он должен быть пассионарием своего «дела» (сравни «дело Артамоновых»), а рынок - лишь одно из средств его реализации. Именно верность делу может внушить уважение со стороны других людей, не предпринимателей, а простых тружеников, которые тоже верны своему делу. А если в центр ставить рынок, то фигура предпринимателя начинает сливаться со спекулянтom и т. п.

«Моральная реабилитация прибыли» - самая трудная задача. Даже не ясно, как ее можно решить. Одно дело - поставить людей в положение, когда они примирятся с быстрым ростом прибылей частных лиц, например, измотав их тотальным дефицитом и разного рода чрезвычайными мерами. А другое - реабилитировать этот рост морально, оправдать его как нравственный. Не представляю. Другое дело - подвести под прибыль юридическую, правовую основу. А как быть с нравственностью по отношению к наследуемому богатству? Острота проблемы снимается лишь в обществе, преодолевшем бедность.

г) К характеристике мировоззренческих оснований предъявленных суждений.

Более продуктивно сопоставлять предъявленные суждения не с отдельными ценностями, а с некоторыми комплексными ценностными позициями людей, бытующими в нашем обществе в условиях глубокого его кризиса. Как показывает Всероссийское исследование «Наши ценности сегодня», проведенное мною и моими коллегами в 1990 г., суждения левых колонок можно сопоставить с такими комплексными позициями: ортодоксальный гуманист, эгоистичный эгалитарист и патриотичный конформист; суждения правых колонок - с такими позициями: предприимчивый конформист, прагматичный псевдогуманист, жесткий конкурент, достигатель успеха и власти. Каждая позиция вклю-

чает свою структуру ценностей - смысложизненных, витальных, социализационных, интеракционистских; отличаются они как составом, так и удельным весом соответствующих ценностей.

Второй этап. Классификация конфликтов

Предложенный вариант классификации достаточно логичен. Особенно хорош первый тип: конфликт моральных традиций и инноваций. Он, безусловно, является основным в настоящее время.

Следует отдать должное предусмотрительности авторов, выделивших второй тип - конфликт внутри становящейся ценностной системы гражданского общества. Здесь следовало бы учесть возможность различных вариантов этого общества. В частности, если утверждается общество со смешанной экономикой, то различные ее секторы будут представлены отличающимися подсистемами ценностей, отношения между которыми будут иметь конфликтный характер.

Продуктивно выделение и третьего типа конфликтов, обусловленных культурно-историческими особенностями различных регионов нашей страны. Практически в последнее время преобладает именно этот тип конфликтов, затемняя и даже блокируя основную.

Третий этап. Возможности консенсуса

Нельзя потребовать консенсус, его можно лишь «вырастить». Как? Вот фундаментальный вопрос.

Полагаю, что по технологии моральный консенсус значительно отличается от политического: в последнем участвует относительно небольшое число делегатов, а в первом - массы людей; в последнем велика роль рациональных аргументов, в первом участвуют эмоции, верования и другие компоненты сознания (а не только знания).

Один из путей - снятие разного рода «фобий». Его можно охарактеризовать как процесс деидеологизации исторического опыта человечества, в особенности опыта XX века, для нас во многом неизвестного или представленного превратно. Таким путем идут авторы, предложив примеры снятия некоторых «фобий».

Другой путь - искать в конфликтующих позициях совместимые, хотя и различные элементы. Они могут оказаться отнюдь не в «центре», а в любых точках структур. Важно показать участникам конфликта, что нередко их позиции лишь кажутся черно-белыми, а по сути они - многоцветные и имеют общие оттенки.

Третий путь - через взаимные уступки (в парадигме теории социального обмена). Искать зоны приемлемых уступок, пропагандировать их.

В выращивании консенсуса нельзя быть ригористами и считать результатом лишь решение конфликта. Успехом будет и смягчение конфликта, введение его в правовые, цивилизованные рамки.

Путь к гражданскому обществу - это и путь к плюрализации ценностных позиций. Значит, увеличиваются возможности моральных конфликтов. Надо стремиться к тому, чтобы все они обретали цивилизованную форму.

«ЭТИКА ДОЛГА» И «ЭТИКА ЛЮБВИ»

Первый этап

Едва ли в данном случае можно говорить хотя бы об относительной полноте не только из-за обилия в нашей речевой практике соответствующих идеологических клише, но и в связи с прослеживаемыми в современном отношении к рынку явлениями своеобразного бриколажа, когда различными семантическими средствами обслуживается уравнивающая их на более глубоком уровне общая «антирыночная» интенция. Испытывая легко объяснимое недоверие к выражениям типа «коллективизм», «социалистическая идея» и пр., наш современник тем не менее зачастую хватается за них, чтобы прикрыть безотчетное, глубоко укоренившееся отвращение к рыночной организации жизни - отвращение, относительно которого ниже будет приведен ряд предположений. Понятно, что наличие такой более глубокой настроенности оставляет часть ценностных суждений о рынке принципиально открытыми: подвернуться под руку может все, что угодно, вплоть до отсутствия у адептов рынка должного патриотизма и т. п. Тем не менее, думаю, что при анализе нравственных аспектов обращения к рынку не следовало бы упускать из виду еще по крайней мере две темы: рынок как «подрывное» начало, лишаящее существование человека стабильности, отнимающее у него уверенность в завтрашнем дне; рынок как «царство лжи» (особенно в области культуры).

Оставаясь в рамках общеупотребительных ценностных суждений, относящихся к сегодняшней нашей ситуации с рынком, с достаточной долей вероятности можно предположить, что наиболее влиятельные из них касаются оппозиции свободы предпринимательства и социальной справедливости. В реальном опыте нашей страны наибольшую степень воплощенности обрела именно идея противостояния двух фундаментальных порядков человеческого бытия: естественного (животного, стихийного и пр.) и нравственного (справедливого, сознательного и т. д.). При этом ценностная направленность характеризующих эту оппозицию суждений может быть противоположной: свободно-хищнически-естественно-рисковое начало в человеке может либо отвергаться во имя универсального контроля и социальной справедливости, либо приобретать общественную санкцию, становясь основанием для соответствующего типа нравственной практики.

К наиболее острым граням нравственной ситуации вокруг рынка, фиксируемым на данном уровне ее рассмотрения, можно отнести следующие.

— Альтернативность (совпадение Добра и Пользы). Следует учесть, что «архаичным» альтернативность указанных начал полагает именно «рыночное», ориентированное на Пользу сознание, но отнюдь не нравственное чувство современного человека, корреспондирующее с целостностью нашего присутствия в мире. Связь идей свободной жертвенности и Добра в какой-то мере компрометирует история XX века, но и в наши дни ее заново утверждает двухтысячелетнее христианство, которому не откажешь в том, что оно относится к «магистральной тенденции человеческой истории».

— Индивидуализм как порождение частной собственности - одно из нуждающихся в разоблачении пугал «антирыночного» сознания. При условии достаточно развитой духовной культуры частная собственность выливается не в индивидуализм, а в живое, детализированное чувство собственной индивиду-

альности, ее почвы и ее истоков, что лишь укрепляет сознание ответственности и достоинства человеческой личности. Вместе с тем разоблачение ложных страхов, накопившихся у нас по отношению к частной собственности и связанным с нею явлениям человеческой индивидуации, не должно, на мой взгляд, перерасти в апологию индивидуализма как стремления центрировать окружающее бытие на потребности данного индивидуального субъекта. Стремление это, лишь негативным образом связанное со способностью начинать с себя и проявлять собственную инициативу, осуждается, как известно, далеко не только социалистической, но и религиозной, и общечеловеческой моралью.

— Лозунг «права сильного», «сильной личности», якобы нуждающейся в особой защите, - одно из наиболее уязвимых звеньев «рынкофильской» пропаганды в нашей стране, способное лишь вызвать вполне оправданное раздражение со стороны противников рынка. Мало того, что эта идея антихристианская по своему существу, в нашей социальной среде еще слишком ощутимо присутствие «сильного человека» совсем иной, нерыночной формации, который также имел до недавнего времени прекрасную социальную защищенность. Вообще роковым парадоксом всей нашей системы изначально являлось то, что, беспощадно подавляя человеческую индивидуальность, она вместе с тем в «лучших» ницше-горьковских традициях всегда проповедовала мораль «сильной личности», всегда возвышала силу и «сильных мира сего». Особой симпатии к последним со стороны большинства населения нашей страны нет и, следует надеяться, не будет. Наиболее благоприятную морально-психологическую обстановку в условиях назревающего в нашей стране рынка создает не утверждение престижа «сильных», а всяческое поощрение инициативы, предприимчивости, таланта и защита «бедных» и «слабых», как общесоциальная, так моральная и правовая.

Среди мировоззренческих позиций, используемых для обоснования антирыночных ценностных ориентаций, отмечу следующие, наиболее ярко выступающие в контексте современных социально-политических реалий.

— Система коммунистического мировоззрения, пока отнюдь не утратившая главенствующего положения в духовной жизни страны, система, множеством неосязаемых, но прочных нитей зачестую опутывающая мышление даже ярых своих оппонентов. Естественно, что основной огонь по идеологии и этике рынка ведется с этих позиций, слишком хорошо знакомых каждому советскому обществоведы, чтобы на них останавливаться особо. «Стихии частнособственнических страстей», якобы с необходимостью порождаемой рынком, здесь, как известно, противопоставляются коллективизм и высокая сознательность.

— Традиционалистская система ценностных ориентаций, существо которой заключается в требовании возрождения социал-органических форм общественной связи и натурализации экономики. В условиях России для подобного типа ценностной ориентации характерны апелляции к «народному духу», традициям крестьянской общины, ценностям православной духовности, препарированным с неоязыческих позиций современного национал-шовинизма. В контексте подобных воззрений рынок в принципе тоже отвергается (или принимается в существенно урезанной форме), причем основные его нравственные дефекты на сей раз усматриваются также в насаждении индивидуализма, но вместе с тем и в некоей «антинародной» хитрости, избыточной рассудочности, всякого рода «гешефтмахерстве».

— Национал-регионалистские воззрения. В связи с подъемом национального самосознания в различных регионах страны и противопоставлением

местных суверенитетов центральной власти на протяжении последних 1—2 лет ярко проявляется оппозиция движению к рынку в контексте национал-регионалистской системы взглядов. Рынок как таковой в данном случае не отбрасывается, скорее, его необходимость даже педалируется, однако при этом его «учреждение» мыслится в принципиальной подчиненности интересам данной локальной общности. Основные упреки, предъявляемые с этих позиций реальному продвижению к рынку в той форме, в которой оно осуществляется ныне, - новая тоталитаризация общества, подавление самобытных национальных культур, несправедливость в распределении первоначальных фондов (конечно, со стороны Центра и окопавшейся в нем «партократии»).

Суммируя, можно отметить, что наиболее влиятельные мировоззренческие комплексы, поддерживающие антирыночную ориентацию современного нравственного сознания, при всех различиях обнаруживают в качестве общего своего признака абстрагирование от конкретной эмпирической человеческой индивидуальности и сфокусированность на тех или иных вытесняющих или поглощающих ее «высоких» идеях - идеях Общества, Народа, Нации. Вместе с тем, как показывает опыт демократического движения в нашей стране, наиболее естественно рыночная ориентация вписывается в последовательно гуманистическую систему взглядов, приоритетом для которой выступают неотчуждаемые права и свободы человеческой личности.

Наконец, существенные моменты в «веер» современных оценок рынка вносят утверждающиеся ныне глобальное мировоззрение и мораль, также дистанцирующиеся от индивида, однако таким образом который отсылает к его собственному нравственному самоопределению и вместе с тем учитывает мировой опыт «прохождения через рынок». В рамках такого воззрения возникает вопрос о конкретной вписанности человеческой цивилизации (и, соответственно, рынка) в мир, осознанный в полноте его собственных измерений.

Второй этап

Предложенную классификацию считал бы приемлемой при условии следующей поправки. Выдвижение в качестве центрального, наиболее содержательного момента данной классификации внутренней противоречивости «рыночной» нормативно-ценностной системы порождает прогрессистскую иллюзию, согласно которой упомянутой системе остается лишь самосовершенствоваться на основе этой внутренней противоречивости. Между тем мир ныне стоит перед катастрофой, приближенной многолетним пренебрежением к внешним границам человеческой деятельности, в том числе и предпринимательской. В связи с этим представляется, что уместнее было бы говорить, как отменено ранее, о конфликтности вписывания рыночной экономики в целостный мир человеческого бытия и уже в этой связи - о внутренних стимулах совершенствования, свойственных данной системе ценностей. Таким образом, нравственная коллизия рынка предстала бы перед нами в трех измерениях: в проекции на опыт «гомо советикус», на национальные и культурные особенности нашей страны, а также в общебытийном контексте развития человеческой цивилизации и культуры.

Семидесятилетний опыт нашего социалистического бытия уязвим для критики в самых различных отношениях, в том числе и в рассматриваемом здесь. И тем не менее это реальность, которую не выстричь из истории страны, реальность, забвение которой превратило бы нас в зомби. Эта реальность таит свои очевидности, нуждающиеся в осознании и в коррекции, с точки зрения

общечеловеческого опыта, но во всяком случае требующие, чтобы с ними считались. Одной из них является очевидность нравственного превосходства «борьбы за счастье человечества» над любой преследующей частные цели меркантильной активностью, очевидность, отойти от которой можно, лишь осознав заключенное в ней непреходящее зерно. Столь же глубоко укорененной очевидностью советского опыта предстает ощущение непреложной истины страдания, подвига - ощущение, которому нелегко примириться с бессмысленностью принесенных жертв и конечной правотой пути, предполагающего совершенно иные критерии оценки человеческой деятельности.

Нуждается в понимании и колоссальная усталость общества, семьдесят лет подряд находящегося «на крутом переломе», усталость, которая отнюдь не располагает к бодрому и оптимистичному восприятию того, что вновь заставляет все начинать сначала. Люди нуждаются в каком-то смягчении собственной участи, и это также очевидность, отмахнуться от которой нельзя.

Совершенно необходимым в русле задач данного исследовательского проекта является, на мой взгляд, осмысление онтологии рынка, его вписанности в целостность человеческого бытия (в том числе и нравственного, и духовного) как проблемной зоны, порождающей определенные конфликты и требующей определенных решений. В какой мере рыночная экономика способна играть самостоятельную роль в процессах нравственного оздоровления общества и насколько оправдано сопротивление ей со стороны духовно-нравственной культуры в традиционном смысле слова? Нужен ли ей вообще подобный «противовес»?

Не предвещая того, для чего требуются специальные исследования, полагаю, что в общей структуре бытия, как ее на протяжении веков осознает европейское сознание, рынок по существу относится к сфере естественности, подпадающей под действие «естественного закона». Рынок благ настолько, насколько благо заложено в социальном естестве человека, и на примере современных развитых стран мы видим, что его способности в плане выявления и стимулирования возможностей невынужденно-естественного самосовершенствования человеческих обществ достаточно велики.

По отношению к упомянутой сфере естественного в человеческом бытии мораль вообще предстает как регламентирующее ее начало, как начало справедливости, закона и долга. И в этом смысле дисциплинирующее воздействие рынка оказывается типологически близким собственным ее установлениям; аналогии между долгом моральным и материальным достаточно глубоки. Так что, если говорить о регулировании естественных устремлений человеческого бытия, у нравственности и цивилизованного рынка, безусловно, открывается широкое поле для взаимодействия.

Более того, очевидной предпосылкой осуществления нормативной нравственности и ее «золотого правила» является наличие определенной культуры взаимной интерпретируемости внешнего и внутреннего опыта человеческой субъективности. Иными словами, мораль предполагает, что между миром «Я» и миром «Другого» наличествует некоторое общее смысловое пространство. Однако именно подобного рода пространство всеобщей интерпретируемости и создает рынок, требующий от каждого производителя внимания к рождающим спрос потребностям «Другого» (ибо в конкурентной борьбе он должен учитывать не только абстрактные показатели спроса, но и смысловой контур его порождения во внутреннем мире потребителя). В этом отношении, как и в ряде других, рынок действительно выступает стимулятором совершенствования сов-

ременной нравственной культуры.

Вместе с тем возможности рыночной экономики в этом плане ограничены. Уже проанализированная ситуация порождения ею некоего общего смыслового пространства имеет далеко не однозначные нравственные импликации, зачастую оборачиваясь усреднением, разрушением смыслового единства деятельности, экзистенциальной неискренностью «работы на рынок». Далее, как бы соблазнительны ни были современные перспективы повышения социальной и экологической ответственности рыночной экономики, несомненно, что в условиях нынешнего кризиса взаимоотношений человека с миром она сталкивается с рядом ограничений, изначально имеющих принципиально иную, «антирыночную» нравственную мотивировку (пацифисты, «зеленые», движение за здоровый образ жизни, общества в защиту культуры) и лишь впоследствии в какой-то мере усваиваемых ею. В принципе активизм этики и психологии рынка при любых обстоятельствах нуждается как в своем необходимом противовесе в этике ограничения деятельности и даже отказа от деятельности. То есть (не развивая это положение подробнее) в этике, где доминирующей является не должностная, а ценностная модальность, где речь идет об утверждении неповторимых, выходящих за грани всеобщих определений деятельности ценностях человечности, природы, культуры. А отсюда следует, что никакой подъем идеологии рынка не в состоянии отменить или сделать менее настоящей противостоящую ей нравственную культуру милости, сострадания, любви, индивидуального человеческого призвания. Бесспорно, соотношение упомянутых двух типов нравственного сознания немыслимо без конфликтов, порою трагедий, но не из таких ли конфликтов и трагедий и состоит наша жизнь?

Всесторонняя проработка в современной и, главным образом, впервые становящейся ныне доступной для советского читателя русской философской литературе XX века проблематики «русской идеи» избавляет от необходимости подробно развивать здесь тему сложностей восприятия этики и психологии рынка на отечественной почве. Замечу только, что упомянутые этика и психология отнюдь не случайно были генетически связаны с духовной формацией протестантизма, присущими ей культом «посюсторонней» деятельной активности и способностью абстрактного, «товарного» восприятия результатов деятельности. Совершенно очевидно, что в русле православной духовной традиции восприятие идей рынка происходит неизмеримо сложнее, хотя в общекультурном плане в этом есть и свои преимущества, если иметь в виду отмеченное ранее соотношение двух дополняющих и уравнивающих друг друга типов нравственного сознания.

Третий этап

Вполне согласен, что в данных обстоятельствах оптимальным подходом является обнаружение диалогического потенциала представленных позиций и поиск согласия на основе общеприемлемых нравственных очевидностей, не подменяемых штампами современной политической мифологии.

Вместе с тем, исходя из сказанного ранее, предпочел бы говорить не столько о «фобиях» (от которых нужно избавляться), сколько об озабоченностях, связанных с переходом к рынку (которые необходимо распознавать и учитывать). Людей, на мой взгляд, следует убеждать не в высоконравственности рынка (тенденция к чему прослеживается в представленных вариантах снятия «фобий»), а в том, что других путей действительно нет, что нравственный риск,

связанный с переходом к рынку, оправдан, причем сама способность идти на такой риск утверждает определенный уровень гражданской зрелости и сознания человеческого достоинства. В то же время необходимо обращать внимание на то, что становление рынка и обслуживающих его социальных и идеологических структур оставляет простор для альтернативных нравственных позиций, а в ряде существенных отношений и актуализирует их поиск.

В качестве одной из возможных этических парадигм, позволяющих целостно осмыслить данную проблемную ситуацию и находить в ней определенные поля согласия, - мог бы предложить намеченное выше соотношение «этики долга (закона)» и «этики любви», необходимым образом предполагающих друг друга в рамках целостного нравственного сознания, хотя зачастую и вступающих при этом в острейшие конфликты.

Хотел бы также отметить, что одной из наиболее настоятельных и общеприемлемых практических мер на пути к гражданскому обществу и рынку, несомненно, является создание атмосферы, нравственно «размораживающей» личность, пробуждающей в ней жажду свободы, потребность иметь и высказывать собственное мнение, выражать себя, осуществлять свои индивидуальные цели, защищать свои интересы. Ценностные ориентации, связанные с подобным «размораживанием» повседневной нравственной жизни, могли бы, на мой взгляд, служить надежной опорой для достижения консенсуса и по более сложным, более специфическим нравственным проблемам перехода к рынку и гражданскому обществу.

Л. С. Мамут

РЫНОК - МОТОР ЦИВИЛИЗАЦИИ

Размышления о природе и свойствах рынка, его месте и роли в жизни общества необходимо, на мой взгляд, вести, полагая рынок специфической формой процесса обмена. Вместе с тем нужен более широкий социологический и исторический контекст для понимания обмена вообще. Рынок столь же древен, сколь древними являются товаропроизводящая экономика, товарообмен, ибо рынок есть (внешне, главным образом) не что иное, как сфера товарообмена. Но в таком случае его можно и целесообразно интерпретировать как часть сферы социального обмена вообще. Это очень важно для уяснения тех социальных, политических и правовых следствий, которые вытекают из признания товаропроизводящих отношений - феномена, еще далеко не исчерпавшего своих возможностей не только в ближайшей, но и отдаленной перспективе развития современного общества.

Прежде всего я хотел бы установить определенные временные рамки существования рынка. Ведь рынок представляет собой момент товаропроизводящей экономики, товаропроизводящего хозяйства, товарообмена, а еще шире - социального обмена вообще. Это мое первое замечание для того, чтобы выделить и охарактеризовать соответствующие социальные, политические, экономические, правовые образования, которые сопровождают существование рынка.

Второе - это вопрос, связанный с оценкой товаропроизводящей экономики, товарообмена и рынка. Дело в том, что в этом аспекте, о котором мы говорим, мы имеем дело с экономическим феноменом. Экономический феномен - и на этот счет есть интересные суждения классиков марксизма, в частности К.

Маркса и Ф. Энгельса - имеет свои собственные измерения и оценки. Было констатировано, что у рынка, рыночного сознания, рыночных отношений одни критерии, а у морали и права - другие. Потому для оценки рынка (этот вопрос остро ставится в анкете) в принципе совершенно не годятся одни лишь нравственные критерии, нравственные оценки, ибо рынок - это такая сфера, где действует прежде всего принцип утилитаризма, пользы, полезности, принцип эффективности. Говорят: «Экономика должна быть экономной, экономика должна быть нравственной». Я понимаю все благородные интенции, все добрые надежды, которые связаны с таким восприятием, таким настроением. Но если уж говорить в таком ключе, в такой модальности, то мы должны будем сказать, что экономика и, в частности, рынок должны быть прежде всего эффективными. Должны быть такими, чтобы обеспечивать мало-мальски приемлемый уровень жизни людей, причем не только материальный, но и культурный. Вот это - главная задача, главное предназначение экономики. Разумеется, поскольку всякое социальное отношение, в том числе и экономическое, подлежит нравственной оценке, то нам, конечно, не избежать такой дихотомии, как «добро - зло». Но надо всегда понимать, что у рынка свои критерии оценок. Рынок может быть - я такую гипотезу выдвигаю - благородным, гуманным, но не дающим пищи насущной, не позволяющим вести достойное человеческое существование. Грош цена такому рынку, такой экономике, поскольку каждая отрасль человеческой деятельности имеет свое конкретное призвание. Наши ожидания по отношению к той или иной форме человеческой деятельности должны соответствовать природе этой деятельности. Смешно подходить с чисто эстетическими критериями к политической сфере деятельности и, наоборот, с чисто политическими критериями к эстетической сфере. Повторяю, каждая сфера деятельности имеет свои критерии, свои оценки.

В этом смысле я не большой сторонник того, чтобы педалировать нравственный подход к рыночным отношениям, хотя такой подход имеет место. Но преувеличивать здесь моральное начало и выдавать его за абсолютный критерий полезности, эффективности, нужности, с моей точки зрения, неуместно.

Еще вот что надо отметить. В анкете вопрос на этот счет отчасти ставится. В нашем сегодняшнем, реальном, а особенно в «массовидном», обыденном сознании, конечно же, укоренились стереотипные представления о рынке как базаре, где «не обманешь - не продашь», как о таком средневековом или раннекапиталистическом торжище, где якобы процветают ловкачество, шулерство, жульничество и т. д. Эти взгляды, может быть, и адекватны определенным рыночным ситуациям. Но они отражают не рынок в его собственно социально-экономической сути. Отношения товаровладельцев, идущих на рынок обмениваться, устанавливать общественно необходимую цену своих продуктов, своего труда, строятся на иных основаниях. На рынок товаровладелец приходит со своим товаром как совершенно свободный, независимый по отношению к другому субъекту рыночных отношений. Между ними нормальные рыночные отношения складываются как отношения равных и независимых друг от друга индивидов. Они предполагают друг друга свободными и равными. Именно развитой современный рынок, который интенсивно начал складываться уже где-то в XVIII — XIX веках, заставляет товаровладельцев, людей, которые выступают и действуют на рынке, видеть друг в друге личность, независимых, свободных субъектов и, соответственно, относиться друг к другу как к таким субъектам.

На этот счет великолепно высказался Гегель в первом разделе «Философии права», когда писал об абстрактной личности. «Личность содержит во-

обще правоспособность и составляет принятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц» (Гегель. Философия права. М., 1990. С. 98). Думать всерьез, будто рынок продуцирует только обман, шулерство, жульничество, подделки,— это сугубо неправильно. Рынок в существенных чертах, а особенно в современном его обличье, связан, конечно, с утверждением не только утилитаризма, пользы; он связан также с развитием индивидуализма, с самореализацией личности, ее прав, чести и достоинства.

Рынок в цивилизованном, а не воровском, шулерском и прочем обывательском его видении утверждает те ценности, которые были провозглашены в эпоху европейского Ренессанса выдающимися гражданскими гуманистами. Принцип индивидуализма, который у нас долгие годы третировался, не столь уродлив, не столь односторонен, как — многие это все еще себе представляют. Мне не раз приходилось в своих публикациях приводить замечательное (суждение А. Грамши об индивидуализме и его роли как в становлении современной личности, так и в культивировании гражданско-нравственных начал в социальной жизни. Нелишне напомнить их. По мнению А. Грамши, в индивидуализме содержится нечто «вечное и рациональное»: «чувство собственной ответственности, дух инициативы, уважение к другим, убеждение в том, что свобода для всех есть единственная гарантия свободы каждого, что соблюдение договоров есть необходимое условие существования людей как членов общества, что козни, мошенничество и обманные приемы в конечном итоге наносят ущерб и тому, кто к ним прибегает» (Грамши А. Избранные произведения. М., 1980. С. 36).

Разумеется, как всякое явление, рыночные отношения и становление личности в рамках рыночных отношений имеют свои границы. Это явление достаточно противоречиво. Есть в нем и теневые стороны. Но в принципе из противоречий, из различных асимметрий сотканы, скроены вообще все социальные явления. Ну, а то, что мы в какой-то момент получим общество, государство, социальную жизнь, раз и навсегда избавленные от противоречий, пороков, недостатков, получим действия людей и самих людей, которые не имеют никаких недостатков или издержек — это больше чем наивность, это чистой воды утопия, которая никогда не воплотится в жизнь. Стремление во что бы то ни стало создать общество, над которым будет только голубое небо, где все будет благоухать, будет всегда светить солнце, будут петь птицы и люди будут ходить беспредельно счастливые, — такого общества вообще никогда не будет. К нему стремятся недалекие инфантильно мыслящие люди. Жизнь, повторяю, соткана из противоречий, из столкновений, из различий. И вся социальная, политическая мудрость заключается в том, чтобы по возможности минимизировать эти противоречия, находить взаимоприемлемые компромиссы, а не шараться из крайности в крайность и, сокрушая все и вся, пытаться реализовать различные утопии.

С рынком, с моей точки зрения, связаны не только экономические отношения; теснейшим образом с ним связана, испытывает его влияние сфера политики, сфера государства и права. Кстати говоря, не кто иной, как сам Маркс, в тех же подготовительных работах к «Капиталу» совершенно четко и ясно показал органическую зависимость от товарообмена, от рынка процесса формирования и функционирования соответствующих, по-настоящему правовых отношений. По К. Марксу, в актах товарообмена каждая из участвующих в нем сторон выступает «как исключительный и господствующий (определяющий)

субъект обмена. Тем самым дана, стало быть, полная свобода индивида». Поэтому, «если экономическая форма, обмен полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает свободу. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого **равенства** и всякой **свободы**. Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических, социальных отношениях, они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени. Это подтвердилось также и исторически»¹. Приведенный пассаж достаточно объясняет, как получают рынок, товарообмен, товаро-производящая экономика свое - необходимое продолжение в сфере политики, в сфере права. Такими продолжениями, с моей точки зрения, являются прежде всего правовое государство и сфера собственно правовых отношений между субъектами. О них надо вести отдельный обстоятельный разговор.

Нормально действующий, цивилизованный рынок - это такая сфера, где исключена монополия, и в особенности - монополия государства. Это такая сфера, где имеют место состязательность, соревнование и, как традиционно принято считать, конкуренция интересов. Конкуренция интересов - не безудержная, не безграничная, а конкуренция, которая опосредована соответствующими правовыми, законодательными механизмами, имеет целью прежде всего не допустить деструктивной по отношению к обществу борьбы интересов. Современное общество, современное государство посредством политических, законодательных механизмов, нравственных гарантий обеспечивают себе и другим индивидам меры от возможных эксцессов конкуренции, гипертрофии конкуренции, которая может вести к деструкции, к разрушению, к безнравственности и т. д. Это уже другой вопрос. Но главное, что надо подчеркнуть, заключается в следующем. Рынок - это такая сфера, где не должно существовать монополии; рынок и монопольное доминирование какой-то одной силы или какого-то одного товаровладельца, собственника - вещи, в принципе, не совместимые.

Рынок - это то место, где происходит обмен, а если на рынке выступает один субъект - никакой обмен, никакое социальное взаимодействие невозможны. Это всегда взаимодействие массы собственников, причем массы юридически равноправных собственников. Значит, это нечто такое (это очень важно), что в принципе исключает монополизм. Если переходить к политике, то это - своеобразное продолжение современного цивилизованного рынка (если мы говорим о современной политике).

Позволю себе маленькое отступление. У нас господствует представление о том, что все общество структурировано по иерархической схеме. Сначала идут производительные силы, потом производственные отношения, затем классы, потом идет политика, государство и т. д., вплоть до самых высоких сфер, религии и философии. Определенный резон вот в таком понимании структуры общества, социума есть. Однако в современной социальной теории все больше утверждается мысль, что в обществе имеет место круговая детерминация, взаимодетерминация, где причина сплошь и рядом меняется местами со следствием. Вот в этом смысле идеологические, политические, этничес-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 191.

кие, демографические структуры изоморфны, подобны друг другу. Далеко не всегда одна выводится из другой. Есть общий генетический социальный код, некое целое, которому все эти структуры соответствуют.

Сплошь и рядом сегодня мы слышим призыв радикально измениться. Надо не столько изменить экономику, политику, сколько изменить самих себя. Вот это и свидетельствует о наличии круговой детерминации. С точки зрения круговой детерминации призыв к самоизменению оправдан и обоснован. Я еще раз скажу, что органическая взаимосвязь между экономической структурой, рынком, товарно-денежными отношениями, товаропроизводящей экономикой и соответствующей политической структурой не только иерархическая («базис определяет надстройку» и т. д.). Она - связь круговая, обоюдодетерминирующая. Не может, например, быть настоящего развитого рынка без правового государства, без соответствующей политической структуры; с другой стороны, и демократическо-правовые политические структуры по-настоящему не могут существовать без цивилизованного рынка. И я не могу сказать, что в этой взаимосвязи важнее: то или другое. Вот в этом конкретном смысле можно заявить: никакой современный цивилизованный рынок не может состояться, если в экономике царствует, укрепился, установился монополизм, кто бы ни выступал монопольным собственником, монопольным товаровладельцем и т. д.

Равным образом, никакая современная цивилизованная политическая сфера невозможна, если в политических отношениях господствует монополия. Вот, в частности, чем объясняются требования создания многопартийной политической системы. Отсюда и потребность в формировании правового государства, где произошло разделение властей, где исключается монопольное осуществление государственной власти в каком-либо одном государственном институте: законодательном, исполнительном, судебном. Отсюда такие же требования и к идеологической сфере: не может и не должно существовать монополий какой-то одной идеологии, какой-то одной-единственной системы взглядов, подавляющих и объявляющих второсортными иные системы взглядов, иные системы идей. Итак, если нормальный рынок - это сфера, где ставятся преграды монополиям, где развитие без помех совершается только в отсутствие монополизма, то так же в отсутствие монополизма могут нормально, свободно, раскрепощенно, нескованно развиваться и политико-правовая, духовная, идеологическая сферы.

В этом смысле рынок и политическую и духовную сферы связывает то, что все вместе они воплощают собой образ антимонополистической социальной жизни. Монополия в политике неминуемо ведет к диктатуре, тоталитаризму со всеми вытекающими отсюда последствиями. В частности, бесконтрольность, безответственность и безнаказанность власти дорого обошлись нашему обществу. Потому нельзя без необходимых корректив говорить, что современная цивилизованная демократия есть своего рода политический рынок. Это было бы лобовое определение. Но не видеть внутренней связи между современной демократией и современным рынком, конечно, нельзя.

Есть правила экономической игры: доверие, порядочность контрагентов, верность слову и т. д. Существуют правила и демократической политической игры. Причем одно дело демократическая политическая культура, другое дело - культура тоталитаризма, которая строится на насилии, лжи, обмане. Но никак не может строиться на насилии, лжи, обмане, закабалении, закреплении нормальное политическое общение, демократически-правовое устройство общества. В этом смысле цивилизованные, окультуренные рыночные начала долж-

ны охватить все сферы жизни общества, если оно хочет развиваться самостоятельно, самодеятельно, свободно, в соревновании интересов, талантов, личностей.

Я не хочу изображать дело так, что рынок - наше универсальное спасательное средство, наше будущее. Нет. Рынок, как и всякое явление в экономике, политике, духовной сфере, имеет свои пределы, свои напряжения и конфликты, свои издержки. Но рынок никогда не выступает сам по себе, он всегда выступает вкупе со многими другими институтами, процедурами, нормами жизни общества. Кроме рынка в обществе существуют семья, этносы, искусство - то, что непосредственно рынком не является, существует история, существуют традиции. Все эти факторы порознь и вместе осуществляют определенную коррекцию рыночных отношений, рыночных законов и правил. Это совершенно естественно. Но если говорить о сфере материального производства, сфере обмена, рынок - это мотор, приводящий в движение современную цивилизацию.

Сегодня мы ориентируемся на переход от государственно-монополистической экономики, от тоталитаризма к рыночной экономике и правовому государству. К такой жизни и судьбе личности, которые должны быть у людей, встречающих третье тысячелетие. Разумеется, это очень сложный, очень трудный процесс. Не только ввиду ожесточенного сопротивления тех сил, которые этот переход не приемлют, но также ввиду того, что большие массы людей соответствующей экономической, политической, правовой культурой, к сожалению, пока не обладают. Одним из факторов, способных повысить уровень подобной культуры, является освоение позитивного экономического и политико-юридического опыта, накопленного другими странами. «Всякая нация может и должна учиться у других» (К. Маркс). Слава Богу, у нашей страны, у нашего народа есть в запасе не только свой собственный исторический опыт, перед нашими глазами есть богатая практика многих и многих государств мира, которые совершали прорыв в цивилизацию с тех исторических ступеней, которые были никак не выше тех, на которых мы сейчас находимся, которые совершали такие прорывы и совершили их.

Если мы будем творчески и очень энергично воспринимать всю эту всемирно-историческую практику, сообразуясь с нашими конкретными условиями, последовательно претворять ее в жизнь, то думаю, что мы не только наших ближайших, но и наших отдаленных целей вполне можем достигнуть. Это очень трудный, очень тяжкий, противоречивый процесс. Однако я всегда считал, что историю делают не нытики и пессимисты, историю делают оптимисты. Это, во-первых. А во-вторых, конечно же, негоже нам, имеющим за плечами такой громадный, в том числе и трагический, социальный опыт, при тех или иных трудностях, при тех или иных случайностях падать в обморок. Наоборот, надо, как говорили в далекую старину, заострить свое сердце мужеством и идти вперед.

Анкета авторов Проекта названа «На пути к гражданскому обществу». Я имел некоторое отношение к разработке третьей главы той рабочей основы Конституции Российской Федерации, которая была подготовлена Конституционной комиссией, образованной Съездом народных депутатов РСФСР, и готов сделать маленькое пояснение.

Когда разработчики думали над общей концепцией Конституции, они исходили из того, что нужно четко разграничить (это не значит отгородить железной стеной) сферу жизнедеятельности индивида и сферу жизнедеятельности

государства. Мы рассматривали гражданское общество как такую область социальной жизни, которая складывается генетически и сущностно независимо от государства. Гражданское общество есть нечто такое, что непроизводно от государства. Гражданское общество предшествует государству и, в известной мере, предопределяет его характер, его структуру, его функции. Не случайно именно разделам о государственном, политическом строе предшествует глава «Гражданское общество». Мы полагаем, что личность, обладающая правами, свободами и обязанностями, ближайшим образом реализует себя именно в гражданском обществе.

Ведь что такое гражданское общество? Это прежде всего сфера экономических отношений. По проекту Конституции, последние базируются на трех китах: это собственность во всех ее видах и модификациях¹; все они без исключения получают одинаковую защиту государства. Затем - это свободный труд как имманентный элемент сложной, многоплановой структуры той же собственности. Свободной в том смысле, что каждый индивид, каждый гражданин получает возможность трудиться там, где он сам хочет, заниматься тем, чем он хочет и, соответственно, претендовать на то вознаграждение, на которое он сообразно своему труду имеет право². Затем - свободное предпринимательство. В данной связи интересна деталь, которую мы не успели заложить в текст Конституции, но которая, с моей точки зрения, там обязательно должна быть. Обратите внимание на Парижскую хартию для новой Европы, подписанную в третьей декаде ноября 1990 г. всеми 35 участниками Хельсинского процесса. Там зафиксировано, что каждый может владеть собственностью единолично или совместно с другими и заниматься индивидуальным предпринимательством. Это одно из основных прав личности: теперь оно уже есть в Парижской хартии и, думаю, должно непосредственно войти в раздел Конституции, посвященный правам, свободам и обязанностям человека и гражданина.

Итак, свободным предпринимательством могут заниматься как частные граждане, так и их объединения, органы самоуправления и само государство.

Сферу гражданского общества составляют и семейные отношения, семья как естественная ячейка общества. Эта структура получила соответствующее отражение. Она прописана достаточно подробно. Затем следует сфера образования, воспитания, культуры. Далее - сфера массовой коммуникации, общественного мнения. Затем - сфера различного рода общественных организаций, объединений граждан, что очень важно. И, наконец, самостоятельная

¹ Быть может, тому читателю, который еще не успел досконально изучить текст проекта Конституции Российской Федерации, бесполезно будет указать на ст. 3.1.1. этого Проекта, раскрывающего не только экономический, но также общесоциальный и гуманитарный аспекты института собственности. Упомянутая статья гласит: «Неотчуждаемое естественное право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности и предполагает нравственное, рациональное использование собственности».

² Право, которое дает возможность человеку самостоятельно распоряжаться собой, своими способностями к труду, хорошо понял и раскрыл Адам Смит: «Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще. Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он сам считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, - значит прямо посягать на эту священную собственность. Это представляет собою явное посягательство на законную свободу как самого работника, так и тех, кто хотел бы его нанять» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, -с. 104).

сфера, которая является мостиком от гражданского общества к государству, - сфера деятельности политических партий. Политические партии - это не государственный институт, это институт гражданского общества. Но они построены таким образом и ориентированы на то, чтобы непосредственно участвовать в политике, в деятельности государства. Они порождены не самим государством, не государство создает политические партии. Таковые возникают в лоне гражданского общества в результате того, что определенные группы людей объединяются по своим политическим, экономическим, социальным интересам, ориентируясь прежде всего и главным образом на участие в деятельности государства, в отличие от религиозных (кстати, религия у нас тоже выделена как одна из сфер гражданского общества), молодежных, профсоюзных и других объединений. Поэтому статьи о политических партиях включены в раздел «Гражданское общество». Но это завершающая сфера, переход в сферу государственности в собственном смысле слова.

Каков был наш замысел? Во-первых, представить гражданское общество как относительно самостоятельную, прямо не зависимую от госаппаратов сферу. Относительно, потому что в государственно-организованном обществе в принципе не существует таких действий, поступков и областей жизнедеятельности человека, которые были бы вообще начисто свободны от влияния государства, которые бы так или иначе не регулировались законодательством. Конечно, государство посредством определенных законов регулирует деятельность гражданского общества. Но одно дело регуляция, а другое дело - жесткий, беспредельный и бесконтрольный надзор, диктат над гражданским обществом. Это совсем другой вопрос. Перефразируя известное суждение, скажу: жить в государственно-организованном обществе и быть свободным от государственно-организованного общества нельзя. Однако можно создать такие условия, чтобы в рамках государственно-организованного общества обладать необходимой мерой свободы, защищаемой как самим государством, так и его законом. Во всяком случае, в том проекте Конституции, к которому я имел отношение, мы постарались по возможности сделать это.

Таков принципиальный подход. Говорят, а зачем нужна была отдельная особая глава? Надо было бы многие положения, зафиксированные в главе «Гражданское общество», перенести в главу, где изложены основные права и свободы человека. Но, во-первых, это не совсем правильно и юридически, потому что в главе «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина» фиксируются именно основные права, свободы и обязанности. В разделе «Гражданское общество» фиксируются прежде всего институты и отношения, в которых реализуются эти права и обязанности. Эти явления связаны друг с другом, но все-таки здесь нет тождества: они суть вещи относительно разные. В этой их разности они и должны быть зафиксированы. Кроме того, и это уже более глубоко и принципиально, мы постарались определить гражданское общество именно как сферу, генетически предшествующую государству, по отношению к которой государство является производным образованием, долженствующим обслуживать гражданское общество.

Из идей гражданского общества или фрагментов гражданского общества кое-что существует в конституциях других государств, скажем, в итальянской или испанской. Социально-экономические, политические, духовные фрагменты зафиксированы там так или иначе отдельно, особняком. Мы же решили свести все их вместе.

Схема Конституции такова: общие принципы конституционного строя, ос-

новые права, свободы и обязанности человека и гражданина, гражданское общество, федеративное устройство и, наконец, собственно система государственных органов. Так что, с моей точки зрения, эта триада относительно стройная: личность, общество, государство. Думаю, что такая триада и философски обоснована, правомерна. И то, что нам удалось эту триаду насытить конкретным политико-юридическим содержанием, я считаю положительным качеством проекта Конституции РСФСР.

В. С. Нерсесянц

ОТ СОЦИАЛИЗМА НЕТ ДРУГОГО ПУТИ, КРОМЕ КАК К ЦИВИЛИЗМУ

Прежде всего хочу отметить существенное значение разработки данной темы для всего исследовательского проекта «Этика гражданского общества». Весьма высокой исследовательской культурой, на наш взгляд, отличается методика консультативного опроса экспертов, формулировки целей, постановка проблем и т. д.

Стоящую за анкетой позицию можно интерпретировать так, что наше движение к гражданскому обществу и рынку фактически означает движение от реально исторически сложившегося социализма к капитализму. На наш взгляд, от социализма нет пути не только к коммунизму, но и к капитализму. Вместе с тем у социализма как переходного строя есть своя будущность, и этот будущий строй мы обозначаем с учетом хронологического фактора как постсоциализм, а содержательно (как это будет видно из наших пояснений) - как **цивилизм**¹. Исторически известное гражданское общество и вместе с тем «рыночное общество» - это капиталистическое, буржуазное общество с частной собственностью на средства производства (т. е. экономическим неравенством) и формальным (правовым) равенством всех индивидов. Социализм (и доктринальный, и реальный) как радикальное отрицание частной собственности и утверждение общественной социалистической собственности (собственности «всех вместе, никого в отдельности») в принципе не совместим с экономически, юридически, морально, религиозно свободным индивидом и уничтожает саму возможность формирования и функционирования гражданского и «рыночного» общества. Социалистическое отрицание частной (а вместе с ней и всякой индивидуализированной) собственности на средства производства означает и включает в себя ликвидацию не только экономического неравенства частной собственности, но и соответствующего формально-правового равенства индивидов, права вообще как особой формы и типа отношений, как всеобщего масштаба и равной меры (принципа и нормы) свободы индивидов. При социализме общественные отношения - поскольку «все вместе» не индивидуализированы в качестве свободных личностей (независимых субъектов права, собственности, морали и т. д.) - теряют свой экономический, правовой, моральный и т. д. характер.

¹ Обоснованию данной концепции посвящен ряд моих публикаций, в том числе: Закономерности становления и развития социалистической собственности // Вестник АН СССР, 1989, № 9; Концепция гражданской собственности // Советское государство и право, 1989, № 10; В поисках собственника // Человек и закон, 1990, №4; Капитализм. Социализм. Постсоциализм? // Новое время, 1990, № 12; Прогресс равенства и будущность социализма // Вопросы философии, 1990, № 3.

Современный кризис социализма окончательно продемонстрировал отсутствие у социализма коммунистической перспективы и жизненную необходимость десоциализации - преодоления социалистической собственности (неизбежно «огосударственной», политизированной, отчужденной от конкретных людей, надындивидуальной, ничейной» и т. д.), а вместе с ней и социализма в целом как переходного строя - на путях конкретизации и индивидуализации субъектов собственности, движения к экономическим и правовым отношениям и формам жизни.

Определяющее значение для всех предстоящих изменений (в том числе и движения к гражданскому обществу, рынку и т. д.) имеет утверждение статуса и фигуры самостоятельного и независимого индивида (экономически, юридически, морально свободной личности), а для этого необходима прежде всего индивидуализация социалистической собственности. Такая индивидуализация собственности (и вместе с тем ее «разгосударствление» и «десоциализация»), обобщенно говоря, возможна в двух принципиально противоположных формах: 1) в виде приватизации (здесь за счет «всех вместе» частными собственниками, притом - в разной мере, становятся лишь некоторые члены общества); 2) в виде всеобщей и бесплатной индивидуализации всей социалистической собственности, т. е. ее цивилизации, поскольку при этом способе каждый гражданин будет признан собственником равной индивидуализированной гражданской (цивильной) собственности - равной доли (в нашем случае - примерно 1/300000000 доли) десоциализируемой собственности с правом на получение соответствующей (1/300000000) доли от всех денежных доходов за все формы платного использования всех объектов гражданской (цивильной) собственности.

Эту равную гражданскую собственность можно уподобить уже внесенным каждым гражданином равным паевым взносом в общую собственность 300000000 граждан-акционеров, в рамках которой у каждого собственника имеется право на получение равной доли от всех доходов, приносимых данной общей (акционерной) собственностью. В бюджет же государства в этих условиях должны поступать лишь налоги со всех видов доходов.

Сверх гражданской собственности (как постоянного и равного для всех минимума) при постсоциализме (цивилизме) будут допущены без всяких ограничений и максимума рост индивидуального богатства, развитие всех иных форм собственности, товарно-денежного хозяйствования, рынка и т. д.

Понятно, что имущественное положение при наличии постоянного минимума собственности (в виде гражданской собственности) будет качественно отличаться от экономического неравенства между собственником и несобственником в условиях господства частной собственности.

Концепция гражданской собственности позволит реализовать потенциал социалистической собственности и использовать преимущества частной собственности (индивидуализированность собственности на средства производства, развитие товарно-денежного производства, рынка, отсутствие ограничений для роста личного богатства и т. д.), преодолев их существенные недостатки.

Цивилизм тем самым выступает как действительное продолжение социализма, его диалектическое «снятие» и преодоление. Диалектика исторического прогресса равенства выглядит так: от формального правового равенства индивидов и экономического неравенства частной собственности при капитализме — через переходный период социалистического отрицания экономического неравенства и формально-правового равенства индивидов и создание на

такой основе социалистической собственности «всех вместе» - к новому экономическому равенству (в пределах равной гражданской собственности) и правовому равенству всех индивидов (в виде формально-правового равенства плюс уже реально приобретенное субъективное право каждого на равную гражданскую собственность) при цивилизме с допущением экономических различий (сверх пределов гражданской собственности как общего минимума).

Приватизация же по существу означает, будто социализм - это «историческая ошибка», «неудачный эксперимент» и т. д., ввиду чего необходимо возвращаться к капитализму, буржуазному гражданскому и «рыночному» обществу и т. д.

Но после социализма мы можем идти лишь к такому праву и к такому строю, где индивиды равны не просто как свободные лица с абстрактной возможностью иметь или не иметь собственность, но и как действительные собственники с уже реально приобретенным правом на равную долю всей ранее социализированной собственности. И именно этот момент экономического равенства, резюмируя и удерживая итоги социализма применительно к каждому индивиду в виде его реально-наличного права на равную гражданскую собственность, открывает здесь дорогу к формальному равенству и свободе индивидов.

Превращение социалистической собственности в частную собственность тех или иных лиц, групп, коллективов, регионов и т. д. уже ведет к бесконечным спорам, распрям и войнам за собственность, в которые будут вовлечены все; в дальнейшем это будет происходить в еще более острой форме. Вот уж где идеальное поле для гоббсовской «войны всех против всех»! И именно в этом контексте следует понимать и толковать борьбу «рынкофобов» против «рынкофилов» в наших условиях, содержание и смысл соответствующих «нравственных оппозиций», их непримиримость на базе приватизации, движения к капиталистическому рынку и т. д.

В результате приватизации, как максимум, может получиться лишь тот или иной вариант модернизированного нэпа. Но от любого нэпа - при наличии у политической власти неразгосударственной части социалистической собственности и с ростом общественного недовольства ее приватизацией - развитие скорее всего пойдет по исторически знакомой дороге к новой социализации. Ввиду социально-исторической заблокированности возвратного пути от социализма к капитализму, порочный круг «вечного возвращения» социализма (после отступлений к разным вариантам нэпа) может быть разорван лишь единственным возможным путем - переходом от социализма (в соответствии с логикой его собственного развития, смыслом и характером достижений) к цивилизму.

Антагонизм между социалистической и частной собственностью (и соответственно - стоящих за ними социальных сил и нравственных позиций) невозможно ведь снять заверениями и постановлениями о равноправии всех форм собственности и хозяйствования. Складывающееся в результате приватизации т. н. многообразие форм собственности - это на самом деле многообразие типов собственности, многоукладность, а следовательно, и неизбежная борьба между ними по уже известному из времен нэпа 20-х годов принципу: «кто кого?»

Любой неонэп, как и исторически известный нэп, может быть лишь вынужденным и временным явлением. Ставка же на возврат от социализма к капитализму в принципе несостоятельна из-за игнорирования социально-исторического смысла и итогов социализма - ликвидации частной собственности и преодоления связанного с ней экономического неравенства, подготовки объек-

тивных предпосылок для утверждения экономического равенства (в виде гражданской собственности). А это - та главная проблема, вокруг которой вращается всемирная история.

Принятые и реализуемые ныне варианты приватизации и «разгосударствления» социалистической собственности исходят из ложных представлений, будто она является собственностью самого государства, а не общества, народа в целом. Но государство - лишь представитель общества, народа, «всех вместе», а не субъект собственности в экономическом и правовом смысле слова. Поэтому у государства вообще нет права посредством приватизации превращать социалистическую собственность «всех вместе» в частную собственность некоторых отдельных лиц, групп и т. д. Так что само по себе законодательное оформление приватизации еще вовсе не означает ее правомерности и справедливости. Подобные законы о приватизации социалистической собственности «всех вместе» в пользу некоторых по существу являются неправовыми. Никто ведь не отказывался (в пользу государства или других лиц) от своих прав в отношении социалистической собственности?! Да и отказ от своих прав в данном случае был бы и социально, и юридически недействительным.

Изложенная концепция постсоциализма (цивилизма), раскрывая объективную возможность (и необходимость для нас) постсоциалистического (цивилистического) гражданского общества и рынка, тем самым одновременно показывает несостоятельность распространенных представлений (вероятно, разделяемых и авторами данного опроса) о том, что возможен лишь один, а именно - капиталистический тип гражданского и «рыночного» общества.

Тезис современных «рынофилов» о том, что рынку нет альтернативы, по сути дела предполагает капиталистическое «рыночное общество» и игнорирует (невольно) альтернативу постсоциалистического (цивилистического) рынка. Чем раньше эта проблематика окажется в поле научного и общественного внимания, тем меньше будут издержки переходного периода. Тщательного изучения она заслуживает и в рамках исследовательского проекта «Этика гражданского общества».

Парадокс состоит в том, что наши современные прогрессисты и радикалы, ориентируя дальнейшее развитие социализма на капиталистические образцы как безальтернативные стандарты и формы «общечеловеческих ценностей» и окончательное слово мирового «общецивилизационного процесса», своими социально-исторически консервативными и потому неприемлемыми для общества рецептами и установками усугубляют «безысходность» ситуации и затрудняют поиски действительных перспектив, адекватных реалиям социализма и его месту во всемирно-историческом процессе. Поэтому в своей оппозиции к исторически несостоятельным идеалам общественное мнение зачастую оказывается (пусть латентно и не совсем осознанно) ближе к действительному прогрессу и более открытым для объективно возможного будущего, нежели идеологи и сторонники этих капиталистически ориентированных идеалов.

Высказанные соображения, на наш взгляд, относятся и к проблематике обсуждаемого опроса и могут служить концептуальной основой как для новой интерпретации уже изложенных версий нравственных оппозиций на предложенном авторами Проекта пути к гражданскому и «рыночному» обществу, так и для новой постановки всего исследовательского проекта с учетом концепции постсоциализма (цивилизма) как фундаментальной альтернативы всем предшествующим представлениям о путях, направлениях и ориентирах нашего дальнейшего развития.

Социализм как отрицание капитализма - негативный период истории (отсюда и связанные с ним беспрецедентные трудности), но, как показывает перспектива цивилизма, это вместе с тем и период, объективно подготовивший прорыв к новой, более высокой ступени в историческом развитии и обогащении общечеловеческих ценностей. И только в постсоциалистической (цивилистической) перспективе можно адекватно понять и оценить социализм, выявить его место и назначение в контексте всемирной истории, в координатах общечеловеческого прогресса.

Первый этап консультации. Как общая оппозиция между «рынкофобией» и «рынкофилией», так и конкретизирующие ее формулы ценностных суждений, на наш взгляд, неадекватно отражают действительные противоречия в нашем обществе, общественном мнении и моральном сознании.

Искажение начинается с постановки вопроса о рынке. Авторы анкеты изображают дело так, будто речь идет о рынке вообще, хотя по существу под «рынком», гражданским и «рыночным» обществом имеют в виду капитализм, капиталистический рынок, буржуазное гражданское и «рыночное» общество. За «рынкофобией» и «рынкофилией» здесь, следовательно, таится нечто гораздо большее - антикапитализм и прокапитализм. Но этот антикапитализм нельзя отождествлять с абстрактно-всеобщей «рынкофобией», поскольку он, отрицая капиталистический рынок, не отвергает какого-то другого, не капиталистического рынка. Борьба, следовательно, идет не «за» или «против» рынка, не между «рынкофобами» и «рынкофилами», а за тот или иной тип рынка. Проблема состоит сегодня не в том, что наше общество (и его моральное сознание) против рынка; скорее, наоборот, оно за рынок, но за такой рынок, переход к которому связан не с отрицанием и отказом от социализма в пользу капитализма, а со справедливым для всех членов общества преобразованием социализма, исключающим чьи-либо привилегии за счет «всех вместе». Иначе говоря, наше общество готово к далеко идущим и весьма радикальным преобразованиям в духе требований принципа всеобщей справедливости. Важно и то, что справедливость как принцип и критерий приемлемого и искомого способа преобразования социализма - это по сути своей принцип права и всеобщего правового равенства. Его распространение на отношения социалистической собственности (т. е. главный итог и резюме всего социализма) означает, как мы уже отмечали, признание права каждого на гражданскую собственность.

Обычная ошибка, которую не избежали и авторы анкеты, состоит в том, что будто антикапитализм в нашей ситуации (негативное отношение значительной части общества к частной собственности, капиталистическому рынку и т. д.) совпадает с позицией сохранения сложившегося социализма, с защитой уравниловки, «равенства в бедности», с отрицанием права, правового равенства, «эквивалентного обмена», «индивидуализации собственности», «принципа пользы» и т. д.

Между тем очевидно, что антикапитализм (как нравственная и социальная позиция значительной части нашего общества) сочетается сегодня с очень резкой критикой социализма, его основных черт, характеристик и свойств. В этом контексте антикапитализм общественного сознания, соединенный с фундаментальной критикой социализма, следует интерпретировать как общественное согласие на такую будущность социализма, которая, не будучи возвратом к капитализму, удержит, обновит и обогатит ценности и достижения капитализма (в том числе экономическую, правовую, моральную, религиозную свободу индивида, гражданское общество, рынок и т. д.) с учетом возможно-

стей социализма и его справедливого преобразования. Таким образом, наше общество открыто для утверждения некапиталистической и вместе с тем не социалистической (преодолевающей основы и стандарты реального социализма) будущности социализма.

Но предложенная нами концепция постсоциализма (цивилизма) не стала еще предметом широкой дискуссии. А обсуждаемые варианты будущего (возврат к капитализму или обновление и сохранение реального социализма с «коммунистической перспективой») социально-исторически не состоятельны и не могут стать основой для консенсуса и общественного договора о будущности нашего общества.

Ключевое значение имеет индивидуализация социалистической собственности на началах справедливости, т. е. в соответствии с принципом правового равенства всех граждан. К сожалению, у нас (это проявилось и в опроснике) под видом уравниловки отвергают и принцип правового равенства всех граждан (в том числе и в таком решающем пункте, как равное право каждого на «разгосударствляемую», десоциализируемую собственность). Между тем критерием всего нашего движения от тоталитарного социализма вперед может служить утверждение именно принципа равенства во всех сферах жизни. Верно, конечно, что «справедливость и уравнительность - не одно и то же», но справедливость и принцип правового равенства - как раз одно и то же, а всякая внеправовая справедливость - это произвол и отрицание свободы.

Смещение уравниловки с правовым равенством сопровождается подменной «индивидуализации собственности» ее приватизацией. А ведь это, по сути дела, означает, что «индивидами» (собственниками) при десоциализации признаются не все граждане, а лишь некоторые - те, кто в результате такой приватизации становятся частными собственниками и приобретают большие привилегии. Так что в своем сопротивлении и нравственной оппозиции к такой приватизации общественное сознание («рынокфобы», по оценке опросника) право и опирается не на ложные стереотипы и т. д., а на верные в принципе (хотя и не совсем осознанные) представления о справедливости и правовом равенстве.

Мы, по существу, уже ответили на основные вопросы, включая также проблематику первого и второго этапов консультации.

Более конкретно применительно к вопросам второго этапа консультации следует отметить, что социальная и идейно-нравственная конфронтация в условиях движения к гражданскому и «рыночному обществу» без предварительного признания права каждого на гражданскую собственность будет нарастать. Ведь только благодаря такой собственности можно в нашей ситуации утвердить экономические, правовые, моральные начала свободы личности, перейти от «всех вместе» (корень тоталитаризма) к каждому в отдельности (и субъектам морали, права, гражданского общества, рынка и т. д.).

Для преобразования нравственного опыта «гомо советикус», его сперва надо сделать реальным собственником и тем самым состыковать с экономикой, правом и этикой рынка; иначе люди - несобственники и рынок с собственниками будут жить во враждебном противостоянии, исповедуя разные ценности.

Приватизация и рынок усугубляют все прочие конфликты (национальные, религиозные, этнические и т. д.) и усиливают центробежные силы. И только фигура гражданина-собственника (владельца гражданской собственности), знаменуя собой индивидуализацию не только собственности, но и массы (со-

циальной, национальной, религиозной, классовой, профессиональной и т. д.), станет главной центростремительной силой, носителем ценностей свободы, права, морали, экономических форм хозяйствования и т. д. Раскол по национальному и т. п. признаку, сепаратизм, партикуляризм и т. д. сами по себе проблему индивидуализации социалистической собственности и создания свободной личности не только не решают, но и затрудняют ее разрешение - а это главный критерий для оценки всех изменений в нашей ситуации.

Третий этап консультации. Для формирования нравственного консенсуса в нашем обществе в любом случае необходимо первоначально добиться общего согласия в вопросе о судьбе социалистической собственности, о принципе ее всеобщей и справедливой индивидуализации. Без такого исходного социально-экономического консенсуса на базе всеобщего правового равенства всех граждан в отношении десоциализируемой собственности все остальные «консенсусы» будут беспочвенными, мнимыми, случайными. Никакая технология, аксиология и праксиология консенсуса - при всей их важности в надлежащем контексте - не в состоянии справиться с последствиями неправомерной и несправедливой подмены всеобщей индивидуализации социалистической собственности ее произвольной приватизацией в пользу лишь части общества.

«Фобии» против «принципа полезности», «аморализма бизнеса», конкуренции и т. д. могут быть реально, а не мнимо сняты лишь тогда, когда каждый (а не только некоторые) будет наделен адекватным и действенным механизмом защиты своих интересов в рыночной ситуации и получения своей надлежащей доли от «принципа пользы», бизнеса, конкуренции и т. д. Такой механизм — это индивидуальная собственность на средства производства, поэтому ею должен обладать каждый (гражданская собственность), а не лишь некоторые (частная собственность). В этом - принципиальное отличие цивилизма от капитализма. И социалистическая собственность - тот единственный во всемирной истории тип собственности «всех вместе», который объективно может и должен быть (для дальнейшего развития общества) преобразован в равную гражданскую собственность каждого.

Ссылки же на исторические прецеденты для оправдания приватизации социалистической собственности и т. д. несостоятельны, поскольку игнорируют специфику социалистической собственности и обусловленные этим особенности ее индивидуализации. История и логика развития социализма — в качестве «предполюса консенсуса» - как раз доказывают, что от социализма нет другого пути, кроме как к цивилизму.

В. З. Роговин

...НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕРКИ НА ИСТИННОСТЬ

Сама идея консультативного опроса, предпринятого авторами исследовательского проекта «Этика гражданского общества», мне представляется весьма ценной и своевременной. Столь же плодотворным видится мне и избранный метод опроса, основанный на оценке экспертами предлагаемых им альтернативных суждений. В формулировании этих суждений авторы стремились быть предельно объективными, отразить полярность ценностных позиций, существующих в современном советском обществе. Однако не только в представленных суждениях «рыночников» (что вполне естественно и закономерно), но, как мне кажется, частично и в методологии самих авторов Проекта, прояви-

лись некоторые особенности т. н. «нового мышления», отличительными особенностями которого являются:

а) отвержение классового подхода Единственное суждение, предлагаемое на суд экспертов, которое учитывает само наличие классов: «народная нравственность всегда выражает классовые интересы трудящихся». Во всех остальных суждениях «элиминируется» существование классов и классовой борьбы в современных обществах. Однако ни классы, ни классовая борьба не «отменяются» любыми идеологическими суждениями, хотя бы последние и преподносились под флагом «деидеологизации».

С этой неверной методологической установкой связаны чрезмерные, как мне кажется, надежды авторов опросов на возможности «снятия атмосферы нетерпимости и взаимного раздражения, налаживания диалога противостоящих сторон» в условиях «неизбежной поляризации общества». Предельное обострение в наши дни социальных антагонизмов, накапливавшихся на протяжении десятилетий, делает иллюзорной надежду на социальный (моральный) консенсус между людьми труда, с одной стороны, социальными паразитами, коррумпированными и мафиозными элементами, «перерабатываемыми» в новую советскую плутократию, с другой стороны.

б) нарушение принципов историзма, подмена исторической истины исторической мифологией

Это выражается во взгляде на всю историю советского общества как на прямолинейный процесс, лишенный «перерывов постепенности», попятных движений и т. д. Отсюда - антиисторическое суждение (не «рыночников», а самих авторов Проекта) об «естественном (но безрадостном) итоге семидесятилетнего эксперимента по формированию нового человека».

Конечно, в реальной истории социальный эксперимент никогда не происходит в столь «чистом» виде, как естественнонаучный в кабинете естествоиспытателя. Границы «эксперименту по формированию нового человека» были, к сожалению, положены десятилетиями сталинских репрессий, своим острием направленных именно на тех людей, чей социальный и нравственный облик был сформирован Октябрьской революцией, идеями социализма; затем - деятельностью брежневской мафии по разрушению общественной нравственности, утверждением атмосферы социальной вседозволенности, хищничества и коррупции; наконец, планомерным разрушением социалистических ценностей как в идеологии, так и в социальной практике, происходящим в результате попыток определенных социальных сил осуществить «тихий» социальный переворот (речь идет о событиях последних трех лет).

Авторы Проекта, по-видимому, склоняются к суждениям, сформулированным на «правых» колонках. Такая позиция, разумеется, является их правом. Но в таком случае следовало бы более четко определить существо отстаиваемой ими этической позиции. Впрочем, может быть, определение «новой этики» как теории «общества... свободного антагонизма людей» - это просто опечатка? Если не так, то что подразумевается под странным словообразованием «свободный антагонизм»? Наконец, мне кажется научно несостоятельным противопоставление «идеологизированной морали» и «современной версии общечеловеческой морали». В реальной истории всякая мораль была и остается идеологизированной, а общечеловеческая мораль, как вытекает из суждений самих авторов Проекта, выступает непременно в виде ее определенной социал-исторической версии. На эту версию нередко накладывают ощутимый отпечаток весьма уместно упомянутые в анкете «фурии частного интереса».

Теперь перейду к рассмотрению некоторых суждений, расположенных на «правых колонках», исходя опять-таки из необходимости их проверки на истинность историческим опытом.

1. «Только разгосударствленная и приватизированная (т. е. обретшая конкретного владельца) собственность делает человека независимым... хозяином нельзя командовать». Но разве даже в передовых капиталистических странах устранено социальное деление на собственников (капитала, средств производства) и наемных работников? Что касается мелких собственников, особенно в сельском хозяйстве, то они по-прежнему зависимы от множества конъюнктурных факторов и поэтому в значительной своей части разоряются. Если же дела в современных капиталистических странах идут сегодня лучше, чем в 20-40-е годы, то потому, что государство, профсоюзы и иные социальные институты научились «командовать» крупными собственниками - через забастовочную борьбу, налоговую систему, контроль за доходами, лицензирование и квотирование товаров, предназначенных для экспорта и т. д.

2. «Требования рынка утверждают непреложные нормы честности, порядочности и доверия в качестве обязательных условий эффективности деловых отношений. А это в целом благотворно влияет на состояние нравов во всех сферах жизни». Если бы столь идиллическая картина была характерна для передовых капиталистических стран, то чем объяснить столь высокий уровень преступности, который продолжает сохраняться там в наши дни? Если «пассионариями рынка» ныне являются «отнюдь не мафиози», не «коррупционеры» и т. д., то откуда взялись 300 миллиардов наркодолларов, циркулирующих сегодня на мировом рынке, коррупционные гнойники, вскрываемые время от времени в любой капиталистической стране и т. д.?

Что же касается суждения о конкуренции как «игре по правилам, соблюдение которых бдительно контролируется общественным мнением», то общественное мнение, хотя бы и «бдительное», - слишком непрочная вещь для контроля за таким феноменом, как конкуренция. Этот контроль действительно осуществляется, но опять-таки социальными институтами, обладающими материальной мощью и накладывающими отнюдь не только моральные санкции, - государством и его правовыми учреждениями, профсоюзами, обществами потребителей и т. д.

3. «Инвективы против рынка были бы отчасти справедливы относительно периода первоначального накопления капитала». Но ведь наша страна сейчас вступает именно в «период первоначального накопления капитала», и описанные Марксом проявления «дикого рынка», «дикого капитализма», характерные для этого периода, соответствующие им общественные нравы, как показывает наш каждодневный обыденный опыт, возрождаются сегодня в нашей стране. Соответственно — и идеалом формирующейся советской буржуазии служит, как это всегда бывает в эпохи первоначального капиталистического накопления, не «умеренность и аккуратность», «мелочные расчеты» и т. п., а стремление к извлечению сверхприбылей любыми, в том числе самыми бесчестными, аморальными и противоправными путями.

4. «История же современная показывает, что именно насаждаемое казарменным социализмом «бескорыстие» в первую очередь глушит инициативу, губит душу человеческую, рождая множество форм показного и фальсифицированного, да и просто вынужденного бескорыстия».

В этой фразе много неясного. Непонятно, прежде всего, какие конкретно исторические феномены имеются в виду здесь под бескорыстием: показным,

фальсифицированным, вынужденным и т. д. Зато можно догадаться, что под «казарменным социализмом» имеется в виду вся история нашего общества. Эта история (особенно в ленинский период, в годы Отечественной войны, в годы послесталинской «оттепели») дала немало проявлений подлинного бескорыстия, неотделимого от гражданской инициативы, мужества и самоотверженности. Эти проявления выразительно описаны в романах В. Дудинцева «Не хлебом единым» и «Белые одежды», в произведениях Ю. Германа. К. Симонова, В. Пановой, И. Эренбурга, Н. Думбадзе и других советских писателей (художественная литература - самый надежный источник для характеристики состояния морали и нравов в определенные общественные эпохи). Не менее справедливо и то, что именно бескорыстие терпело поражение в годы сталинизма и застоя, когда свой праздник справляла оголтелая и бесчестная корысть, которая действительно «губит душу человеческую». Соответствующие проявления социального поведения также выразительно описаны в художественной литературе, но уже в 70-80-е годы:

Подпольные миллионеры,
Когда твоей Родине худо,
Являют в брильянтах и нерпах
Свою порнографию духа.

(А. Вознесенский)

Да, им бывает страшно вато,
Но до поры, как грянет суд,
все, что нам дорого и свято,
за деньги купят-продадут.
И ничего как есть задаром.
Вынь да положи! Побольше вынь.
Все стало только лишь товаром
и никаких тебе святынь.
Все продается - честь и званье,
живой талант, научный том
и вдохновенное призванье...
Нет, Ленин думал не о том.

(М. Алигер)

Данные поэтические свидетельства правомерно рассматривать в качестве ценностных суждений о реальном состоянии морали и нравов в наше время, пригодных для оценки экспертами на следующем туре консультативного опроса. С учетом этих суждений можно по достоинству оценить и инвективы против «героического энтузиазма» (который в реальной истории был отнюдь не обязательно «ходульным»), противопоставляемого «значимости повседневного существования, непреложному достоинству частной жизни». В таком противопоставлении схвачена реальная оппозиция таких моральных феноменов, как социальная активность, гражданское мужество, «жизнь для людей» и т. д., с одной стороны, и мещанство, обывательщина (филистерство, бюргерство и т. п.) - с другой.

5. Несколько слов об инвективах по поводу «зависти со стороны ликующей посредственности» и суждений о «равенстве в бедности». Здесь представлены два наиболее любимых «моральных» аргумента «рыночников».

Сознательное смешение социального протеста против несправедливости с завистью, да еще со стороны презируемой и унижаемой «посредственности», всегда представляло идеологическую уловку выразителей интересов имущих классов в их борьбе с обездоленными слоями общества. Что же касается «равенства в бедности», то общества, основанного на таких принципах, никогда не существовало в истории. Злостной исторической фальсификацией является попытка охарактеризовать этим словосочетанием советское общество периодов сталинизма и застоя, которые в действительности представляли периоды глубочайшей социальной поляризации, освящаемой сталинистскими тезисами о несовместимости социализма с «левацкой уравниловкой». Фальсификация истории и социальная демагогия - антиподы моральности и научной честности - всегда служат нечистым целям, попыткам морально оправдать то, что ни общечеловеческой, ни классовой (народной, трудовой, пролетарской) моралью оправдано быть не может.

Ю. Б. Рюриков

«ПАРАДОКС БУДДЫ»

1. Согласие (консенсус) - главный рычаг спасения

Сосредоточусь на 3-м этапе консультации, т. к. мой подход может дать дополнительный фундамент для диалога.

Согласен с главным практическим выводом проекта: выйти из теперешнего тотального кризиса можно только через согласие-консенсус. Главный, по-моему, принцип такого согласия открыл еще Будда: **«Настоящая победа, - говорил он, - та, когда никто не проигрывает и выигрывают обе стороны».**

Этот глубочайший «парадокс Будды» - вершина гуманизма в подходе к борьбе интересов, высший, по-моему, метод разрешения всех противоречий - высший и по своей нравственной сути, и по своей практической пользе.

Для прошлого - и для настоящего - этот принцип во многом утопичен; на самом деле действенным он станет, видимо, только в благоприятном будущем, если в жизни человечества воцарятся законы сотрудничества, а не борьбы и вражды.

Но чтобы попасть в гуманное будущее, конфликты настоящего надо решать методами такого будущего. Это, по-моему, ключевой закон социальной жизни, генеральный способ построения человеческого общества.

Этого закона, кстати, не увидел марксизм-ленинизм. Он пытался достичь гуманных целей будущего антигуманными методами прошлого - методами вражды и насилия - не содружеством социальных сил, не их совместной победой, а победой одних над другими. Эти агрессивные методы в корне противоречат природе человека, главным законам его психологии и нравственности. Они превратили в свою противоположность цели марксизма и стали генеральной причиной нашего социального краха.

И сегодня, в дни галопирующего обострения кризиса, спасти нас от гибели может, по-моему, только всеобщее согласие-консенсус - авральное участие в спасении всех социальных сил. Мне кажется, метод согласия - обоюдной победы - стоило бы как можно скорее сделать главным методом разрешения хотя бы главных противоречий.

2. Два рынка или два лика рынка

Но можно ли найти общую платформу для двух несовместимых подходов - врагов и друзей рынка? По-моему, можно, если помнить простейшую истину: нет одного рынка, а есть, как минимум, два вида рынка - условно говоря, низший и высший.

Низший рынок - дикий, стоящий на эгоизме, соперничестве, классовой вражде изготовителей и потребителей. Это рынок первого этапа, буржуазный, который царил до начала XX века.

Сегодняшний рынок - цивилизованный, он стоит на сплаве соперничества и сотрудничества, на классовом мире и согласии, на благоприятствовании социально сильным и защите социально слабых. Этот рынок вырос из начального, варварского, он уравнивал его изъяны противоположными достоинствами - и переродил его в новый социальный механизм.

Учитывая, что существуют два эти рынка, можно сказать, что и рынофобы и рынофилы по-своему правы. Рынофобы видят рынок таким, каким он был поначалу, и они верно говорят о диком, эгоистическом рынке - таком, какой сейчас может рождаться у нас. Рынофилы верно говорят о современном рынке - таком, каким он стал на Западе и должен в итоге быть у нас.

Каждая из этих позиций настолько же верна, насколько односторонняя: рынофобы видят только нравственные минусы рынка, рынофилы - в основном нравственные плюсы. Но именно из-за своей односторонности обе эти позиции могут совместиться в двуединый и верный подход.

Суть этого подхода: плюсы рынка можно по-настоящему развивать, только нейтрализуя его минусы. Здесь, по-моему, и лежит практическая основа для союза двух позиций.

3. Рынок и общество

У такого союза есть и другие основы - тактические и стратегические.

Чтобы понять, каким будет у нас рынок, надо вспомнить еще одну азбучную социологическую истину. Общество порождает рынок как свое дитя, и потому такое общество - такой и рынок.

Но рынок двояк и в этом измерении: он экономическое дитя предыдущего состояния общества и экономический отец последующего состояния. Рожденный по образу и подобию общества, он меняет его по своему образу и подобию. А потому какой рынок - такое и общество.

Очевидно, рынок у нас пройдет две ступени в своем развитии - дикую и цивилизованную. Но первую ступень он может пройти спринтерски, убыстренно - если общество будет помогать этому. Среди социальных законов есть закон ускоренного развития: страны, которые с опозданием вступают на пройденный другими путь, могут пробежать его «со скоростью чуда», но повторяя все ступени на этом пути. По такому закону развивалась Россия перед первой мировой войной, а в наше время все страны «экономического чуда» - от Германии и Японии до Южной Кореи и Гонконга.

Каким будет рождаться рынок у нас? Наш этатизм - сверхмонополия государства - был построен на отчуждении и подавлении личности. Он угнетал в людях лучшие свойства и растил худшие - таким было его нравственное влияние. В большинстве из нас этатизм культивировал рабскую пассивность или агрессивную, эгоистическую активность - заячью или волчью душу.

Поэтому можно с уверенностью предположить, что большинство нынешних людей - психологически пассивные, ведомые, а среди психологически ак-

тивных людей больше всего малонравственных я-центристов и прагматиков. Они и будут преобладать среди основателей рынка, и они станут строить его на принципах ближайшей и максимальной для них пользы. Взрыв безнравственности в дебюте рынка неизбежен, и именно поэтому надо собирать все нравственные силы общества, чтобы ослаблять такой взрыв.

В поиске лекарств против детских болезней рынка большую роль могли бы сыграть именно враги рынка - но в союзе с друзьями. Им, настроенным на минусы рынка, проще отыскивать лекарства от этих минусов, - но опять-таки с помощью тех, кто видит плюсы рынка.

Отсюда **практическое предложение**: провести мозговой штурм (или серию штурмов) на тему «Детские болезни рынка и лекарства от них». Участники такого штурма - враги эгоистического рынка и друзья цивилизованного, прежде всего те, кто готов слушать других.

4. Рынок и другие области общества

Но чтобы такой штурм был успешным, придется преодолеть царящее у нас резко упрощенное понимание и самого рынка, и его роли для общества. Такое понимание отпечаталось уже в самом именовании того, что нам нужно, термином «рыночное общество» (так, кстати, называют его и авторы Проекта). Термин этот азбучно неточен, в нем есть, как минимум, две неправды.

Во-первых, существуют разные рынки, и поэтому разные «рыночные общества». Во-вторых, неверно, по-моему, давать обществу название по одной его части. Рынок - очень важная, но не главная для общества область жизни. Рынок для общества - Как руки для человека: без него человек «как без рук», но ведь правит-то руками мозг, вернее - душа, разум, психика.

И обществом должны править не руки, а мозг, душа, дух - высшие общечеловеческие ценности, высшие двигатели человека как родового существа. И называть общество стоило бы не по одной его части, да еще не главной, а по «совокупности» таких частей - или по характеру общества, по его качеству.

То есть не рыночное общество мы хотим создать, а «человечное» - построенное не на борьбе социальных групп, а на их тяге к обоюдной победе, на содействии лучшим сторонам человека и противодействии худшим. Рынок - лишь экономический механизм этого общества, к тому же преходящий.

5. Базис, надстройка и природа человека

Склонность называть общество по его экономике, видимо, рождена двумя причинами: во-первых, вульгарным пониманием базиса и надстройки, во-вторых (и в главных), до-психологическим подходом к человеку, который царит в обществоведении, разительным непониманием природы человека, иерархии его движущих сил.

Для нынешнего обществоведения базис (т. е. экономические, производственные отношения людей) - это основа общества, а все остальные отношения людей (политические, юридические, семейные, воспитательно-образовательные и т. д.) - надстройка над этим базисом, и он управляет ею, как офицер солдатом.

Это «монополистическое», досистемное понимание двигателей общества, оно возводит в сан бесконкурентного двигателя один вид человеческих отношений, а все другие отношения делает его подданными, несамостоятельными, пассивно зависящими от него. На таком понимании общества строилось очень многое в послемарксовом марксизме, особенно советском.

Возможно, впрочем, что в буржуазное время строение общества подчинялось диктату одного из его двигателей, но, видимо, такой диктат - не вечный закон общественного устройства.

В пирамиде человеческих отношений экономические связи занимают хотя и базовое, но низшее место. Как известно, есть три вида человеческих потребностей - потребности сохранения, развития, самовыявления.

Экономические отношения - отношения в производстве и распределении вещей и продуктов - строятся как раз вокруг наших потребностей сохранения, первичных, но до-духовных. И когда они правят структурой общества, это выдает его уровень - уровень главенства до-личностных, полубиологических потребностей.

В наше время как раз и начался переход от общества потребностей сохранения к обществу потребностей развития и самовыявления. Это будет переход от до-личностного общества к личностному, от до-творческого - к творческому. Основой такого общества станут не экономические, а более высокие связи людей - их духовнопсихологические и нравственные отношения, их связи в духовном производстве, которое будет решительно главенствовать над материальным.

Что касается человека, то у Маркса есть формула, которая выражает саму суть марксистского подхода к человеку: человек есть продукт общественных отношений и собственной деятельности.

Здесь хорошо схвачены два из трех скульпторов человека: общественные отношения, которые его творят (т. е. не только экономические, но и все остальные - политические, юридические, нравственные, воспитательно-образовательные и т. п.), и личная деятельность человека, его собственная активность, которая может быть в унисоне или в диссонансе с общественными отношениями.

Но в этой формуле нет самого глубокого скульптора человека - **родовой человеческой природы**, наших общечеловеческих двигателей: надклассовых и наднациональных, которые правят всеми людьми и лепят их вместе с другими скульпторами.

Поэтому гораздо точнее была бы четырехзвенная формула, социальная и психологическая сразу: человек есть продукт **своей родовой психобиологии, общественных и личных отношений и собственной деятельности**. Из четырех этих двигателей и состоит, по-моему, система моторов, движущих человеком.

К сожалению, марксизм рожден в лоне допсихологической цивилизации, и его непсихологизм не дает ему выйти за ее пределы. А ведь именно в том, соответствует или не соответствует человеческой природе все устройство нашей жизни, и лежит сегодня главный источник верного понимания человека. Именно здесь, видимо, будет рождаться и кардинально новое понимание общества, и совершенно новые ключи к будущему человечества, к переустройству всех устоев цивилизации.

6. От цивилизации-хищника к человеческой цивилизации

Нынешняя урбанистически-индустриальная цивилизация - цивилизация-хищник, она стоит на двойном разладе - с природой земли и с природой человека. Все устои этой цивилизации построены на отчуждении личности, на отношении к человеку как к типовому существу, а к природе - как к скоплению полезных собираемых и ископаемых.

Это касается и нынешнего отходного производства, и дробного разделения труда, и города-мегаполиса: человек в их системе - не родовое существо, не личность, а частичная типовая фигура, носитель роли - безликий производитель и потребитель, придаток машины, в том числе социальной, жилец, пассажир, покупатель...

Это касается и сверххищнического устройства человеческих отношений, которые основаны на социальной, национальной и психологической розни. «Сверх» - потому, что хищники не едят особей своего вида, а у людей внутричеловеческая вражда составляет саму ткань жизни и только сейчас начинает осознаваться как вещь, абсолютно враждебная природе человека.

Все устои нынешней урбанистически-индустриальной цивилизации ведут нас к нравственному расчеловечиванию и экономической гибели, и чтобы спасти, человечеству нужен авральный и «всеустойный» переворот - авральное создание новых устоев новой цивилизации.

Подготовительные шаги этого скачка уже начались, и, возможно, он будет таким же гигантским, как переход от животного мира к человеческому. Ядром этого скачка станет всеобъемлющая научно-психологическая революция - переделка всей ткани человеческой жизни, перевод ее с рельсов разлада с законами природы и человеческой природы на рельсы согласия с этими законами, соответствия с человеческой психологией.

Это будет цивилизация, в которой нравственность из «надстройки» делается основой «базиса». Как сок, который пропитывает дерево от корней до листьев, нравственность будет пропитывать все клетки социального организма. Но чтобы создавать такую цивилизацию, надо, видимо, решать сегодняшние конфликты завтрашними методами (конечно, - чтобы не стать утопистами - в сплаве с сегодняшними методами, но как подсобными)¹.

7. Фундамент согласия

Мне кажется, такое понимание современности может стать главным фундаментом для согласия рыночников и антирыночников. Оно вбирает в себя интересы тех и других, ведет их к общей победе, а не к победе одних и поражению других.

Очень важно, что разведочному движению в эту сторону явно помогает рыночная экономика. Развитые страны Запада - в том числе восточного Запада - куда успешнее нас ищут и экологические дороги к «постиндустриальному обществу», и лекарства, смягчающие тяготы урбанизации.

Став на этот путь, антирыночники смогут добиваться подъема человеческой нравственности - после ее начального упадка. Рыночники получают шансы - тоже после упадка - на подъем всех сторон жизни: экономической, политической, социальной. И те, и другие сумеют на этом пути помочь выздоровлению семьи, углублению культуры, подъему воспитания, образования, очеловечиванию всех человеческих отношений.

Стратегический фундамент, о котором я говорю, явно может усилить те тактические подходы, которые изложены авторами Проекта. Веские сами по себе, они обретут дополнительную силу, если мы увидим их как ступени к «послерыночному», глубоко нравственному обществу.

¹ Более или менее подробно обо всем этом можно прочесть в моей книге «Мед и яд любви» (М., 1989), в статьях, опубликованных в ж. «Вопросы философии», 1986, № 9, в сб. «Самотлорский практикум-2» (М., Тюмень, 1988) и в ж. «Таллинн», 1990, № 6.

СВОБОДА И НЕСВОБОДА РЫНКА

Первый этап

а). Представленный перечень ценностных суждений является достаточно полным и отражает реальную поляризацию позиций в нашем обществе. Тем не менее, работа по выявлению новых антиномических суждений может быть продолжена. Нужно искать иные основания и сферы поляризации позиций. Например, несомненно, существуют противоположные суждения относительно общественного идеала. Рынокфобам по душе общество, ориентированное на социальную цель. Им свойственны также имперские привычки, стремление сохранить великую державу. Свое человеческое достоинство они связывают как раз с фактом принадлежности к могучему государству и приобщенности к великой социальной цели. Рынокфилам больше соответствует идеал общества, ориентированного на развитие личности. Они спокойно относятся к возможности распада Союза. Свобода личности и свобода народа для них - понятия одного порядка. Чувство реализованной свободы служит для них основанием их человеческого достоинства. Учитывая тот факт, что долгое время у нас господствовала первая ориентация, имеющая давнюю традицию в русской (советской) истории и культуре, вокруг проблемы общественного идеала следует ожидать серьезные и драматические коллизии. Отчасти мы уже являемся свидетелями таких столкновений в наших парламентах: Важно подчеркнуть, что это прежде всего - моральный конфликт, а затем только политический. Здесь мы имеем дело со столкновением двух нравственных систем - корпоративной (гетерономной) и автономной.

б). По отношению друг к другу эти ценностные суждения имеют примерно одинаковую силу. Критический же анализ каждого из них в отдельности способен выявить их сомнительность ли, ущербность ли, необоснованность ли и т. п. Если ответить на этот вопрос в общей форме, то следует сказать, что аргументы «фобов» главным образом исходят из догм и стереотипов нашей недавней идеологии. Основной недостаток противоположных суждений заключается в том, что они относятся к реально функционирующей рыночной экономике в развитых странах. Едва ли они будут звучать убедительно при переходе к рыночным отношениям в нашем обществе. Этот период будет трудным и болезненным. В этом и заключается его драматизм. Нелегко предсказать, как он будет преодолен и будет ли преодолен вообще. «Рынокфобы» и «рынокфилы» характеризуют крайние позиции, и, как знать, не сойдутся ли эти крайности в какой-то точке реформирования нашей экономики с ее проблемами и неизбежными издержками, конфликтами, причем на почве «фобов», а не «филов», ибо трудности ударят по тем и другим. Судьба реформ будет зависеть от того, насколько велика прослойка реалистов, занимающих промежуточную позицию между этими крайностями.

в). Еще совсем недавно можно было с абсолютной уверенностью сказать, что наиболее острый нравственный конфликт разворачивается по поводу частной собственности. Сейчас общественное мнение постепенно адаптируется к самому этому термину. Он уже не шокирует многих, как это было прежде. Число сторонников же увеличивается. Думается, что противников частной собственности становится меньше. Ареной самых острых конфликтов скорее всего в ближайшее время станет вопрос социальной справедливости, столкновение

концепций «уравнивающей справедливости» и «воздающей справедливости». Принцип свободы и принцип равенства будут противостоять друг другу, принимая порой форму трагических конфликтов.

г). По мировоззренческим основаниям я классифицировал бы «рынкофобов» на следующие группы:

1. «Теоретики-антитоварники», опирающиеся на классический марксизм и ленинизм донэповского периода. В основе - представления о социализме как безрыночном, бестоварном строе, социально справедливом обществе.

2. «Гуманисты» - люди, выступающие против рыночных отношений из-за мотивов сострадания к судьбе обездоленных слоев населения, которых ожидают, по их мнению, страшные времена. Объективно их позиция, как и первой группы, солидаризируется с интересами бюрократии, ибо забота об обездоленных связывается ими с принципами справедливого распределения, а не эффективной экономики. Распределяют же, как известно, чиновники, и надеяться на гуманность по отношению к социально не защищенным слоям с их стороны, по меньшей мере, наивно.

3. «Маргиналы» - люмпенизированные слои населения, развращенные безответственностью прежней системы. Свобода рынка их пугает именно бременем ответственности, риска и кропотливой работы.

«Рынкофилы» в свою очередь подразделяются на:

1. «Теоретиков-товарников» - широкообразованных людей, понимающих, что нет разумной альтернативы рыночным отношениям. Ими по большей части руководят чувства ответственности и долга перед страной, беспокойства за ее будущее. Им дороже судьба конкретных людей, нежели абстрактных принципов.

2. «Либералов» - представителей интеллигенции, свободных профессий, связывающих с рыночными отношениями более широкие возможности для творчества, самореализации себя как личности.

3. «Прагматиков» - деловых людей с творческой жилкой, энергией и инициативой и жадой достижения жизненного успеха.

Второй этап

Представленная классификация конфликтов меня вполне устраивает. Я хотел бы акцентировать внимание на этнонациональной стороне дела. Драматизм и в какой-то мере неопределенность последствий перехода к рынку, на мой взгляд, в значительной степени связаны с ментальностью советского (русского) человека. У нас, к сожалению, есть «дурная наследственность» по отношению к рынку. Имеются глубокие исторические и психологические корни, препятствующие не столько вербальному, умозрительному принятию рынка и частной собственности, сколько их практическому освоению и обживанию. Религиозные основы нашей жизни (понимаемые не в узкобогословском смысле, а в широком - духовном) - не очень хороший базис для реформирования экономики на рыночных принципах. Любая общественная реформа обречена на успех лишь в том случае, если она изначально получила мощное идейно-нравственное обоснование, если она вошла в смысложизненные структуры сознания людей, стала путеводной звездой, главным жизненным мотивом жизнедеятельности индивида и общества. Важно наличие ВЕРЫ. Причем не столько веры в конечный успех, что тоже немаловажно, сколько веры в праведность, моральность проводимых реформ. Зарождению капитализма, с которым ассоциируется развитый рынок, в свое время предшествовали религиоз-

ные реформы в Западной Европе. Не только в протестантизме, но и в католицизме (практика индульгенций, например) стимулировалась, религиозно освящалась ориентация на достижение материального успеха, на уважение к частной собственности и богатству. К сожалению, наши нынешние экономические реформы не опираются на сколько-нибудь убедительную, привлекательную моральную и мировоззренческую идею, способную мобилизовать людей на активное претворение реформ в жизнь. Если учесть тот факт, что в нашем сознании глубоко сидит негативное отношение к богатству другого человека, размытое, лишенное четких очертаний, представление о собственности, берущее начало от монашески православного принципа «бедность - не порок» и закрепленное нашим воспитанием в советское время, то можно представить, какие трудности нас ожидают на пути экономических реформ. Надо быть готовыми не только к драматическим нравственным коллизиям, но и к социальным потрясениям. Неуважительное отношение к собственности, зависть и ненависть к богатому соседу, укорененные в массовом сознании, потребуют от общества и государственных институтов колоссальных усилий для осуществления социальных программ, сглаживающих неизбежную при рыночных отношениях дифференциацию в доходах особенно близко работающих и живущих людей (!), ужесточения ответственности за преступления против собственности граждан и перестройки всей системы воспитания и образования.

Третий этап

К предлагаемым авторами Проекта подходам к достижению консенсуса между сторонниками и противниками рыночных отношений у меня есть одно замечание. Оно сводится к тому, что достижение консенсуса по сути дела связывается с односторонними уступками со стороны «рынкофобов». Таким образом авторы Проекта со всей очевидностью становятся на позицию противоположной стороны. Мне кажется, здесь консультантам следует придерживаться нейтрального (хотя бы внешне) положения и корректировать как ту, так и другую позицию. Некритическое, идеализированное представление о рынке, столь же опасно, сколь и категорическое отрицание его. Мы живем в нецивилизованном обществе, и рынок у нас какое-то время тоже будет нецивилизованным, а следовательно, будет быстро разрушать все мифы и иллюзии, которые с ним связывались. «Рыночные идеалисты» при первом столкновении с трудностями перехода к рынку могут быстро разочароваться в нем и из горячих сторонников его превратиться в столь же ярких противников.

Теперь немного рассуждений относительно достижения консенсуса в наших условиях в самой общей форме. Мне кажется, основанием для этого может быть только культура. Причем культура национальная. В русской национальной культуре, созданной в прошлом столетии, были сформулированы основные идеи, которые в принципе могут служить примиряющей основой для различных противоположных позиций. Возьмем для примера понятие соборности. Оно означает и особое качество человеческого общежития, и особое качество человеческого сознания. В нем выражен идеал духовно организованный на христианских принципах жизни людей, где интересы коллективные, общие и интересы личные, индивидуальные одинаково важны и уважаются. В понятии соборности органически сплелись коллективистские (коммьюнотарные - по Н. А. Бердяеву) устремления русского человека и уважение к личности, ее достоинству и свободе. Если обратиться к отечественной истории, то можно обнаружить прообразы соборного сознания, например, в купеческом честном слове и

пожертвованиях того же купца на благотворительные цели, на постройку храмов и т. п. В соборном сознании достигается синтез индивидуального, общественного и божественного (космического) в человеке. Через приобщение к культуре во всем ее богатстве, включая религию, прежде всего, в человеке формируется национальное самосознание, а не этническое, склонное как раз к национализму. Мне кажется, что, если начнется процесс перехода к рынку, то он сам в какой-то мере будет подталкивать людей к национальной культуре, к фундаментальным духовным ценностям. Дело в том, что рынок - таковы его свойства - на первых порах дифференцирует людей, разделяет их. С ним неизбежны будут личные страдания (к коллективным, всеобщим бедствиям мы давно привыкли и смирились с ними). Эти страдания не могут не углублять личность. Не случайно Достоевский в «Записках из подполья» говорил, что единственная и подлинная основа познания - это человеческое страдание. Думаю, что на этой почве у нас будет усиливаться религиозность и уже не как мода, а как глубокая потребность личности в духовном. И слава богу. В религиозной Польше, наверное, меньше проблем с переходом к рынку, чем в атеистическом Советском Союзе. Идея равенства человека перед богом нравственно конструктивнее идеи социального равенства. Разница между христианством и социализмом, по Вл. Соловьеву, в том, что «христианство требует отдавать свое, а социализм требует брать чужое».

Итак, если смотреть на проблему консенсуса между «рынкофобами» и «рынкофилами» с позиций большого исторического масштаба, то он может быть достигнут в нашем обществе на основе:

1. Общациональных интересов. Можно примирить тех, кто ратует за сохранение верности идеалам социализма, и тех, кто борется за свободу и права личности, только на понимании одинаковой значимости для тех и других судьбы России.

2. Национальной культуры. О чем я говорил ранее.

В. Н. Сагатовский

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ?

В чем суть проблемы?

Сознание на уровне моды живет по принципу маятника: из одной крайности в другую. Достоин ли такой тип поведения ученых мужей? Почему мы сначала принимаем неинтервализированные догмы (берем модели без анализа сферы их адекватной применимости), потом торопимся извлечь из них прикладные выводы, потом заходим (и заводим!) в тупик, потом начинаем от противоположного, но по тому же алгоритму? Давно ли мы выводили профессиональную этику из «развитого социализма», теперь будем это делать из «гражданского общества»? Я думаю, что ни модель общественно-экономической формации, ни модель гражданского общества не покрывают общества в целом. Чтобы в той или иной сфере общественной жизни была здоровая мораль, она должна быть таковой в обществе в целом. Этика должна сначала понять, к чему мы стремимся в «перестройке», что мы считаем нормальным и достойным, что необходимо (если еще возможно...) возродить, какой должна быть мораль человеческой общности. Если мы сумеем на этом уровне рас-

чистить авгиевы конюшни вульгарного материализма, социологической редукции и функционализма, то аспекты гражданского общества, предпринимательской этики и т. д. станут на свои места почти сами собой. Разве Кальвин учил этике менеджеризма? А какая этика возникла из общих основ пуританства! Или мы ставим перед собой задачи на уровне Д. Карнеги? Но тогда причем тут этика? Иными словами, не имея аксиологического гештальта, эксперт-гуманитарий пойдет на поводу модных штампов эмпирии. Чтобы разобраться в ней, нужен масштаб оценки, нужна своя модель и рефлексия по поводу пределов ее применимости. Субъективизм, конечно, неизбежен. Но когда он дает о себе знать системно и по возможности отрефлектирован, то и преодолеть его - другому эксперту - легче.

Итак, я хотел бы поместить и «этику гражданского общества», и спор «рынкофобов» и «рынкофилов» в контекст целостной человеческой общности и адекватной ей морали. Если предельно кратко охарактеризовать принимаемый мной идеал, то это — общество доброжелательных уступок, обеспечивающих оптимальное соотношение (развивающуюся гармонию) солидарности, полифоничности (свободного развития индивидуальностей) и соборности (органического единства на основе «правды отношений», превалирующей над «борьбой интересов»).

Постараюсь показать, что автоматически зачислившие меня после этой тирады в левый (на уровне моды - правый) столбец, т. е. к рынкофобам, ошибаются. Не торопитесь включать маятник!

Разговор «мимо»

Рынкофобы и рынкофилы произносят свои монологи мимо внимания и понимания друг друга. Они говорят о разных вещах, в чем-то правы и не правы и те и другие. Прежде чем выявить плюсы и минусы обеих позиций, попробуем отрефлектировать сами позиции: о чем идет речь, о каких предметах? Рынкофобы обсуждают и осуждают рынок с позиций морали, не являющейся функцией утилитарной деятельности, дают аксиологический портрет «героя рынка», уже выходя за рамки этики, предлагают социально-политические оценки и рекомендации относительно рыночной экономики; отрицая утилитарную мораль рынка, тут же признают классовый характер морали.

Очень это разные рынкофобы, и уровень критики рынка очень разный.

Рынкофилы вообще плохо представляют себе, что такое мораль. Добро должно быть полезным, не глушить инициативу. Морализация утопична, хандульна, а мы хотим хорошо жить сейчас, и никто не придумал стимула лучше, чем личный интерес. Частная собственность моральна, ибо обеспечивает достоинство человека: «хозяином нельзя командовать». Мораль должна реабилитировать прибыль и предприимчивость. Одним словом, рынок и мораль могут быть полезны друг другу.

Очень похожа «рынкофилия» на марксизм, только с обратным знаком: марксизм хотел повенчать мораль с общественной собственностью и пролетариатом, рынкофилы - с частной собственностью и предпринимателями. Морали от этого не легче: она редуцируется к социальной полезности.

Теперь проведем две последующие операции: сначала отсечем явно ошибочные и неприемлемые (разумеется, с моей точки зрения) утверждения обеих сторон, а затем из оставшегося материала попробуем реконструировать возможный конструктивный диалог.

Отсечение лишнего

Рынкофобы. Моральная подозрительность к частной собственности и «оправдание» ее стеснения несостоятельны. Конечно, любая форма собственности имеет свои плюсы и минусы, но значимость частной собственности как начала, делающего человека более ответственным, инициативным и заботливым, была прекрасно показана еще Вл. Соловьевым в «Оправдании добра». Абсолютное противопоставление предпринимателя как хищника «простому труженику», отождествление «народной нравственности» с «классовыми интересами трудящихся», противопоставление прибыли, которую «гребут», и зарплаты, на которую «живут честно», - все это результат недооценки частного интереса как стимула организационного (а не только исполнительского, физического труда) аспекта деятельности и выражение позиций зависти и уравниловки.

Какие социальные слои, какая психология стоит за такими взглядами? Это люди неквалифицированного труда с психологией маргиналов-завистников, они не готовы к свободной конкуренции, боятся ее и пытаются «морально» оправдать свою слабость и завистливость.

Рынкофилы. Некорректно утверждать абсолютное благо современного рынка на основании несостоятельности «бескорыстия» казарменного социализма: из того, что «у нас» плохо, никак не следует, что «там» все прекрасно. Из полезности личного интереса не следует, что противоречие между идеалом и интересом лишь «кажущееся»: экономическая польза может и не покрывать моральный ущерб. Утверждение, что «индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и «сотрудничество», относится к числу благих пожеланий и надежд на «разумный эгоизм», утилитарную этику, несостоятельность которой столь же убедительно показана историей, как и уравнилельных «идеалов». Точно так же трудно поверить под «честное слово», что «пассионарии рынка» - «отнюдь не мафиози». Где у нас «честные купцы» (я не исключаю наличие таковых, но, во-первых, есть и другие в любой рыночной ситуации, а, во-вторых, в нашей конкретной ситуации именно эти другие задают тон)?

За этими взглядами стоят либо люди, которые видят преимущества рынка и не хотят (психологически) видеть его минусы (обратное движение маятника), либо адвокаты, желающие «отличиться» и занять официальное престижное положение в теневой экономике.

Заключая, я бы сказал так: маргиналы порождают две крайности - завистливых уравнилелей («грабь награбленное!») и грабителей. Эти крайности чреватые вечным воспроизведением своего конфликта: одни готовы наживаться любым способом, другие - любым путем экспроприировать и заниматься уравнилельным распределением. В обоих случаях «моральное оправдание» может иметь лишь демагогический характер.

Реконструкция возможного диалога

Устранив неприемлемые элементы рынкофобии и рынкофилии, мы получаем возможность смягчить противоположности и обозначить участников диалога как «Моралиста» (ревнителя интересов нравственности, духовности) и «Экономиста» (ревнителя интересов экономики).

Моралист: Рыночная экономика руководствуется принципом выгоды, максимизации прибыли. Но то, что невыгодно, может оказаться очень ценным:

фундаментальная наука, большое (некоммерческое!) искусство, отношения, стимулируемые доброжелательностью, деятельность во имя долга. Не рискуем ли мы в угоду функциональному и временному погубить вечное, подлинно человеческое? Не означает ли рынок безудержное торжество кота Матроскина и полную ненужность кота Леопольда?

Экономист: Но, во-первых, ваши высокие идеалы недостижимы, если подавлен основной двигатель прогресса - частный интерес. Богатый человек - добрый человек; бедный - завистлив, неинициативен, склонен к уравниловке. Успех и обеспеченность создают базу для достоинства: хозяином нельзя командовать. Во-вторых, сила общественного мнения, необходимость «игры по правилам», наконец, здравый смысл обеспечат честный характер конкуренции и морально-психологическую компенсацию для погашения отрицательных последствий рыночного функционализма.

М.: Думаю, что Вы тут смешиваете разные вещи. Богатство и бедность сами по себе не являются гарантами ни достоинств, ни пороков в духовном измерении. Я не отрицаю экономической рациональности рыночной конкуренции (в определенных, разумеется, границах, которые ставит сама экономика, право и моральные традиции). Хозяин рачительнее и производительнее. Но гарантирует ли это само по себе нравственность? Нравственно быть добрым и честным хозяином: не только реализовать свою волю к власти и комфорту, но не шагать по головам, совершенствоваться, а не расхищать природу (С. Н. Булгаков называл это **софийностью** в ведении хозяйства). Хозяин может быть нравственным, но достаточно ли экономической самостоятельности и процветания, чтобы стать таковым? Тем более в нашем обществе, где мораль почти на нуле? Не отрицаю я и вклад общественного мнения, демократических традиций, добрых обычаев и т. д. в смягчение рыночной конкуренции. Но есть ведь и злая воля, и «правила зла», и реальное отсутствие добрых традиций, и базарный характер самого общественного мнения (охлократия). Что переборет? Даже развитые страны с вековыми устоями не могут справиться с мафией. И, наконец, не оскорбительно ли довольствоваться лишь компенсацией «убогим» (пусть талантливый, тонкий, но не склонным к рыночным играм)? Не приведет ли это к торжеству коммерческой массовой культуры и к существованию нравственности лишь в меценатских заповедниках?

Э.: А что Вы хотите? Жизнь нельзя подчинить утопическим идеалам. Моральность рынка в справедливом воздаянии инициативе, в одобрении законного приобретения богатства, в осуждении завистливой посредственности и бюрократических препон. Конечно, и социальная защита нужна - и бедности, и культуре вообще. Чего же больше? Нельзя же подчинить общим рассуждениям о человеке как самоцели реальные целесредственные отношения в деловой практике. Ведь это будет мешать Прогрессу.

М.: Боюсь, что Вы все же смешиваете правовые гарантии и положительные оценки деловитости с моралью. Подлинная же мораль - бескорыстное принятие Другого как самоценности и способность к добровольному, не мотивированному внешней необходимостью самоограничению - для Вас экзотический цветок, который, может быть, и следует занести в Красную книгу, но ведь нельзя же всерьез поставить его рядом с Делом, тем более выше его.

Э.: Вы правы. Сначала надо накормить людей и обеспечить их реальные права и свободы. Вы же толкуете о чем-то, может быть, и возвышенном, но очень абстрактном.

М.: Нет! Все три задачи - экономическую, политическую и духовно-нрав-

ственную - надо, во-первых, решать одновременно, а во-вторых, во главу угла - в смысле определения Храма (идеала) и пути к нему - надо, конечно же, поставить третью задачу, а две первых - рассматривать как средства, «приводные ремни». Давайте уважать друг друга. Без рынка и частного интереса мы не проживем. Но только разумная политика может придать их развитию направление, где интересы народа будут выше интересов «героев рынка» (подразумевается не администрирование, но экономические меры - налогообложение, инвестиции и т. д., и защита национальной экономики на международном уровне). В свою очередь и политика, и экономика могут преодолеть свою неизбежную функциональную ограниченность только через атмосферу софийности, сообщаемую им высшими духовными, в том числе нравственными, ценностями. Без этого не было, нет, и не будет великих культур. Без Возрождения и Реформации не было бы индустриального общества в Западной Европе. И у нас, если мы не смирились с превращением в совокупность разрозненных стран на уровне третьего мира, не может быть иначе. А Вы говорите «абстракция»!

Э.: Согласен с призывом уважать друг друга, хотя порой мне трудно понять ваш подход. Попробуем работать вместе на базе здоровой экономики, может быть, дойдем и до консенсуса.

М.: Попробуем понять, что здоровый дух столь же необходим обществу, как и здоровая экономика. Тогда именно консенсус и будет естественным следствием конкуренции в условиях солидарности, а не солидарности как правового момента конкуренции.

Экспертиза классификации нравственных конфликтов при переходе к рыночной экономике.

Сохранив общую формулировку 1-го и 3-го типов (конфликт моральных традиций и моральных инноваций; конфликт между 1-ми 2-м типами, помещенными в контекст этнонациональных и иных особенностей), я изменил бы формулировку 2-го типа и поместил бы его на первое место. Ведь внутренняя несбалансированность есть следствие конфликта ценностей, иницируемых рынком, с другими этапами развития форм отчуждения и их нравственной оценки в истории человечества.

В самом деле, «рыночный» этап - это культура индустриального общества, вступающая в конфликты с до-индустриальным и постиндустриальным обществом. На это уже наслаиваются особенности истории советского периода и региональные особенности (России, Средней Азии и т. д). Плюс к этому надо ввести еще 4-й тип: конфликты с учетом особенностей международной обстановки, в которой совершается у нас переход к «нормальной» рыночной форме индустриального общества.

Итак: 1). Общий конфликт индустриального общества в контексте истории; 2). Модификации этого конфликта в условиях советской предыстории; 3). Его модификация в условиях нынешней международной ситуации¹; 4). Модификации конфликта применительно к особенностям культурных регионов.

¹ Под учетом международной ситуации имеется в виду анализ отношения к нашей ситуации со стороны различных сил и регионов современного мира, приемлемость тех или иных видов помощи, уступок, соотношение экономических интересов с политическими, моральными и т.д.

О путях консенсуса (анализ предложенных вариантов)

1). **К фобии «принципа полезности».** Вариант представляется неудовлетворительным.

а). В багаже морального оправдания рынка - не аморализм; его аргументы просто **вне** сферы этики, ибо добро для них - одна из функций полезности, а не самоценность;

б). Ставить в один ряд утилитаризм и персонализм некорректно, ибо они суть противоположности. Противники редукции морали к пользе полны почтения к персонализму (если они знают, что это такое);

в). Что такое этика пользы? Что-то вроде праксиологии любви?

На такой основе мостов не наведешь. Основа тут нужна другая: идея взаимной дополнительной принципов пользы, долга и добра.

2). **К фобии против аморализма бизнеса.** Социальная ответственность в бизнесе (в преобразовательной деятельности вообще) может означать только одно: дополнение юридической, технологической и т. п. ответственности и ответственностью моральной, эстетической, религиозной. Быть в мире ответственным не просто как в лаборатории, но как в Храме. А это уже не просто социальная, но также экзистенциальная и трансцендентальная ответственность. Может ли бизнес послужить софийности (ведь у Лютера и Кальвина он должен был служить Богу)?

На такой основе возможен конструктивный диалог, если у апологетов бизнеса выкроится для него время (которое у них сопоставляется с деньгами, а не с вечностью).

3). **К фобии против конкуренции.** Здесь мне вспоминается интервью Г. Каспарова для «Плейбоя» (см.: Диалог, 1990, № 1). Конкуренция вещь полезная, но зачем технологии придавать нравственный ореол?

а). «Игра по правилам» - это категория права, социальной психологии, но только не этики. Требования этики здесь такие же, как и везде: честность, отсутствие злорадства, унижения и т.д.;

б). Почему права и обязанности распределяются наряду с «базовыми ценностями»? Это некорректно. Базовые ценности - это не блага, а внутренние ориентации выбора;

в). Саморегуляция через конкуренцию - это хорошая технология, но при чем тут мораль?

г). Почему «состояние общественной нравственности» раскрывается через повышение роли творческого элемента в трудовой деятельности (разве нет аморальных творцов?) и расширение возможностей для благотворительности (ведь она осуществляться может и не по нравственным мотивам)? Тем более из того, что конкуренция ограничивает бесхозяйственность, влияет на качество продукции и т. д., следует лишь, что это - хороший экономический механизм и не более того. Но еще и еще раз: если не сводить мораль к обслуживанию пользы, то при чем тут она?

Основа для консенсуса тут совсем другая: как совместить экономически полезный механизм конкуренции с приматом нравственной атмосферы в обществе.

Общее резюме

Авторы вариантов исходят все же из примата рынка. Я - из примата духовности. В более общем плане: культура как момент, обслуживающий цивили-

зацию, или цивилизация как технология на службе у культуры как оксиологии?

Как же прийти к консенсусу? Пожалуй, на следующих основаниях: 1) «Богу - Богово, кесарю - кесарево» и 2). «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Ибо нравственность без экономики бессильна, но экономика без нравственности губительна. Поскольку бедность все же лучше гибели (а индустриальная цивилизация движется по разным дорогам, но к одному обрыву), постольку речь идет о примате нравственности. Но лучше всего - разумная развивающаяся гармония.

Л. В. Степанов

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА-90?

Надо бы прежде всего договориться о некоторых понятиях, о смысле и, если угодно, ценностной окраске слов, которыми мы пользуемся.

Заявка на экспертизу открывается утверждением: «В стране началось формирование гражданского общества». Ясно, о чем идет речь, и спорить как будто бы не приходится. Но, помимо провозглашения очевидной истины, здесь одновременно высказываются и еще, по крайней мере, два - причем отнюдь не бесспорных суждения. Во-первых, подразумевается, что до сих пор у нас никакого гражданского общества не было. Во-вторых, - и это особенно четко прорисовывается в последующем изложении - гражданское общество предлагается воспринимать как средоточие добродетелей в противоположность другим устройствам общественного бытия (находящимся, видимо, под непосредственным воздействием государства), где, наоборот, гнездятся зло и порок.

Мне более по душе рассматривать «гражданское общество» (равно и «рынок») как всегдашние и обязательные формы, составные части, области общественной жизни. Во всяком случае, начиная с определенного рубежа в развитии цивилизации, их присутствие обнаруживается и при самых жестких режимах государственного насилия. Если вспомнить наш опыт, да еще трезво оценить его, то едва ли кто-нибудь станет сегодня утверждать, будто при Сталине мы жили действительно в условиях морально-политического единства. Противостояние между официально-государственной сферой и гражданским обществом никогда не исчезало. Собственное существование гражданского общества не позволило, например, выполнить ни одну пятилетку, и вовсе не из-за какого-то мнимого саботажа, а просто из-за нестыковки между устремлениями государства и интересами граждан. Пустота прилавков, не мешающая полноте домашних холодильников, - это свидетельство того же ряда. Ночные гайд-парки в кухнях - то же самое. И уж самый крайний пример - уголовный мир со всеми его особыми, не освящаемыми государством, ценностными и прочими установками. Речь, стало быть, должна, на мой взгляд, идти лишь о меняющемся соотношении того, что граждански складывается, и того, что государственно предписывается, то есть не столько о начале формирования гражданского общества, сколько о его раскрепощении. (То же самое целиком относится к рынку).

Другое дело, что при этом меняется значение нравственности, этики. Они становятся куда более важными, чем прежде, общественными скрепами.

Но тут вопрос: почему гражданское общество, отпущенное на волю, непременно должно породить климат высокой нравственности, а не наоборот, погрузиться в кошмар взаимной ненависти, зависти, духовного людоедства? В

конец концов история свидетельствует, что одно из состояний, в которые впадает гражданское общество, освобождаясь от оков государственного принуждения, - это гражданская война. И, во всяком случае, противопоставляя гражданское общество государству, вряд ли правомерно исходить из того, что здесь мы присутствуем при столкновении добра со злом.

Из этих предварительных оговорок вытекает и мой подход к вопросам, поставленным в заявке.

О наборе противоположных ценностных суждений. Он хорошо входит в курс дела и в этом смысле представляется не только достаточно полным, но даже, пожалуй, избыточным. Всякого рода добавки возможны. Но только с риском, что, подчеркнув определенные оттенки общественного сознания, они так перегрузят содержание доводов обеих сторон, что потеряется ясность в понимании самой сути разногласий.

А она (суть) заключается, как мне кажется, в том, что сегодня нам выпало еще раз в полную силу разыграть драму, которая с незапамятных времен пронизывает все духовные, нравственные искания человечества. Смысл ее можно передать так: неразрешимый спор двух правд - ну, скажем, правды Дон Кихота и правды Санчо. Нет никаких бесспорных нравственных оснований для того, чтобы одну из них предпочесть другой. Если выбор все-таки делается, то он отражает иные, посторонние для чистой нравственности, влияния: если не грубые экономические расчеты и политические пристрастия, то уж обязательно личные умственно-психологические склонности. Чистая нравственность останавливается на заповеди «не убий» и далее с уважительной терпимостью принимает к сведению все доводы обеих спорящих сторон. Иначе, нравственно осудив красных, приходится оправдывать (опять-таки нравственно) белый террор. И наоборот.

Отсюда очевидные выводы по поводу относительной **влиятельности противоборствующих суждений и представлений, а также выделения наиболее острой грани конфликта.** Мне представляется, что природа самого конфликта и суждения, звучащие по ходу его развития, в общем-то, не имеют отношения к нравственности как таковой. Что касается собственно морального сознания нашего общества, то оно, как мне кажется, обнаруживает в нынешний переломный момент чрезвычайную шаткость, подвижность. Гневное осуждение убийц - и поддержка смертной казни. Все за справедливость, но такую, которая выгодна лично мне. Наверное, бытие и впрямь определяет сознание, особенно сейчас, когда трудности бытия слишком уж превзошли культурно-образовательный уровень народного сознания.

А ведь в том, что есть справедливость, невозможно договориться и на уровне отвлеченного философствования. Ситуация «двух правд» повторяется здесь неизбежно. И это - комментарий к предложенной в рамках «второго этапа» классификации нравственных конфликтов. Главным представляется тот (в анкете под пунктом 2, который тысячелетиями сидит внутри так называемых общепринятых нравственных ценностей. Ложь - грех, но бывает ложь во спасение и т. д.

Жизненные, сегодняшние наши преломления этих «внутриморальных» противоречий могли бы тогда составить обширную вторую группу классификации нравственных конфликтов. Сюда вошло бы все упомянутое в пунктах 1 и 3. Возможна дальнейшая, более подробная разбивка внутри этой группы с рассмотрением конкретных конфликтов, например, по ступеням, отражающим различный уровень заключенного в них мудрствования - от бытовых, достаточно бес-

хитростных, до изрядно воспаряющих над своей истинной первоосновой (отмеченная «русская идея», как, впрочем, и «социалистическая идея»). Сколько может быть таких ступеней? Сколько угодно.

То, что предложено к размышлению под знаком «третьего этапа», заставляет поставить встречный вопрос; так сказать в порядке уточнения: а чего, собственно, мы хотим, чего добиваемся?

В анкете выразительно проглядывает настрой создать «протестантскую этику-90». Если, отбрасывая исторические метафоры, речь действительно идет о том, чтобы поспособствовать становлению в обществе нравственного климата, благоприятного для развития рыночных отношений, то это одна задача. Если же, как это следует из других тезисов анкеты, имеется в виду поиск пути к общественному согласию («консенсусу»), то это уже другое - и цель иная, и средства для ее достижения должны быть, вероятно, иными.

Исхожу из того, что рынок восторжествует неизбежно - не завтра, так послезавтра. Но движение к нему непременно будет болезненным, через общественные схватки, распри, столкновения, в том числе и кровавые. Дай-то бог, чтоб не очень кровавые. Так вот, перед всяким «рыночником» (я из них) стоит очень трудный выбор: либо бросать все силы на борьбу против «плановиков», «государственников», доказывая несостоятельность и порочность их линии, либо все-таки воздерживаться от чрезмерного обострения борьбы с ними, сознавая, что дело может обернуться кровью.

Но и противник рынка оказывается точно в таком же положении. Объективно ему тоже приходится выбирать между деятельной верностью собственным убеждениям и ограничительными велениями нравственности.

В конечном счете, это всего-навсего столкновение политики (экономических, социальных интересов) и нравственности. Дело обычное, вечное. И способ решения конфликта либо, во всяком случае, его смягчения, давно отработан и сейчас преподносится нашему обществу в ставших банальностью рекомендациях насчет развития политической культуры, соблюдения правил гражданской этики, вообще «Правил игры».

Видимо, как раз в разработку и утверждение, распространение этих правил «прикладная этика» может внести самый плодотворный вклад. Но вот если она сама присоединится к одной из сторон в большом общественном стаде, то последствия могут оказаться весьма тяжелыми и крайне безнравственными. Ведь одно дело, если я гну определенную политическую линию, но не перегибаю, потому что утыкаюсь в нравственный кризис. И совсем другое, если моя политика сама представляется мне воплощением нравственности. Тогда сдерживающее начало «абстрактного гуманизма», то есть подлинной человечности, нравственности, резко ослабевает.

Сейчас, когда так много разговоров о необходимости деполитизировать экономику, армию и т. д., надо бы погромче призвать и к «деидеологизации» морали. Причем призвать не словами, а какими-то образцами соответственно выполненным теоретическим разработкам и распространяемым по городам и весям нравочений. Их содержание может быть последовательно «рыночным» в том смысле, что оно будет сплошь представлять собой некое нравственное написание самому рынку и его героям. Но никак нельзя допустить малейшего крена в сторону нравственного оправдания и восхваления рынка. В полемику между «рыночниками» и их противниками не надо включать доводы, взывающие к нравственности. Это только подольет масла в пламя идеологических схваток и вместо того, чтобы способствовать «консенсусу», лишь ужесточит

раздоры.

Рынок греховен. Все знают, что торговцам не место в храме. Но того, кто стремится наставлять и воспитывать грешника, поймут и поддержат. Того же, кто станет этого грешника возносить и оправдывать, осудят. Поэтому сам ключ разговора, сводящегося к разоблачению разного рода «рынкофобий», представляется мне неудачным с точки зрения задач «прикладной этики».

Признание неизбежности рынка, политико-экономическое его оправдание и нравственная его критика - вот, на мой взгляд, три опорных камня на стройке «консенсуса».

А.И. Титаренко

ЭТИКА «НОВЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ»

Авторы опроса исходят из того, что наша страна переживает период «формирования гражданского общества». Это означает коренное потрясение старых нравов, распад морального сознания - вплоть до состояния «временного» хаоса противоречивых норм и запретов. Возникает потребность и в «новой этике» - «этике гражданского общества». Авторы удачно определяют ряд основных направлений этой этики: предпринимательская и менеджеристская, трудовая и профессиональная, этика разрешения конфликтов, потребления и досуга, добрососедства и благотворительности. Эти содержательные, конкретные направления можно было бы дополнить этикой «новых добродетелей», а в более абстрактном плане - новой историко-аксиологической этикой, отражающей структуру и иерархию ценностей как императивно-оценочного «каркаса» складывающейся сейчас нравственности.

Предложена этическая диагностика, исходящая из оппозиции «рынкофобов» и «рынкофилов» в формирующемся «гражданском обществе»¹. Действительно, отношение к рынку ныне раскололо нравственность на две отчаянно противоборствующие части. И, тем не менее «рынкофобия» и «рынкофилия» - понятия крайне расплывчатые, многозначные, с трудом накладываемые на противоречивую ситуацию современной нравственной жизни.

Во-первых, под «рынком» его «фобы» и его «филы» разумеют обычно нечто разное. Неудивительно: рынок потребления и услуг, рынок денежного обращения, рынок основных средств производства (включая землю) - все это очень разные «рынки», и к каждому из них особое морально-психологическое отношение у различных слоев общества. «Чистого» единого свободного рынка «вообще», смею думать, в истории и не было никогда, даже в эпоху классического капитализма.

Во-вторых, если все же согласиться с постановкой проблемы как оценочного отношения к «рынку вообще», то надо иметь в виду, что эта оценка по-разному складывается в различных пластах морального сознания, которое по самой сути своей многомерно. Иначе говоря, перед нами творческая задача в целом с очень широким диапазоном «неизвестных» и еще большим разнообразием решений.

¹ Под «гражданским обществом» в XIX веке подразумевали строй юридически равноправных лиц (аналогия с «римским гражданином», «гражданином полиса») в противоположность феодальному обществу, построенному на сословном неравенстве. Этим понятием с успехом пользовался Гегель, но во второй половине XIX века оно уже в значительной мере устарело, на смену ему пришли более точные термины.

Дать однозначную «в лоб» оценку той и другой группе ценностных суждений вряд ли возможно на нынешнем этапе исследований.

Так что же, сама постановка проблемы (и опроса, соответственно) неверна? Отнюдь нет. Она удачна и интересна не только по своей эвристической заданности, но и как умный «скрытый» социологический вопрос, ответы на который обнажают более глубокие пласты противоречий морального сознания, вовсе не замыкающиеся на проблему «рынка» как такового. Это в методологическом отношении - удача.

Три этапа консультации дают широкое поисковое поле для определения динамики современной нравственности, смысла ее противоречий и «веера вероятностей» их развития. Лишь третий этап вызывает, пожалуй, известное критическое отношение. На этом этапе заранее заданно для экспертов предлагаются выводы для нравственно-психологического преодоления любых настроений против рынка, опрос как бы заранее причисляет всех участников к «рынкофилам». Может быть, такое решение проблемы и наиболее приемлемо с точки зрения сегодняшней морально-политической конъюнктуры. Может быть. Но не нарушается ли здесь непредвзятость опроса, т. е. условие его объективности?

Дальнейшее углубление поставленного опросом исследования дает возможность применения и иных методик, и различных, имеющих право на существование, «углов зрения». Именно сочетание разнообразных подходов позволит, видимо, в комплексе решить эту многосложную проблему. Например, очень интересно и перспективно было бы проанализировать вопрос в параметрах этического использования идеи справедливости - этой осевой «координаты» морального сознания, наиболее отвечающей смыслу ценностной оппозиции «рынкофобии» и «рынкофилии». Такой подход мог бы осуществиться через три этапа экспертизы. Первый - полная классификация типов справедливости и степени укорененности их в моральном сознании. Второй этап - привязка того или иного типа справедливости к моральному сознанию определенного социального слоя, профессиональной группы и т. п. Третий - определение ценностных «точек соприкосновения» различных типов и выявление возможных вариантов их безболезненного сосуществования.

Можно выделить **шесть** типов понимания справедливости, на основании которых и будет строиться полноценная парадигма экспертизы. **Во-первых**, это справедливость «равенства», где каждая личность имеет либо равные блага, либо равные возможности с другой личностью (извращенный вариант - «уравниловка»). **Во-вторых**, это справедливость «по делам», «по результатам» (варианты: «по труду» и т.п.). **В-третьих**, справедливость по «потребностям». **В-четвертых**, справедливость по заранее определенному социальному статусу (классический вариант - по сословиям), ибо правильно, чтобы «наилучший» был поставлен выше «худшего» (см. у Аристотеля). **В-пятых**, справедливость «по закону» («правовое» государство?). **В-шестых**, справедливость «по личным усилиям и добрым намерениям». (Через призму подхода «по справедливости» хорошо просматриваются оппозиция «свободы-справедливости» и переведенная в плоскость «этики добродетелей» оппозиция «моральности-аморальности» качеств «героев рынка».

Очень интересным нам представляется подход к проблеме «рынкофобии» и «рынкофилии», взятой в ракурсе структурных пластов морального сознания современного человека. Хочу предложить этот анализ в предельно лапидарном виде.

Исходная методологическая позиция: разделение морального созна-

ния на **три** относительно самостоятельных пласта («сферы»). Первый - **мировоззренческий**, наиболее заметный (вершина «айсберга»). Центральными его «элементами» являются идеалы. Второй - слой престижных ориентаций, реальных целей жизнедеятельности. Третий - сфера **повседневных, обыденно-суетных** стереотипов поведения, привычек и т. п. Среди различных особенностей функционирования, взаимодействия этих трех слоев (и степени их приоритетности) следует отметить одну: в обычных, «спокойных» условиях функционирования нравственности связь первого (мировоззренческого) и третьего (обыденного) слоя сознания осуществляется в основном через «посредника» (ориентационный пласт). И лишь в кризисных, экстремальных ситуациях наблюдается непосредственное взаимодействие.

«Эрозия» идеалов. «Моральная перестройка» не могла не стать и переоценкой идеалов, мировоззренческого слоя нравственности. Однако вдумчивой, конструктивной, научно обоснованной эта переоценка, к сожалению, не стала. В политических интересах она была «раскручена» до озлобленно-разрушительного отношения ко всем «старым» моральным ценностям. Цели социализма, идеал коммунизма были полностью опорочены. Именно те, кто еще недавно пресмыкался перед властью имущими так называемого времени «застоя», именно они, присваивая себе роль истинных трубадуров гласности и опираясь на групповой монополизм в средствах массовой информации, способствовали переориентации массового морального сознания на 180°. Была использована внутренне присущая примитивному массовому моральному сознанию особенность - максимализм, непререкаемое деление всего на только «черное» и только «белое». «Черно-белая» схема «врагов» и «друзей» была перевернута: если ранее считалось, что «у них» все плохо, а «у нас» в основе - «хорошо», то теперь оказалось, что «у них» все превосходно, а «у нас» - хуже некуда. Даже безработица стала морально привлекательной (такое пособие!). Мировоззренческий слой морального сознания оказался беззащитным перед оголтелым, нередко невежественным остракизмом. И поделом: он десятилетиями выполнял унижительную роль показушного, лицемерного камуфляжа, наркотического средства оправдания бюрократически-корпоративного извращения социализма. Вместе с тем повержена была не мораль вообще, хотя она и насаждалась десятилетиями, а ее суррогат. Более того, мораль доказала, что с ней нельзя обращаться как с потаскушкой: родники моральности народа и стали основным источником радикальных перемен, духовного обновления - без них оно просто было бы невозможно.

Неверно было бы считать, что социалистические моральные представления, в том числе коммунистический идеал, после того сокрушительного удара, который они не выдержали, постепенно исчезают, «тают». Все не так просто. В ряде своих ценностных установок социалистическая мораль внутренне, несмотря на гнусные извращения, заключала вековые, общенародные чаяния на освобождение труда и человека труда. Ныне, после известного периода паралича, эта мораль начинает оживать, набирать силу. Ее подлинная роль будет зависеть и от того, насколько она освободится от вульгаризации и разнообразных извращений. Представление о коммунистическом идеале как «суперцели», которой должна подчиняться вся жизнь любого человека» его индивидуальные способности и интересы, отношение к настоящему как «жертве» для райского будущего и т. п. - вся эта короста принципиальных искажений, вероятно, может быть со временем снята. Это очень важно: развитие всех способностей, богатство черт характера, индивидуальных привычек и даже «чудачеств»,

создание для этого максимальных возможностей в непосредственном («глубинном» - Батищев Г. С.) общении и т. п. Все это самоцель коммунизма (и социалистической морали, если она действительно имеет начатки перерастания в коммунистическую). Только эта самоцель может рассматриваться как «высшая» ценность. Здесь же - точка согласия, духовного взаимопересечения («консенсуса» - выражаясь «блатным» парламентским языком) этого идеала с другими.

С точки зрения нравственно-психологической обусловленности существования морали «без идеалов» (и «жизни без идеалов») весьма затруднительно и опасно. «Идейные» ниши мировоззренческого пласта нравов обычно быстро заполняются. Сейчас - религиозными представлениями и ценностями. А среди них есть и общечеловеческие по содержанию. Например, представления о «душе» (духовности) человека как морально высшем, «искре божьей», Абсолютном Добре, о милосердии, прощении, т. е. ряде индивидуальных качеств, столь важных для гуманизации общения (незлобивость, скромность, независтливость, способность к раскаянию и т.п.). Именно здесь, в мировоззренческой сфере нравственности, можно найти ценности в практическом плане жизни взаимопересекающиеся.

Наконец, нельзя не сказать и о таком идеале, который в последнее время с огромным успехом вошел в этот пласт нравственности: идеале **обладания богатством**. Может показаться, что он органически несовместим ни с социалистической, ни с религиозной нравственностью. Но это не совсем так — по крайней мере, теоретически. Богатство само по себе не является злом, тем более благосостояние, достигнутое личными усилиями, энергией, изобретательностью и пр. Богатство - это совокупность условий для всесторонней **самореализации** личных жизненных ориентаций. Но таковым оно становится лишь на определенной фазе своего развития - это конкретная **мера количества** капитала и **качества** ценностей, которыми индивид обладает. Пример из Энгельса (именно из Энгельса - это так раздражает «перевертышей»). Он писал, что еврей-ростовщик (или лавочник) из экономически отсталой Польши, приезжая со своим капиталом на биржи Лондона или Амстердама, оказывается морально дезориентированным. Все его мелкие жульнические приемы, обманы, хитрости, работавшие «дома», становятся ненужными, даже вредными на этих биржах. Крупный капитал, базирующийся на развитом производстве, не нуждается в столь мелочных приемах обогащения: он самовоспроизводит себя и прибавочную стоимость в иных нравственно-психологических координатах. Здесь, как отмечает Энгельс, возникает возможность (и потребность) существования определенной **моральности**. Деловая честность, верность бизнесмена слову, соблюдение процедурно-деловых «приличий», уважение к порядку статусов и «престижей» в своей стране - все это создает вариант «деловой этики» весьма эффективной, лощеной, по-своему привлекательной. Здесь потеря делового морального престижа не менее опасна, чем потеря капитала - это общеизвестно (и здесь, теоретически, абсолютно правы авторы опроса: «непреложные нормы честности, порядочности и доверия» - обязательные условия эффективности деловых отношений). Польский еврей-лавочник знал иную «этику предпринимательства», чем дельцы Голландии и Англии. Он, разумеется, «рынкофил». Но он представляет иной рынок, точнее - иную фазу развития рыночных отношений, качественно отличающуюся в **моральном плане** по степени зрелости и ценности.

Разброд в ценностных ориентациях - практическая «сердцевина» в

столкновении «рынкофобии» и «рынкофилии». Этот ценностно-ориентационный пласт морального сознания претерпел за последнее время существеннейшие изменения. Ранее - две морали. Одна - пропагандируемая, но не исполняемая - «по труду». Она содержит в себе внутреннюю неприязнь к «нетрудовым» доходам (трактуя рынок в значительной мере как «поле спекуляции»), занижает престиж ряда профессий (торговца, ремесленника и т. п.). Вторая мораль - синекурная - не столько «по труду», сколько «по статусу» на иерархической, бюрократически-корпоративной лестнице (открыто не пропагандируемая, но всем знакомая и признаваемая). Синекурная мораль развращала «трудовую» - недаром именно в среде трудящихся и возникла пошленькая поговорка: «Не учишь работать, а учишь зарабатывать».

И с таким «девизом» вступают в «рынок» десятки и десятки миллионов. Наряду с этими «двумя моральями», двумя ориентациями всегда существовала частнособственническая ориентация на богатство (причем в различной мере и форме практически у всех слоев общества). Сейчас она захватывает ключевые позиции в «среднем» (втором) пласте морального сознания. Это установка на всемерную, крупную, **скороспелую наживу**. Свою окончательную форму и нравственно-психологическое содержание эта ориентация еще не выработала. А старые ориентации - подорваны. Результат - **нравственный хаос**, широкий диапазон для возникновения разнообразнейших моральных конфликтов.

Этика предпринимательской деятельности, направленная на скороспелую наживу «любой ценой», по законам «дикого Запада» — это, разумеется, начальная фаза работы капитала, ориентированного на рынок. Она, к сожалению, является господствующей в возникающих рыночных отношениях, нередко просто моделируя «аморальные нравы» первоначального накопления капитала. Но она не вечна. Складывается и такая рыночная экономика, которая соответствует «классической фазе», описываемой нами в примере с польским евреем. В любом случае - и для противостояния «хищнической морали» примитивной конкуренции, и для развития моральных кодексов «игры по правилам», новых моральных принципов и «новой этики» - необходимо решение задачи, которую столь остро и злободневно поставил опросник.

И еще об одной трудности. «Рынкофобия» и «рынкофилия» не являются свойствами, органически присущими тем или иным слоям, или стратам, как может показаться на первый взгляд. Так, например, представитель бюрократически-корпоративной прослойки (казалось бы, «рынкофобия» командно-административного толка) может, пользуясь властью и связями, «приватизировать» (по-народному - грабить) госсобственность, которая начнет интенсивно работать «на новый рынок», обогащая такого бойкого дельца. «Рынкофоб» становится «рынкофилом». Или «рынкофил», борющийся за финансовую «подпитку» из государственной казны (голубая мечта в деле обогащения, ибо такая «подпитка» дает возможность обогащаться на рынке многократно больше, быстрее и безопасней), «рынкофил», действующий «вопреки» правилам «чистого», «честного» рынка, кто он - «рынкофоб»?

Особый случай - «пограничная ситуация» между моралью, этикой и такой предпринимательской деятельностью, которая вообще лежит «за пределами» нравственности. Например, деятельность молодой, энергичной компрадорской буржуазии. Ее деятельность аморальна даже не в квадрате, а в кубе. Даже если она совершается по законам (ими же «закупленных» - лобби), согласно нормам «делового этикета». Расхищение уникальных национальных богатств, невозполнимых жизненных ресурсов будущих поколений - это уже не просто амо-

рализм («не по правилам»), а преступный аморализм. Кстати сказать, значение и смысл такого аморализма должны быть особо проанализированы с целью определения жребия народов Севера, причем не только в плане отношения их к рыночной экономике, а в плане судьбоносном - отчуждение этноса.

Ю. М. Федоров

ЯЩЕРИЦА САМА ЗНАЕТ, КАК РЕГЕНЕРИРОВАТЬ ОТПАВШИЙ ХВОСТ

Прежде чем попытаться осуществить экспертизу предъявленного Проекта на определенной концептуальной основе, необходимо прояснить позицию эксперта по проблемам структуры морального субъекта и полиформизма нравственности.

Мораль - это целостная система регуляторов, иерархизированная по уровням укорененности субъекта в природном, социальном, родовом и космическом универсумах. Каждый из универсумов имеет свое особое семантическое пространство, в пределах которого формируются и функционируют определенные парадигмы морали, различающиеся между собой как по целям, так и по способам распаковывания человеческих смыслов, содержащихся в семантическом континууме.

Дескриптивная форма семантического континуума природного универсума распаковывается в целях развертывания естественной истории по имманентным ей «объективным законам». Субъективность присутствует здесь лишь в качестве особого объекта, наделенного сознанием («нуль-субъективность» или «гносеологический субъект»). Такому уровню субъективности и природной форме ее укорененности соответствует так называемая «дескриптивная мораль», выступающая предметностью для «биоэтики» (!?).

Социальный универсум, подчиняясь законам социальной целесообразности, в основном регулируется прескриптивными значениями - нормами. Нормативная форма семантического континуума распаковывается под приоритеты развертывания структур безличного социума в целях обретения им более высокого уровня целостности. Собственно говоря, переход к рыночным отношениям призван «перестроить» социальную нишу Вселенной Человека. В социальном универсуме (социуме) субъект представлен в качестве частичного индивида - носителя социальных функций и масок. Социетальные формы морали состоят из двух нормативных **парадигм - долга и блага**, баланс между которыми основывается на принципе «социальной справедливости». Нормативная мораль - это всего лишь «предмораль», совокупность эпифеноменов нравственности, сопутствующих политическим, экономическим, технологическим и иным социетальным процессам.

Подлинная мораль обнаруживает себя лишь там и тогда, где и когда индивид укореняется в качестве целостного субъекта. Таковым пространством выступает сфера субъектно-субъектных отношений, или собственно человеческий универсум. Он в основном регулируется эвалюативными значениями - ценностями. Распаковывание ценностной формы семантического континуума осуществляется в интересах все более целостного и всестороннего присвоения человеком своих родовых сущностных сил. Ценностные значения являются носителями подлинных феноменов морали, регуляторов отношений

между целостными субъектами. Они интегрируются гуманистической парадигмой добра.

Отношения в космическом универсуме регулируются протофеноменами морали, трансцендентальными значениями - символами. Распаковывание символической формы семантического континуума осуществляется в интересах гармонического единства макро- и микрокосмов, в интересах целостности складывающейся ноосферы. Субъект присутствует здесь в качестве «микрокосма», «бесконечного субъекта» «трансцендентального субъекта», равнозначного и равноценного макрокосму, вселенной. Протофеномены морали, нравственные символы интегрируются трансцендентальной парадигмой свободы.

В универсуме морали действует иерархический принцип: высшие формы нравственности в своем развитии опираются на низшие, а низшие обретают должный гомеостазис лишь в качестве производных от высших.

Отстаиваемая нами концептуальная модель универсума морали позволяет, на наш взгляд, осуществить систематизацию дескриптивных, нормативных, ценностных и символических суждений, отражающих в себе кардинальные изменения, происходящие на тех или иных ярусах Вселенной Человека. В предъявленном для экспертизы Проекте речь идет о кардинальных изменениях в социальном универсуме, то есть в сфере отношений между частичными субъектами, которые, однако, определенным образом поляризуют собой и отношения как в природном, так и в человеческом и космическом универсумах.

«Филии» и «фобии» по отношению к рынку пронизывают собой не только социальную горизонталь отношений, но и всю вертикаль, иерархию уровней Вселенной Человека. «Рынкофобами» могут быть носители гуманистической морали, если «рыночные отношения» станут активно вторгаться в сферу межсубъектных связей, что может привести к коммерциализации культуры. Но они же могут быть и «рынкофилами» в случае, если эти новые отношения максимально уравновесят связи между частичными субъектами, что позволит им более эффективно воспроизводить себя в качестве целостных субъектов за пределами производственной сферы.

«Рынкофобами» могут быть и представители антропокосмического общества, если рынок посягнет на связь «трансцендентального Я» личности с Абсолютом, Богом. Вспомним хотя бы содержание библейского сказания об изгнании Христом торговцев из Храма. Но именно они могут быть «рынкофилами» в случае, если стабилизация социальных отношений будет способствовать восстановлению дороги к Храму.

Противостояние «рынкофобов» и «рынкофилов» в данной ситуации обостряется еще и тем, что адептами рынка выступают вчерашние адепты коммунизма, на совести которых разрушение высших форм морали.

Когда у ящерицы отпадает хвост, она не идет за советом к идеологам, как его получше отрастить. Он у нее отрастает таким же, каким был ранее, так как эта «процедура» предусмотрена генотипом. То же самое наблюдается и в нормальном обществе. В генофонде культуры содержатся необходимые программы, управляющие процессом естественной регенерации утрачиваемых обществом в пограничных ситуациях отдельных структур, свойств и функций. Иное дело с подобными процессами в обществе с существенно подорванным культурным генофондом. Вопрос о том, какие структуры и функции «отсекать» в качестве социальных рудиментов, а какие вместо них «вживлять», определяет каста идеологов, естественно, опирающаяся на самую передовую

в мире общественную мысль.

На протяжении многих десятилетий революционная гильотина во имя светлого будущего только и делала, что отрубала отставшие у национальных культур «архаические хвосты», превращая их в «социалистических головастиков». Ныне же эти самые идеологи советуют трансплантировать этим головастикам «рыночные хвосты», но уже во имя «светлого настоящего». Но ведь хвосты-то чужие, снятые с конвейера иной цивилизации. Не лучше ли позволить ящерицам самим регенерировать свои собственные хвосты, то есть дать возможность легализоваться всем традиционным укладам жизни населяющих страну этносов? Искусственная замена коммунистической идеологии на рыночную не что иное, как смена форм тоталитаризма. Для того, чтобы исчезли «фобии» и «филии», рынок должен сложиться под воздействием реформационных процессов прежде всего в высших этажах человеческой духовности при полной деидеологизации социальных законоположений.

Наиболее влиятельной реальной силой, структурирующей массовое сознание и формирующей негативную установку к рыночным отношениям, является суждение об этической нерелевантности частной собственности, ибо безнравственно все то, что «ранжирует человека», не соответствует принципу справедливости даже в том случае, если несет в себе пользу (безнравственная эксплуатация).

Известно, что большая часть общества все же жила по декларированным идеологами социалистическим «правилам игры» в жизнь. В это же время меньшая его часть придерживалась правил, которые только сейчас легализуются в качестве рыночных (теневой рынок), что позволило ей обеспечить более высокие стартовые позиции «в новую жизнь». Смена идеологием привела к ценностному оборачиванию «нормальной» и «девиантной» формы нравственного поведения. А так как в развитом социализме «предприимчивыми людьми» была именно криминогенная часть населения, то, по сути, произошла этизация именно криминогенной формы предприимчивости. Феодализм несравнимо легче реформировать в рыночный капитализм, нежели социализм, и прежде всего, в силу естественности смены одной парадигмы морали другой, носителями которой в основном являлись «порядочные люди». Пассионарии предпринимательства были людьми, игравшими по правилам, обретшим моральную легитимацию в протестантской этике, сумевшей органически увязать предприимчивость и святость. Уравнительную мораль, замешанную на принципе абстрактной справедливости, не заменить ценностями общечеловеческой морали, так как последняя лишь косвенно причастна к сфере социальных отношений. Пока не сформируется этически релевантная рыночным отношениям моральная парадигма протестантского толка, «выращенная» на собственном этно-культурно-религиозном основании, уравнительная доктрина будет оставаться серьезным препятствием, отторгающим Дух от Рынка.

Более или менее влиятельной силой, определяющей позитивное отношение к рынку, является его западная витрина с бесконечным набором товаров и услуг, способным удовлетворить самого прихотливого потребителя. Именно она столь стремительно, столь революционно изменила мировоззрение реформаторов-коммунистов. Суждение о том, что интерес и идеал вполне совместимы, каким бы оно ни было парадоксальным, легко ассимилируется различными типами морального сознания, структурированными как идеей чистого потребительства, так и идеей творческой самоактуализации. Только для первых рынок - это все же возможность удовлетворения потребностей, а для

вторых - возможность актуализации способностей. Это суждение может существенно повысить свою смысловую валентность, если в имидж рынка будет включена модернизированная идея справедливости, но базирующаяся не на механизмах нивелирования индивидуальностей, а на гарантированной социальной востребованности всех творческих потенций, заложенных в человеке (рынок потребительных стоимостей - это и рынок актуализированных способностей).

Добро и Польза (Благо) в различных формах морали соотносятся различным, порой совершенно противоположным, образом. В социетальных формах морали добро выступает производным от соотношения долга и блага. Рынофилия именно в такого рода добродетелии находит свое моральное оправдание. Неслучайно, «рынофилы» акцентируют внимание противников на благотворительности и меценатстве как производных феноменов от уровня коммерческого успеха в предпринимательстве и, напротив, критикуют мораль равенства в бедности за то, что в ней слишком сужены оказываются рамки для добродетелии. Такое понимание сущности добра вполне этически релевантно отношениям частичных субъектов, чьи интенции ограничены рамками социального долженствования. Но оно перестает быть этически релевантным, как только вторгается в сферу отношений между целостными субъектами. Напротив, в рамках гуманистической морали добро является основанием для долга и блага. А в рамках еще более высокой, трансцендентальной формы морали уже само добро выступает производным от принципа свободы, а долг, благо, польза - «вторые производные». В данном контексте фобии по отношению к рынку неизбежно возникают, как только принцип пользы и выгоды его адепты пытаются распространить на весь универсум морали. Фобии и филии окажутся весьма локальными, как только диалог о рынке будет ограничен строго социетальными рамками.

Это же относится и к суждению, базирующемуся на соотношении категорий «интерес» и «идеал». Первая берется в качестве социетального основоположения, а вторая - в качестве трансцендентальной категории, то есть как разноуровневые значения. В рамках соотношения микро- и макрокосмов, естественно, «интерес» вторичен и даже «третичен», первичным же является «идеал», имплицитный не социальной идее, а Абсолютной Идее, Логосу. Но ведь в данном случае речь идет о реформировании не Космоса и даже не Рода, а всего лишь Социума - низшего яруса Вселенной Человека. Все филии и фобии к рынку здесь снимаются, как только «интерес» начинает соотноситься не с трансцендентальной категорией «идеал», а с рядоположенным социетальным основоположением, например, с категорией «целостность социума».

Наиболее сложно обстоит дело с интерпретацией суждения, несущего в себе идею противопоставления частной и общественной собственности, так как обе эти категории являются сугубо социетальными основоположениями. Абсурдно растягивать содержание этих категорий за пределы социального универсума, то есть на бытие природного, человеческого и космического универсумов. Здесь филии и фобии могут «рассосаться», как только рынок сумеет сбалансировать отношения между частичными субъектами, что создаст предпосылки для формирования менее агрессивной социальной среды. Однако гипербаланс в сфере «частичной субъективности» может привести к дисбалансу как в сфере субъектно-субъектных отношений, так и в отношениях между макро- и микрокосмами (превалирование принципа «иметь» над принципом «быть» - Э.Фромм).

Эмпирический человек одновременно существует в четырех генетических и функционально взаимосвязанных универсумах в качестве: а) «нуль-субъективности»; б) частичного субъекта; в) целостного субъекта; г) «микрокосма». Любой его поступок должен рассматриваться не иначе как в качестве многомерного акта, в котором актуализируются регулятивные свойства эпифеноменов, феноменов и протофеноменов морального универсума. Но не только мир изменяет человека, и сам человек своим поведением активно изменяет мир. Каждый его поступок, так или иначе, влияет на морфологию и семантику мироздания. Поступок - связующее звено между универсумами. Он является одновременно и предпосылкой и следствием перманентного процесса распыливания семантического континуума во всех его формах.

Предприниматель, коммерсант, банкир, бизнесмен одновременно и хищники и пассионарии. В момент складывания рынка они - примитивные «социальные хищники»; в пределах сложившегося рынка - пассионарии общества, так как классический рынок - это эскалатор, поднимающий людей вверх по их способностям. И все же социетальное поведение этих экономических масок вне-морально, так как определяется правилами рыночной игры, лежащими за пределами собственно ценностных и трансцендентальных основоположений. По замыслу Драматурга этот ряд персонажей человеческой драмы призван интенсифицировать поведение Человека путем искусства, соблазна. (Человек не загадка плазмы, а разгадка соблазна - А. Вознесенский). Однако разбуженные ими человеческие потребности, не ограничиваемые развитой системой культурных ценностей и трансцендентальных символов, вмиг поглотят ресурсы всей ойкумены и быстро подведут черту под человеческой историей. Чтобы этого не произошло, Драматург предусмотрел альтернативный ряд персонажей - Учитель, Подвижник, Пророк, Святой. В противном случае эпоха перестройки оставит потомкам вместо «исторических хроник» одни лишь «уголовные хроники». На то, чтобы сформировать первый ряд персонажей «рыночной драмы», хватит и нескольких недель обучения бизнесу и менеджменту. На формирование второго ряда персонажей человеческой драмы человечество тратит всю свою историю. В святой Руси давно распяты все святые.

Предполагаемая в Проекте классификация конфликтов, как нам кажется, исходит из неявного отождествления социетальной формы нравственности всему моральному универсуму. Мораль социума - это всего лишь совокупность нравственных эпифеноменов, сопутствующих политическим, экономическим, технологическим и прочим социетальным основоположениям, регулирующим отношения между частичными субъектами - носителями социальных и в их числе рыночных масок. Понятие «гражданское общество» лишь косвенно соотносится с понятием «рыночные отношения». Скорее всего в понятии «гражданское общество» фиксируются те реалии человеческого бытия, которые складываются на границе социального и человеческого универсумов в качестве промежуточного нечто между бытием безличных огосударствленных структур социума и событием подлинно человеческого сообщества. Оно репрезентирует собой неустойчивое единство частичного субъекта (человеческий фактор) и субъекта целостного (родовой человек). Это, скорее всего, особое маргинальное сообщество, в котором уже утрачены многие свойства государственности, но еще не в полной мере проявлены свойства истинной человеческой общности. Таким же маргинальным является, например, антропокосмическое сообщество, формирующееся на стыке человеческого и космического универсумов.

В связи с тем, что в универсуме морали наиболее активные перестроечные

процессы происходят в его эпифеноменальной нише, структуру нравственных конфликтов, связанных с переходом к рыночной экономике, необходимо выстраивать по социетальному основанию.

1. Конфликт между старыми и новыми нормативными системами внутри социетальной формы морали. Это конфликт между традиционными для нравственного опыта «гомо советикус» нормами, базирующимися на балансе исполняемого в настоящем общественного долга и обещаемых сверхнормативных благ в будущем, и «рыночными нормами», основывающимися на балансе актуализируемых способностей и потребных полезностей. Если нормативы первого рода опирались на сверхнасилие и сверхидеал, то нормативы второго рода могут быть эффективными лишь при опоре на особую форму менталитета в субъекте - «интроецированную экономику», соблазн предпринимательства и риска.

2. Нормативно-ценностный конфликт между видоизменяющейся социетальной моралью, основывающейся на «экономическом менталитете» субъекта, и ценностями гуманистической морали. Парадокс перестройки заключается в том, что не новая форма гуманизма и появление новых феноменов морали инициируют изменения в структуре моральных эпифеноменов социума, как это наблюдалось, например, в Эпоху Реформации, а, наоборот, изменения в Социуме как бы диктуют Духу форму преобразования. Такое явление может быть отмечено лишь в стагнирующих социальных системах, пытающихся продлить свою агонию за счет «активизации человеческого фактора». Не потому ли адептами перестройки столь настойчиво повторяется призыв к следованию общечеловеческим ценностям. Но ведь ценности - это не какая-то музейная реликвия, которую, очистив от пыли веков, можно ввести в обиход. Подлинные нравственные ценности и феномены должны систематически «оживляться», «распаковываться», для чего и существует перманентный процесс духовной жизни общества, совокупным субъектом которого является интеллигенция. Весь драматизм ситуации заключается в том, что тоталитаризм всей своей репрессивной мощью раздавил истинную интеллигенцию и тем самым подорвал у народа способность к распаковыванию ценностных значений, в глубинах которых скрыты смыслы человеческого существования.

3. Нормативно-символический конфликт между реформирующейся социетальной моралью и «останками» трансцендентальной морали. Подрыв религиозных основ общественной жизни привел к разрушению символического кода протофеноменов морали. Распаковывание нравственных символов семантического континуума, традиционно осуществлявшееся религиозными институтами, обеспечивало органический синтез земного и горнего, релятивного и абсолютного в нравственном самосознании Человека. Система эпифеноменов морали рыночной экономики очень быстро вырождается в «нормативы», по которым живут российские «джентльмены удачи» - воры в законе, если человек не возродит способность самотрансцендировать себя в Абсолют.

4. Нормативно-дескриптивная форма конфликта, разыгрывающегося на стыке социального и природного универсумов и грозящего экологической катастрофой, если новая «рыночная мораль» не будет коррелировать с законами естественной природы. Социогенная нагрузка на природу на первых порах складывания рынка может многократно усилиться, так как не сразу агрессивные хищники преобразятся в пассионариев-филантропов.

Мы остановились лишь на конфликтах, в которых ведущей стороной выступают рыночные преобразования в социуме. Несомненно, что разрешение

этих видов морального конфликта связано с преодолением деструкции на всех уровнях универсума морали. По крайней мере, необходимо учитывать такой базовый конфликт, как дескриптивный, связанный со сменой мировоззренческих парадигм и прежде всего во взглядах на роль и место Человека в Мироздании. Другим узлом конфликтности должна стать переоценка традиционных ценностей, которая, видимо, приведет к вытеснению из сферы человековедения социологии культурантропологией. Но самым значительным, видимо, станет трансцендентальный конфликт между макро- и микрокосмами, разрешение которого может привести к возвращению Человека к своему изначальному бытию и избранию новой стратегии существования с учетом «моральной сущности мира» (Гегель). Рыночные отношения, основанные на частном интересе, лежат в основании исторически преходящего типа цивилизации, сущность которой составляет процесс объективирования как природных, так и человеческих ресурсов. В обозримом историческом будущем данный тип цивилизации, несомненно, должен будет замещен другим, основывающимся на процессе субъективирования, иначе гибель человечества фатально неизбежна. Переходя на рыночные отношения, мы фактически догоняем поезд, который на всех парах мчится в тупик. Опираясь на технологию Запада, надо изучать все то, что в потенции содержит Восток.

Прежде чем говорить о различии "политического и морального консенсусов, необходимо определиться по проблеме соотношения морали и политики. Мораль пронизывает собой всю «вертикаль» мироздания, присутствуя на всех его «горизонталях» своими особыми формами. Политика располагается лишь на социетальной горизонтали семантического универсума и если и пытается установить свой контроль над отношениями в более высоких его этажах, то не иначе как с использованием репрессалий. В этой связи речь может идти не о соотношении политики и морали, а лишь о соотношении политики и определенной формы морали.

Политика - иерарх в структуре социетальной системы, а следовательно, она стоит над социетальными формами морали (парадигма долга и блага), призванными ее апологетизировать и этизировать даже в ситуации, когда она становится орудием тоталитаризма. Нормативная мораль, сущностью которой выступает социальное должностное, всего лишь эпифеномен политики. Напротив, гуманистическая форма морали (парадигма добра), регулирующая отношения между целостными субъектами, стоит над политикой. В данном соотношении уже политика должна рассматриваться в качестве эпифеномена морали (гуманная политика). Трансцендентальная форма морали (парадигма свободы) соотносится с политикой опосредованно и постольку, поскольку ей необходимо противостоять несвободе, которую не может не нести в себе даже самая гуманная политика.

Моральный консенсус в отличие от политического возможен лишь по горизонтали взаимодействующих сил и тенденций в универсуме, по вертикали же предполагается установление приоритетов высших форм человеческой экзистенции над низшими. Моральный консенсус возможен между соотносимыми уровнями субъективности и в рамках устанавливаемой культурой иерархии приоритетов форм и способов жизнедеятельности по основанию степени укорененности в них человеческой субъективности. Политический консенсус, напротив, как правило, устанавливается по вертикали отношений, в качестве противовеса широко используя насилие, позволяющее «сбалансировать» тенденции под приоритеты низших форм экзистенции над высшими. Так, например,

тоталитаризм - это своего рода «консенсус» между «социальным Я» и дезорганизованными формами насилия родовым и трансцендентальным Я. Истинный моральный консенсус исключает опору на политические средства.

В. П. Фетисов

НРАВСТВЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ РЫНКА, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Признавать в человеке только деятеля
экономического - производителя, соб-
ственника и потребителя вещественных
благ - есть точка зрения ложная и
безнравственная.
Вл. Соловьев.

На первый взгляд кажется, что рынок вступает в противоречие с моралью лишь там, где торгуют либо в неполюженном месте, либо запрещенным товаром, либо по ценам, не соответствующим качеству товара и затратам на его производство. С такими противоречиями мы действительно сталкиваемся довольно часто и справедливо возмущаемся. Но это возмущение не столько морального, сколько юридического и политического характера. И разрешение подобных противоречий зависит от преодоления сопротивления тех сил, которые боятся передать власть над производством и распределением настояще-му хозяину, и от утверждения открытого и законного типа рыночных отношений. За это, собственно, и борются наши прогрессивно настроенные политики, экономисты, юристы.

Есть, однако, сомнения и возражения против рынка, частной собственности и свободного предпринимательства более глубокого плана, которые не исчезают, даже если предположить обоснованные спросом и конкуренцией цены и гарантированную законом справедливость при обмене стоимостями. Речь идет о сомнениях нравственного характера, особенно мучительных для русского человека, вечно обкрадываемого и никогда не знающего, сколько он зарабатывает, оболваненного коммунистической пропагандой, убежденного, что дельцы и миллионеры есть только на Западе, неспособного распорядиться лишним рублем. К этой забитости и наивности добавляется извлеченный из опыта многочисленных праведников и мучеников и из традиций русской культуры идеал бескорыстного самопожертвования как вершины нравственного подвига. На Востоке этот идеал поблек перед надчеловеческой, космической мудростью, на Западе был существенно «скорректирован» критерием разумной полезности, а мы так и остались (к счастью или к сожалению) очарованными его величием.

Вот почему настороженно и подозрительно относятся русские люди к идее спасения Родины с помощью введения частной собственности, расширения торговли и т. д. Вот почему переход на рыночную экономику нуждается сейчас в **нравственном оправдании**. Без такого оправдания сопротивление народа может оказаться сильнее сопротивления любой политической партии. А еще страшнее, если народ уступит нравственно неоправданному рынку и развратится окончательно.

Чего же может стыдиться собственник, честно продавая свой честно произведенный товар, и за что он может подвергнуться моральному осуждению со стороны окружающих? Ведь каждый человек, кем бы он ни работал, получает заработную плату и фактически продает произведенный им продукт, труд, время, способности. Дело, однако, в том, что мы отмечаем принципиально разное отношение к производственной и торговой деятельности у колхозника или продавца государственного магазина и у частного собственника. В человеке, решившем заняться частно-предпринимательской, торговой или производственной деятельностью на собственном поле, предприятии, мы подозреваем чрезмерную устремленность к производству и продаже пусть даже необходимых для общества материальных ценностей. Учитывая добровольность, заинтересованность и увлеченность частника своим делом, связанным с производством и сбытом какой-то продукции, мы опасаемся, что он вкладывает (или уже вложил) в это дело всю свою душу, что обмен, производство, продажа, прибыль превратились из средства в цель его жизни, тогда как духовное развитие стало чем-то второстепенным, ушло на второй план или вообще прекратилось.

В этом отношении рабочий завода, колхозник, продавец государственного магазина (имеется в виду, конечно, честный продавец) выигрывают по сравнению с частным производителем и продавцом на базаре. Первые относятся безразлично к своим занятиям, не заинтересованы в качестве работы, боятся переработать лишнюю минуту. Но именно эта нерадивость, от которой мы все так страдаем, заставляет нас предположить, что у этого рабочего, колхозника или продавца есть какая-то другая жизнь, другие занятия, учеба и т. д. Конечно, эта другая жизнь может быть еще хуже, но может быть и лучше. А вот труженик-частник и продавец на базаре отдают, как нам кажется, себя целиком производству и продаже продуктов, полностью «захвачены» производственной и торговой деятельностью. От этой «захваченности» и увлеченности мы, собственно, и ждем экономического чуда в будущем.

Но нравственное сознание с давних пор предупреждает человека о недопустимости превращения его в определяемое одними экономическими потребностями и интересами существо, о необходимости более благородных душевных устремлений. И настолько могущественно это достояние нравственной культуры, что даже господство вульгарно-материалистической философии, преподносимой официально со всех трибун и кафедр, ничего не смогло изменить. Не по силам ей, бездуховной, оказалось повлиять на души людей. Бытие менялось, но люди продолжали верить, что не хлебом одним будет жить человек. И сейчас та же самая культура не позволяет принять рынок в качестве высшей ценности, не дает смириться даже с подозрением на то, что человек может посвятить всего себя производству, торговле, бизнесу.

Второе моральное препятствие на пути к рынку - преимущественная забота частника о своем благе, счастье. В то время, как специфика нравственного сознания и поведения характеризуется «другодоминантностью» (направленностью на другого), рыночные отношения, забота о частной собственности заставляют меня думать прежде всего о своей выгоде. Пусть мое благополучие выгодно и другому, обеспечивает его необходимыми продуктами, работой, другой меня все же интересует как средство для моего благополучного существования. И нравственное чувство не может удовлетвориться подобной мотивировкой «разумного эгоизма».

Здесь, кстати, официальная пропаганда тщетно пыталась подстроиться под мораль, болтая об общественном долге, приоритете интересов общества

над интересами личности и т. д., не понимая, что дело не в обществе и не в личности, а в другом обществе и другой личности. Апелляция к обществу и коллективу как верховному судье над человеком нужна как раз для того, чтобы скрыть бесчеловечность политической и экономической организации общества. На самом деле нравственным признается не то, что выгоднее большинству, а то, что делается бескорыстно, из уважения и желания помочь другому или другим. И неважно, кто это делает, мировой пролетариат или отдельный кооператор - лишь бы на первом месте была готовность помочь, а не забота о собственном интересе.

Любить себя и быть способным отдать себя другому - вот вершина морали, и любые посягательства на готовность самоотдачи как основы морали - бесплодны. И снова мы видим, что государственный служащий или рабочий выглядит привлекательнее в этом отношении, чем энтузиаст рыночной экономики. Работая за постоянную, да еще и явно заниженную зарплату, он кажется «бескорыстнее» считающего каждую копейку частного собственника. Продавец государственного магазина, если он не жулик, просто «бессребренник» по сравнению с владельцем или совладельцем магазина. Кроме того, конечная взаимная польза от обмена деятельностью понятна часто лишь немногим теоретикам, в то время как сами собственники могут думать лишь о себе.

Итак, два серьезнейших моральных упрека неизбежны сегодня в адрес рынка, частной собственности, свободного предпринимательства - чрезмерное увлечение ими как целью человеческого бытия и преимущественное руководство критерием собственной выгоды. Нравственное оправдание рынка заключается поэтому в признании обоснованности данных обвинений и в поиске возможностей их смягчения.

Это значит, во-первых, что нужно решительно отказаться от легкомысленной надежды решить все накопившиеся проблемы с помощью экономической реформы. Даже во главу угла нельзя ее ставить. Как наивны многие наши публицисты, полагая, что частная собственность и рынок преобразуют и систему образования, и науку поднимут до надлежащего уровня, и искусство избавят от насаждаемых подделок, и природу-матушку сэберегут. При этом часто кивают на Запад, забывая, что там развитию капиталистических отношений предшествовали (в крайнем случае, сопровождали их) культурные преобразования. Для нас же единственный выход - параллельно с мерами, направленными на расширение рынка и приватизацию, предусматривать еще более решительные меры для устранения невежества, предоставления любому собственнику, любому хозяину абсолютно одинаковых возможностей для культурного развития. Безнравственно даже думать о спасении России за счет провозглашения экономических интересов в качестве важнейших для миллионов граждан.

В свою очередь, сам собственник должен с самого начала рассматривать занятие торговлей, трудом на собственной земле, в собственной мастерской и т. д. как одну из необходимых сфер деятельности, дающую многое, но не главное для жизни. Да и сам производительный труд не может считаться высшим смыслом жизни - есть вещи для человека и труднее, и значительнее. И если мы убеждены, что духовное и нравственное развитие намного важнее для этого частника, чем производственная и торговая деятельность, мы оправдываем и восхищаемся его работой за прилавком, как и любой другой мастерски выполняемой работой. Особое значение имеет сейчас и обращение к торговой и предпринимательской деятельности культурно подготовленных людей, способных продемонстрировать образцы не только честного, но и нравственного

отношения к ней.

Но и этого мало. Чтобы быть нравственной, деятельность бизнесмена, предпринимателя, собственника должна исходить из заботы о благе других людей больше, чем о своем собственном. Возможно ли это? Конечно, пока не очень часто. Ведь даже далеко не все врачи в районных поликлиниках думают прежде всего о благе своих пациентов. И все же забота продавца о покупателе может быть не менее искренней, чем забота врача о больном. До тех пор, пока мои действия продолжают в большей степени руководствоваться расчетами собственной пользы или прибыли, я обязан компенсировать недооценку интересов потребителя, заказчика, покупателя и вообще других людей благотворительной деятельностью, соответствующей моим доходам.

Насколько велика сила нравственного оправдания рыночной деятельности можно увидеть на самом, казалось бы, неприемлемом для общественного мнения примере - проституции. Публичный дом - заведение с традиционно испорченной репутацией. Но и здесь основные претензии нравственного характера связаны не с тем, что эти заведения разрушают семью (многим семьям, наоборот, это продлило бы существование), и не с возможностью заразиться (риск заболевания тоже снижается благодаря официальному контролю), и даже не с тем, что секс отделяется от любви (подлинная мораль никогда не связывала с необходимостью любовь и секс, оправдывая довольно часто как воздержание от полового акта с любимым человеком, так и вступление в связь, когда любви еще или уже нет). Безнравственными нам кажутся проститутка и ее клиент потому, что мы видим в них людей, для которых торговля собой и поиск наслаждений стали главными факторами жизни, превращающими женщину в «шлюху», а мужчину - в похотливого сладострастника, и потому еще, что оба интересуются прежде всего своей выгодой (она - деньгами, он - удовольствием). Там, где удастся снять эти подозрения, мораль не осуждает половую связь за деньги. Безнравственны лишь обман, насилие и поглощение всех сил поиском сексуальных удовольствий.

Теперь конкретнее о дискуссии между нашими «рынкофилами» и «рынкофобами». В сущности, обе стороны доказывают одно и то же - преимущества нравственных рыночных отношений перед безнравственными. Только «рынкофилы» с большей пронизательностью видят скрытые проявления сохраняющегося до сих пор глубоко безнравственного, «черного» во всех отношениях рынка, а «рынкофобы» предупреждают о начинающихся уже сегодня аморальных последствиях открытого и чрезмерного увлечения рынком.

«Рынкофобы» против такого деления людей на богатых и бедных, которое с помощью денег и легкой наживы скрывает разницу между честным тружеником и авантюристом; против такого мелочного расчета, который лишает человека самой большой пользы и счастья; против такой частной собственности, которая оставляет большинство людей без всякой собственности; против такого индивидуализма, который настраивает коллектив против меня и не дает проявиться моему «я»; против такого самоуправства, которое бесконечными срывами поставок и договоров не дает возможности действовать самостоятельно на местах и т. д.

«Рынкофилы» же выступают за такое деление на богатых и бедных, которое избавит общество от крайней формы неравенства, когда даже денег не надо, чтобы пользоваться «бесценными» льготами и преимуществами; за такой практический расчет каждого шага, поступка, который предохранит от бесконечных жертв, оказывающихся чрезвычайно выгодными для определенного

круга лиц; за такую частную собственность, которая вернет собственность обществу, отняв ее у партийно-государственного аппарата; за такое развитие индивидуальной инициативы и предприимчивости, которое позволит приостановить беспредельные по масштабам социальные инициативы и эксперименты; за такую самостоятельность на местах, от которой будет что делегировать и передавать центру и т. д.

Другими словами, и «рынкофобы», и «рынкофилы» одинаково стремятся уйти от крайних, безнравственных форм реализации рыночных отношений. Осознание общих моральных устремлений является единственно возможной основой их сотрудничества. Спорить нужно не о необходимости рынка, частной собственности и свободного предпринимательства и не о «любви» или «нелюбви» к ним, а об их нравственном «очищении» и придании им приемлемой для морального сознания формы.

А.Б.Франц

...ПЕРВЫЕ АПЕЛЛИРУЮТ К МОРАЛИ, ВТОРЫЕ — К НРАВСТВЕННОСТИ

Первый этап консультации

Простейший контент-анализ экспертируемых речевых практик показывает существенное различие в способе аргументации «рынкофобов» и «рынкофилов». Кратко суммируя это различие, можно сказать: первые апеллируют к морали, вторые - к **нравам, нравственности**. Выпишем употребляемые в приведенных ценностных суждениях словосочетания, включающие «мораль» и «нравственность».

«Рынкофобия»:
Иссушается нравственное чувство
Рост аморализма
В моральном отношении
Морально оправдано
Моральная вседозволенность
Народная нравственность
Мораль—это...
Сокровенная суть морали
Золотое правило нравственности
Непреложные законы морали

Мораль—7 раз, нравственность -3 раза.

«Рынкофилия»:
Состояние нравов
Кризис общественной нравственности
Моральная реабилитация
В моральной... защите нуждается
Морально-психологическая компенсация

Мораль -3 раза, нравственность - 2 раза.

В левой колонке преимущество «морального» дискурса налицо. Более того, словосочетание «народная нравственность» является настолько общим, абстрагирующимся от реальности нравов, что по своей смысловой модальности тяготеет скорее к сфере морального принципа. Что же касается «золотого правила нравственности», то здесь явная апелляция к идеальной форме нравственности, то есть к **моральному** императиву (в тексте, собственно, и следует дальше отсылка к «категорическому императиву»). То есть общий счет здесь примерно 8,5/1,5 в пользу моральной аргументации.

Вторая колонка, на первый взгляд, не вписывается в предложенную логику. Но следует обратить внимание на следующий факт: лишь «нравы», «нравственность» употребляются для обозначения реальных оснований аргументации «рынкофилов». Термин «мораль» включен в сочетание, обозначающее нечто только лишь желаемое, необходимое (реабилитацию, защиту), но не существующее в качестве реального основания собственной аргументации. Так что соотношение здесь все же 2/1 в пользу «нравственности», «нравов».

Если же взять суждения целиком, то отсылка к Добру, Идеалу, Вечности, подлинному равенству, благодеянию, любви - с одной стороны, и демонстрация реалий самореализации и сотрудничества, утверждающиеся нормы и правила, способы погашения отрицательных последствий - с другой стороны, еще ярче расцвечивают противоположность «моральной» и «нравственной» аргументации.

Собственно, отсюда выстраивается ответ на последний вопрос начального этапа консультирования - относительно мировоззренческих оснований, детерминирующих социальное бытие предъявленных для экспертизы суждений. Коль скоро речь идет о мировоззренческих основаниях, мы абстрагируемся от «шкурных» интересов, умышленной демагогии и т. д., но обратимся к «искреннему» этосу.

Любой (а не только советский) этос в своей вертикальной структуре распадается на **сферу** нравов, практически непосредственно определяемых структурами гражданского (или традиционного) общежития, и сферу **морали**, возникающей как феномен предельной идеализации структур социального действия в целом. Собственно нравственность и возникает как синтез этих двух начал: как «освящение», санкционирование нравов авторитетом морального принципа и, с другой стороны, как «наполнение» морального принципа содержанием реально практикуемых нравов.

Естественно, «образ нравственности» народа зависит от соотношения этих двух начал. Чем сильнее вплетен, «встроен» индивид в структуры общежития, тем отчетливее доминирует в его «образе нравственности» детерминирующее начало нравов. И наоборот, минимизация структур общежития - для индустриальной эпохи это структуры **гражданского общества** - определяет доминирование в «образе нравственности» морального начала.

Тоталитарная коммунистическая система сводит структуры гражданского общества к нулю. Индивид, замкнутый (в пределе) на представляющее его всеобщность государство, атомизирован. Гражданское общество, генерирующее нравы, отсутствует. (Те «нравы», которые все же вырастают на каменистой почве тоталитарной системы - кумовство, коррупция, статусные игры и т. д. - моралью, естественно, не легитимируются). Поэтому язык тоталитарного индивида, как и тоталитарного государства, - это язык морали. «Долг», «Идеалы», «Священное», «Во имя блага», «Совесть», «Душа» и т. д.

Таким образом, апелляция к моральному началу (суждения «рынкофобов») есть не что иное, как естественный и единственно возможный способ мироощущения тоталитарного индивида, атомизированного в своих гражданских связях; тотальность, опосредующая и легитимирующая все его квазигражданские связи, делает мораль единственно возможным способом их интерпретации. Тоталитарный императив **целостности и всеобщности** - вот подлинное **мировоззренческое основание**, детерминирующее **социальное бытие** «рынкофобии» в любом ее варианте.

В этой связи появление противоположного типа суждений кажется не-

сколько загадочным. Действительно, в рамках тоталитарной системы их существование просто невозможно. И не только в силу возможных репрессий государства, но прежде всего в силу **самодостаточности** морального мира реализованной утопии. «У советских собственная гордость», и достаточно долгое время эта собственная гордость существовала как массовое явление, причем опять-таки безотносительно к силовым «обоснованиям» преимуществ коммунистической системы.

Лишь кризис тоталитарной системы (прежде всего экономический и далее политический) породил сколько-нибудь массовое сомнение относительно **моральных** легитимаций этой системы. Ибо мораль по способу реализации тоталитарна, а тоталитаризм по способу легитимации морален.

Представляется, однако, что обращение к **нравам** как одному из начал нравственности имеет сегодня лишь чисто негативную модальность - модальность разочарования в ранее исповедуемых ценностях. Экономическое, политическое и моральное разочарование в тоталитарной системе, подкрепленное «переводными картинками» с Запада, - вот то **мировоззренческое основание**, которое детерминирует социальное бытие предъявленных ценностных суждений «рынкофилов».

Отсюда вытекает и **соотношение реальной силы** предъявленных типов суждений. Дело здесь, к сожалению, не в **количестве** носителей того или иного «образа нравственности», но в психической силе, значимости, то есть в психическом **качестве** этих образов. **Моральный** образ нравственности способен задавать такие психические структуры, как «бесконечная преданность», «непреклонность», «несгибаемая воля», «самопожертвование» и т. д., многократно умножающие силу, сплоченность и эффективность носителей этого образа. Морально сплоченное меньшинство способно стать решающей силой. Те же, кто апеллирует сегодня к **нравам**, генерируемым гражданским обществом, не просто не имеют реальной почвы в агонизирующей тоталитарной системе. Их почва - отсылка к привлекательным «образам нравственности» западной цивилизации. Но дело даже не в этом. Сама психическая валидность «образа нравственности», ориентирующегося на реальные нравы человеческого благополучия, обладает несравненно меньшим «бойцовским потенциалом». Не случайно поэтому, что выход из тоталитарной системы облекается сегодня в одеяния **национальной** идеи (там, где это возможно), которая по организующей мощи является однопорядковой с утопически-тоталитарной моральной идеей. И, наоборот, до сих пор в рамках СССР не заметно сколько-нибудь существенного социального движения, замешанного на нравственных ценностях гражданского общества. Ибо эти ценности не способны возбудить толпу, а формой социальной организации атомизированных тоталитарных индивидов является именно толпа.

Поэтому можно сделать вывод, что влияние и эффективность морально-ориентированных суждений «рынкофобов» - сколь бы ни были они рационально несостоятельными - на бессознательном уровне несравненно выше. Лишь полный распад социальной ткани тоталитарной системы, хаос и тьма, следующие за этим распадом, могут действительно дискредитировать тоталитарно-утопическую (моральную) систему координат, расчистить место для иной тенденции. Вопрос лишь в том, какую цену придется нам всем за это заплатить.

Что касается **степени полноты** представленной совокупности ценностных суждений, то сделанная выборка достаточно репрезентативно демонстри-

рует дихотомический **принцип разделения** морально-ориентированного и нраво-ориентированного «образов нравственности». В то же время система противоположных суждений в этом алгоритме может быть выстроена по поводу **любой** ценности. И в этом смысле **полное** представительство дихотомических суждений требовало бы пропустить через данный алгоритм **всю** ценностную структуру нравственности, что достаточно громоздко и вряд ли необходимо. Ибо, повторим еще раз, алгоритм противопоставления в предложенной выборке зафиксирован достаточно определенно.

Комментируя те ценностные суждения из предложенной выборки, в которых - по мысли авторов - сфокусированы наиболее острые грани современного нравственного конфликта, мы бы хотели отметить бессмысленность (на наш взгляд) такого рода выделения. Ибо современный нравственный конфликт задан самой структурой нравственности. А те или иные вербализации этой структуры - виртуальны, изменчивы, привязаны к политической конъюнктуре, зависимы от места, времени, состава участников того или иного события.

Иными словами, это вопрос для экспертизы той или иной локальной ситуации, но не для «современного нравственного конфликта».

Второй этап консультации

Что касается выделения трех типов конфликтов, предлагаемых авторами опроса, то с ними можно согласиться. Единственно, что хотелось бы уточнить - так это взаимосвязь и иерархию указанных типов конфликтов. Впрочем, кое-какого уточнения требуют, на наш взгляд, и некоторые дефиниции указанной типологии.

Итак, если попытаться назвать наиболее общий, глобальный конфликт, то это указанный под № 2 **конфликт внутри самой нормативно-ценностной системы** индустриальной эпохи. Конфликт между моральным императивом формальной всеобщности («поступай так, чтобы максима твоей воли могла служить также и правилом общего законодательства») и реальной обособленностью индивида в структурах гражданского общества, где тенденции солидарности и взаимной ответственности, освящаемые моральным императивом, находятся по определению в отношении отрицания со статусом обособленного индивида.

Почему именно этот тип конфликта рассматривается нами как базовый? Прежде всего, потому, что моральная традиция «гомо советикус» (конфликт № 1) - это лишь вырожденный случай указанного ранее конфликта, где моральный императив реализованной утопии пожирает свою противоположность. И так называемые «моральные инновации», обусловленные взрывом перемен в отношениях собственности, трудовой мотивации, развитии предпринимательской деятельности и т. д. - суть не что иное, как попытка **восстановления** изначального базового нормативно-ценностного конфликта индустриального общества.

Особый интерес представляет русский этнополитический контекст, в котором оказалось возможным вырождение базового ценностного конфликта индустриального общества в моральную утопию коммунистического тоталитаризма. Описание данного контекста не соответствует, к сожалению, жанру экспертизы. Что касается диагностирования сегодняшнего состояния «русской идеи» внутри базового ценностного конфликта индустриального общества, то это по-прежнему попытки нахождения «третьего пути», поиск национальных «корешков» для возникновения «особых форм» развития и т. д. Утешает то, что

в настоящий момент поисками такого рода занята достаточно незначительная группа интеллектуалов. По крайней мере, массовым явлением это назвать нельзя.

Другое дело - «предельность», «конечность», «абсолютность» русского национального самосознания. Поиск града Божьего, конечной правды как национальный склад духовности - чрезвычайно благоприятная почва для морального тоталитаризма. И в этом смысле прорыв к иным ценностям оказывается сложнее, чем где-либо. Впрочем, это требует особого рассмотрения.

Третий этап консультации

Говоря об аксиологии и праксиологии консенсуса, авторы опроса противоречат сами себе. Действительно, консенсус есть результат **взаимного** компромисса. Предъявляя же алгоритмы разрешения конфликтов, авторы достаточно определенно демонстрируют стремление убедить «рынкофобов» в моральности рынка, то есть игра здесь совершенно очевидно ведется в одни ворота. И это, вообще говоря, правильно, но только при чем тут консенсус?

Предложенные алгоритмы - суть алгоритмы моральной агитации и как таковые вполне состоятельны, а при хорошей организационной и технической базе могут, вероятно, быть достаточно эффективными. Только не следует обольщаться насчет консенсуса, ибо здесь не что иное, как манипуляция сознанием «рынкофобов». Заметим, впрочем, что иной путь профилактики конфликта и невозможен.

Почему? Как было известно еще Канту, «мысль о сверхчувственном» может существовать лишь как негативная «по отношению к чувственно воспринимаемому миру». Иначе говоря, последовательно моральная установка **по определению критична** к любым интенциям гражданского общества. Эта негативность заложена в самих моральных смыслообразующих структурах. Поэтому любая попытка «консенсуса» в этой сфере обречена на провал, за исключением того случая, когда она является - как было отмечено - замаскированной стратегией манипуляции сознанием.

Если же не прибегать к манипуляции, то, вероятно, возможен консенсус на основе разделения «сфер влияния». Это означает, например, «моральную секуляризацию» экономики и политики, с одной стороны, оставление на откуп моральному императиву сферы образования, культуры, благотворительности, социального обеспечения и т. д. - с другой. То есть, с одной стороны, отказ от стремления к «общему благу» в сфере экономики, отказ от понимания политики как всеобщего представительства (это все же борьба интересов), а с другой стороны, усиление начала высокой духовности в указанных ранее сферах. Впрочем, здесь возможны варианты.

Что же касается поиска и нахождения **моральных оснований** решения конфликта, то, думается, внутри нормативно-ценностной системы индустриальной эпохи таковых оснований просто не существует.

Ф. В. Цанн

ЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОНЯТИЕ

Определенная условность и абстрактность поставленных вопросов-оппозиций, обусловленные незрелостью формирующегося гражданского общества и вариативностью, открытостью современной политико-экономической си-

туации, затрудняют экспертный анализ нравственных коллизий. Разумеется, и наши ответы на предлагаемые вопросы тоже приобретают вероятностный характер. Чтобы уменьшить степень их условности, на наш взгляд, требуется сделать два предварительных замечания, которые, возможно, весь разговор переведут в другую плоскость, во всяком случае, снимут налет антиномичности с выдвинутых оппозиций «рынкофобов» и «рынкофилов».

1. Необходимо исходить из неотчуждаемого, естественного права быть собственником, которое гарантирует личности защиту ее интересов и свобод. Будучи собственником своих способностей, талантов, сущностных личностных сил, составляющих как бы природу человека, его натуру, личность должна иметь средство их защиты. Таковым и является гражданское общество.

Для реализации этого основополагающего фундаментального права она вступает в различные союзы, ассоциации, корпорации, партии, чтобы фактически осуществить право быть господином, собственником себя. Иными словами, индивид избирает различные формы владения, распоряжения и пользования своим естественным правом, что и рождает многообразие форм собственности. Таким образом, гражданское общество как система негосударственных союзов, корпораций, ассоциаций и т. п. рождается из потребностей, интересов индивидов защитить свое естественное право быть личностью от покушения на него как со стороны других индивидов, так и со стороны государства.

С этой точки зрения ставший общепринятым тезис о том, что в рыночном обществе «заложена» возможность отчуждения личности, нуждается в серьезной корректировке. И она должна идти не столько по линии того, что государственно-плановое регулирование экономики снимет или смягчит отчуждение, сколько по линии переосмысления самого феномена отчуждения. Если исходить из данного ранее понимания естественного и неотчуждаемого права быть собственником (а не «право собственности»), то источник отчуждения лежит в отсутствии свободы распорядиться самим собою. Следовательно, рынок в условиях правового государства и гражданского общества со своим собственным социальным пространством, защищенным от «оккупаций» его государством, отнюдь не провоцирует и тем более не рождает отчуждение, а, наоборот, может способствовать его преодолению. Источник отчуждения - несвобода личности.

Природа гражданского общества определяется как бы природой самого человека. И поэтому основное противоречие - не противоречие между моралью и законами рынка, а между неотчуждаемым естественным правом на жизнь в качестве самостоятельной личности и адекватностью создаваемых средств его реализации. В чем это конкретно заключается?

Неотчуждаемое и естественное право быть господином самого себя предполагает и нравственное, и рациональное его использование. Человек как собственник несет ответственность перед обществом за такое использование своих сущностных сил («своей природы»), которое не должно наносить ущерба праву, свободе, достоинству других людей. Следовательно, собственность не допускает недобросовестной состязательности, сговора о ценах, лживой или вводящей в заблуждение рекламы, которые наносят ущерб интересам граждан. Преследуется как законом, так и обычаями, традициями, различными уставами, регламентами коммерческая и предпринимательская деятельность, не совместимая с добросовестной деловой практикой и направленная на устранение свободной состязательности. Не одобряется получение необоснованных преимуществ перед теми, кто действует добросовестно. Запрещается моно-

польная деятельность, которая имеет целью ограничение или устранение соперника.

Высказанные соображения позволяют сделать вывод, что гражданское общество в реальности есть система экономических, духовно-культурных, нравственных, религиозных и других отношений индивидов как собственников в изначальном, естественном смысле; свободно и добровольно объединившихся в гражданские ассоциации, союзы и корпорации для удовлетворения своих потребностей, интересов. Такое общество строится на основе принципа самоуправления и самопроявляемости и в своей действительности защищено как законами, так и моральными нормами, составляющими в совокупности механизм его самозащиты. Причем они образуют такую слитность, амальгаму, что только в теоретическом анализе их можно разложить на составляющие и выделить детерминирующие основания.

Поэтому предложенные для анализа оппозиции - это образы обыденного сознания, которое сформировалось в условиях тоталитарной системы и питается катаклизмами разрушаемого авторитарного государства. Устранение их возможно лишь при условии нормально формирующегося гражданского общества и массового культурно-правового просвещения.

2. Другое замечание состоит в том, что формирование гражданского общества и рынка у нас не повторит западноевропейский путь. Если применительно к Западной Европе можно было согласиться с Марксом в том, что ключ к анатомии гражданского общества лежит в политической экономии, то у нас, видимо, он будет лежать в политике. То есть процесс формирования гражданского общества пойдет «сверху», и основные коллизии возникнут между новым правом и старыми моральными догмами. Поэтому представленные в опросе ценностные суждения должны быть дополнены суждениями, отражающими оппозицию по отношению к политике, направленной на создание гражданского общества как противовеса тоталитарному государству. Скорее всего, это обнаружится в неприятии проекта Конституции РСФСР, где делается попытка сегодняшнюю смуту, хаос направить в русло твердых конституционных норм.

Переходя к оценке классификации конфликтов, инициируемых переходным этапом становления гражданского общества, хотел бы ее дополнить еще одним типом, на базе которого будут рождаться самые различные нравственные конфликты.

Формирующееся гражданское общество меняет не только соотношение между регламентирующей, запретительной и правоохранительной функцией права, но и самое понятие права. На смену праву, возводящему в закон классовый, групповой, национальный или региональный эгоизм, приходит право как форма защиты свободы, чести, достоинства личности (вообще, а не только граждан), как источника первоначального права. В результате этого возникает зазор между старым и новым правом, внутри которого создается пространство и для моральных конфликтов, поскольку появляются разные правовые ориентиры. У граждан государства может возникнуть нежелание признать верховенство личных, общечеловеческих прав и свобод над гражданскими политическими правами страны или республики, обнаружив в этом верховенстве ущемление своих преимуществ. С этой точки зрения желательно побыстрее привести законодательство в гуманитарной области в соответствие с международными пактами и конвенциями, что было бы действенной мерой для снижения и моральной напряженности.

Нам представляется, что консенсус внутри гражданского общества надо

искать преимущественно не в сфере действия морали, а в области права. Основу этого консенсуса могло бы составить подведение юридического, правового фундамента под общечеловеческие гуманистические ценности. В массовом обыденном сознании сохраняется вера в них, поскольку эти ценности всегда декларировались в нашем обществе, и рядовой советский человек воспитывается на них с детства. Но в условиях тоталитарного государства идеология «опеки», превращая его в винтик государственной машины, создавала видимость компенсации в форме «гаранта» его прав, взявшего на себя заботу о благе личности. В атмосфере свободной рыночной экономики у нее появляется чувство обреченности, одиночества и незащитности, что и становится источником агрессивного неприятия рынка. Поэтому правовой фундамент гуманистических ценностей мог бы внести в эту атмосферу подозрительности и недоверия известное успокоение в виде реальных социальных защит: защита от безработицы, право на вознаграждение за труд не менее установленного прожиточного минимума, социальные гарантии наемного труда, материальное обеспечение в старости, при инвалидности и т. п.

В заключение коснемся этнонациональных особенностей нашей страны в контексте рассматриваемой проблемы. Мне представляется, что в классификации трех типов конфликтов переходного периода не до конца учтено своеобразие русского национального характера, в котором, по словам Ф. Абрамова, «нравственный максимализм... стремление во что бы то ни стало разрешить и разрешить немедленно, сию минуту, все «проклятые» и «вечные» вопросы человечества оборачиваются забвением земных мелочей, конкретных для своего бытия», короче говоря, его безразличием именно к сфере гражданского общества. Поэтому рынок потребует выделки и переделки характера. И в этом случае необходимо своеволие и законопослушание вводить в государственно-правовые устойчивые формы. Приходится вновь констатировать, что основные конфликты, ожидающие нас, будут лежать, на границе старой морали и нового права.

РЫНКОФИЛИЯ И РЫНКОФОБИЯ: ВЕРБАЛИЗОВАННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОКОЛЕНИЙ

Изначальная идея Проекта предполагала параллельно с экспертным опросом еще и массовый опрос. В ноябре 1990 года в Грузии проводилось совместное крупномасштабное социологическое исследование (№ 1351), в рамках которого содержалась и проблематика Проекта «Этика гражданского общества». Два блока ценностных суждений - в защиту и против рынка - были вынесены на суд общественного мнения республики¹. Результаты опроса говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в особом комментарии, однако прежде чем их представить, сделаем два предварительных замечания.

Во-первых. Думается, что полученные нами результаты с определенной долей условности отражают общесоюзную ситуацию. Хотя, конечно же, социально-политически Грузия в настоящее время серьезно отличается от других регионов страны, тем не менее, в глубинных ментальных процессах отклонения от общесоюзной «нормы», видимо, будут не столь существенными. Словом, общие наблюдения по исследованию можно аппроксиматично «опрокинуть» на всю страну.

Во-вторых. Рефлексия и выбор по столь сложной теме, как культурно-нравственные аргументы «за» и «против» рынка, неизбежно дают куда больший процент воздержавшихся от ответа, чем вопросы повседневно-альтернативные. Это видно даже по, казалось бы, простой процедуре идентификации респондентов с лагерем противников или сторонников рыночной идеи и рыночного общества: 37% - сторонников; 19% - противников при 44% воздержавшихся от ответа, состоящих на две трети из женщин в основном молодого возраста (до 35 лет). При взвешивании ценностных суждений обоих блоков удельный вес отказов несколько сократился, хотя каждый раз охватывал приблизительно каждого третьего из числа опрошенных. Нам представляется, что связано это не только с отсутствием опыта рыночного общества у людей, но и опыта переживания культурно-нравственного выбора как такового, а в нашем случае выраженного далеко не всегда простым языком повседневности.

Приведем линейное распределение по взвешиванию блока ценностных суждений против рынка.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Наше общество вступает в новую фазу своего развития, выбрав путь создания рыночной экономики и рыночного общества. Однако люди далеко неоднозначно относятся к этой генеральной линии развития. В развернувшейся дискуссии на эту тему довольно активно высказывают свою позицию противники рынка. Причем чаще всего они исходят

¹ Мне хотелось бы выразить признательность сотрудникам Центра социальных исследований (Тбилиси) и прежде всего его руководителю П. Ш. Амонашвили за любезное предложение принять участие в проведении исследования и за содействие на всех этапах его реализации.

из того, что рынок нанесет непоправимый ущерб общественной нравственности. Оцените, пожалуйста, по нижеследующему списку аргументы в пользу этой позиции как очень сильные, сильные, средние, слабые и очень слабые» (в % к числу ответивших на вопрос).

Аргументы	Оценка аргументов					З/О	Сред. вес
	Оч. сил.	сил.	сред.	слаб.	оч. сл.		
1. Антидуховность рынка	8,2	9,5	17,7	22,4	8,9	33,3	3,2
2. Закон "сильного"	10,2	15,4	14,1	18,3	9,3	32,7	3,0
3. Аморализм рынка	9,2	13,0	14,1	20,8	8,6	34,3	3,1
4. Польза губит душу человека	7,9	11,8	15,3	21,2	7,9	35,8	3,1
5. Рыночное общество антидемократично	7,2	11,4	14,3	21,4	9,3	36,4	3,2
6. Частная собственность порождает эгоизм	8,7	12,3	13,4	20,8	9,3	35,5	3,1
7. Частная собственность ведет к аморализму	8,5	11,2	12,5	21,4	10,3	35,1	3,1
8. Расчетливая «честность» выталкивает мораль	8,7	10,6	14,7	21,0	8,3	36,7	3,1

Список ценностных суждений против рынка давался в алфавитном порядке:

1. Вовлеченность человека в рыночную экономику уничтожает в нем устремленность к идеалу, духовным началам, тягу к вечному.

2. «Герои рынка» - предприниматели, коммерсанты, бизнесмены, а не простые труженики; их цель - богатство; они живут по закону «сильного», а посему безжалостны к «слабому».

3. Конкуренция - борьба хищников, ее услада - победа любой ценой, а средство к ее достижению - «игра без правил»; словом, законы бизнеса противоположны законам морали.

4. «Принцип пользы», на котором основывается любое рыночное общество, губит душу и совесть человека, иссушает его нравственные чувства.

5. Рынок с его обожествлением экономической свободы несовместим с подлинным равенством всех людей, а посему рыночное общество антидемократично и антинародно; равенство в бедности куда достойнее «свободного» неравенства.

6. Частная собственность привязывает к себе человека, разъединяя его с другими людьми, а тем самым порождает индивидуализм в самой крайней форме - эгоизм.

7. Частная собственность ведет к росту аморализма; даже честный труженик и тот будет трудиться только для себя.

8. Честность рыночного общества расчетлива («Я тебе столько, сколько ты - мне»); именно расчетливая «честность» выталкивает сокровенную суть самой морали - доброту без меры, бескорыстную любовь.

Как видно из табл. 1, все аргументы против рыночной идеи были оценены в целом как среднеубедительные. Наибольший отклик в массовом сознании получило второе ценностное суждение («закон сильного», навязываемый «героями» рынка); наименьший - пятое суждение (несовместимость рынка с подлинным равенством людей), что само по себе очень характерно.

Показательна завязка оценки аргументов на возраст респондентов. Все корреляции - позитивные. Выясняется, что все оценки аргументов (с разной степенью устойчивости) зависят от возраста опрашиваемого. Это видно из следующего списка:

Номер аргумента	Коэффициент корреляции
1	0,1299
2	0,1536
3	0,1519
4	0,1457
5	0,1897
6	0,1324
7	0,1509
8	0,1415

Приведем теперь линейное распределение ответов по взвешиванию блока ценностных суждений в защиту рыночной идеи.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Сторонники рынка в свою очередь выдвигают аргументы в защиту рынка. Оцените, пожалуйста, по нижеследующему списку аргументы в защиту рынка как совершенно неоспоримые, неоспоримые, сомнительные, спорные, очень спорные» (в % к числу ответивших на вопрос).

Аргументы	Оценка аргументов					3/0	Сред. вес
	Оч.сил.	Сил.	Сред.	Слаб.	Оч.сл.		
1. Личный интерес полезен обществу	26,4	20,9	11,8	6,2	1,8	32,0	2,0
2. Конкуренция есть игра по правилам	21,2	25,2	12,1	6,0	2,9	32,6	2,1
3. Рынок воспитывает ответственность, искореняет пороки	23,8	20,2	12,2	7,3	3,4	33,0	2,1
4. Собственность - гарант достоинства человека	26,2	18,4	11,2	7,5	3,1	33,6	2,1
5. Рынок утверждает честность в обществе	17,2	18,4	15,2	10,6	4,5	34,1	2,4
6. Этика успеха и поражения	20,0	18,9	13,8	8,3	4,3	34,8	2,3

Список аргументов в защиту рынка также давался в алфавитном порядке:

1. Личный интерес служит не только «голому» своекорыстию, он усиливает достоинство частной жизни, а потому ориентация на личный интерес всегда оказывается полезной в первую очередь для интересов всего общества.

2. Конкуренция, конечно же, есть суровая борьба, но она же - игра по правилам, соблюдение которых контролируется общественным мнением.

3. Рыночная экономика не сводится только к ориентации на рынок; она воспитывает социальную ответственность людей, искореняет такие пороки, как иждивенчество, нахлебничество и т. п.

4. Только частная собственность делает человека независимым; она служит главным гарантом его индивидуального достоинства.

5. Требования рынка утверждают в обществе непреложные нормы честности, порядочности и доверия в отношениях между людьми.

6. Этика рыночного общества - это этика успеха и поражения в конкурентной борьбе; она исключает бесстыдство победителя и унижение проигравшего.

Как видно из табл. 2, аргументы в защиту рынка актуализированы в массовом сознании куда весомее аргументов против него же. Скажем, оценка социальной значимости личного интереса прозвучала неоспоримо (независимо от того, принимают ли люди саму идею рынка или нет). А вот главный козырь (в этическом смысле) для грузинской публики - ценностное суждение о частной собственности как основном гаранте Индивидуального достоинства людей. В то же время (и это, пожалуй, составляет квинтэссенцию этики гражданского общества) пятое ценностное суждение показалось нашим респондентам весьма сомнительным.

И вновь взвешивание аргументов в защиту рыночной идеи находится в прямой зависимости от возраста респондентов, причем с гораздо большей очевидностью, чем при взвешивании ценностных суждений первого блока. Практически полное единодушие выявило взвешивание четвертого ценностного суждения (частная собственность - гарант индивидуального достоинства), в остальных же случаях различия в ответах - весьма велики. Однако все коэффициенты корреляции - негативные.

Номер аргумента	Коэффициент корреляции
1	—0,648
2	—0,706
3	—0,715
4	—0,144
5	—0,951
6	—0,856

Вернемся теперь к исходному пункту нашего анализа. Пестрота выборов, а также их четкая корреляция с возрастными цензами отнюдь не свидетельствуют о культурно-ценностном антагонизме в стране¹. В исследованиях подобного рода, на наш взгляд, фиксируются лишь вербализованные формы ментальности (привычные формулировки или непривычные, устоявшиеся стереотипы языка или инновационные и т.п.). А вот насколько это вербализованное противостояние поколений детерминировано культурно-антропологически определено, сказать еще трудно.

¹ Американский политолог и социолог Р. Ингльхарт определяет современное поколенческое противостояние как важнейшую культурно-ценностную характеристику глобального порядка.

**ЭТИКА ОБЩЕСТВА
«СВОБОДНОЙ БЛИЗОСТИ
И СВОБОДНОГО АНТАГОНИЗМА ЛЮДЕЙ»**

**(Размышления авторов проекта)
ПРЕДИСЛОВИЕ**

Каким образом к нам пришла тема этики гражданского общества, для которой экспертный опрос «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции» весьма существенная, но все-таки лишь часть внушительного целого? Разумеется, «имеют место» внутринаучные мотивы, академические интересы - мы продвигались в поисках еще не занятой территории в ходе «экспансии» этико-прикладного знания, главным образом после исследования этики политической и этики воспитательной деятельности¹. Но решающий ангажирующий фактор пришел из реальной ситуации, из обсуждения предлагаемых способов разрешения ее противоречий, из вселенского перестроечного хаоса.

Разве не естественно желание оспорить декларации политического руководства страны относительно решительного перехода к рыночной экономике. «Выбор сделан?!» Очевидно, что идет и процесс его реализации, хотя мы вольны критиковать как предпочтение данного, а не иного варианта движения по этому пути, так и темпы продвижения, его «стоимость». Но решение принято в режиме безальтернативного подхода к ситуации в целом: экономические и технологические обстоятельства почти фатально предопределили основной вектор перехода. Проще - «деваться некуда!» Однако для успешного и основательного преобразования общества, его устоев этого мало — само общество еще должно признать данное решение достойным и потому желанным. Не смириться с ним, тяготясь новыми условиями, а самоопределиться по отношению к ним и к самому факту свободного выбора. Не подчиниться крутой воле авторитетов и автократов, а духовно освоить ситуацию, открыть для себя аргументы метафизической и моральной оправданности перехода в иные ценностные миры. Выбор в пользу гражданского общества в качестве идеала и способа цивилизованного бытия, по определению, не может не быть свободным. Причем не в отрицательной, а именно в положительной форме свободы, как возможность нравственно возвышенного пути развития.

Как же случилось, что политическое решение по критерию социально-экономической целесообразности («иначе не выжить!») обогнало духовную решимость принять новый ценностный мир, морально санкционировать его? Очевидно, в отечественной истории, измеряемой не только десятилетиями, но и столетиями, можно отыскать массу материала для подготовки обоснованного ответа на прозвучавший вопрос. Но не станем заходить так далеко. Переживаемый нами переходный период становления рыночной экономики предстает перед взором простого смертного в самом черном цвете: лекарство мнится (и, увы, во многом является!) горше самой болезни. Возникла питательная среда для «пиратов рынка», спекулянтов, разного рода мафиози, приватизирующихся бюрократов и т. п. публики. В этом смысле сегодняшние реалии рынка способны оскорбить нравственное чувство порядочного человека - с горечью согла-

¹ См.: Бакштановский В. И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. - Москва - Тюмень, 1990; Бакштановский В. И., Потапова Е. П., Согомонов Ю. В. Выбор будущего: деонтология воспитания.- Томск, 1991.

шаются с такой констатацией и самые ярые поборники перехода к рыночной экономике.

Более того, муки перехода затягиваются, хотя понять осторожность стоящих «у штурвала» государства можно: они-то как раз и принимают во внимание среди всего прочего мощный отторгающий фактор нравственно-психологических антирыночных, антисвободных «фобий». С другой стороны, тот факт, что рынок в том виде, каким он сегодня «дан нам в ощущении» (а его чаще всего именуют не иначе как «диким», «грубым», что, кстати говоря, во многом зависит и от политики перехода, от той нерешительности и непоследовательности, которые не позволяют быстро миновать почти неизбежные некоторые свойства стадии первоначального накопления), обыгрывается кампанией идеологической нетерпимости к нему, когда на словах принимается курс на рынок, на деле же его всячески стремятся дискредитировать в правопопулистском духе («либерально-лавочный идеал», «интересы менял и торговцев», класс предпринимателей, «советская криминогенная буржуазия», «средний класс» - главный враг живущих на государственную зарплату и прочее в том же ключе). За этой идиосинক্রазией рынка легко просматриваются своекорыстные интересы тех, кто занимался патерналистско-распределительными заботами и кому грядущий переход к рыночной экономике (а шире - к гражданскому обществу) не сулит ничего привлекательного. Принимая во внимание все это, мы и приняли в рамках исследовательского проекта «Этика гражданского общества» акцию данного опроса, за которым стоят наши концептуальные соображения.

«...Посредине» между семьей и государством

Прежде всего нам предстоит выяснить содержание понятия «гражданское общество», хотя семантика выражения как бы сама ненавязчиво подсказывает его смысл - сообщество граждан. Этим понятием, которое наша научная литература только начала осваивать, видимо, имеет смысл обозначить не какую-то особую общественно-экономическую или же общественно-политическую формацию, не отдельную - пусть и длительную - полосу исторического развития, историческую эпоху, а некий модус существования общественных отношений, систему «социальных изобретений», известную ступень, фазу развития человеческой цивилизации. Но сказав так, мы тотчас оказываемся перед вопросом о сути цивилизации. В социологии и культурологии между тем уже давно возникло такое направление в понимании цивилизации, которое рассматривает ее как воплощение своеобразия духовной культуры в материальном производстве, в технологическом базисе и в социальной организации (подчас сигнализируя фактом воплощения о начавшемся упадке и даже умирании культуры определенного типа, хотя возможен и иной вариант - та или иная цивилизация формируется еще до того, как складывается адекватный ей технический базис). Подобный подход предрасполагает к принятию популярных теорий сравнительно обособленных культурно-исторических типов (в духе схем Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. А. Сорокина), ведет к культурррегионалистскому пониманию цивилизации¹.

¹ О региональных типологиях цивилизации см.: Завадский С. А., Новикова Л. И. Искусство и цивилизация.— М., 1986, с. 137-188; а также материалы Дискуссии «Формации или цивилизации?» - Вопросы философии, 1989, № 10.

Ни в коей мере не оспаривая продуктивности такого рода понимания, заметим, что нас больше в данном случае привлекает иной подход, при котором типы цивилизации выделяются в рамках теории единства всемирно-исторического процесса, сменяющих друг друга типов социальности, более сложного взаимодействия «тела» и «духа» культуры.

Подобная типология позволяет обществоведению выделить первую всеобщую стадию: аграрный или традиционный тип цивилизации. Это - социум с ограниченным применением научной (доньютоновской) технологии в производстве, при котором «производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах»¹. В нем индивид связан с неорганическими условиями производства и это отношение опосредовано ограниченным и органичным коллективом (сельская община, каста, цех, гильдия, корпорация, приход и т.п.), который поглощает своих членов до такой степени, что сам, как правило, и выступает субъектом социального действия.

Традиционной цивилизации присущи рутинные методы производства, натуральное хозяйство, слитные локальные связи, простые, слаборасчлененные, с едва заметными перемещениями социальные структуры. В них преобладают сплоченность, неформальные связи, всеобщий конформизм, сословно-иерархическая упорядоченность отношений, инерция укоренившихся видов деятельности, на века установленные и тщательно регламентированные потребительские стандарты. Это - общество с социокультурным гомеостазисом, деспотией наследуемого опыта, освященного обычаям, с раз и навсегда заданными системами социальных ролей, сакрализованными регулятивными правилами, со сбалансированностью желаний и нормативнокультурных образцов. Личность с качественной, интравертированной культурой, аффективным мировосприятием неподвижна и пребывает в состоянии самоудовлетворения. Воспринимая условия своего существования как собственные, она почти не стремится их преобразовать, улучшить или как-то обновить: умирая, она оставяла мир таким, каким заставляла его при рождении. «Традиционная цивилизация», если прибегнуть к образному сравнению, похожа на обелиск, так архитектурно рассчитанный и возведенный, что «каждый индивидуум был в нем отдельным камнем, а все индивидуумы вместе поддерживали друг друга и составляли одно монументальное целое»².

Второй стадией цивилизационного развития человечества была индустриально-урбанистическая цивилизация, возникшая в формационной среде раннего капитализма, и переход к ней, по звонкой метафоре М. Вебера, означал ни больше ни меньше, как «пролом традиционности». Суммируя социологическую атрибуцию, отметим, что здесь господствует абстрактно-всеобщая форма общественного богатства, личная независимость индивидов, основанная на вещной зависимости, при которой образуется система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций³. Посттрадиционной цивилизации присущи глубоко эшелонированное промышленное развитие, ускорение темпов общественных изменений, разложение старой социальности и утверждение новых типов социальных связей, высокоспециализированные институты, разнообразный набор социальных ролей, формализация межличностных отношений. В ней происхо-

¹ Маркс К., Энтельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 101.

² Ван Гог. Письма.- Л., 1966, с. 552.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100—101.

дит известная гомогенизация сознания, ослабление межгрупповых перегородок, уменьшение социальных дистанций, укореняется практика повторных социализаций. Мобильность социальной экологии в целом девальвирует ценность традиций, хотя и не уничтожает их¹. Преобладает социокультурный контроль над поведением, основанный не на «подчинении», а на «участии», партиципации.

Именно в этой индустриально-урбанистической цивилизации и складывается гражданское общество, а потому все сказанное по ее поводу имеет самое непосредственное отношение и к данному обществу. В определенном смысле цивилизация такого типа является отрицанием региональных цивилизаций, цивилизационного плюрализма, уникальности каждой из региональных цивилизаций. Но в то же время она сама распадается - лучше сказать, изнутри дифференцируется - так как напластовывается на местные доиндустриальные цивилизации, сталкивается и соединяется со своеобразными культурными феноменами, произрастает на основе этнокультурных форм, испытывает на себе сильное влияние контактирующих локальных цивилизаций. «Различные локальные цивилизации обладают своими неповторимыми чертами, но современная индустриальная - выступает тем «эфиром», в котором все они получают свой «удельный вес», определенную траекторию исторического движения. Это порой оборачивается для них самыми драматическими последствиями, а в других случаях, напротив, активизирует ранее скрытые в них потенции, порождая высокоэффективные соединения интернациональных тенденций и местных традиций»². Несколько ниже мы вернемся к вопросу о множестве «этик» гражданского общества, различающихся не только по стадияльным, но и по локальным цивилизационным признакам.

По Гегелю, одному из первых и наиболее проницательных исследователей гражданского общества³, такая общественная система появляется «посредине» между семьей, которая питает гражданское общество (но не входит в него), и государством, хотя, сразу же оговаривается классик, его развитие наступает позднее, нежели возникает государство, и соотносится данное общество не просто с государством, а только с государством особого типа.

Некоторые элементы, лучше сказать - прообразы гражданского общества, начали складываться еще в средневековой Европе. Видный идеолог либерализма А. де Токвиль полагал даже, что в средневековой Франции существовали сословные институты микроуровневого гражданского общества, которые

¹ См.: Шацкий Ежи. Утопия и традиция. - М., 1990.

² Капустин Б. Кризис цивилизации и гуманистическая альтернатива. Коммунист, 1990, № 16, с. 25.

³ Сказанное не означает, будто до Гегеля не было подобного рода исследований. Известно, что в социологической мысли Античности и Средневековья понятие «общество» практически отождествлялось с понятием «государство», хотя уже в трудах Платона и Аристотеля обнаруживались некоторые возможности для различения данных понятий и их последующей раздельной артикуляции. Подобная ситуация получает разъяснение в объективном факте слабой дифференциации различных сфер общественной жизни и видов человеческой деятельности, в одновременности их возникновения, в аритмии обретения ими своей зрелости — лишь на довольно поздних ступенях развития общественной жизни появилась возможность изучения этих сфер и видов как таковых, как уже отдрейфовавших друг от друга и тем самым получивших право на собственную историю. Теория гражданского общества «вышла» из теорий естественного состояния и общественного договора, на базе которых выстроился ряд сменяющих друг друга концепций этико-идеалистического и экономико-реалистического типа (см. об этих концепциях: Современная западная социология. Словарь. - М., 1990, с. 234 - 236).

затем смел наступающий абсолютизм с его бюрократическим аппаратом. К числу таких элементов можно было бы отнести дуализм светской и религиозной власти, прямые связи граждан (бюргеров, буржуа, шире - городских коммун, муниципальных свобод) и власти, особенно в региональном масштабе, автономизацию личности в качестве агента экономической, политической и религиозной жизни, рассекаемые на самостоятельные секторы. Обособление личного и государственного, повышение роли правового регулирования, укрепление общественного значения различных сословно-клановых ассоциаций граждан и т. п. Все это легло в основание гражданского общества Нового времени, разблокировало продуктивную энергию общества. Сама же европейская региональная цивилизация оказалась единственной докапиталистической цивилизацией, которая исторически была представлена: а) двумя формациями, что позволяет ее рассматривать в качестве цивилизации вторичного типа и б) двумя культурно-религиозными традициями античной и иудео-христианской, а кроме того, она и не была исключительно аграрной, непромышленной, как это обычно представляют себе¹.

Вернемся к семантике гражданского общества: она не вводит в заблуждение - речь на самом деле идет об общении граждан как независимых, юридически самостоятельных лиц. Прежде всего в экономической сфере, где они выступают - через рынок товаров, труда и капиталов - в качестве свободных работников и свободных потребителей. В свою очередь именно это и позволяет им быть суверенными в политической жизни, отстаивая в ней свои личные, а затем уже и групповые интересы. И здесь функционирует рынок, но весьма своеобразный - рынок идей, концепций, политических программ и т. п. Наконец, надлежит сказать о духовной сфере, где данные лица располагают свободой в общекультурном и профессиональном плане.

На классической стадии своего развития (ранний индустриализм) гражданское общество образует «царство» имущественных отношений людей как независимых производителей и таких же потребителей. «Царство» - это подлинное заповедничество частных интересов и частной жизни. «В гражданском обществе, - писал Гегель, - каждый для себя - цель, все другие для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других».² Таким образом, себялюбие субъективно превращается в содействие удовлетворению потребностей всех других: обманывая друг друга, лица в той же самой мере находят и себя обманутыми. Но такой обман, полагает классик-философ, не тождествен преступлению, ибо своекорыстие сочетается с освобождением себя от естественных влечений, с ограничением произвола субъективности, признанием приоритетности обязанностей перед государством (что позволяет надеяться на «уразумление» фурий частного интереса).

К этому сюжету у нас еще повод будет вернуться, а пока напомним самим себе об исторической прогрессивной роли частной собственности. Роль эта заключается в вытеснении ограниченных общинных форм человеческого бытия, не столь уж невинных, как может показаться с первого взгляда: не случайно отсутствие частной собственности, подобно той, что существовала в Ев-

¹ См.: Фурсов А. И. Возникновение капитализма и европейская цивилизация: социогенетические интерпретации, - Социологические исследования, 1990, № 10, с. 383 - 384.

² Гегель. Соч., т. 7, - М. - Л., 1934, с. 211.

ропе привело к азиатскому способу производства, застою, восточному деспотизму, поголовному рабству, этатизму, отсутствию у масс как статуса гражданина, так и гражданского сознания. Значение частной собственности состоит в том, что она - и только она - обеспечивает независимость собственников (капитала, знаний, рабочей силы, культурных достижений), содействуя тем самым их автономии в рамках гражданского общества, в создании мощных стимулов для развития человеческих потребностей, производительных сил и культуры. «Собственность - материальное иносказание личности; именно распоряжаясь собственностью, человек вырастает в общество, вступает в сотрудничество с другими людьми — собственниками. Здесь формируется и шлифуется нравственность как язык социальных связей».¹ В ответ на хрестоматийно знаменитый пассаж Ж.-Ж. Руссо о человеке, первым заявившем «это - мое» и тем самым совершившем самое значительное в истории грехопадение, современный политолог Р. Нисбет заметил, что принцип «это - мое» необходим для обеспечения, утверждения неприкосновенности человеческой личности и является первым - и самым ответственным - шагом в развитии цивилизации.

Все аспекты или структуры сложного и многослойного гражданского общества пребывают в причинно-следственной зависимости друг от друга. К. Маркс выявил его базис - производственные, экономические отношения, которые «определяют» социальные отношения различных групп, классов, сообществ, обуславливают политическую сферу и, понятно, задают жизненные позиции, статусы, интересы, ценностные ориентации «атомов» этого общества, его «робинзонов» («экономико-центризм»). Но на что Маркс обратил незаслуженно значительно меньше внимания, так это на факт свободного самоопределения всех этих «агентов общественной жизни» в экономике, политике и особенно в культуре. Именно потому данный факт имеет столь принципиальное значение, что вопрос стоит не только о детерминированности, но и о свободе.

По мере обретения собственности (как в результате ее концентрации, так и в результате ее рассеивания), в том числе и на собственную рабочую силу и творческие потенции, различные автономизированные социальные группы осознают свои интересы, намеренно включаются в деятельность по удовлетворению этих групповых, а также и индивидуальных интересов, включаются в деятельность, которая принимает как экономическую, так и политико-правовую и даже культурную форму. Только так они (группы, индивиды) превращаются в субъектов гражданского общества, преследующих свои собственные (а не чужие или же неосознанные) интересы и благодаря этому дающих «энергию» вечному двигателю саморегуляции гражданского общества. Другим условием подобного превращения является освобождение сознания членов данных групп от «осколков» или «пережитков» догражданского состояния - идей, образов, представлений, норм и поведенческих правил, общинных, сословно-корпоративных и прочих естественно-исторических общностей и объединений.

Оба эти условия как раз и открывают путь к созданию различных ассоциаций: от предпринимательских клубов, благотворительных фондов до потребительских объединений, профессиональных союзов и - при выходе в сопряженную сферу - политических партий.

¹ Гусейнов Г., Драгунский Д. Право на чужое без права на свое.— Век XX и мир, 1990, № 2, с. 17.

Из царства формул в царство действительности

Существование гражданского общества не подлежит сомнению. Но что касается его этики, то тут вполне резонно выразить некоторые недоумения. Разве, спрашивается, недостаточно норм и ценностей общечеловеческой морали для ориентации и регуляции действий всех тех, кто оказался в пересекающихся орбитах гражданского общества? И далее: если данное общество представляет собой заповедный край частных интересов собственников, о какой же, простите, этике можно здесь упоминать? Разве что о гедонической или утилитаристской?!

Хотя бы и так - скажем поначалу. Но надо по порядку рассеять вполне допустимые сомнения. Под этикой гражданского общества, думается, следует иметь в виду не какую-то новую мораль, стоящую над общественной нравственностью или же пребывающую с ней где-то по соседству. Вопрос стоит о конкретизации норм и ценностей общественной нравственности в процессе приложения их к некоторым сравнительно обособленным сферам (или срезам) жизни общества. Означает это необходимость перехода «из царства формул в царство действительности», где формулы облакаются «плотью и кровью»; сама жизнь видоизменяет «царство формул», делает его «более оригинальным, своеобразным, пестрым».¹ Нормы и ценности общественной нравственности, чтобы не стать «отвлеченной моралью», должны конкретизироваться по определенному раскладу оснований. Процесс этот с полным правом может квалифицироваться как обогащение нравственной жизни общества, а не выхолащивание до уровня праксиологического руководства поведением (не умоляя роли этической праксиологии в таком обогащении). Не то, чтоб моление одним богам (всеобщим требованиям, оценкам, идеям) сменяется на истовое поклонение другим (частным требованиям, представлениям, оценкам). Так или иначе «обуздывая» центробежные устремления во всех конкретных случаях приложений (во избежание превращения общественной нравственности в конгломерат разномастных производственных и внепроизводственных, профессиональных и надпрофессиональных, социальных и частных «этик»), в его процессе происходит тем не менее развитие как содержания, так и формы общих моральных идей, требований, оценок. Идет известное преобразование, даже переосмысление, содержания всеобщих представлений, норм, суждений, правил. Возникают новые артикулирования в способах «сцепления» норм, ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими регулятивными и ориентирующими средствами (правовыми, административными, с правилами всевластного обычая и т.п.). Обнаруживается изменение их места в иерархии предписаний и оценок. Наконец, такое развитие означает и возможность возникновения новых разрешений и запрещений, не имеющих приложения нигде более, кроме как в данной сфере (или виде) деятельности.

Чтобы лучше понять этику гражданского общества, посвятим несколько

¹ См.: Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 31, с. 133-134. Понятие «приложение» утрачивает смысл, если вопрос стоит об отдельном человеке, нравственность которого не делима (хотя целостность ее может иметь различные уровни), так как она не сводима ни к каким нормам, правилам, изречениям, заповедям, абсолютам, «сторонам». Не случайно напоминает в «Докторе Живаго» Б. Пастернак о том, что Христос предпочитает говорить притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. О роли притчи в нравственной жизни см.: Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Притча как средство инициации живого знания. - Философские науки, 1989, № 9.

слов сопредельным приложениям. Сначала об этике дружбы, семейно-бытовой морали, о воспитательном этосе. Ряд направлений в этических учениях (скептицизм, эпикурейство и др.) Прокламировали необходимость отступления из загрязненной публичной жизни в мир частного бытия, отказа от ненадежной и отчужденной общественной нравственности в пользу этики социального изоляционизма. Они выдвигали идеалы индивидуального совершенствования, внутренней гармонии, эзотерической цельности, требуя не активного сопротивления общественным порокам в процессе социальных перемен, бунта или реформирования, а «ускользающего» поведения, эмиграции из общества как средства самозащиты от растущей деморализации, предоставляя право развенчанной социальной действительности, агонизирующему миру идти своим путем к гибели или воскрешению - и то и другое равно безразлично ретретисту и уклонисту.

Между тем ряд других направлений в этических учениях отклоняли такого рода эмигрантство, уход с площадей истории, клеймили его как обывательщину, мещанство, призывали добровольно подчиняться общественному долгу, обязанностям перед государством, ставя их превыше всех прочих обязанностей, чуть ли не идентифицируя себя с государством, черпая в этом смысл жизни, и совершать все это не в одних только критических ситуациях отечественной истории.

С другого фланга подпирает политическая этика. Мы имеем в виду совокупность ценностей и норм, правил и этикетов, которые ориентируют действия не только политиков-профессионалов, но и вообще всех тех людей, кто - по своей воле или невольно - оказался вовлеченным в сферу политики в качестве активно действующих лиц. Пытаясь одним мазком дать портрет всей системы этих ценностей и регулятивов, отметим, что морально оправданными оказываются лишь те политические поступки и акции, когда, например, принимаемые решения отражают волю большинства, однако это большинство действует не только в своих интересах, но и во имя меньшинства, которое в свою очередь признает решения большинства в качестве своих собственных, сохраняя право «быть услышанным». Когда принцип толерантности относится не только к множествам типа «большинства» или «меньшинства», но и к отдельным лицам, при том не по правилу первосвященника Кайяфы, признающего морально оправданной жертву одним человеком ради блага народа (где здесь предел!), а по максиме А. Платонова, полагавшего, что «без меня народ не полный». Когда последовательно проводится принцип делегирования власти снизу вверх и ее разделение, осуществляется норма, согласно которой законы лишь ограничивают политическую деятельность, но не определяют ее содержание и т. п.

Эта этика требовала самоограничения власти, устанавливала верховенство закона, определяла ориентации и нормы деятельности в «мегамашине» взаимодействия разных властей и институтов. Она освящала правила конфликтного поведения лиц, объединений, учреждений, размещенных в многомерном политико-правовом пространстве. Она, возможно, сыграла такую же роль в укреплении демократических институтов, какую исполнила созданная Лукор Пачоли двойная бухгалтерия в формировании рыночной экономики. Установления, развитые просветительской философией и этикой, были нацелены на ограждение человека от государственного деспотизма и произвола, на поддержку принципов безусловного предварительного доверия к каждому гражданину, разумного ограничения карательного насилия, на защиту правила «все, что не запрещено, то и разрешено». Несмотря на классово-ограниченные при-

страстия, все названные права и правила были тем не менее одновременно и общедемократическими ценностями, выражали достижения юридического и нравственного гуманизма (вера в способность людей к самоконтролю и в изначальную доброту природы человека). Это потребовало отказа от этатистского запретительства в понимании права, определяя его как «волю господствующего класса, возведенную в закон». Право выступает как «система устанавливаемых или санкционированных государством общеобязательных норм, обеспечивающих совместное граждански-политическое существование людей на началах личной свободы и при минимуме карательного насилия».¹

«Будь лицом и уважай другие лица»

Теперь об этике гражданского общества непосредственно. На сегодняшнем этапе исследования можно зафиксировать, что она занимает те ниши общественной нравственности, которые «не заняты» другими приложениями. Она регулирует поведение людей как главных действующих лиц в сферах экономики, имущественных отношений, «естественных прав» людей. То есть там, где эти лица выступают не как подданные, а как граждане, и действуют, определяя свои жизненные стратегии, самостоятельно. В этом они оказались огражденными законами от вмешательства со стороны политических органов власти (при условии, само собой разумеется, что действия граждан не наносили ущерба другим гражданам или же населению страны в целом). Гегель энергичнейшим образом формулирует императив названной этики так: «Будь лицом и уважай другие лица!».

Конкретизируя портрет данной этики, обратим внимание на то обстоятельство, что преследуя свои частные цели, лицо в каком-то одном отношении сплывало общность (общество), но одновременно разъединяло ее в другом. Известная манчестерская формула гласила: «Преследуя своекорыстный интерес, человек служит обществу лучше, чем ежели бы он сознательно стремился к этому». Менее всего хотелось бы здесь (и далее) идеализировать гражданское общество и его этику - ведь подчинение общему здесь производится преимущественно косвенным образом, то есть изменением условий жизнедеятельности людей.

В описываемой системе ценностных координат, которую мы называли этикой гражданского общества, ее правилами уберегался примат личного интереса (но не сводимого на упрощенческий лад к элементарному своекорыстию или «к наслажденчеству») над общественным, а ограничительными правилами этой же самой этики оберегалось моральное равенство возможностей всех лиц, их добровольных объединений и организаций. Но в социальном, имущественном плане оберегалось, очевидно, лишь равенство возможностей, а отнюдь не равенство в результатах деятельности, которые между тем тоже получали моральную санкцию. Данная этика содействовала и реализации очень важного для нравственной жизни общества принципа эквивалентности воздаяния, что позволяло преодолевать допустимость неравенства между людьми по сословным параметрам.

В основе этой этики лежат права человека. Прежде всего, право обладать собственностью - не только потребительской, но и производительной, не

¹ Соловьев Э. Ю. Личность и право.- Вопросы философии, 1989, № 8, с. 79. См.: Исаков В., Козулин А. «Государственная воля» или «мера свободы?»- Коммунист, 1990, № 12.

только индивидуальной, частной, но и коллективной. Право пользования этой собственностью, то есть экономическая свобода, следует за первым. Личное благополучие зависит от самого собственника (или со-собственника), а не от «дарений», «пожалований», не от «опекунов» - такова основа трудовой активности, социальной активности, самоутверждения. «Пакет» прав обширен, и сумма прав может иметь различные конфигурации. Но он обязательно включает право на жизнь, свободу мысли, убеждений, право жить только по закону, которое нельзя элиминировать всякими казуистическими дозволениями и ограничениями, право жить по совести, право определять место жительства, выбирать свою судьбу (право на собственные решения), право давать направление власти (и быть защищенным от произвола властей), право на свободу труда, на общественное признание при определенных обстоятельствах, право объединяться в организации и т. п.¹

Права человека позволяют говорить о ценностных основаниях этики гражданского общества. Корневой ценностью выступает свобода, нравственная свобода как свобода морального выбора. Субъект этой этики развился исторически до такого уровня ответственности, который позволяет обществу, образно говоря, передоверить индивидам самостоятельный рационализированный выбор между добром и злом, общечеловеческими ценностями и их отрицанием по любым соображениям, самовозложение долга, независимый поиск в причудливом мире ценностей с помощью механизма совести. Фактически именно в гражданском обществе мораль в своем филогенезе переходит в стадию автономности, которой соответствует нравственная зрелость уже не единичных, а массовых субъектов. Нравственное, по Гегелю, есть повиновение в свободе.

Делай что хочешь?!

Но ориентация социального «атома» на частный интерес означает апологию индивидуализма. А в нашем общественном сознании его образ закреплен в отчетливо негативных тонах - чуть ли не как безжалостное право сильного, чему соответствует горькая участь проигравшего, как равнодушие к другим, как «война всех против всех» и т. п. Имидж индивидуализма либо соотносится с образом жизни по «законам джунглей», либо с анархическим своеволием. Можно легко предположить, что некоторые черты такого имиджа были бы сняты при освоении историко-этического наследия.

Истоки современного индивидуализма восходят, конечно, к его наиболее отдаленным корням, праформам (римско-византийский, рыцарский и т. п. индивидуализм). Но началом собственно европейского индивидуализма признано считать эпоху Возрождения, за что, кстати говоря, некоторые авторы оценивают эту эпоху, сместившую всю ось человеческого существования, крайне отрицательно. Начиная с этой эпохи, гласит обвинительный вердикт, в Европе складываются экономико-центрическое общество, промышленная цивилизация, культура рыночных отношений, а вместе с ними возникает личность маргинальная, эгоцентрическая, морально ущербная, что положило начало тенденциям, которые, в конце концов, и завели эту цивилизацию в тупик, загнали в состояние глубочайшего нравственного кризиса. Если в пределах индивидуального и общинного самообеспечения просто бессмысленно производить больше того, что производитель способен потратить, то рыночное производст-

¹ См.: Коммунист, 1990, № 6, с. 16-17.

во не имеет внутренней меры, воплощая дурную бесконечность расхищения природных и человеческих ресурсов. Выход за пределы непосредственной жизненной среды обитания содействует деградации профессионализма с его растущей апатией, падению ответственности, расточительству, нигилизму, вседозволенности, духу холодного экспериментаторства.

Даже видные исследователи с различных позиций противопоставляют возрожденческому индивидуализму духовно-родовые или материально-родовые начала, а потому эпоха Возрождения воспринимается ими как упадок в сравнении со средневековьем, означает тупик исторического развития, культурно-нравственный регресс, так как изолированный и секуляризированный индивидуум вовсе не является надежной основой для культурного строительства. Возрожденческие «относительности» ведут к распаду. Самоопределяющаяся личность не может якобы обрести смысла жизни и приходит - через аморализм, сатанизм - к самоотрицанию, несмотря на весь свой артистизм и титанизм. Известнейшая утопия Ф. Рабле - Телемское аббатство - клеймится в качестве апофеоза возрожденческого индивидуализма с его установкой на самореализацию. Просто удивительно читать инвективы в адрес мэтра Франсуа за подрыв им трудовой этики, отказ от непреложности нравственных велений, за игровое отношение к ним, будто бы ведущее к нигилизму ницшеанского типа, за поддержку люмпенства, публику социального дна, «шпаны».¹

Заметим, что принцип «делай что хочешь!» воплощает демократические начала, примыкает к экономической свободе и основам правового государства. Он вовсе не является безграничным, так как строится на договорной и вполне добровольной основе, защищающей интересы других. В свою очередь идея дозволения или запрещения не может быть рассмотрена как результат доброй воли и свободного выбора - источник активности тут переносится во вне. Телемитская максима как раз и предполагает высокий уровень культурной «обработки» человеческого материала, когда личность оказывается способной к свободной и творческой самореализации, к самовозложению долга, когда в такой обработке этого многопоколенного материала участвовали и античная, и христианская, и народная культуры. Принятие данной максимы означает восхождение к самой сути феномена морали - доверие к человеку, его разуму и совести, свободе его воли, которые делают излишней опеку, необходимость внешней ориентации поведения человека. Человек этот вовсе не сводим к «сверхчеловеку» типа всемогущего художника, мага фаустовского типа и государя - «макиавеллиста». Он видит зло, но не одобряет его и следует лучшему, которое заведомо не втиснуто в какие-то строгие рамки и открыты для творчества - творение добра суть свободный и творческий процесс.²

Есть немало оснований предполагать, что «выбирая» традиционалистские, довозрожденческие ценности, современный человек всего-навсего озабочен поиском благообразных прикрытий своего выбора в пользу консервативно-охранительных идеалов. И такой выбор прикрывается волнующими воспоминаниями о тех годах, когда мнилось, будто наше общество - «одна большая и дружная семья», всюду царили сдержанная свобода, самобытность развития, совершались ратные и трудовые подвиги, все свято и непререкаемо верили в иллюзорные картины ожидающего нас светлого будущего, тем време-

¹ См.: Давыдов Ю. Н. Этика и перестройка, - В сб.: Опыты. Литературно-философский ежегодник. - М., 1990, с. 26-31.

² См.: Кантор К. М. Делай что хочешь — твори добро.— В сб.: Философия и социология науки и техники.— М., 1989, с. 163-187.

нем безропотно подчиняясь стереотипам имперского мышления, этатистской необходимости («так надо!»).

Забегая вперед вспомним, что подобно тому как в массовом сознании нашего общества закреплялось негативное представление об индивидуализме, о коллективизме же складывалось представление как о самом гуманном способе объединения ценностей свободы с ценностями социальной справедливости, как наилучшем способе слияния общественных, групповых и личных интересов (при - чего греха таить - чувствительнейшем преобладании первых). Фактически же оказались поруганными и свобода, и социальная справедливость, а личный интерес, своеобразие индивидуального развития, ценности его для общества приносились в жертву интересам административно-командной системы, выдававшей себя за поборника и выразителя интересов всего общества. В результате групповые и личностные интересы были «заподозрены» в отступничестве от «подлинного» коллективизма, а личность утратила авторство выбора, вкус к экономическому риску, превращаясь в безотказный винтик Системы, черпающий «чувство глубокого удовлетворения» от своей собственной безответственности и послушности. Коллективизм оборачивался примитивным группизмом с преобладанием роевого сознания, установок на всеобщую серость и зависть (приближаясь к антиутопическим карикатурам на коллективизм). Сложился тип личности, готовой пожертвовать экономической независимостью и всеми прочими свободами, правами человека в обмен на социальную защищенность, гарантирующую ему существование на уровне, близком к порогу бедности или даже лежащем по ту его сторону. Так был проведен неслыханный в истории эксперимент: попытка соединения идеалов свободы и справедливости под бдительным оком тотального государственного контроля. Между тем перестройка начала предъявлять новую сумму требований к личности, занятой в экономической сфере (как, впрочем, и в других сферах). Возникла острейшая общественная потребность в инициативной личности, руководствующейся ценностями деловитости и предприимчивости, ориентированной на достижение индивидуального успеха, эффективности в своей деятельности как важнейшей целевой жизненной установки, которая получает нравственно-положительную санкцию.

Далее нам еще предстоит обстоятельно рассмотреть этику успеха, а пока скажем только, что индивидуализм как мировоззрение и моральный принцип, утверждающий самоценность, уникальность каждого человека, не только выводит его из локальной естественно-социальной общности и соответствующего ей коллективно-группового эгоизма, но и способен стать противовесом интегрирующему бюрократизму и авторитаризму, различным формам отчуждения (сам подчас воплощая иные формы такого отчуждения), так как отклонял приоритет интересов государственных институтов над волей гражданина. Вовсе не обязательно трактовать индивидуализм в ригористическом или романтическом ключе как нечто антинародное, бунтарское, анархическое и к тому же еще как расколотое сознание.

Индивидуализм, как отмечает социолог Ю. А. Замошкин, мог в прошлом и может ныне ориентировать на коллективно-организованные программы, на кооперативную хозяйственную и политическую деятельность. «И во всех этих видах деятельности установки, получившие оформление и развитие в рамках индивидуалистической традиции, являлись мощным генератором и стимулятором энергии, инициативы, творчества, упорства, смелости, готовности идти на эксперимент и риск. Субъекты этой деятельности далеко не всегда связывали

свой индивидуальный интерес, свое представление о жизненном успехе и престиже лишь с ростом личного благосостояния, с перемещением на более высокие этажи пирамиды социальной иерархии, с получением прибыли, с приобретением денег, капитала, власти над другими людьми. Индивидуальный интерес, успех и престиж часто сопрягались со стремлением обеспечить высокое качество своего труда, эффективность своей деятельности, с ощущением гордости за то, что ты что-то сделал хорошо, лучше других, что создал нечто новое, что тебе удалось проявить инициативу и смелость, преодолеть препятствия, решить трудные задачи, развить и реализовать свои способности и доказать их наличие самому себе и другим, наконец, - с сознанием того, что ты принес пользу людям, совершил бескорыстный поступок, что твой труд, твоя деятельность имели смысл и значимость в деле развития твоей страны или человеческой цивилизации в целом».¹

Со всем этим связан зафиксированный массовыми опросами поворот к «постматериальным ценностям», к пониманию успеха в деятельности как форме самовыражения и самореализации. С другой стороны, цивилизованный (а не «дикий») индивидуализм создает возможность формирования настоящего коллективизма как результата свободного выбора свободных людей ради совокупного действия на основе социального контракта (договора) и истинного самоуправления.

Анализ индивидуализма и способов его соединения с коллективизмом, солидаризмом позволяет лучше разглядеть варианты развития этики гражданского общества. Коротко скажем тут, что в одних разновидностях этой этики больший крен делался в сторону индивидуализма (в рамках культуры, возвращенной на протестантизм), а в других - на интересы общности, коллектива (в рамках культуры, ориентированной католицизмом и православием). Для некоторых направлений характерен акцент на дисциплину труда, на отказ от эвдемонистических мотивов и «избыточного» потребления, а в других же - на «хозяйственные добродетели», ощущение удовлетворенности от исполненного долга в границах профессионального призвания, экономической самореализации работников, предпринимателей как самостоятельной жизненной ценности. В одних случаях (если прислушаться к убедительным суждениям на этот счет Ханны Арентд относительно отличий между французской и американской революциями XVIII века) субъектом этики был, скорее, человек, нежели гражданин, свобода которого основывалась на его правах и на публичном счастье (а это неминуемо вело к «якобинизации революционности»), в других же случаях субъектом этики оказывался, скорее, гражданин, чем просто человек, и свобода его покоилась на принципе участия в общественной жизни и на защите личного счастья (что играло существенную роль в блокировании террора, в «деякобинизации революционности»).

Алгоритм истории

Когда же возникло гражданское общество и его этика? Видный специалист в области исторической психологии Жан-Пьер Вернан усматривал в возникновении греческой полисной системы подготовку к рождению гражданского общества и моральной рефлексии, связанной с политической активностью. Она

¹ Замошкин Ю. А. За новый подход к проблеме индивидуализма.— Вопросы философии, 1989, №6, с. 9; Белла Р. и др. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу.— США: экономика, политика, идеология, 1987, № 8—12.

вызывалась фактом свободного столкновения интересов различных социальных групп. Демократические институты как раз и стали средством разрешения противоречивости этих интересов, стягивания их в единый узел, в целостный социум. Данные институты действовали в ходе столкновения мнений сравнительно равноправных и равноответственных граждан. Появился эмбрион политической этики в качестве суммы неких правил, становлений публичной атональности в реализации права на государственную власть, на отстаивание своих интересов и взглядов на базе обязательного уважения к интересам и мнениям других. Такого рода эмбрион примыкает поэтому к публичному праву, которое ограничивало произвол родовой аристократии, кодифицировало обычаи и способы их истолкования. Нормы политической этики имели отношение к искусству публичных выступлений, к риторике (Аристотель полагал совпадение в ней этики и логики), способам участия граждан в государственных делах, к свободе критики состояния этих дел, к характеру взаимодействия различных институтов власти (способы рассредоточения властных функций и уравнивания различных источников властной активности смог открыть и утвердить на практике только римский *цивитас*). В известном смысле эти нормы должны были сдерживать взрывы эмоций толпы, калькулировать аффектацию охлоса, обеспечивать режим равновесия власти в полисе. Вопрос стоял о достижении взаимного доверия между гражданами, общественного согласия, добровольного подчинения порядку. Эта этика создавала и поддерживала образ не идеального «экономического человека», а идеального «политического человека», озадаченного не столько индивидуальным благополучием и совершенствованием, сколько тем, чтобы избежать гражданских распрей в родном полисе. Нормы эти, естественно, ориентировали на умеренность, которая исключала как разнузданность морали охлоса, так и высокомерную спесь, надменность аристократического этоса социального управления. Они регулировали дружеские связи (филии, гетерии, гимнасии, ксении и т.п.), новые понятия о справедливости и социальной гармонии, а затем и патронально-клиентальные отношения, что, заметим, не предполагало имущественного и даже правового равенства. Нравственная проблематика была включена мудрецами в политический контекст - «они выработали соответствующую этику и определили обстоятельства, позволяющие установить порядок в полисе».¹

И все же нельзя не согласиться с мнением тех историков и политологов, которые предупреждают против коварного искусства модернизации, советуют избежать отождествления норм политического и гражданского поведения прямой античной демократии с политической этикой представительной демократии Нового времени и, тем более, с гражданской этикой. Античность, в лучшем случае, создала протогражданское общество. Оно не выделялось из государства, не было ограждено от посягательств с его стороны. Полис - органическая, нераздробленная триада: гражданский коллектив, государство и религиозная община. Вместе с семьей вся эта троица без остатка растворяет в себе индивида как «общественное, политическое животное». Она не оставляет ему интимной, частной жизни, не предоставляет свободы выбора: обычай, традиции, организационно-процедурные моменты брали верх над автономным выбором, суверенитетом личности. Вопрос, скорее всего, можно ставить только в плоскости обнаружения преимущества, обсуждать его с точки зрения выявления

¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли, - М., 1988, с. 114; Штаерман Е. М. От гражданина к подданному. В кн.: Культура древнего Рима. - М., 1985, т. 1; Разумович Н. Н. Политическая и правовая культура: идеи и институты Древней Греции. - М., 1989.

истоков как политической, так и гражданской этики.

Обе они возникли - об этом уже говорилось, - только в Новое время в рамках индустриально-урбанистической цивилизации. В процессе приложения общественная нравственность структурировалась определенным образом. Подобно тому как в политической этике выделились нормы прав человека, депутатской этики, правила парламентского и внепарламентского политического соперничества и сотрудничества; нормы поведения электората, этика партийной деятельности, правила профессионального поведения, связанного рядом своих аспектов с политической деятельностью (юридического, журналистского), так и в этике гражданского общества можно зафиксировать различные стороны этоса предпринимательской (и менеджеристской) деятельности, трудовую и профессиональную мораль, а также этику потребления и досуга.

В категориальной сетке всего этого этического «множества множеств»¹ на передний план, нам думается, выходит соотношение добра и пользы, свободы целеполагания и ценности самих целей, с одной стороны, рациональности и эффективности человеческой деятельности - с другой. Выстраивается специфический категориальный ряд, включающий нормы честности в деловых отношениях, трудолюбия, ориентации на жизненный успех, конкурентную соревновательность, регулирование различных форм потребительской деятельности и т. п.

Не исключено, что именно сам этот категориальный ряд и провоцирует на отождествление всей нормативно-ценностной системы гражданского общества с так называемой «этикой дела», в которой этот принцип пользы возведен в ранг Абсолюта. Тривиальность восприятия данной системы - кажущаяся ее зашоренность на мотивах своекорыстия, установки на наживу, эффективность, как бы исключаящие в своей совокупности благородство, бескорыстие, милосердие, сострадание, самопожертвование, нравственное самосовершенствование. А без них какая нормативная система вправе претендовать на этическую квалификацию? Однако принцип пользы в этике этого общества способен переходить из регулятора узкопрагматической деятельности в способ рационализации духовной жизни в целом - при всей ее внешней неисчислимости, известной иррациональности. В этой связи и важно подчеркнуть классическое различие между целерациональным и ценностно-рациональным (наряду с аффективным и традиционным) идеальными типами социального действия. Последняя деятельность скорее всего и аккумулирует смысложизненные функции этики гражданского общества.

Критика этой этики исходит иногда из такой версии Добра, которое якобы при всяком столкновении с реальностью обречено на поражение, несет в себе ген фатального страдания, роковую отторженность нравственного мотива от социально полезного результата, непременно оказывается антиподом жизненной удачи, победы, успеха. Между тем все эти последние понятия суть не менее важные экзистенциальные характеристики нравственной жизни человека, чем признанные за таковые забота, страдание, тревога, аскеза и т. п. Более того, и в этике успеха человек обретает подлинное ощущение своей собственной социальной миссии, духа служения надындивидуальным началам. Относится это как к хозяйственной, трудовой, так и к политической деятельности, видимо, в равной мере.

¹ См.: Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV — XVIII вв.— М., 1988, с. 461.

От апологии к критике

Возникающая этика гражданского общества вызывала неоднородное к себе отношение. На одном полюсе концентрировалась ее апологетика. Она представлена в идеологии и морали либерализма. Именно в его рамках возникли прообразы норм и ценностей гражданской (и политической) этики. Здесь акцентировался приоритет свободы каждого члена общества как человека над равенством этого человека с каждым другим, но уже только в качестве подданного, а то и другое вместе взятые оказывались обязательными предпосылками самостоятельности человека как гражданина. Подчеркивалось право нестесненного распоряжения собственностью, свобода производить, продавать и покупать как товары, так и услуги, право создавать добровольные объединения и организации, особенно связанные с рыночной инфраструктурой и так или иначе обслуживающие новый тип производства и фритред. Экономический либерализм защищал принцип невмешательства в хозяйственную жизнь со стороны государства и его органов, так как в ней действует регулятор «невидимой руки» или «естественного компьютера». Ранее мощные централизованные абсолютистские монархии должны были минимизировать свои функции в экономической сфере. Главная цель, предназначение, которые оставались за ними - быть гарантом общественного порядка. Право быть огражденным от государственного вмешательства провозглашалось неотчуждаемым и признавалось оно во благо сограждан, а не ради какого-либо эсхатологического идеала. Само государство понималось как выражение публичной власти гражданского общества.

Частный интерес, а не такого рода идеал провозглашается самодостаточной целью и мотивом, исходной моральной позицией, ведущей ценностной ориентацией деятельности. В рамках экономического либерализма быть моральным - значит прежде всего, и превыше всего жаждать собственности, удовлетворения частного интереса, успеха, влияния, престижа, которые оказываются предпочтительнее происхождения и сословной принадлежности. Чтобы реализовать генеральную «жизненную норму»,¹ личность должна была располагать известными чертами характера, моральными качествами и волевыми характеристиками. Их набор представляет собой круг культивируемых (в ходе социализации и воспитания) добродетелей, в то время как их противоположности клеймятся в качестве пороков или - в лучшем случае - как проявление бесхарактерности.

Этика гражданского общества вырывала личность из мира, где та была лишь «принадлежностью» определенного ограниченного человеческого конгломерата.² В невиданных прежде масштабах стала разворачиваться инициатива людей, ранее «наказуемая» в патерналистских системах, пали всевозможные ограничения в производстве, торговле, познании, общении. Эта этика была ударной силой, тараном, проложившими бреши в обветшалой системе норм и обычаев традиционной цивилизации, а затем и разрушившей ее. Она содействовала избавлению от различных видов зависимости, принуждения, ярма всевозможных регламентов, дала несравненно большую, чем в предшествующие эпохи, возможность «распоряжаться своей личностью».³ Новая мораль содействовала расширению горизонта и усилению мощи мышления чело-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 421.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 727.

века, пластичности его характера, разносторонности чувств, преодолевала то состояние, когда человек был подавлен однообразием жизненных процессов, их «изначальной» заданностью, готовила его к стратегическому управлению своей жизнедеятельностью на основе долгосрочных и автономно формируемых программ.

Вместе с тем, наряду с апологетикой выявилась противоположная тенденция: романтическая критика этики гражданского общества, пришедшая на смену просветительского отношения к ней. Эта этика казалась лишь респектабельным выражением аморализма, моралью только по названию. Данная критика указывала на несовместимость нормы, ориентирующей на частный интерес с моральностью побуждений, как это «должно быть» в «подлинной нравственности». Не принималось во внимание то обстоятельство, что этика гражданского общества на первых порах выражала общественный интерес против узкоклассовых интересов феодально-сословной социальной организации, содействовала развитию личности, свободному перемещению в высшие страты общества, спланировала общность в одном отношении, разъединяя - как уже говорилось - в другом. Справедливо критикуя логику своекорыстия, которая мыслит себя и социальный атомизм в качестве неотъемлемого свойства человеческой природы и полагает, будто общественное благо складывается при суммировании личных благ в процессе свободной игры хозяйственных сил, романтизм сам оказывается в плену у моральной догматики. Согласно схеме построения «подлинно человеческого» в морали следует раньше всего «рассекретить» тайну сущности человека и, продвигаясь от предвзятого пункта, конституировать «истинную мораль». С ее высоты оценивается реальная практика людей, их история, и она служит тем масштабам, который позволяет с минимальным риском отсекается «правильную» практику от «ложной», отделять сознание «утилитарное», «пруденциальное» от «морального». Последнее предписывает альтруизм, солидаризм, защиту «общественного» интереса, исполнение долга, не взирая ни на какие обстоятельства. Такая операция с безнадежной суровостью открывала романтикам печальную истину - вопиющее несовпадение «истинной» и практикуемой морали. «Истинная» не играла сколько-нибудь заметной роли в истории, которая в силу этого, а также из-за невозможности «переиграть» саму себя, обратившись вспять, неизбежно получала inferнальную окраску.

Критика «героев» буржуазного своекорыстия и приспособленчества, посредственности и тусклости, «благонадежной каплуной мудрости» (М. Е. Салтыков-Щедрин), созидателей трезво-практических отношений и тем более морального опустошения личности достигала впечатляющих результатов. Но ее методологическая амуниция в целом бессильна перед выявлением связи между целями жизнедеятельности людей и моральной ее регуляцией, она оказалась совершенно не приспособленной к «искаженному миру», где мотивы черпаются одновременно из «грязной», своекорыстной практики «абсолютно самостоятельных идей», где рост аморализма в определенных условиях являлся предпосылкой развития общественного человека, а становление автономного морального сознания органически увязывается с известным суждением роли морально-психологического фактора в регуляции общественных отношений, где сталкиваются требования побудительных и ограничительных норм. В этом «мире наизворот», конечно, легче вообще в духе морального сектантства отрицать нравственный прогресс, чем признавать его относительность и противоречивость.

Так, например, романтическая критика третировала этику гражданского общества за ее поддержку ориентации на частный интерес, но не замечала признания этой этикой роли предписаний, воплощающих обязанности всех членов ассоциированного человечества (права человека), предписаний, оберегающих права каждого члена общества на деятельность, ведущую к частному успеху, и запрещающих использование других в качестве только средств достижения частного интереса, что обеспечивается не только формальными декларациями, но и контролем со стороны общественного мнения. Конечно, нормы устремления обладают более высокой степенью обязательности, и санкции при их нарушении обрушиваются без проволочек, неотвратимо и в полном объеме: личности не дозволено сколько-нибудь долго пребывать в составе господствующего класса, если она не преследует цели удовлетворения частного интереса. Но и ограничительные нормы обладают вынуждающей силой, и им так или иначе подчиняются. Хотя за соблюдением этих норм и правил налажен довольно бдительный надзор, у нарушителя все же остается возможность отступления от неукоснительного выполнения их. На этой почве возникает устойчивый феномен лицемерия, приписывания безнравственным поступкам либо мнимого морального достоинства, либо частичного их оправдания путем декларации возвышенных мотивов, которые якобы по независимым от субъекта действия причинам не смогли оказать влияние на результаты поступка или отразились в них деформированно, частично. Довольно часто охранительно-надзирательное око общественного мнения отклоняющиеся поступки и их прикрытие осуждает скорее демонстративно, чем с необходимой твердостью и решительностью. Опять-таки в зависимости от того, чьи интересы оказались затронутыми в результате нарушения моральных норм. Если затрагиваются интересы низших классов, то нередко санкции срабатывают с подозрительной неторопливостью, а лицемерие остается неуличенным, сравнительно спокойно уместаясь в рамках общей респектабельности.

В заслугу романтической критике должно быть поставлено раскрытие феномена морального отчуждения, который присущ гражданскому обществу. Что он собой представляет? Во множестве ситуаций нормы и ценности выступают как извне навязываемые предписания и оценки. Люди не могут не считаться с ними, но, будучи продуктом кумулятивного творчества, они предстают перед каждым в отдельности как лишены духа творчества ограничители деятельности, его «естественных» влечений и устремлений. Неизбежная для любого социума взаимосвязь между интересами общества и интересами саморазвития личности предстает как деспотия социальной жизни над частной, «естественной» жизнью. Для огромного большинства индивидов гражданского общества быть моральным - значит так или иначе жертвовать реальными потребностями и интересами, запросами и устремлениями в пользу процветания «целого», которое кажется трансцендентным, чуть ли не сатанинским началом. Закодированные в моральных предписаниях и оценках интересы социума безвозмездно экспроприируют, «выкачивают» духовные и физические силы личности, которая может сохранить и развить их только путем отказа от официально одобряемых моральных прескрипций и оценочных шаблонов (таков, заметим, тот фон, на котором пышным цветом произрастают ригоризм, практика казенного морализирования, сетования о невыносимой «тяжести» долга и другие им подобные явления нравственной жизни).

Романтическая (а затем и марксистская) критика этики гражданского общества зафиксировала целую серию исключительно важных по своим послед-

ствиям расколов нравственной жизни. Рушится, во-первых, согласованность прав и обязанностей личности и вся система требований к поведению, а так же его оценки раздваиваются на официальные и неофициальные. Субъективное восприятие норм и оценок перестает соответствовать их объективному содержанию; внешнее значение поступков все больше не совпадает с их сокровенно-внутренним смыслом. Складывается моральное двойничество: «мораль аскетизма и долга» провозглашает достойным лишь то, что человек обязан сделать независимо от своего хотения, тогда как «мораль гедонизма и счастья» оправданным полагает лишь то, что человек хочет в отрыве от всякого долженствования. Расширяется разрыв между скрытыми и декларируемыми побуждениями, «тайными и гласными молениями сердца». Становятся все более трудно достигаемыми совместимость целесообразности и моральности поведения, требований общественного мнения и совести, единство оценки и самооценки.

Отчуждение, во-вторых, означает, что нравственные отношения «деперсонализируются», предстают как отношения вещные, в моральном смысле нейтральные. Человек, подобно вещи, становится предметом использования в функциональных отношениях, и его значение в них измеряется главным образом стоимостью оказываемых им услуг. А где этого нет, там либо обнаруживается ханжеская маскировка мотива услуги, либо фиксируется случайность такого отношения. Подпавшие под пяту отчуждения стремятся использовать не только друг друга, но в большей или меньшей мере и самих себя лишь как средство достижения отчужденных целей («рыночная ориентация» личности).

Наиболее рельефно отчуждение обнаруживается в производственной и управленческой сферах жизнедеятельности. Здесь личность не в силах сорвать с себя «экономические» и «политические» маски, не подчиниться продиктованным ей социальным ролям, функциональным предназначениям, нормам и правилам их исполнения. Иными словами, личность располагает здесь не моральной свободой, а лишь экономической. У нее остается крохотное пространство для возможной моральности - частная сфера бытия, но и она весьма ненадежно защищена от духа, царящего за ее пределами. Личность, таким образом, существует как бы в двух ценностных мирах, воплощая в каждом из них разные, а то и противоположные моральные качества, мотивы, устремления.

В результате она погружается в засасывающую топь противоречивых моральных отношений, позиций, требований и оценок, которые крайне усложняют проблему морального выбора, дезориентируют поведение, препятствуя достижению его последовательности, перерезывают пути, ведущие к нравственной целостности. Как бы личность ни воспринимала эту расколотость (как аномалию, дефективность или же как «естественно» обусловленную различиями в видах деятельности), в этом феномене выражена саморазорванность объективных условий ее существования. Когда вся цивилизация выступает лишь как «система всеобщей полезности» (Маркс), мораль неминуемо теряет свою действенность.

Напомним еще раз, что тенденция к моральному отчуждению всего только тенденция, которой противостоят и иные, что моральное отчуждение утвердилось в гражданском обществе на той стадии развития, когда мораль, собственно говоря, стала сама собой, «пришла к себе» в ходе долгого филогенеза.

Критика критики

Очевидные издержки романтической критики этики гражданского общества выявляются не только тогда, когда она выносит обвинительный вердикт всему индустриально-урбанистическому развитию и утилитаристской этике, но и тогда, когда защищает консервативные устремления, мораль органического солидаризма, идеализирует традиционные уклады жизни, почвенничество, поэтизирует общинно-корпоративную, сословную нравственность, приписывая индивидуальной свободе неизбывное тяготение ко злу. Это отличает ее от реалистической леворадикальной критики этики гражданского общества, которой выплатил немалую дань и марксизм.

В рамках этой критики гражданское общество воспринимается как атрибут капиталистической формации, и критика, ничтоже сумняшеся, готова пожертвовать им, отдав созданные этим обществом институты на «поток и разграбление». Субъектами «критики оружием» выступают «низы» индустриально-урбанистической цивилизации, униженные и оскорбленные, но отпавшие от общественной нравственности, испытывающие неукротимую ненависть к частной собственности, настроенные на абстрактное отрицание всего мира культуры и цивилизации и способные - как мнится самой критике - в борьбе духовно очиститься, перевоспитаться. Нравы этих «низов», отрицающих, по Марксу, повсюду личность человека, конституирующих как власть зависть, как и особая этика революционеров, становятся объектом идеализации, и именно они противопоставляются значительной (подавляющей) части норм и ценностей этики гражданского общества. Данные «низы» (а это не столько фабрично-заводские рабочие, осваивающие достижения цивилизации, сколько пауперизированные слои общества, продукты разложения культуры, босячество, чернь да челядь), согласно догмам левокоммунистического экстремизма и социокультурного утопизма, располагают якобы «истинным бытием» и потому не испытывают непреодолимой тяги к фетишистским иллюзиям по поводу этого своего «бытия», а стало быть, им не грозят моральное отчуждение, расколы в массовом сознании, если только они выдержат давление извне, со стороны гражданского общества, которое стремится подвергнуть их «обуржуазиванию», жаждет навязать «ложные» ценностные ориентации. Сами упомянутые догмы, думается, выражают настроение традиционного общинного сознания в связи с развитием капитализма, наступлением городской цивилизации, разрушением общинного образа жизни. Они выражают упования разномастного мужицкого, слободского, пролетарского, интеллигентского люмпенства или полулюмпенства, надежды, как выразился один наш историк, «интеллектуально-нравственной гольтьбы».

Приведем подкрепляющую цитату. «Руссо положил начало искушению, зловещий смысл которого обнажился только в XX веке: отбросить прошлое - то есть все приобретения цивилизации - со всеми его нормами и ценностями - и во имя «нового будущего» начать историю с «чистой страницы». Вместо диалога человека и цивилизации... антропоцентристский гуманизм выдвигает ложную дилемму: человек или цивилизация. Дилемма эта нередко принимает патологическую форму, когда предполагается, что социальные «низы» ничем не обязаны цивилизации, их дело не осваивать ее достижения, а просто-напросто «скрыть» ее как нечто неадекватное массовым, «простым и ясным» мотивам и потребностям. Но всякое умаление опыта цивилизации, всякие попытки отбрасывания ее завоеваний в конечном счете оборачиваются против человека, ибо ослабление цивилизованного начала неизбежно открывает дорогу хаосу и про-

изволу, лишает человека уже достигнутых социальных, политических и культурных приобретений.

Особо опасными последствиями критика цивилизации чревата в условиях, когда ее берут на вооружение разного рода маргиналы и люмпены - своего рода парии цивилизации, которых привлекает наиболее легкий способ разрешения ее противоречий: не совершенствовать и развивать, а покончить с ней разом, создав на развалинах «новый прекрасный мир»... Экономическое люмпенство объединяет различные группы лиц, панически боящихся жестких требований рыночной экономики. Такие группы становятся особенно многочисленными во времена масштабных структурных сдвигов, например, в эпоху индустриализации, когда масса людей вытесняется из традиционных секторов экономики. Значительная часть их при этом надолго оказывается как бы в промежуточном положении. С прежним укладом для них покончено, а в новый они по-настоящему еще не вошли. С одной стороны, они вдохнули воздух «городской свободы»: опека общины, нормы патриархально-религиозной морали - все это осталось позади. С другой стороны, их пугает и отталкивает неумолимый ритм промышленного труда, связанная с ним производственная и экономическая дисциплина, анонимность социальных связей и сопутствующая им социальная незащищенность, негарантированность существования... В области культуры система бюрократического опекунов ориентируется на интеллектуальное люмпенство. Речь идет о людях, оторванных от традиционной народной культуры, от ее фольклорных истоков и норм, но и не перешедших по-настоящему к новому типу отношений в культуре, основанных на этике и нормах высокопрофессионального духовного производства».¹

Теперь об этике революционности, связанной с настроениями традиционного общинного сознания и люмпенством. Нельзя не согласиться с мнением Э. Ю. Соловьева, который отмечал по данному поводу: «Неправильно было бы утверждать, что Маркс и Энгельс потакали плебейскому эгалитаризму, зависти и мстительности. Речь, скорее, должна идти о том, что эти настроения оказывались как бы в «слепом пятне» марксистского идеологического анализа и молчаливо им легитимировались. Для условий Западной Европы второй трети XIX в. это была не такая страшная беда, поскольку сами раннепролетарские иллюзии находились здесь в стадии естественного отмирания»². В политической культуре антибуржуазного революционаризма (строго говоря, первые формы этики революционности возникли на антифеодальной основе 200 лет тому назад) был сегмент, «выращенный» на левокоммунистическом экстремизме. Он ориентировал на мировой пожар, на сокрушение норм и ценностей этики гражданского общества, которая однозначно и непреклонно квалифицировалась как эксплуататорская, грешил прожектерскими представлениями о «новых ценностях» и способах их «внедрения» в массовое сознание. Эти представления не оторвались от пуповины ценностей аскетического общинного существования, от эгалитаристских упований, аллергического неприятия мира цивилизации. Они импонировали люмпенской публике, «человеку дня», сиюминутности, «сироте истории» с его склонностью к анархизму, авантюризму, а вместе с тем и к холопству («воля к подчинению»). В этой среде чаще всего и рождались яростные инвективы против фундаментальных норм порядочности и культуры, преданность которым определялась как проявление буржуазности.

¹ Панарин А. С. Диалектика гуманизма. - Коммунист, 1984, № 5, с. 46, 49.

² Соловьев Э. Ю. Умер ли марксизм? - Вопросы философии, 1990, №10, с. 28.

Анархическое своеволие преподносилось в качестве готовности к brutальному отрицанию капитализма, ультрареволюционности борьбы с заклятой буржуазностью.

Этика революционности (или революционная этика) опирается на две основные посылки: вера в бесконечные возможности Разума, способного якобы разработать некий теоретический Проект, абстрактную модель идеального общества, и вера в то, что энергией и волей революционеров можно непосредственно претворить эту модель, этот благостный Проект в реальный общественный объект, навязывая его конкретно-исторической практике. Обращает на себя внимание сходство данных методологических посылок с рассмотренной ранее схемой построения «подлинно человеческого», которой придерживался романтизм в своей критике этики гражданского общества.

Революционная этика, привлекая идеи социальной справедливости, ставкой на нравственное негодование по поводу всевозможных пороков дореволюционного строя со временем начинает воплощать «параллакс» от этики гражданского общества, общечеловеческих ценностей. Социальным субстратом этого «параллакса» оказываются маргинальные слои историей потрясенных социумов, их неприкаянные аутсайдеры. Значительную часть людей из этих слоев манит дух цезаристского избранничества, позволяющего легко преступить моральные запреты («предрассудки человечности») как в политической, так и в частной жизни, соблазняя инструментальным отношением к людям (но не по корыстным мотивам, а «ради их же будущего счастья»), готовностью рассматривать их как дешевое «топливо» для ненасытной мегамашины по миропереустройству в соответствии с заранее заготовленным Проектом. Их притягивает иезуитское оправдание самых варварских, бесчеловечных средств общественных преобразований («мы за цену не постоим!»), целесредственная инверсия, установки на расправу с отступничеством в собственных рядах по не знающим пощады законам круговой поруки. В силу всего этого неизбежно расширяется зона соприкосновения с преступностью, поскольку если негодующая совесть и была первотолчком к бунтарству, «левизне», то в дальнейшем эволюция бунтарства протекает без подобных толчков: стимулами служат не «проклятые вопросы» человеческого бытия, не зов совести, не сострадание или милосердие, а все более укореняющийся моральный релятивизм (прямолинейно трактующий императив революционной морали - «нравственно все то, что содействует успеху революции»), садомазохистские комплексы, злобная расчетливость, как иногда пишут, «пакт с дьяволом», всепоглощающая ненависть («огонь в умах», по Ф. Достоевскому), которую даже с натяжкой не назовешь священной. В сознании приверженцев революционно-бурсаческой «морали» происходит малозаметное смещение в сторону плоской рациональности, бессердечия, иссушения нравственных чувств. Это позволяет с удивительной легкостью преодолевать барьеры, запрещающие прибегать к насилию, тем более насыщать публичную жизнь насилием, приучать общество к нему как постоянному и нормальному явлению. Признанные в групповой морали революционеров самоотверженность и чувство товарищества не способны приостановить процесса сползания в аморальную практику, к таким трансформациям, которые прямоком приводят к идеологизации морали, к приспособлению ее к скоротечным запросам столь же идеологизированной политики.

Мы полагаем необходимым выделить отдельной строкой иной тип критики этики гражданского общества. С некоторой долей условности ее можно было бы определить как умеренно-социалистическую. Она, очевидно, также ориен-

тируется на марксизм, что позволяет предположить о существовании отнюдь не мифа о «двух Марксах», а реальности такого раздвоения в обеих ипостасях, имеющих право претендовать на аутентичность. Обсуждение этой темы выходит далеко за рамки нашей проблемы, но нельзя не сказать об этом хотя бы вкратце.

Такой тип критики отклоняет левозэкстремистскую абстрактную критику цивилизации и революционный мессианизм. Он опирается при этом на анализ тектонических по масштабам сдвигов. Прежде всего на фундаментальные перемены в капитализме, когда еще в начале века «...некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность»,¹ и возник даже «новый общественный порядок»,¹ не говоря уже о превращениях и его приспособительных усилиях во второй половине XX века. Критика опирается на столь же фундаментальные перемены в рабочем классе, на изменения в условиях его существования и борьбы, достижение им социальной зрелости, на соответствующие всем этим переменам «доразвитие» самого марксистского учения, в том числе в процессе освоения им негативного опыта левокоммунистических доктрин, итогов растянутой чуть ли ни на целое столетие полемики с этими радикалистскими доктринами.

Неортодоксальный тип критики исходит из идеи отказа от апостольской веры в необходимость массированного применения социального насилия, революционных потрясений и катастроф в целях построения «светлого будущего» и преодоления на этом пути гражданского общества с его отчуждением людей друг от друга, индивидуализмом, «пользопоклонничеством», господством мертвого труда над живым, враждебностью некоторым видам духовного производства и прочими прелестями. Критику больше интересует борьба за завоевание народного представительства в органах государственной власти, в муниципалитетах, борьба за выгодные условия продажи рабочей силы, гарантии социальной защищенности, формирование благоприятных обстоятельств для духовно-нравственного развития людей труда. Такое Движение не нуждается в создании какой-то особой - «революционной» или «пролетарской» - нравственности с намерением использовать оную, чтобы «пришпорить» ход истории.² Оно делает ставку на насыщение самого Движения гуманистическими мотивами, на максимальное использование ценностей общественной нравственности, всего того в ней, что укрепляет этику свободной близости людей, этику компромиссов и ненасилия. Оно отказывается от нормативно-рецептурных подходов к будущему и стремится не воздвигнуть новый мир, а пойти по пути такого противодействия эксплуатации всех видов наемного труда (салариата), такого совершенствования существующего строя, которое приведет к постепенному его преобразованию на базе убережения всех «плодов цивилизации», ее «столпов».

Социализм при этом интерпретируется не как модель какого-то особого типа общественной организации, для реализации которой требуется захват власти, расчищение «строительной площадки» и политика безоглядных социальных экспериментов, а как мировой исторический процесс, адекватно выражающий тенденции развития индустриально-урбанистической цивилизации, ее

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320 - 321, с. 385.

² См.: Троцкий Л. Их мораль и наша. - Вопросы философии, 1990, №5; Гусейнов А.А. Мораль и насилие. - Там же.

перерастания в постиндустриальную стадию. Новое общество нельзя «выстроить» подобно хрустальному дворцу, поскольку связи между радикальными структурными преобразованиями и последующими состояниями общества носят в высшей степени неопределенный, вероятностный и непредсказуемый характер. К тому же социализм как мировой процесс реализуется самыми разнообразными способами и во множестве форм, ни одна из которых не вправе претендовать на «единственно верную», но зато всегда при этом оберегая и развивая такие достижения цивилизации, как рыночная экономика, общедемократические ценности, правовое государство, институты представительной демократии, социальное партнерство и т. п.

В той мере, в какой данное Движение обретает черты осуществленной реальности («ползучий или функциональный социализм», по лексике неомарксизма), открывается возможность сближения либеральных и демократических ценностей, а в перспективе - возможность причудливого, «плавающего» симбиоза тех и других ценностей, идеалов свободы и социального равенства. Обе системы ценностей дополняют друг друга таким образом, что одновременно и ограничивают друг друга. Подобный симбиоз не допускает затяжных и резких кренов то в одну, то в другую сторону. Дальнейшее продвижение в сторону свободы тормозится ростом социальной дифференциации, что чревато и ростом напряженности, тогда как продвижение в сторону социального равенства сдерживается потребностями экономической эффективности и интеллектуальной свободы. По язвительному замечанию писателя В. Максимова, «...когда человек выбирал в истории свободу, он обязательно имел хлеб. Когда выбирал хлеб, он терял и хлеб и свободу».

Неоклассический вариант

Прежде социалисты и непременно ленинцы резко и с особым пристрастием критиковали либерализм. Доставалось и этике гражданского общества с ее идеалами индивидуализма, установками на деловую активность и предпринимательский успех, эволюционные формы нравственного прогресса. Историческая ситуация, однако, стала меняться. И не только по причинам, изложенным выше. В те времена еще не обрела статуса солидности и массовости кошмарная «четвертая идеология» во всех ее нынешних модификациях: тоталитаризм, шовинизм, националпопулизм, анархо-терроризм и т. п. Общественная нравственность была пропущена «сквозь строй» XX века, подверглась невиданному релятивистскому натиску, столкнулась с ужасающими проявлениями аморализма. «Положение либерализма в этой новой системе координат не могло не измениться, как не могло не измениться положение Европы на карте мира после открытия Америки. Но это значит, что изменились судьбы всех идеологий: ведь они существуют только в поле взаимопротяжений и отталкиваний. В этом реальном сегодняшнем поле притяжение социализма к либерализму и наоборот неотделимо и необходимо».¹

Разумеется, и в этике гражданского общества произошли огромные перемены. В ней не исчез индивидуализм, не обнаружены способы преодоления морального отчуждения, не ослабла установка на преследование своекорыстного интереса, не прекратился, к сожалению, «откат» трудовой морали, не был

¹ 50/50: Опыт словаря нового мышления.— М., 1989, с. 278—279.

купирован разбушевавшийся дух потребительства и «морали» развлечений. Не пресечены и многие другие негативные тенденции, в сумме своей позволяющие говорить о моральном кризисе нашей цивилизации. Вместе с тем, надо сказать об отступлении в «тьму» традиционных форм «неорганизованного», «дикого» индивидуализма эпохи первоначального накопления капитала и свободной конкуренции, о подчинении деятельности личности институализированным целям и дисциплинарным нормативам организаций, ее регламентам. Значительное развитие получила этика делового партнерства, а само предпринимательство обрело массовые масштабы. Этика всемерно поддерживает экономически активные элементы гражданского общества. Хищничество, по выражению Дж. Гэлбрейта, сменилось «социализированным бизнесом». Есть немало оснований, чтобы говорить и о социально-нравственной ответственности бизнеса, об укреплении этоса менеджериума. Отклоняя обветшалые стереотипы бездумной апологетики и те же самые стереотипы обвинительного свойства, следует признать все же, что корпоративная мораль действительно способствует преодолению атомизированности существования, пусть даже за счет усиленной ритуализации поведения.

В казавшихся «естественными» принципах всеобщей полезности и безостановочной экономической экспансии позднего индустриализма обнаружались зияющие бреши: встал вопрос о саморазрушении цивилизации, приближении к краю бездны глобальной катастрофы. Это вызвало необычайно серьезные перемены как в целевых предпочтениях человеческой деятельности, так и в области применяемых при этом средств. В этическом плане огромную роль сыграли ослабление отчуждения технологий от человека, возникновение экологического сознания и этики инвайромента, а также укрепление постматериальных ориентаций в потребительской деятельности. Стало ясно, что данные изменения не просто навязаны обстоятельствами, не терпящими возражений способами, но и являются результатом свободного выбора между различными альтернативными моделями дальнейшего развития. Это, далее, означает трансформации в соотношении добра и пользы, в понимании индивидуального успеха, в новых взглядах на «человеческий фактор» в производственной и внепроизводственной деятельности, на наемнические отношения, на развитие свободной индивидуальности. Когда проходит «эпоха нетотальных опасностей» (А. Гельман), этика гражданского общества вовлекается в соучастие поисков путей достойного выживания человечества.

Собственно говоря, в своей критической направленности эта этика содействует углублению демократических, самоуправленческих процессов и «социализации» общественных отношений в капиталистическом мире (демократию, заметим, неверно трактовать в инструментальном духе как некий путь к социализму, так как она и является путем самого социализма), а также содействует укоренению норм и правил политической морали. Она повышает степень цивилизованности в политических и межличностных отношениях, обеспечивает надежность расширения прав человека. Содействуя преодолению всякой застойности, тенденций к простому воспроизводству устаревающих общественных отношений, этика зарубежного общества в этом своем качестве не противостоит ценностям культуры, а включается в ее центральные, сокровенные структуры, репрезентируется в мире общечеловеческих ценностей. В них она выступает как этика гуманизации всех сторон жизнедеятельности людей, как этика конфликтного поведения и ненасилия.

В постиндустриальную эру, скорее всего, произойдет не такое преодоле-

ние гражданского общества и его этики заодно с государственностью, когда предполагается их уничтожение или же диалектическое «снятие» в синтезе, а преодоление, которое не содержит «снятия». Оно сохраняет различные формы несинтезируемой человеческой деятельности в новой конфигурации форм на основе взаимной дополнительности (комплементарности), баланса, компромисса.¹ Именно в этом смысле мы полагаем возможным, обращаясь к футуриям и тщательно подбирая выражения, говорить об обновленном, «неоклассическом» варианте гражданского общества и его этики как основы глобальной цивилизации, единого человечества, действующего в социуме культуроцентристского типа при нарастающем многообразии социальных и культурных образов.

Российский вариант: гибель эмбриона

А как же протекали все рассмотренные процессы формирования этики гражданского общества в нашей стране? В поисках ответа на этот вопрос мы испытываем трудности в освещении таких процессов ввиду неустоявшихся знаний историко-этического плана, быстроты развала многих старых концепций и явного отставания в отработке новых.

Очевидно, что гражданское общество до революции в стране запаздывающего перехода от традиционной цивилизации к индустриальной, стране второго эшелона капиталистического развития только-только начало сепарироваться от сословного строя. Только в 1765 году Екатерина II дозволила 15 гражданам объединиться в Вольное экономическое общество - так началась история разрешительного нормативного режима в России. Все гражданские движения за пределами такого режима воленс-неволенс оказывались оппозиционными по отношению к государству. Это определило чуть ли не весь менталитет эпохи, когда лояльность к власти и социальное творчество подданных оказались несовместимыми. Лишь во время первой революции губернским присутствиям было предоставлено право регистрации самодеятельных объединений граждан.²

Сравнительно быстро укреплялась рыночная экономика за счет вытеснения полуфеодальной, общинно-артельной экономики, становления частной собственности, суверенного предпринимательства, соответствующей инфраструктуры, обуржуазивания монархии, возникновения учреждений представительной демократии, элементов правового государства, затвердения прав человека, личностных свобод. Столь же очевидно, что стало складываться рыночное сознание, становиться на ноги продуктивно ориентированный «экономический человек», готовый конкурировать внутри и вне страны не путем различных жульнических махинаций, а за счет деловых, трудовых, интеллектуальных достижений. Преодолевая инерцию общинно-уравнительного, локалистского, сословно-корпоративного морального сознания, начал формироваться этос труда, деловых отношений, профессиональной деятельности.

В оценках степени продвижения по пути модернизации (условно говоря, европеизации, шире - вестернизации) необходимо соблюдать величайшую осторожность. В самом деле, с одной стороны, страна далеко продвинулась в этом направлении, уже в конце прошлого столетия, и темпы продвижения в

¹ См.: Стоянович С. От марксизма к постмарксизму.- Вопросы философии, 1990, № 1, с. 148.

² См: Коммунист, 1990, № 13, с. 34-35.

начале XX века резко возросли. Но, с другой стороны, вопреки тем публицистам, кто сегодня предпочитает не замечать этого фундаментального обстоятельства, искусственно подтягивая страну на уровень высокоразвитого капитализма, опасно преувеличивать основательность и масштабы модернизации. Надо видеть поверхностный во многом характер преобразований в направлении к гражданскому обществу. Его этика тоже еще не успела пустить корни в плохо взрыхленную для этого почву народной жизни: в стране были, по Энгельсу, «...одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации»¹.

По многим причинам у нас не возникла протестантская этика (или же какой-то ее близкий эквивалент) как сильнейший фактор образования «экономического человека» и морали трудового призвания. Сейчас в рамках идеи о «русском пути» идут споры о «православной этике». Не вовлекаясь в них, отметим только, что православие было больше ориентировано на поддержку государственности, державности во всех ее устремлениях (имперский центризм, экспансия вовне, укрепление общинной и сословной морали соборного, а не личного профиля). Но и у нас были, так сказать, немалые заделы в создании экономической этики делового и трудового призвания. По пронципальному суждению Ю. Н. Давыдова, «быть может, главная историческая трагедия России заключается в том, что мы пережили слишком много революций, не пережив ни одной реформации», которая дает нравственно-религиозное освящение предпринимательского и производственного труда как аскезы в мире. Задолго до всех революций «...назревало у нас нечто аналогичное немецкой Реформации, призванной пересмотреть традиционную этику, выработать форму этического сознания, адекватную радикально менявшемуся обществу. В назревшей российской Реформации Достоевскому была предназначена роль Лютера, Толстому - Кальвина. Но, как принято теперь выражаться, «история распорядилась иначе». Не без помощи первой мировой войны и не без подсказки нашей вечно бунтующей интеллигенции вместо Реформации мы получили Революцию. Религиозная же энергия народа просто подвергалась эксплуатации. Ведь революция «катализировала» энергию назревшей религиозной реформации. Была у такой «религиозности» и одна весьма существенная особенность, отличавшая ее от нравственно-ориентированных мировых религий: ницшеанская переоценка общечеловеческих этических ценностей. Общечеловеческое начало нравственности исчезало. Человек уходил к партикулярной, «государственной», классовой, узконациональной и т. д., а точнее - **языческой этике**»²

Революция смела почти все то, что имело пусть даже отдаленное отношение к этике гражданского общества. Она оказалась особенно непримиримой к институтам гражданского общества, так как левокоммунистическая критика их получила здесь мощную опору в бесчисленных маргинальных массах стихийного движения.

Какие-то и без того нестойкие элементы гражданского общества и его этики некоторое время по инерции еще продолжали влачить свое почти призрачное существование, но лишь в той мере, в какой в ситуации гражданской войны и политики военного коммунизма, бестоварного казарменного строя сохранялись мелкотоварное производство и демократия внутри правящей партии и в Советах. Правда, элементы эти оказались разблокированными и получили

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 344.

² Гомо экономикус.— Диалог, 1990, № 14, с. 97—98.

дополнительный импульс к развитию в краткую пору цветения экономического либерализма, когда стало размораживаться гражданское общество, и оно - иначе и быть не могло - незамедлительно востребовало правового государства, политического плюрализма с его представительством неоднородных и соперничающих интересов различных социальных групп и слоев (вместо насильственного ярма единения целей и «истинных» сверхцелей и сверхценностей). Это рожденное алгоритмом развития, самой логикой обновляемых представлений о социализме требование носило когерентный характер, и, как известно, оно не было удовлетворено надлежащим образом и вскоре оказалось сравнительно легко отторгнутым. Остается лишь прибегнуть к вольным пируэтам социальных гипотез, оперируя сослагательными суждениями по поводу степени вероятности подобных репрезентаций в стране с недостаточно развитыми демократическими институтами и традициями.

Упомянутые элементы удивительно быстро изживались со света (остается неразгаданной тайна недостающего сопротивления, по выражению историка М. Гефтера) в пределах мобилизационной модели развития и политической культуры нескончаемого «мобилизационного подданничества», и сама память о них была табуирована. Данная культура возникла не на пустом месте, а на прочном фундаменте патриархально-подданнической смешанной политической культуры (по схеме Г. Алмонда) старой России, где государственность истари выступала - кроме всего прочего - в качестве орудия и социальной защиты масс против аристократии, как фактор этнонациогенеза, а потому здесь развивался прямо-таки культ государственничества и патернализма. Эта унаследованная линия развития соединялась с другой - с представлениями о «государственно-бюрократическом социализме». Они исходили из допущения о готовности (зрелости) всей мировой системы капитализма к переходу на рельсы социалистического строительства, используя в качестве рычага политическую власть, которая может создать адекватный себе экономический базис даже там, где все еще нет соответствующих предпосылок. Ценой колоссальной концентрации усилий страна сможет выйти на передовые рубежи индустриального развития. Обе названные линии сплелись у нас в одну: государственно-возрожденческую фундаменталистскую идеологию.¹

Мобилизационная модель развития и подданническая политическая культура не испытывали ни малейшей нужды в какой бы то ни было этике. Демиургическое государство, присвоившее себе функции общества, поглотив его в своих бездонных недрах, завершило тотальное отчуждение собственности и власти от народа, уничтожило ростки самоуправления, узурпировало экономический и иной суверенитет частнохозяйственной и частнодуховной деятельности, превратив всех независимых (или полунезависимых) прежде работников в поденщиков и наймитов без права выбора работодателем. Инквизиторы от власти клеймили элементы хозяйственной, предпринимательской и политической этики в качестве пережитков экономического либерализма и плюрализма, как продукт нарочито усложненной организмической схемы (а не восхваляемой упрощенной схемы механистического типа, любезно одаряющей «подданных» простыми решениями и ясными указаниями) общественного устройства, в которой признаются различные уровни целостности, множество

¹ Обращают внимание и на то, что осуществленный вариант мобилизационной модели развития из всего веера возможных вариантов был наиболее жестким, беспощадным, аморальным и наименее эффективным. См.: Галкин А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития. — Коммунист, 1990, № 18, с. 28.

интересов и волю, а социальная детерминация исходит не только из экономики, законов развития социальности, духовного менталитета, национального духа и человеческой телесности. Им, этим элементам, отводилось место лишь на пресловутом «факультете ненужных вещей» рядом с правом, «абстрактным гуманизмом», правами человека, общечеловеческими ценностями.

«Квазицивилизация» без гражданского общества

Несмотря на ряд неоспоримых достижений в ходе использования мобилизационной модели развития и политической культуры мобилизационного подданничества, возникла малоэффективная, зато чрезвычайно устойчивая **«квазицивилизация» без гражданского общества**. Что представляла собой общественная нравственность в такой цивилизации? Ее привычно атрибутируют как «социалистическую» или «коммунистическую». Мы же полагаем, что возник продукт многих синтезов между тяготеющими друг к другу идеологией левачества, люмпенской «моралью» и стереотипами поведения деморализованных слоев общества, который можно было назвать этосом госбюрократического социализма или **этатизированным этосом**. Официально предполагалось с его помощью свершить радикальный «переворот» в общественной нравственности, чтобы быстро и окончательно преодолеть моральное зло, выкорчевать самые глубокие корни людских пороков. Фактически изведению подлежали общедемократические моральные ценности, процедуры этикета цивилизованного поведения, традиционная народная нравственность.

Понятно, что следует различать как безусловную реальность морального отчуждения народа и отчуждения его от властных структур, так и другую реальность, не менее упрямую - неосознанность этого отчуждения в моральном сознании народа, переживания им насилия над собой. Этого переживания в значительной толще массового сознания эпохи тоталитаризма не происходило: кроме «врагов», которыми страна прямо-таки кишела, и к тому же они все время менялись по субстрату, но не убывали по числу (так как догма об обострении классовой борьбы по мере продвижения к фальшивому «всеобщему равенству и счастью» требовала подбирать и назначать все новых «врагов», по отношению к которым «все дозволено» и нет никаких конвенциональных запретов), существует легендарное, ныне высмеянное, а прежде воспетое «беспробудное» морально-политическое единство народа и власти как орудия идеологического засилия, внеэкономического принуждения и личной зависимости.

Обязательная для всех без исключения культура перманентного мобилизационного подданничества допускает, а затем и требует братания власти и народа на базе общей агрессивности, ненависти к «врагам», нетерпимости по отношению к ним, жажды возмездия и - с другой стороны - чувства идеологического и морального превосходства, духовного избранничества в сравнении с погрязшими в тине обыденщины всех «не наших». Это сакрализованное единство было воплощено в тотеме: идентификации индивида с государством («государство - это мы!»), в фанатичной преданности центральным и местным, отраслевым и территориальным «вождям», разномастным и многограновым мнениям.

Идеал этатизированного этоса рисует образ «человека из народа» (варианты «человек с ружьем», «простой советский человек»), преисполненного энтузиазмом и аскетической скромностью в желаниях, и всякий иной образ человека расценивался как «пережиток проклятого прошлого», подлежащий ис-

коренению в процессе формирования «нового человека». Отношения власти и «человека из народа» строятся на иерархических началах, когда долг беспрекословного исполнительства всех велений «по вертикали» оказывается ведущей добродетелью. Ничего нет неожиданного в том, что долг «по горизонтали» (перед семьей, промежуточными коллективами типа коллегиальных, соседских, профессиональных, цеховых сообществ, потребительскими или любительскими ассоциациями) утрачивает значение, которым он располагал в традиционном или гражданском обществе.

Такой этос оправдывает стремление к абсолютизации власти, дающей бесконтрольную возможность распоряжаться имуществом и даже жизнью людей, стоять над ними (феномен «упоения властью»). Сама эта власть должна быть ограждена от критики. Вообще из данного этоса устраняется свойство критичности по отношению ко всем главным аспектам социальной практики и человеческого существования. Не то чтоб совсем при этом надлежало не замечать зла, не чувствовать его и не реагировать на него: нравственность, отказавшаяся от критики словом и критики делом наличных нравов и порядков, была бы чем угодно, но только не нравственностью. Предстояло не «харакири» нравственности, а нечто очень похожее на него, но все же иное — обнаружить зло и в том и там, где и в чем его не было и в помине. Отсюда моральная глухота к стремительно усиливающейся дегуманизации отношений между людьми, которая привела к вытравлению добросердечия, благодеяния, к поразительной готовности на скорую руку оправдать одобренную «авторитетами» бытовую, хозяйственно-деловую, политическую ложь, жестокость, обесценение человеческой жизни, столь выразительно отображенное в «Котловане» и «Чевенгуре» А. Платонова. «Дозволенной» признавалась критика «отдельных недостатков» в действиях тех или иных лиц и учреждений, но не переходящая в «сгущенное изображение теневых сторон нашей славной действительности». Вся социальная организация должна была уберечь свою привлекательность и моральную «святость». Напротив, всякого рода сомнения в этом, сколь ничтожными они ни были, не упоминая уже о подлинном ропоте недовольства и жаре разоблачающей критики, предстояло заарканить и остудить. Хотя выглядит это поверхностным каламбуром, но именно критический потенциал морали провозглашался качеством аморальным, чуть ли не клеветническим, подрывным, непатриотическим. Безгласность «общественного» мнения взывала к низменным чувствам, предрассудкам разного рода, укореняла всеобщий страх и прочие виды массовой истерии и моральной патологии. Наивность, благородная и глупая, ложь, вынужденная и добровольная, честность и бесчестность сплелись в один немислимой запутанности клубок.

Заметим по ходу изложения, что не следует думать, будто тоталитаризм полностью разрушает, дезагрегирует любые защищающие или подавляющие человека горизонтальные структуры. Существует немало свидетельств относительно так называемого «горизонтального, народного тоталитаризма»,¹ повседневного и «тихого» насилия, не связанного с властными вертикальными структурами. Он как бы разлит в воздухе, когда каждый участвует в подавлении другого (иначе не удалось бы преуспеть в формировании «нового человека»), чтобы исключить накопление решимости оказать сопротивление вертикальному давлению. Поведенческие нормы, правила, оценки, которые одобряют

¹ Это понятие в 1954 году ввел в политологию Баррингтон Мур. См.: Тоталитаризм как исторический феномен.— М., 1989, с. 23, 48.

заранее любой произвол властей, абсолютный контроль над человеком и обществом, которые обожествляют диссенсус по отношению к тем, кто «не с нами», такие нормы и правила нельзя даже с натяжкой отнести к сфере этического. Скорее, это регламент пандемониума для «люмпен-социализма». Это - просто некоторые правила действия в мире политики и экономики, правила показательной ритуальности: если истина познана и провозглашена генеральная линия, то место ценностей и норм деловой, предпринимательской и политической этики занимают партийно-государственные решения, воля «авторитетов».

Гедонический поворот

Остановимся несколько подробнее на аскетической скромности. Известно, что в прошлом проповедь аскетических добродетелей находила отзвук в среде отсталых слоев трудящихся, по тем или иным причинам неспособных в данный момент встать на путь сопротивления социальному злу - наверно, аскеза могла служить своеобразным «моральным опиумом» с анестезическим предписанием или же быть инструментом раскочки пассивных масс. Затем аскетизм «низов» утрачивает свою мятежную силу, а с ним и историческое оправдание. В нашей стране аскетизм, связанный с «наивным демократизмом» (В. И. Ленин), сыграл в целом позитивную роль в освободительном Движении во всех его руслах и протоках. В значительной мере он присущ и образу жизни революционеров как вынужденный момент, обусловленный подпольем, необходимостью соответствующей закалки.

Но в послереволюционную пору с аскетизмом произошли странные превращения. Революционный аскетизм стал сам собой угасать и вытесняться, условно говоря, советским гедонизмом. Начало положило постепенное политическое перерождение части руководящих кадров. Оборотничество на ранних этапах протекало без особого размаха и шокировало своим бесхитрым меркантилизмом, пристрастием к мещанским вкусам. Но оно почти безошибочно сигнализировало о переменах в социальном составе правящей партии и в госаппарате, о новых формах криминального «бесовства». Часть «верхов» стремилась извлечь выгоды из своего положения. Тем временем стала складываться целая система их подкупа, разветвленная социальная инфраструктура (повышение окладов, дополнительные пайки по строго стратифицированным показателям, денежные и продуктовые инъекции, сети спецраспределителей, дачные зоны, обслуга и т. п.), даже отдаленно имеющая мало общего с применением принципов материального стимулирования сложного ответственного политико-управленческого и хозяйственно-управленческого труда. Элита стала увлекаться устройством лукулловых пиров, заключать «династические браки», награждать сама себя орденами, присваивать звания, поощряла безудержное славословие в свой адрес. Хотя - подчеркнем это еще раз - главной привилегией оставалась сама власть как доминирующая ценность, которая может быть «обменена» на любые другие блага.

Мы полагаем возможным применить для обозначения данного процесса следующее выражение - «гедонический поворот», хотя градус его тщательно прикрывался широко демонстрируемой приверженностью к былому аскетизму, строгой пуританской морали. Публично исповедуемый восторженный или же угрюмый, крайний или сдержанный аскетизм в качестве жизнепонимания становился лицемерным во все возрастающей степени, так как в годы «брежневизации» этот гедонический вираж в элитарных слоях оказывался все более кру-

тым и беззастенчивым, вовлекая новые и новые группы руководящих кадров, соблазняя заодно и не очень руководящих лиц, главным образом из числа тех, кто связал свою судьбу с различными боссами мафии и «черной экономики», возжаждал вкусить от «прелестей» полупаразитического стиля жизни.

Испытывая потребность в идеологическом прикрытии верхушечного гедонизма, святоши от власти усилили моральное и психологическое осуждение своей противоположности - потребительских устремлений «низов» (как сказал юморист, «верхи» должны иметь достойные «низы»). Обрекая множество людей на бесконечные лишения, они выдавали вынужденный аскетизм масс за особенно чтимую добродетель. Она вводилась в систему представлений значительной части людей о социальной справедливости, подкрепляя их веру в то, что только бедность является надежным залогом непорочности, моральной незапятнанности, условием укрепления трудовой дисциплины и морали. Такие представления, дожившие до наших дней, чуть-чуть припудривались и с многочисленным эскортом из различных оговорок проникали в казенную идеологию и практическую политику, которые охотно проповедовали непорочность идеологического бескорыстия, жертвенность и уравниловку. Наличие аскетических мотивов в поведении создавало обманчивое впечатление, будто хозяйственная и политическая этика, какая-никакая, а все же существует.

В тоталитарную эпоху бытовала не лишенная смысла формула «полуголодный, но вполне довольный». Быстрый рост потребления на фоне длительного предшествующего «недопотребления» масс, перевороты в формах потребительской деятельности, качественные изменения в объемах, структуре и динамике потребления смогли подвести под довольность, начиная примерно с середины 50-х годов, своеобразную «материальную базу». И вот теперь хорошо знакомые драматические сюжеты, впервые разыгранные на исторической сцене позднего феодализма и раннего капитализма в Западной Европе, вновь проигрываются - конечно, не нота в ноту, а по обновленной партитуре - на сцене теперь уже мира, который полагает себя социалистическим. В сознании потребительно ориентированной личности нормы общественной нравственности причудливым образом вступают в отнюдь не мирное сосуществование с гедоническими пристрастиями, с развлекательной «версией жизни». Эта «веселящаяся единица» погружается в протекционистские заботы, у нее снижается чувство ответственности, ослабляется аллергия ко многим видам зла. Она возвращает увлечение условно-престижным потреблением, комплексы зависти к тем, кто преуспел в этом славном занятии, или комплексы «морального» превосходства над теми, кто безнадежно застрял лишь у подножия сияющих вершин жизненного успеха.

Технократическо-потребительский альянс

Как оценить весь этот процесс? Он многолик: это - и часть общемирового явления эгоизации; это - и позитивный ход сбрасывания обольстительных чар тоталитаристского единения власти и народа, но это же - и подрыв устоев общественной нравственности. Выступая в ее защиту, авторитарный режим начал шумную кампанию критики потребительской «морали». Но такая критика страдала дидактичностью и идеологической претенциозностью. В ней острота нападок явно превосходила глубину анализа, стремление добраться до корней. В слабо состыкованной с жизненными реалиями критике содержалось не только много поверхностного и уныло-назидательного, но и много фарисейского,

принимая, например, во внимание упомянутый ранее гедонический «поворот». Хуже другое. Консервативно-охранительные силы за сохранение ситуации, при которой продолжается диктат производителя над потребителем, а интересы потребителя не рассматриваются в качестве арбитра целесообразности, третейского судьи, эффективности как организации производства, так и качества предоставляемых товаров и услуг (заметим попутно, что процесс, потребления нематериальных товаров и услуг прямо на глазах меняется в сторону превращения его в источник инноватики для потребителя - пользователя, а это ставит его в один ряд с разработчиком и производителем). Прикрываясь необходимостью противостоять наводнению потребительства, морализирующая критика использует его для того, чтобы обрушиться на идею перехода к рыночным отношениям, многоукладной экономике, дифференциации доходов. В наши дни это делается в замаскированном виде, но аргументация почти не меняется. Противопоставляя деловитость и «святость», такая критика осуждает значительные доходы, руководствуясь в оценках главным образом их размерами, а не источником, социальной природой. Если доход значительный, стало быть, он не праведный, заведомо не трудовой, не имеет нравственного оправдания.

Такая воинствующая ригористическая идеология нестяжания способна притеснить экономическую реформу, думается, ничуть не меньше, чем это делают бюрократические запреты. Любые шаги в направлении к рыночным отношениям клеймятся тавром малодушных уступок потребительству. Фактически это привело к замедлению хозяйственного развития, длительным товарным дефицитам, инфляции, резкому отставанию сферы услуг. Но что знаменательно: это же самое обусловило возможность бурного роста нетрудовых доходов и «теневой» экономики. Огромный неудовлетворенный спрос населения, решительно огибая административные барьеры и ловко лавируя между громогласными инвективами в адрес тлетворного потребительства со стороны официальной морали, конъюнктурной этики, обращался к «теневикам», неформальной экономике, «черному рынку», что подпитывало потребительские настроения и содействовало загрязнению нравов. Так стоит ли удивляться тому, что даже в нравственно оправданной критике потребительства многие усматривали лишь изощренную попытку блока консервативно настроенных руководителей и идеологов-фундаменталистов как-то оправдать то, что позже излишне скромно стало именоваться застойными процессами?!

В критике потребительской «морали» давали о себе знать перегибы разного свойства. Когда, скажем, наше общество изображалось чуть ли не как гигантская благотворительная контора, что-то вроде «государственной богадельни», которая денно и нощно заботится в порядке «дарения», «милости» об удовлетворении потребностей граждан (само определяя, какие из этих потребностей являются разумными, а какие - нет), не задумываясь при этом над тем, что у «опекаемого человека» свойства предприимчивости, дух инициативности, готовности к риску, столь необходимые в гражданском обществе, заменяются инерциальным мышлением, иждивенческой психологией и попрошайничеством, а они - прямо или косвенно - усиливают уже знакомые нам верования в потребительском духе.

Вместо этики независимых индивидуальных или же ассоциированных производителей и потребителей, неопекаемых и ответственных за собственную судьбу людей (а не иждивенцев государства и его поденщиков), надежно защищенных от идеологического давления и капризов неустойчивой политической погоды, избавленных от унижающей достоинство морализаторской подоз-

рительности в недозволенной приверженности к собственным интересам, осуществляющих в деловом поведении утилитаристский принцип эквивалентного воздаяния, но одновременно и реализующих ценности социальной ответственности, вместо всего этого стимул к развитию получила этика социального управления как разновидность социального опекуна. Можно было бы предположить, что такое смещение отчасти вызывается объективными обстоятельствами, если бы данная этика не отражала факт превращения политической власти в единственного субъекта производственных отношений, в основного субъекта вообще любой социально-политической активности, если бы не тормозила она другой процесс: превращение управления вещами и ресурсами, людьми как вещами и человеческими ресурсами в управление отношениями между людьми как основным фактором обновления всех видов деятельности.

На этой основе - мы опять вынуждены прибегнуть к условному выражению - формируется **«технократическо - бюрократическая мораль»** с пакетом принятых в ней добродетелей и пороков, с неписаными, но высоко почитаемыми чиновническими кодексами поведения, даже отдаленно не имеющими ничего общего ни с политической этикой, ни с **этикой менеджмента**. Эта «мораль» довольно многими узами связана с потребительской «моралью». Мы, признаемся, не располагаем нотариально заверенными фактами, подтверждающими наличие этих связей. Но известно, что утрачивая веру в ценности общественной нравственности, потребительски ориентированная личность тем не менее настойчиво стремится придать респектабельность своей деятельности, жаждет испытать удовлетворенность от «разумности» своих жизненных планов и устремлений. Для этого предстоит либо отказаться от потребительского эгоизма, либо от общественной нравственности: нельзя одновременно служить и Богу и Мамоне!

Вот тут-то на помощь и приходит технократически - бюрократическая «мораль». Публично, для пропагандистского обихода, она осуждает потребительство, хотя делает это как-то неохотно, вяло, прибегая к затасканным, малобудительным доводам. Но втихомолку, келейно консуматорной личности в порядке спонсорства въедливо внушается, будто той предстоит сделать ничтожно малое, чтобы выкарабкаться из пикантного положения и ощутить себя выполняющей долг свой самым исчерпывающим образом. Для этого суживается сфера применения моральных оценок. В кругу приятельских, соседских, «фамилистических», отчасти коллегиальных отношений следует придерживаться норм порядочности. Но дальше простирается мир, и это прежде всего зыбкий мир экономики и политики, в котором любое утверждение о моральности или аморальности чего-либо оказывается сомнительным, а стало быть, поступать в том мире можно так, будто там вообще нет морали (или же можно быть снисходительным даже к дерзким прегрешениям против нее). Правда, и в частной жизни не все столь просто и ясно. И там данная личность ведет себя не лучшим образом, пропитывая частные отношения не столько заботливостью, уважением, сколько престижными выкладками и потребительскими сообщениями. Но тем не менее лишь в этом мире она готова обсуждать вопросы о личной ответственности и долге. Требования нравственности она аккуратно сводит к правилам и ритуалам корпоративного кодекса поведения. Следуя им, личность приближается к решению заветной задачи - обретения некоего равновесия душевного эквилибриума с помощью искусственной удовлетворенности и фальсифицированной совести.

Технократически-потребительский тандем тем временем, чтобы как-то

оправдать эту позицию, прибегает к моральному трюкачеству, выдавая за подлинную нравственность ведомственный, «департаментский», территориальный, профессиональный эгоизм. К тому же данная «мораль», будучи особенно чувствительной к потребительским символам, трансформирует второстепенный критерий социального признания личности, выраженный в виде определенного количества и качества приобретений, вещей, в главный критерий социального признания, в орудие завоевания «престижа», способ карьерного продвижения, в эмпирически ощутимое свидетельство «жизнеумения».

Претендуя на роль **заместителя этики гражданского общества**, нормы и оценки данной «морали» подкрепляют стереотипы приспособленческого поведения, поощряют **регенерацию такой конкурентной борьбы** в обществе (где последняя осуждается и заменяется соцсоревнованием), которая ведется не с помощью трудовых, социальных, интеллектуальных достижений, а приобретением и потреблением модных вещей или путем «аппаратных игр». При этом данная «мораль» легко прощает мелкие, да и крупные прегрешения, совершаемые ради карьеры, предлагая воспользоваться обретенной декорацией моральности в качестве необычайно ходкого товара. И проделывает она все это успешно на тех участках социальной реальности, где пренебрегают расширением свобод в производственной, профессиональной и политической сферах, где в реестре поощряемых человеческих качеств преобладают бюрократические «эрзац-добродетели» безынициативности, чуть ли не обожествленной лени, «статусопоклонничества», услужливости, показного оптимизма, имитации исполнительности и т. п.

Если синдром довольности в потребительском ключе полагает аморальным нарушение разве что только некоторых сдерживающих, скромных запретительных норм, если сводит общественную нравственность лишь к исполнению предписаний службистского кодекса в его ведомственной интерпретации, то кого же может удивить то, что рост влияния данной «морали» оказывается синхронным росту цинизма и опустошенности, социальной дезорганизации, измельчанию характеров и проституированию убеждений (не тех или иных, а убеждений как таковых), значит, и синхронным росту преступности, коррупции, попранию элементарных нравственных норм. Но ведь призвание синдрома довольности заключается в верноподданничестве силам авторитарного порядка и, значит, потребительская «мораль» - в трогательном альянсе с «моралью» технократическо-бюрократической - не может не кичиться благими намерениями исполнить роль этакого оплота общественных нравов. Между тем она оказывается «у разбитого корыта» неспособности достаточно четко разграничить общепризнанную аморальность от поведения, как будто вполне порядочного, социализированного. Гедонический, потребительский идеал обязывает демонстрировать символическую (социологи пишут в таких случаях - мясочную) приверженность к ценностям, про себя отрицаемым, и исподтишка следовать тем ценностям, которые столь же энергично порицаются во всеулышание.

Иначе говоря, то самое моральное отчуждение, за которое клеймилась этика гражданского общества, у нас добирается до самых глубин сознания личности, усиливая эклектизм ее поведения, его внутреннюю конфликтность. И ни литургический язык жрецов - псалмопевцев названной унии «моралей», ни «фелицитологические» программы не в силах помочь обрести столь желанное душевное равновесие в рамках сохранения верности данному идеалу и вытекающему из него «здоровому смыслу». Упрямая преданность им способна лишь

обострить коллизии между возникшим осознанием иррациональности целей собственной жизнедеятельности и стремлением хоть как-то ее рационализировать. Она способна только наращивать ощущение виновности, как бы ни пряталось это тревожное ощущение от других и от себя за фасадом бодряческой довольности.

Навстречу нравственной свободе

С началом перестройки начались процессы отделения власти от монополизированной собственности, образования многоукладной экономики, отваживающейся пуститься в плавание по неизведанным морям регулируемых рыночных отношений. Со скрипом, но все же пошло отделение государства от возрождающегося гражданского общества с его независимой экономической и духовной деятельностью (разгосударствление, деэтизация, приватизация), образование основ правового государства. И хотя мы наблюдаем нерешительность, затяжные паузы, двойничество, откаты назад, рецессии, перегруппировки, тем не менее, полагаем возможным предположить: **начался процесс «первоначального накопления» ценностей этики гражданского общества** и политической этики, их норм и этикетов, механизмов их трансмиссии и контроля за исполнением. Переход к гражданскому обществу, насыщенному социалистическими элементами (как результат мирового процесса социализации и социалистического выбора нашей страны), высвобождение его как бы из «социального залога» делают указанный процесс накопления ценностей неотвратимым, укрепляя решимость общества оторваться от вымышленной судьбы, от финалистского детерминизма, механистического конструктивизма демиургического государства - гражданское общество является продуктом органического развития, самодеятельным движением в направлении к постиндустриальной цивилизации.

Между тем энтропирующая авторитарная система власти сдерживает процессы самообновления, возврата в «лоно цивилизационного развития», то и дело одергивая движение к экономической свободе, а «малолетней» политической морали навязывая стиль дискреционности, то есть поддержки полномочий власти, не ограниченной законом и закону не подчиненной. Но с другой стороны, она же сдерживает и крайние, экстремистские силы, безоглядно способные расшатать государственность и довести до точки кипения социальные страсти и напряженность в различных отсеках (или регионах) общественной жизни, так как ускоренная деэтизация приводит к стремительному усложнению социальной структуры общества, к поляризации интересов, росту конфликтности отношений между ними и известному распаду властных структур и того, что называют моральным порядком.

Ядром этики становящегося гражданского общества окажется регулятивный общедемократический принцип свободы в экономическом поведении, отчасти и в политическом. Отойдет в сторону, как об этом мы уже говорили в связи с раблезианской Телемской обителью, разветвленная система запретительства, и центр тяжести в этике сместится на побудительную, ценностно-мотивационную сферу. Наверно, можно говорить о грядущем этико-правовом и этико-политическом «кондоминиуме» над всей сферой гражданского общества.

Конкретные формы возрождения этики гражданского общества не predeterminedены даже в своих главных характеристиках. Скажем, существуют субкультуры хозяйственной, политической и духовной деятельности. Их бытие прежде всего было скрыто за полированной обшивкой единообразности официальной жизни. Но ведь такие культурно-антропологические моменты обяза-

тельно скажутся на особенностях формирования этики гражданского мира.

Данная проблема напрямую связана с «русской идеей», хотя она выходит не только на эту идею, а возможно, и на мусульманскую, прибалтопротестантскую и т. п. Мы сейчас не станем открывать соответствующий дискурс, а обратим внимание на огромную роль выбора варианта сочетаний свободы, равенства и справедливости, единства и плюрализма, от пропорций сочетания различных укладов в экономике (неогосударственный, кооперативный, общинный, «скандинавский», синкретический и т. п.), от способов освоения населением нашей огромной страны еще малознакомой ему рыночной культуры, ценностей товарной цивилизации. Важное значение для будущности этики гражданского общества, ее форм и проявлений имеет судьба нашей государственности (союз суверенитетов, федерация, конфедерация, содружество и др.) в контексте стратегии деэтизации, синтеза государственности и самоуправления. Не менее важное значение имеет величина сопротивления движению к гражданскому обществу со стороны моральных структур, присущих традиционно-общинному и корпоративному образу жизни, которые имеют опору в натуральном и полурыночном хозяйстве. Они сегодня «еще полны жизни и вполне способны постоять за себя», так как в очередной раз, не освободив человека, мы пытаемся освободить коллектив. Но свободный коллектив тем и специфичен, что формируется на основе соглашения экономически независимых лиц, взвесивших перед тем свои личные интересы».¹

Этика гражданского общества «заработает» в полную силу как регулятивный принцип поведения в зависимости от меры продвижения по пути, который ведет к автономизации личности, реализации ее суверенных прав по отношению к сверхвсеобщему. Интересы, взгляды и моральные предпочтения, свободный выбор определяются не столько высокой степенью слитности личности с группами общинного или корпоративного типа, вынужденной, навязываемой групповой (производственно-трудовой, ведомственной, социопрофессиональной, территориальной, генерационной, этнонациональной, партийной и т. п.) принадлежностью, а также включенностью в ту или иную массу, сколько широтой ее гражданского кругозора и собственной неповторимостью. Они характеризуют личность как универсальное, родовое существо (путем идентификации с человечеством, вселенской ориентацией поведения), как плюралистическое существо (путем идентификации с множеством групп и ассоциаций), как члена нового социума, новой постиндустриальной или глобальной цивилизации культуры.² Именно это позволяет ей становиться элементом гражданского общества, а заодно и выявить субординацию различных приложений общественной нравственности (трудовой, профессиональной, политической, территориально-бытовой, поколенческой, этно-национальной, партийной и т. п. этик).

¹ Кузьминов Я. И., Сухомлинова О. О. Гражданское общество: экономические и политические факторы становления.— *Общественные науки*, 1990, №5, с. 64.

² См.: Дилигенский Г. Г. В защиту человеческой индивидуальности.- *Вопросы философии*, 1990, № 3, с. 44-45. Глубокое понимание уязвимости марксовской критики гражданского общества за его рассмотрение человека как такого, для которого другой есть предел, а не осуществление собственной свободы, за недооценку ею свободного договорного общения, ценности обособления индивида от всевластного общественного целого, неформационного понимания человека как собственника своей творческой силы, как непреходящего субъекта культуры содержится в практически пока единственной основательной работе по гражданскому обществу. См.: Библер В. С. О гражданском обществе и общественном договоре (Размышления после пяти перестроечных лет).- В сб.: *Через тернии*. - М., 1990, с. 353-354.

Этика успеха как пафос состязательного общества

Мы поставили точку на обобщенном подходе к этике гражданского общества, в котором доминировали историко-социологические сюжеты. Но Проект наш, разумеется, развивается и посредством дискурса по поводу конкретных тем и граней этой этики. Предъявим здесь предварительный фрагмент об «этике успеха», которая ранее уже была обозначена в качестве одной из базовых ценностей гражданского общества.

Естественно, такого рода рассуждение должно было бы открыться с анализа самого понятия успеха. В зарубежной, отчасти и в советской, литературе имеется обширная библиография, где это понятие рассматривается в культурологическом, социологическом, психологическом и др. аспектах. Возможно, что этический аспект имел бы интегрирующую функцию. Однако сама эта возможность реализуется лишь парадоксальным образом.

Дело в том, что словосочетание «этика успеха» внутренне противоречиво «благодаря» содержащемуся в нем конфликту «добра» и «пользы», ценностного и утилитарного, нравственного и целесообразного. Сам этот конфликт имеет, как было сказано ранее, историко-культурологическое измерение.

В традиционной цивилизации успех был самодостойной ценностью, не связанной жестко с ожидаемой пользой во всех ее ипостасях. Так были ориентированы участники греческих олимпиад, рыцарских турниров, крестовых походов, состязаний риторов и трубадуров и т. д. В индустриальной цивилизации положение изменилось настолько радикальным образом, что полезность результата стала едва ли не единственным индикатором успеха. Такая смена плюсов связана, видимо, с тем, что состязательность переместилась из публичной жизни в частную и сконцентрировалась в сфере экономической деятельности. Мы уже знаем из концепции гражданского общества, что в сфере частной жизни субъект такого общества поступает вполне самостоятельно, без воздействия извне, определяя для себя стратегии жизнедеятельности и реализуя их.

Успех, как известно, приобрел сравнительно легко исчисляемую форму присвоения богатства общества отдельными индивидами. Но, преследуя своекорыстный интерес, эти индивиды содействовали общественному процветанию, той форме прогресса, которая присуща данной цивилизации. Б. Мандевиль, а затем и Гегель показали, что именно зло стало двигателем прогресса. Причем зло понималось не просто как пороки, дурные страсти, злом считалось все то, что разрушало устойчивые формы жизни, и тем создавало новое. Под этим углом зрения тот, кто добивался успеха, тот в моральном смысле рисковал, он мог стать не просто источником и носителем аморализма вследствие беспринципного выбора целей и неразборчивости в средствах, но в процессе морального творчества выступал как носитель новых моральных ценностей — успех достигался за счет обязательного отклонения от нормы, однако девиация могла идти «вниз» и «вверх». Кроме того, данная парадигма успеха стремилась стать над всеми другими ценностными ориентациями, оттеснить их на периферию общественной жизни, превратить ориентацию на успех во всеобщую, присущую и тем сферам жизнедеятельности, где она менее всего применима. Не удивительно, что гуманистическая мысль нового времени оказалась на распутье: отстаивая общественный прогресс, она обязана была поддерживать индивидуалистические установки на успех, но, опасаясь бесчеловечности прогресса, вынуждена была осуждать данные установки как обремененные цинизмом,

вседозволенностью, лицемерием. И потому гуманистическая мысль была обречена на своеобразный «страх перед успехом», идеализацию прошлого, на поддержку нестяжательских моделей успеха.

Мораль того гражданского общества, которое вписывается в постиндустриальную цивилизацию, оказалась перед необходимостью создать новую парадигму «постматериального успеха». Она характеризуется выходом за рамки альтернативных моделей успеха предшествующих типов цивилизации, отказом от простого сочетания рационально обоснованной утилитаристской стратегии успеха («этика дня», по Д. Беллу) и иррациональной гедонистической стратегии успеха («этика ночи»), установкой на культурное многообразие, на плюрализм моделей и тем самым отказом от поиска и навязывания модели доминирующей.

Этот «мостик» между концептуальным очерком этики гражданского общества и конкретным ее фрагментом задает алгоритм разработки «этики успеха» в ее современной версии.

Ситуация переходного периода в нашей стране, этап становления гражданского общества ставят задачу поиска самих оснований для этики успеха: повторить ли все этапы общецивилизационного движения (от парадигмы успеха традиционного общества до парадигмы общества посттрадиционного) или сразу «примерить» на себя итог этого развития, точнее, тенденцию, ведущую к будущему итогу, к «социуму культур» (В. С. Библер).

Исходный тезис нашего Проекта заключается в трактовке ориентации на успех - в ее мировоззренческих и ситуационных аспектах, в линии поведения и в конкретных поступках - как проблемы морального выбора. В соответствии с этой трактовкой исследовательский поиск связан, во-первых, с анализом моделей успеха с точки зрения региональных и общечеловеческих аспектов, во-вторых, с выявлением типологии нравственных конфликтов, порождаемых «стремлением к достижению», и разработкой соответствующих «правил игры» как своеобразного неписаного морального кодекса успешной деятельности, в-третьих, с характеристикой соотношения успеха и счастья.

Зафиксируем важную характеристику исходной ситуации: традиционная для обыденного морального сознания и для науки о морали «незабоченность» проблемой успеха в ее этическом измерении на фоне разбуженного практического интереса к ней, о чем свидетельствуют многомиллионные тиражи бестселлеров «об искусстве приобретать друзей» и беспрестанно размножающиеся «школы успеха». Тем самым начавшаяся реабилитация установки на успех ограничивается рамками праксиологических подходов с опаздывающим этическим освоением темы.

Самый минимум иронии слышится сегодня в заявлении автора знаменитых «Законов Паркинсона» по поводу одной из своих книг: «Сделав эту книгу настольной, вы неминуемо преуспеете. Впервые за многие тысячелетия человеческой цивилизации успех стал достижимым для всех». ¹ Разве не в том же - но уже без иронии - уверен и популярнейший ныне Дейл Карнеги? Другое дело, как автор и его читатели воспринимают «науку успеха», как они относятся к ее этическому смыслу.

Наиболее распространенное восприятие книг Д. Карнеги в массовом сознании, несомненно, связано с трактовкой их как компендиум норм и правил жизнеуспеха. И редко кого останавливают манипуляционные акценты в его

¹ Сирил Н. Паркинсон. Законы Паркинсона.— М., 1989, с. 65.

поучениях. Внимательный читатель «разглядит» в рекомендациях Д. Карнеги привычно осуждаемый нашей моралью «изм» - прагматические моралистические взгляды. Возможно, как мы полагаем, извлечь и иной вывод: работы Д. Карнеги содержат элементы этической праксиологии, которые подлежат выявлению, усилению, систематизации, «культивированию» (прецедент такого рода мы пытались создать в одной из московских школ менеджеров в процессе сериала этических деловых игр «Успех»).

Работы Д. Карнеги, наверно, не могли не стать основным учебным пособием в многообразных школах успеха (для менеджеров, бизнесменов, коммерсантов, политиков и т. п.). Однако на сегодня максимум гуманитарности программ такого рода школ исчерпывается лишь психологией успеха. Так, например, мотивируя открытие в газете «Успех» рубрики «Школа успеха», ее руководитель раскрывает свои предложения читателям в следующих темах: «1. Каков он, успешный человек? 2. Как определить зоны своего успеха? 3. Мои психофизиологические резервы?..».¹ Мы закрыли цитату, ибо и в кратком перечне вполне можно было бы представить моральную проблематику, ...если бы она была предусмотрена. Но как бы она там оказалась, если в программном заявлении руководителя «Школы успеха» сказано: «Наука... начинает возвращаться к изучению проблем успеха с целью помочь людям в выборе рациональных путей достижения желанных целей... Она разрабатывает принципы и методы адекватной реализации человеком своих интеллектуально-психологических возможностей в соответствии с требованиями той деятельности, которую человек выбирает или которая ему предначертана «судьбой». Признаком, по которому можно оценить вклад науки в разработку путей достижения успеха, является маленькое слово «Как?». Как учиться, как учить, как изобретать, как считать и т. д. и т. п. Эти бытовые вопросы и есть исходный пункт научных разработок, предназначенных для раскрытия условий, путей, методов, средств достижения успеха».

Попробовать в оценке этой позиции исходить из «презумпции доверия» и предположить, будто это своеобразная «деидеологизация» темы, намеренная ее прагматизация как реакция на многолетнее обязательное «возвышение» любой проблематики человековедения до мировоззренческих аспектов аж самой коммунистической морали? Обязательно! Однако и в самом лучшем случае, когда многие программы выполняют роль **необходимого** элемента развития культуры человека: его освобождения от пут догматического морализирования, они не могут уклоняться от признания того, что эта роль отнюдь не является достаточной, не могут избежать развития вопроса «как достичь успеха?» до уровня вопроса «ради чего надлежит стремиться к успеху», как гуманизировать самые оптимальные способы его достижения. И потому противостояние морализаторским клише, идеологизированным шаблонам, извращающим заботы об умении жить, может обернуться моральной нейтрализацией всей проблематики успеха с ее противоречиями развития праксиологии в отрыве от этики. Когда вопрос об **умении жить** не доводится до сократического размышления об **умении жить достойно**. Опыт этико-праксиологических исследований, пока еще довольно скромный, показывает, что праксиология и этика необходимы друг для друга, и проблема успеха как раз является важнейшим полем, поприщем их сотрудничества.

Тезис о том, что проблема успеха является предметом этики гражданско-

¹ Жариков Е. Школа успеха.— Газ. «Успех», 1990, № 1.

го общества - где человеку не предначертан традициями его жизненный путь, а он сам несет ответственность и сознательно рискует, выбирая дорогу жизни - вообще предметом этического исследования постольку, поскольку ориентация на успех является предметом морального выбора, аргументируется прежде всего выявлением нравственного содержания мировоззренческого яруса личностного сознания. Это содержание выражено уже в трактовке успеха как позитивного результата «проекта бытия личности», ее самореализации (хотя нельзя в успехе усматривать единственный индикатор такой результативности). Состоялся ли человек - в смысложизненном измерении этого вопроса? Не напрасен ли его жизненный путь, оправдывает ли итог судьбу человека?

Разумеется, сама постановка такого рода вопросов предполагает возможность выбора идеала, мировоззренческого ориентира для жизнетворчества. Открывает возможность позитивной свободы в таком выборе, многообразие ценностных систем, по Э. Фромму, человек не свободен в выборе, если речь идет о том, иметь или не иметь идеал, - но в выборе идеала он остается свободным. Свобода выбора ориентации на успех - среди других, в том числе и противоположных ценностных ориентаций - несет в себе нравственную проблему, является актом не только прагматического, но и морального риска, жизненной удачи и неудачи, счастья и жизненного поражения. Такого рода риск имеет своей ставкой не элементарный успех или не успех, но шанс повышения уровня свободы, расширения ее сферы, такую неопределенность морального выбора, которая представляет возможность максимального проявления доброй воли.

Успех как проблема выбора на мировоззренческом ярусе морального сознания является таковым для любого субъекта гражданского общества или только для предпринимателя, менеджера, коммерсанта? Разумеется, эти пассионарии рынка не могут стать **профессионалами** без развитого «стремления к достижению» - как и политики, например. Но в гражданском обществе этика успеха имеет всеобщий субъект... При единственном ограничении. Речь идет о людях, избравших альтернативную жизненную ориентацию - по склонности или по необходимости, - когда и собственно выбора-то, другого достойного варианта в сложившейся ситуации нет. Этика гражданского общества включает как этику успеха, так и этику недеяния и неучастия, квиетизм и стоицизм. Вероятно, и становящемуся гражданскому обществу наряду со «школами успеха» потребуются и «школы Сизифа», «школы пассивного сопротивления», «школы уклонения». Школы, уже действовавшие в эпоху тоталитаризма, продолжающие функционировать и в наше смутное время.

Важно при этом отличить указанные альтернативы «**этики успеха**» от «**этики поражения**», сплавленной с первой в рамках единого выбора. Необходимость «морального всеобуча» в «школе успеха» можно в этом аспекте аргументировать заботой о судьбе людей, проигравших в жизненной, конкурентной борьбе. Нравственное содержание поведения человека проигравшего может быть значимо, например, тем, что он «обращает поражение в опыт, в новую энергию, в бойцовскую мудрость». Это третий из типов поведения людей после поражения, которые классифицировал А. Гельман в статье, написанной для дискуссии на тему «Успех подлинный и мнимый»: «**первый** - человек уходит в тень, замыкается в себе, ... человек подавлен, сломлен...

Второй тип - это когда праведник после поражения с ходу делает поворот на сто градусов и буквально на наших глазах превращается в оборотня...

Третий тип - это люди, которые остаются такими же, какими были...».¹ И дискуссия давняя, и задачи ее не имели прямого отношения к жизни гражданского общества, но тема достоинства проигравшего - вечная.

Собственно альтернативными для ориентации на успех являются действие «без надежды на успех», стоическая позиция, одним из символов которой является жизненная борьба Сизифа. Смысл его «жизни без надежды» имеет далеко не историко-этическое значение, связанное со становлением экзистенциалистской этики. Современная «апология Сизифа»,² выявляющая достоинство стоицизма как альтернативы и этике успеха, и этике смирения, и этике уклонения, активно запрашивается противоречивым характером этапов нашей переходной эпохи. «Только не надо думать, что теперь-то наш Сизиф может вернуться к своим грекам. В известном смысле он - герой на все времена», - говорит А. Лебедев в названной ранее статье.

Этика успеха: конфликт моделей

Тема успеха в качестве особого внимания исследователей этики гражданского общества имеет своим основанием общепризнанные модели и убеждение в том, что господствующая ценность, основной элемент ценностной ориентации этого общества - стремление к достижению успеха. Каков же статус этого феномена? Регионально-национальный или общецивилизированный?

«Во всех книгах о преуспевании - а перед читателем новейшая и лучшая из них - слово «успех» толкуется примерно одинаково. Бытовое выражение «жить хорошо» не объясняет никаких философских или этических загадок (да и не претендует на это), но оно, по крайней мере, всем понятно. Мы знаем, о чем идет речь. Преуспевающий человек занимает высокую должность, у него незапятнанная репутация и обеспеченное будущее, о нем с уважением пишут в газетах - и всего этого он добился сам... Наше воображение рисует нам ухоженный сад на берегу озера, изящный коттедж, старинное столовое серебро и дочь хозяина в костюме для верховой езды. Чуть изменив угол зрения, мы видим обшитый дубовыми панелями кабинет, зеркальный письменный стол, одежду от модного портного, бесшумную машину. Потом нам представляется просторный зал фешенебельного клуба и центральная фигура центральной группы — человек, скромно принимающий искренние поздравления. С чем? С правительственной наградой, повышением по службе или рождением сына? Весьма вероятно, что произошло и то, и другое, и третье. Так обыкновенно выглядит успех...».³

Именно так представляется одна из моделей успеха, синонимом которой является «американская мечта». Ни цитированный здесь автор, работающий в жанре сатирического памфлета, ни теоретики собственно «американской мечты» не претендуют на то, что разрабатываемая и пропагандируемая ими модель успеха имеет лишь одну ипостась; само собой разумеющимся представляется и многообразие видов успеха и его форм, конкретизирующих данную модель. Как подчеркивает тот же Паркинсон, «кто-то дал свое имя экзотиче долго жил на свете или в детские годы стал знаменитым музыкантом». Не берясь описывать виды успеха, характерные, например, для человека, который скому цветку, кто-то написал бессмертное стихотворение. Кто-то удивительно

¹ См.: Гельман А. Гарантия победы.— Лит. газ., 15 августа 1984 г.

² См.: Лебедев А. Апология Сизифа.— Лит. газ., 14 ноября 1990 г.

³ Сирил Н. Паркинсон. Законы Паркинсона, с. 61.

«думает о награде за пределами этой жизни или даже о посмертной славе в этой», автор трактует лишь успех как «материальное и земное понятие». При этом он не дает возможности истолковать эту трактовку «чересчур грубо»: «Человек, живущий хорошо, живет не только богато. Богатство без уважения, без любви людей, да еще приправленное смиренным крохоборством, оборачивается жалким прозябанием».¹

Американская культура многими исследователями прямо характеризуется через ориентацию на личный успех, оптимистическое мировидение, рациональное обоснование жизненных предпочтений, вытекающие, в свою очередь, из американской индивидуалистической традиции. При этом речь идет о моральных ценностях, которые не просто не исключали, но и прямо подразумевали нравственное достоинство модели жизненного успеха, спроектированной в качестве идеала для предпринимательской практики и, шире, воплощающей устремления и надежды индивида, вовлеченного в рыночные, состязательно-конкурентные отношения.

Каковы основные грани модели «американской мечты»? Агональный характер типа общества, цивилизации и культуры, в которых рождена «американская мечта», обуславливает в этой модели четкое различие «победителя» и «побежденного», индивидуальной «удачи» и «неудачи» в качестве ключевого признака. Очевидно, что «победитель» здесь и есть символ успеха и именно он достоин уважения, самоуважения, подражания. На долю символа жизненного поражения остается в этом случае лишь презрение, в лучшем случае - сочувствие. В современных условиях дело не ограничивается сочувствием - нравственные отношения требуют социальной защиты.

Индивидуалистическая модель успеха, по определению, предполагает «путь в одиночку», «расчет на самого себя» и, следовательно, личную ответственность за успех и за поражение. Такую ответственность не снимают «каприз случая», «слепая судьба», социальные обстоятельства и т. п.; в то же время она связана с идеей - «удачи», «везения», укрепляющей активную позицию самой личности в самореализации, в овладении своей судьбой, в решении задачи «сделать самого себя».

Реализация описываемой модели успеха требует от личности культивирования качеств предприимчивости и деловитости, инновационности стремления и умения рисковать, развитой игровой культуры, вероятностного мышления и прочих морально-деловых и волевых качеств.

Именно такого рода качества, возвращение которых превратило индивидуалистическую модель успеха «в своего рода жесткий императив, оказавший огромное практическое влияние на жизненную ориентацию и повседневное поведение большого числа людей в США»,² прямо рассматривались и рассматриваются сегодня как аморальные в традиционной **советской модели успеха**, если так можно называть модель, которая пропагандирует слишком много человеческих качеств, предназначенных для антиуспеха.

В нашей этике - как и в нашей морали - традиционно выражалась негативная реакция на эту модель. Это было связано с отрицанием индивидуализма в целом. При характеристике концепции этики гражданского общества мы уже артикулировали дифференцированный и потому более взвешенный подход к морали индивидуализма. Иного рода отношение к нему ведет к идеологи-

¹ Сирил Н. Паркинсон, цит. соч., с.61-62

² См.: Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке.— М., 1980, с. 28.

ческой мифологии «нового человека». «В Соединенных Штатах Америки издана книга под названием, кажется, «Сто путей к успеху». Не берусь судить о достоинствах и недостатках ее советов - книги той не читал, - но сам факт, что путей так много, свидетельствует о явной ненадежности, маловероятности, исключительности каждого из них. А у нас путь всегда один, зато очень верный: с достоинством шагать по жизни, чувствуя пульс времени, откликаясь на заботы страны, много и честно трудиться - и несомненно придет успех», - писал А. Салуцкий в книге с характерным названием «Уметь жить!».¹ Мы отказались от попытки выделить хоть какие-то ключевые слова в этом тексте полужирным шрифтом - каждое предложение этого достойно.

Итак, попытка перевода исследовательского поиска на характеристику «нашей» модели успеха уже с первых шагов показывает, как традиция обыденного и теоретизирующего морального сознания проблематизирует саму постановку вопроса о позитивно-нравственном содержании «синдрома достижения» в рамках мифологии коммунистической морали. Традиция эта не поддается «ветру перемен», не реагирует на динамику экономической и политической ситуации. Очевидно, что нам еще только предстоит привыкнуть к тому, что для нормальной морали, морали нормального - гражданского - общества раскатычные слова **умение жить** избавляются от трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической (не путать с индивидуалистической!) стратегии и тактики жизненного успеха и связываются с мерой овладения «искусством жизни». Ведь еще совсем недавно рубрика «Литературной газеты» с характерным названием «Успех в жизни - подлинный и мнимый» с большим трудом пыталась бороться за моральную реабилитацию понятия «успех», едва завершившись все же его моральным осуждением. Вряд ли можно успокоиться ссылкой на прошедший десяток лет: речь идет о стереотипах морального сознания, об инерции традиционных оценок.

Возможно, что исток этих стереотипов не просто в идеологических шаблонах «комморали», а в определенной цивилизационной парадигмальности, связанной с проблемой «третьего пути» для России. Представляется, что можно говорить о наличии третьей — наряду с индивидуалистической и примитивно-коллективистской (охарактеризованной в общей части нашего Проекта) — модели жизненного успеха, суть которой, пусть и в негативной формулировке, схвачена названием статьи Ю. Бородай «Почему православным не годится протестантский капитализм». Правда, автор основной критический пафос направляет на прошлое капитализма и, соответственно, на протестантскую этику, не ставя задачи критики современных западных реалий и современных (индивидуалистических) моделей жизненного успеха. Тем не менее стержневая для его подхода мысль о том, что «разная этика» у английского «нового дворянина» и русского промышленника, как и разная - национальная - экономика,² позволяет увидеть такую направленность его позиции, в которой ориентация национальной культуры и национальной морали трактуется лишь как конфронтационная в отношении общечеловеческих ценностей. Это побуждает нас обратиться к региональным социокультурным особенностям этики успеха, в их отношении к ее общечеловеческому инварианту.

Социокультурная специфика легко обнаруживается, например, при сравнении американской и японской моделей успеха. Если для первой характерна

¹ Салуцкий А. Уметь жить! - М., 1980, с. 33.

² См.: Бородай Ю. Почему православным не годится протестантский капитализм. М., Наш современник, 1990, № 10, с. 4—5.

обратная зависимость между наибольшей выраженностью «потребности в достижении» и «потребности в общении», то во второй - высокая «потребность в достижении» сочетается со столь же высокой потребностью в принадлежности к группе. Если система воспитания юного американца стремится привить ему желание обязательно опередить всех, то для юного японца воспитатели подчеркивают не столько желание личного успеха, сколько стремление не отставать от других, и тем не посрамить свою группу, семью, род.¹ Вероятно, формирование этики успеха в нашем обществе будет развиваться в диапазоне, на полюсах которого как раз две этих модели. В какую сторону будет большее тяготение, покажет будущее. Важно уже сейчас попытаться вывести эту ситуацию выбора на метауровень системы ценностей постиндустриального общества, в котором общечеловеческие нормы нравственности конкретизированы культурным плюрализмом, сосуществованием многообразных моделей успеха между собой и с другими ценностными ориентациями.

Разумеется, процесс приживления принципа плюрализма моделей успеха не может быть изъят из советского контекста, где модель успеха до сего дня размещена между «своими» полюсами: добродетелями бюрократической карьеры и аморализмом «теневой деятельности». «Правила игры» в таком ценностном пространстве позволяют лишь в лучшем случае смягчить силу притяжения полюсов (что не исключает, как подчеркивалось ранее, квиетического контркультурного «ухода» от этих моделей и стоического сопротивления им).

И все же перспективная модель успеха не может быть выведена за границы напряженного поиска инварианта. «Перед нашими соотечественниками, как и век назад, вновь стоит проблема: как относиться к ценностям, западным по своему происхождению? - пишет Я. Шемякин, - считать ли принцип свободного выбора и вытекающие из него политическую демократию, гражданское общество, развитое право общечеловеческими достижениями, до которых доработался Запад, или региональными особенностями западной цивилизации? Если мы признаем их общечеловеческую ценность, это влечет за собой создание определенного масштаба сравнения».²

Завершая разговор о конфликте моделей успеха, условно говоря, в его мировоззренческих пластах, нельзя не сказать об органической связи любой модели успеха с идеалами. Становящееся у нас гражданское общество продуцирует прежде всего земные идеалы, напрямую выводящие к проблеме успеха, к материализованным версиям счастья. Но активный субъект такого общества - «экце хомо», которому присуща вся гамма экзистенциальных состояний, существо озабоченное, страдающее и смертное. Поэтому он нуждается и в «потустороннем» идеале, привлекающем своей неразгаданностью, несбыточностью, утопичностью, императивом служения некоей миссии, надындивидуальным началом. В таком идеале светит «свободная близость» людей без их свободного антагонизма». Он неизбежно ригористичен, конкретизируясь в правиле «все или ничего».

Вступая вместе со всем человечеством в эпоху глобальных проблем, субъект становящегося у нас гражданского общества призван справиться с проблемой столкновения индивидуалистических и надындивидуалистических начал в идеале, с конфликтами в зоне соприкосновения идеалов и моделей успеха.

¹ См.: Кон И. С. Дружба. М., 1980, с. 100—101.

² Шемякин Я. ...Можно ли стать свободным? - Литературное обозрение, 1990, № 12, с.

Покидая мировоззренческий ярус темы, надо иметь в виду, что в то же время этика успеха является концентрированным воплощением нравственных проблем в **целереализационном аспекте деятельности**. Речь идет о целостном подходе к поступку как акту морального выбора, в котором взаимообусловлены ценности целей и эффективность средств. Оба этих аспекта морального выбора и являются основанием **двух типов** нравственного конфликта: аксиологического и этико-праксиологического. Зафиксировав ранее конфликтность первого типа в отношении различных моделей успеха, мы можем теперь сосредоточиться на втором типе конфликтности этики успеха.

Ясно, что этика успеха «говорит» языком, в котором сплетены мораль и праксиология: стать «хозяином судьбы», «счастливый исход», «надежда на лучшее», «кузнец своего счастья», «желание преуспеть», «пиррова победа», «кому улыбается Госпожа удача», «не терять голову»... Установка на успех этически значима, если стимулирует человека стать творцом своей судьбы, не позволить превратить себя в пешку для чужих игр. Не менее важно, чтобы став хозяином своей судьбы, человек не позволил себе использовать в «играх успеха» других людей в роли пешек. Праксиологический элемент здесь имеет особую значимость, ибо индивидуалистическая модель жизненного успеха исходит из необходимости реализации замысла жизни в условиях конкуренции, поединка, борьбы (в том числе и с самим собой).

Вероятно, что конфликтность этико-праксиологических ситуаций во многом связана с тем смыслом понятия «успех», корневой смысл которого уходит, как показал В. Даль, в понятие «успеть» и тем самым в конкурентные отношения не только со временем, но и с соперниками "Ц" по жизненной борьбе. Оставляя характеристику конкуренции (и сотрудничества), с точки зрения этики гражданского общества, для специального исследования, подчеркнем здесь, что сама конкурентная ситуация как бы провоцирует на нарушение «правил игры», а потому такие правила требуют особого этического анализа и контроля.

Подчеркнем, что «правила игры» выполняют далеко не служебную роль. В самом этом словосочетании понятие «игра» нагружено серьезным смыслом, стоящим за игровым поведением, характерным для этики конкуренции, соперничества, борьбы и сотрудничества. Так, в работе «О некоторых изменениях в этике борьбы» (речь идет о праксиологическом смысле слова «борьба») М. Оссовская отмечает, что «игровая мотивация уже самим установлением правил игры сдерживает человеческую агрессивность и нередко затрудняет победу. Расчет на взаимность, безусловно, смягчает борьбу. Что же касается его влияния на эффективность борьбы, то обычно он заставляет отказываться от сиюминутных преимуществ ради более важного будущего».¹

Не время и не место полемизировать с автором по поводу того, что «правила игры» не сводятся лишь к запретам, но, напротив, имеют большую роль как стимулы успеха. И это относится именно к этическим правилам, а не только к нормам организационного плана, к чисто праксиологическим рекомендациям. «Правила игры» не обязательно тождественны нормам нравственности: соблюдая нормы деловых отношений, человек еще не проявляет себя автоматически как субъект морального выбора. Более того, он может оказаться не только вне сферы моральной регуляции, но и следовать «правилам игры» в ущерб морали (лицемерный этикет, нормы жизни мафии и т. п.). Но честное исполнение бизнесменом своего обязательства не безразлично ни для морали,

¹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа.— М., 1988, с. 498.

ни для ее субъекта. Принятые человеком нормы профессионально-нравственного кодекса нередко и совпадают с «правилами игры», которые в таком случае весьма важны для программы «школы успеха».

Среди важных задач такой «школы» - морально-критическая: демистификация таких «правил», которые именно своей игровой логикой способствуют моральному распаду личности, ее растлению, превращению в вольную или невольную марионетку чуждых ценностных ориентаций. Умение распознавать «правила» зла, вырабатывать им противоядие («митридатизация»), удерживаться от соблазна поддаться их притягательным аргументам, обещающим и Удачу, и Победу («пиррову»!?), и прочие признаки успеха, - элементы этой морально-критической задачи «школы». Напомним здесь «Белые одежды» В. Дудинцева и приведем меткое наблюдение Н. Ивановой, в рассуждениях которой по поводу еще недавней практики в литературной жизни показаны последствия принятия человеком чужих «правил игры». «Вещь эта очень опасная и самообманная: принять правила игры. Ведь очень часто человек обманывает не власть, а прежде всего самого себя: ему кажется, что он верно выбрал тактику и, проникнув в лагерь псевдолитературы, он «взорвет» его изнутри. На самом деле, увы, все получается иначе: гигантская структура сначала обволакивает его почти незримой, такой легкой паутиной всяческих связей, казалось бы, не очень и важных, а потом получается, что она-то его, «тактика» великого, и подмяла под себя, и уже из этой липкой золотящейся паутины не вырваться, и кровь уже подменена, и коготок увяз, и... всей птичке пропасть».¹ Что ж, это универсальная закономерность. С тоталитарной, и даже посттоталитарной системой, которая дает лишь квазивыбор, скорее, его иллюзию, играть нельзя - все равно проиграешь. На удачу можно рассчитывать, рискуя лишь в игре с плюралистической системой.

Этико-праксиологический тип конфликтности моделей успеха, для регулирования которого столь важны «правила» игры, нельзя рассматривать как предмет искоренения, устранения из моральной практики: тем самым запросто можно искоренить и саму задачу морального выбора. Более того, сами «правила» тоже являются предметом морального выбора и, что особенно важно, предметом морального творчества. Но для этики успеха, видящей проблему игры с самой Удачей, важно не только думать о правилах игры, но и о том, как с ними бороться, как преодолевать их и таким преодолением реализовать потенциал ситуации морального выбора. Выбор ориентации на успех не завершает нравственный труд человека, но лишь начинает его именно как труд, поиск, самосовершенствование.

В то же время абсолютизация роли этико-праксиологического типа конфликтности в ущерб аксиологическому примитивизирует заботы этики успеха до задачи инструментального оправдания поступка, уводит от исканий в мире нравственных идеалов. Успех, стремление к достижению становятся в этике гражданского общества нравственным ориентиром лишь в том случае, если в системе ценностей имеется определенное соотношение аксиологических и этико-праксиологических критериев выбора, если выстроено соподчинение категорического и условных императивов, аргументов ценностно-рациональных и целерациональных.

Такое соподчинение имеет важную роль в профилактике «заложенной» в ориентации на успех возможности абсолютизировать роль результата и тем

¹ Иванова Н. Химера.— Огонек, 1990, №35, с. 16—17.

недооценить, а то и нигилистически нарушить целесредственную связь, зависимость нравственного достоинства цели от нравственной допустимости средств в духе известного беспринципного принципа - «цель оправдывает любые средства».

Мораль гражданского общества как наиболее исторически развитое состояние морали способна смягчить антагонизм двух императивов, совместить и сочетать две автономии - нравственности и утилитарности. Одно из требований такого сочетания: обусловленность развития первой из них уровнем свободы личности в сфере второй автономии. «Человеку должна быть предоставлена возможность для действия на свой страх и риск, для проб и опытных выводов, для ошибок и перерешений, падений и возрождений. Общество как бы «дает фору» индивиду, не применяя к нему государственного принуждения до того момента, пока он не нарушает закона. Каждый гражданин волен послать подальше сколь угодно высокого самозванного наставника, сующего нос в такие его дела, которые не наносят ущерба другим согражданам. Вряд ли надо объяснять, что свобода от чужого утилитарного покровительства стимулирует инициативу людей и способствует развитию основных измерений личности, а именно - независимости, своеобразности и стойкости. Проявляясь в сфере деловой активности, эти качества заявляют о себе затем в области гражданской, или, как говорят юристы, публичной жизни».¹ Это требование фиксирует фундаментальные права человека и потому в равной мере является и правовым требованием и моральным.

Конфликтность этики успеха не беда и не радость — это атрибут нравственной жизни. Другой вопрос, ведет ли решение таких конфликтов к повышению уровня свободы в обществе или разрушает ее. Бремя свободы в этом случае может трактоваться как бремя от «вакуума свободы», характерного для переходного периода, - «мы свободны сегодня, увы, так, как, пожалуй, ни один народ в мире»² - вакуума, сформированного разрушением привычной системы ценностей и мучительным поиском новой. Но может трактоваться и как бремя выбора в насыщенной ситуации, выбора в ситуации тотальной нравственной конфликтности. И в этом смысле бремя свободы может содержать в себе и возможность счастья от разрешения ситуации выбора.

Тема соотношения успеха и счастья - завершающая в тезисной версии этики успеха. Ее можно развернуть в нескольких аспектах. Во-первых, во внешне парадоксальном варианте «счастье неудачника». «Любищев называл себя неудачником и при этом чувствовал себя счастливым. Отчего возникает ощущение счастья? У него, наверное, от полноты осуществления себя, своих способностей». Видимо, герой книги Д. Гранина «Эта странная жизнь» был ориентирован в своем понимании жизненного успеха не на внешние его признаки, а на ценности самоосуществления, значимые прежде всего для него самого, находя удовлетворение в состоянии своего внутреннего мира. Стандарты успеха, присущие для окружающего его общества, были не столько не доступны для него, сколько не достойны особой заботы. Правда, и общество этого типа мало ценило такой способ самореализации.

Во-вторых, тема успеха и счастья может быть представлена как зависимость счастья от выбора одного из двух вариантов отношения к успеху: счастье

¹ Соловьев Э. Ю. Личность и право. - Вопросы философии, 1989, №8, с. 82.

² Виноградов И. Бремя свободы - В кн.: Через тернии. - М., 1990, с. 521.

от реализации стремления к достижению и счастье от реализации стремления избежать неудачи. Различая оба типа стремлений, соответствующая психологическая теория (по Дж. Аткинсону) характеризует каждый из них: а) с точки зрения определенной силы - интенсивность стремления к успеху, степень опасения неудачи; б) с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в) с точки зрения ценности или привлекательности успеха и неудачи, мера которой зависит от вероятности - чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех и, наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность. На основе этой теории предпринимается прогноз поведения индивида с определенной силой того или иного стремления в выборе задач с тем или иным уровнем риска. В этом же ключе рассуждает и П. Жане, французский психолог, подчеркивая, что «реакция триумфа, относящаяся к удачному действию, к реальному или иллюзорному успеху, играет огромную роль в переживании радости... К страху действия приводит обратная ей реакция, которая характеризует неудачные действия. Это реакция прекращения действия. Она же создает переживание печали».² Этическая интерпретация психологического подхода, различающего два указанных ранее типа стремления, позволяет соотнести счастье и успех таким образом, чтобы снять комплекс моральной неполноценности у людей, которые сделали успех предметом своей профессии, подчеркивая значимость для этики успеха побудительных моральных норм и подчиненную роль норм запретительных.

В-третьих, речь должна идти об идее гармонизации успеха и счастья - счастья как успеха человека, способного выдержать свои достижения. Этика успеха - это и этос стремления к цели, и нравственная способность выдержать, «нести» постигший человека успех и не просто как бремя славы, а как бремя свершения, «жизни в результате». Противоречивая природа соотношения счастья и успеха, когда в определенную связку взаимодействия вступает внешняя и внутренняя сторона счастья, когда счастье может быть односторонне отождествлено с внешним успехом или же, напротив, интерпретируется столь же односторонне, как нечто совершенно независимое от успеха и даже противопоставленное ему. Это существенное отличие было схвачено еще греками, которые различали счастье как эвтихию и как эвтюмию.

¹ Козелецкий Ю. Психологическая теория принятия решений, - М., 1979, с. 350-353.

² Жане П. Страх действия как существенный элемент меланхолии. - В кн.: Психология эмоций. Тексты. - М., 1989, с. 199.

СОДЕРЖАНИЕ

Анкета	4
<i>Аннинский Л. А.</i> (Редакция ж. «Дружба народов»). Спор о корысти и бескорыстии	12
<i>Апресян Р. Г.</i> (Институт философии АН СССР). Этика социального сотрудничества	15
<i>Асмолов А. Г.</i> (Госкомнаробраз СССР). ...Все мы пленники культуры полезности	20
<i>Ачильдиев И. М.</i> (Редакция газ. «Мегаполис-экспресс»).	
Нравственный приоритет свободы	24
<i>Батыгин Г. С.</i> (Институт социологии АН СССР). Этика дела и/или этика долга	33
<i>Бекешкина И. Э., Головаха Е. И.</i> (Институт социологии АН УССР, г. Киев). Нецивилизованный рынок и нравственное сознание	38
<i>Березин Л. С.</i> (Центр прикладной этики, г.Тюмень). Как приличнее сказать о веревке в доме повешенного	43
<i>Бестужев-Лада И. В.</i> (Институт социологии АН СССР). Между Сциллой и Харибдой	48
<i>Библер В. С.</i> (Институт общей и педагогической психологии АПН СССР). Рынок, к счастью, не сфера моральности	53
<i>Ганжин В. Т.</i> (Академия народного хозяйства СССР). ... Но только не отчаяние	57
<i>Гозман Л. Я.</i> (МГУ). Нравственные критерии относятся к человеку, а не к социуму	61
<i>Гонтмахер Е. Ш.</i> (Центральный экономический НИИ).	
Дело в реальных условиях жизни	64
<i>Гордон Л. А.</i> (Институт международного рабочего движения АН СССР). Это конфликт великих ценностей с обеих сторон	66
<i>Гусейнов А. А.</i> (Институт философии АН СССР). Не все сошлось на рынке!	70
<i>Дубко Е. Л.</i> (МГУ). «Соблазнитесь обо мне...»	72
<i>Зотов А. Ф.</i> (МГУ). Сегодня «восстановление морали» - скорее стратегическая, чем тактическая задача	76
<i>Киселев В. П.</i> (Институт международных экономических и политических исследований АН СССР). От этики казармы - к этике рынка	80
<i>Клямкин И. М.</i> (Институт международных экономических и политических исследований АН СССР). Начинаем даже не с нуля, а с отрицательной величины	84
<i>Кордон С. И.</i> (Региональный межотраслевой центр подготовки кадров, г. Пермь). Категориальный анализ нравственной аргументации позволяет...	89
<i>Кордонский С. Г.</i> (Редакция ж. «Век XX и мир»), «...И отрицания смешны и утверждения...»	97
<i>Кочубей Б. И.</i> (Институт психологии АН СССР, г. Москва). Признаем самоценность человека, и все остальное приложится	100
<i>Лапин Н. И.</i> (Институт философии АН СССР).	
Реальна дихотомия «планофилы - рынофилы»	104
<i>Малахов В. А.</i> (Институт философии АН УССР, г. Киев).	
«Этика долга» и «этика любви»	108

<i>Мамут Л. С.</i> (Институт государства и права АН СССР).	
Рынок - мотор цивилизации	113
<i>Нерсисянц В. С.</i> (Институт государства и права АН СССР).	
От социализма нет другого пути, кроме как к цивилизму	121
<i>Роговин В. З.</i> (Институт социологии АН СССР). ...Необходимость	
проверки на истинность	127
<i>Рюриков Ю. Б.</i> (Москва). «Парадокс Будды»	131
<i>Сабиров В. Ш.</i> (Пермский институт культуры). Свобода	
и несвобода рынка	136
<i>Сагатовский В. Н.</i> (Крымский государственный университет,	
г. Симферополь). Гражданское общество или человеческая общность? .	139
<i>Степанов Л. В.</i> (Русско-американский университет).	
Протестантская этика-90?	145
<i>Титаренко А. И.</i> (МГУ). Этика «новых добродетелей»	148
<i>Федоров Ю. М.</i> (Центр прикладной этики, г.Тюмень). Ящерица сама	
знает, как регенерировать отпавший хвост	153
<i>Фетисов В. П.</i> (Воронежский государственный пединститут).	
Нравственное оправдание рынка, частной собственности	
и свободного предпринимательства	160
<i>Франц А. Б.</i> (Уральский государственный университет,	
г. Свердловск). ...Первые апеллируют к морали, вторые -	
к нравственности	164
<i>Цанн Ф. В.</i> (Владимирский государственный пединститут).	
Этика гражданского общества: реальность и понятие	168
Приложение	
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Институт социологии АН СССР). Рынкофилия	
и рынокофобия: вербализованное противостояние поколений	172
<i>Бакштановский В. И.</i> (Центр прикладной этики, г. Тюмень),	
<i>Согомонов Ю. В.</i> (Владимирский политехнический институт).	
Этика общества «свободной близости и свободного антагонизма людей».	
(Размышления авторов Проекта)	176

CONTENTS

Questionnaire	4
Annensky L. A. (Moscow). Dispute about self-interest and unselfishness.....	12
Apresyan P. G. (Moscow). Ethics of social cooperation.....	15
Asmolov A. G. (Moscow). We are all the prisoners of the profitmaking culture.....	20
Achildiev I. M. (Moscow). Moral priority of the freedom.....	24
Batygin G. S. (Moscow). Ethics of profit and/either ethics of duty.....	33
Bekeshkina I. E., Golovaha E. I. (Kiev). Uncivilised market and moral consciousness.....	38
Beresin L. S. (Tyumen). How politely to speak about the wire in the house of the hanged man.....	43
Bestuzhev-Lada I. V. (Moscow). Between Scylla and Chary bdis.....	48
Bibler V. S. (Moscow). Market, fortunately, is out of the moral realm.....	53
Ganzhin V. T. (Moscow). ...But only despair.....	57
Gosman L. Y. (Moscow). Moral criteria to the man, but not socium.....	61
Gontmacher E. Sh. (Moscow). Profit in the real conditions of life.....	64
Gordon L. A. (Moscow). This is the conflict of great values from both sides.....	66
Guseinov A. A. (Moscow). Not everything tallies with the market.....	70
Dubko E. L. (Moscow). Be seduced with me.....	72
Zotov A. Ph. (Moscow). «Revival of the morals» today is the task more strategic, than tactical.....	76
Kiselev V. P. (Moscow). From the ethics of barracks to the ethics of the market.....	80
Klyamkin I. M. (Moscow). Beginning eben not wilh zero, but wilh a negative vabu.....	84
Kordon S. I. (Perm'). Cathegorial analysis of the moral argumentations permits...	89
Kordonsky S. G. (Moscow). The negations, and even the statements are ridiculous.....	97
Kochubey B. I. (Moscow). Person's self-estimation and all the rest irll be arried.....	100
Lapin N. U. (Moscow). Is dychotomy between planphyilia and marketphyilia real.....	104
Malachov V. A. (Kiev). «Ethics of the duty» and «Ethics of love».....	108
Mamuth L. S. (Moscow). Market is the jet of the civilization.....	113
Nersesyanz V. S. (Moscow). There is no way out of socialism exopt to the civiism.....	121
Rogovin V. Z. (Moscow). The truth justification is nessesary.....	127
Ryurikov Yu. B. (Moscow). Paradoxies of Buddha.....	131
Sabirov V. Sh. (Perm'). Fpeedom and unfreedom of the merket.....	136
Sagatovsky V. N. (Sympheropolis). Civil society or human Gemeinschaft?.....	139
Stepanov L. V. (Moscow). Protestant Ethics-90?.....	145
Titarenko A. I. (Moscow). The Ethics of the «new virtues».....	148
Phedorov Yu. M. (Tyumen). The lizard knows itself how to regenerate the cut tail.....	153
Phetisov V. P. (Voronezh). Moral justifications of the market, private property and enterprise.....	160
Franz A. B. (Sverdlovsk). The first appeal to morals, second - to ethics.....	164

Cann F. V. (Vladimir). Ethics of civil community reality & notions..... 168

Appendix

Sogomonov A. Ju. (Moscow). Marketphylia and marketphobia: verbalised confrontation of generations..... 172

Bakhtanovsky V. I., Sogomonov Ju. V. (Tyumen, Vladimir). Societal ethics of «free closeness and free antagonism of people» (Some considerations of the authors of the project)..... 176

Сибирь - бриллиант в короне России.

Опытный ювелир - АО «Тюмень-Этнос-Инвест» - поможет засиять ему новыми гранями!

Акционерное общество «Тюмень-Этнос-Инвест» - Ваш надежный партнер по предпринимательству:

— обеспечит выгодное размещение Ваших денег в специализированных инвестиционных проектах, в том числе по разработке малопродуктивных нефтяных месторождений;

— выступит в качестве посредника при заключении сделок;

— рассмотрит любые предложения и поможет клиентам в акционировании предприятий, получении выгодных кредитов и реализации ценных бумаг;

— приглашает к сотрудничеству по созданию системы гибких интенсивных технологий обучения участников рынка ценных бумаг.

Делайте ставку на профессионалов «Тюмень-Этнос-Инвест», и мы обеспечим Вам успех!

Наш адрес: 625000, Тюмень, Ленина, 65, а/я 940 (Главпочтамт), тел. 26-33-28, факс 22-34-96.

Редактор Т. Н. Соколова
Мл. редактор О. П. Строганова

Заказное издание

Подписано в печать 11.07.91

Формат

Бум. тип

Печать офсетная

Усл. печ. л.

Уч.-изд. л.

Заказ

Тираж 350 экз.

Цена 6 руб.